ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ЛАРРИ НИВЕН

КОРАБЛЬ-ЗВЕЗДА

ДРАМАТИЧЕСКИЙ СИКВЕЛ БЕСТСЕЛЛЕРА НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС
«ЧАША НЕБЕС»

Корабль-звезда

Ларри Нивен, Грегори Бенфорд

Аннотация
Грегори Бенфорд, Ларри Нивен. Корабль-звезда
Действующие лица
Часть первая. Принципиальная ошибка
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть вторая. Солнечная бойня
9
10
11
Часть третья. Status opera
12
13
14
Часть четвертая. Пошлите супермена
15

16
Часть пятая. Зеркальные цветы
17
18
Часть шестая. Глубина
19
20
21
Часть седьмая. Хрустящие насекомые
22
23
Часть восьмая. Ответная угроза
24
25
26
Часть девятая. В бегах
27
28
29
Часть десятая. Каменный разум
30
31
32
Часть одиннадцатая. Обоюдоострый меч без рукояти
33

34
35
Часть двенадцатая. Слово Камбронна
36
37
38
Часть тринадцатая. Диафаны
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
Часть четырнадцатая. Мерцающий свет памяти
50
51
52
Послесловие авторов. Большие умные объекты
Благодарности
Термины птиценарода
Приложение. Расчет эффективности прямого

ионоточного двигателя для случая протон-борной термоядерной реакции
Об авторах

Аннотация

Правильный ли выбор сделала исследовательская экспедиция Земли, прервав свое путешествие к цели ради Чаши небес – невообразимо огромного артефакта, неожиданно обнаруженного в межзвёздном пространстве? Искушение изучить Чашу тем более велико, что она могла бы стать пристанищем для многих миллионов землян… Если бы уже не служила домом для неких весьма мало похожих на людей существ.

Сложнейшая экосистема, удивительные ландшафты и невероятные формы, которые принимает разум – все это оказывается перед группой исследователей, которых преследует хозяева Чаши. Но хозяева ли они? Кто ее создал? И с какой целью? Землянам предстоит это выяснить, и вместе с тем узнать нечто такое, что перевернет их понимание Вселенной и позволит по-новому взглянуть на место человечества в мироздании. А на орбите Чаши капитан «Искательницы звезд» и его команда борются со своими проблемами. И пусть их корабль не военный, но каждый звездолет,

странствующий в глубоком космосе, может стать грозным оружием, способным нанести немалый ущерб колоссальному артефакту перед ним.

Грегори Бенфорд, Ларри Нивен
Корабль-звезда

Посвящается Джону Варли, Артуру Кларку, Бобу Шоу, Полу Макоули, Аластеру Рейнольдсу, Йэну Бэнксу, Роберту Риду и другим активистам Общества Больших Объектов.
Вперед, навстречу грандиозным целям!

Gregory Benford, Larry Niven
Shipstar
Печатается с разрешения авторов и литературных агентств Spectrum Literary Agency и Nova Littera SIA.
Copyright © 2014 by Gregory Benford and Larry Niven
© Конрад Сташевски, перевод, 2025
© Диана Бигаева, ил. на обл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Действующие лица

Редвинг, капитан.

Клиффорд Каммаш (Клифф), биолог.

Майра Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Глория, планета — Цель Полета.

«Искательница солнц», таранный звездолет.

Элизабет Марбл (Бет), биолог.

«Бернал»[1], корабельный грузовой челнок.

Фредерик Ояма (Фред), геолог, из команды Бет.

Айбе, инженер общей техподдержки, из команды Клиффа.

Говард Блэр, инженер системной техподдержки, из команды Клиффа.

Терренс Гоулд (Терри), из команды Клиффа.

Ирма Микельсон, полевой ботаник, из команды Клиффа.

Тананарив Бэйли, из команды Бет.

Лау Пинь, инженер, из команды Бет.

Джамбудвипа[2], (Джам), индиец, квартирмей-

---

[1] Примечания: 1

В оригинале — Эрос, что является явной ошибкой и исправлено по смыслу.

[2] Примечания: 2

Название земной суши и иногда Земли как мира людей в целом в индуистской космологии.

стер.

Айян Али, арабка, навигатор.

Клэр Конвей, второй пилот.

Карл Ливан, старший офицер-технолог службы техподдержки.

АСТРОНОМЫ

Мемор, Уполномоченная Астроном-Дальновзорка.

Бемор, Изыскатель и Тайный Посланник к Ледоразумам.

Асенат, Старшая Мудрица.

Икахаджа, Экосистем-Савант.

Оманах, Экосистем-Стаехозяйка.

Рамануджи, Биолог-Савант.

Канаматха, Биолог-Стаехозяйка.

Тхаджи, Судья-Савант.

Унаджьюханах, старшая Стаехозяйка, библиотекарь Убежища.

ПРОЧИЕ ФИЛЫ

Пальцезмейки — *Фистер*, мужская особь; *Фоштха*, женская особь; *Штирк*, женская особь.

Ледоразумы — холодная и крайне древняя форма жизни.

Адапты — разнообразные существа, ранее переселенные в Чашу и интегрированные в местную экосистему.

Диафаны.

Часть первая
Принципиальная ошибка

Лучше ошибаться, чем понимать приблизительно. В методе проб и ошибок принципиальна именно ошибка.

Фримен Дайсон

1

Мемор уловила след убегающих приматов через камеру с узким полем обзора, установленную на одном из маленьких подвижных зондов. Обезьяноподобные фигуры петляли и метались в растительной подстилке уровнем ниже Зеркальной Зоны, пробираясь… куда? Вероятно, к входу на местную станцию маглева. Отлично. В таком случае можно считать, что они уже пойманы. Мемор оскалила зубы в предвкушении торжества, забросила в пасть испуганного зверька и с наслаждением прожевала.

Было нечто забавное в том, как метались Позднейшие Захватчики. Вид у них был всполошенный и смертельно испуганный. Логично ожидать большего от существ, прибывших сюда на звездолете, межзвездном тараннике замысловатого дизайна. Впрочем, разве их поведение при побеге принципиально отличалось? Увы, вторая группа приматов каким-то образом избежала расставленных Мемор ловушек и сумела выйти на контакт с местными служебными существами, силами. Это доказывает, что сообразительности они всяко не лишены.

Но довольно об этих надоедах! Нужно сконцентрироваться и, действуя быстро и уверенно, прижать их к когтю.

— Вектор перехвата, — велела Мемор пилоту. Корабль с устрашающим ревом содрогнулся. Мемор откинулась на своем месте и быстрым шелестением перьев изобразила заметное облегчение.

Она запросила графический анализ ситуации — есть ли какие-то перемены? Кажется, нет. Ионоточник Позднейших Захватчиков продолжал маневрировать в окрестностях Чаши, держась вне досягаемости орудий оборонительной системы обода. Электромагнитное излучение звездолета подтверждало, что он на связи с двумя меньшими группами Позднейших Захватчиков, блуждающими по Чаше Небес. Но корабль не пытался помочь им напрямую. Хорошо; они проявляют разумную осторожность. Интересно будет разобрать их судно по винтикам и в свободное время проанализировать, какими именно способами обеспечивали приматы столь высокую маневренность.

Мемор сочла, что ей весьма повезло обнаружить с разведывательного зонда группу, убегавшую через межузельные участки под зеркальной

секцией. Она наблюдала, как перемещаются размытые оранжевые формы — вероятно, обезьяноподобные, но и еще какие-то: едва заметные щупальца… Вероятно, это обитатели приповерхностного уровня, быстрые и жилистые. Змеи?

Корабль завибрировал, и тут же Мемор почувствовала сигнал вызова: раздражающим писком в ее мозгу напомнила о себе Асенат. Пришлось ответить, поскольку Старшая Мудрица была начальницей Мемор. Увы, дружеских отношений им установить так и не удалось. Что-то в Асенат отталкивало Мемор.

Изображение Асенат в полный рост возникло на видеостене; ослепительные многоцветные перья улеглись в яростную радугу, окаймленную тревожным пурпуром.

— Мемор! Ты поймала Позднейших Захватчиков?

— Почти. — Мемор хранила подчиненное выражение перьев, позволяя себе, однако, оранжевые просверки сдерживаемого торжества. — Я совсем близко. Я их вижу. Приматка по имени Бет ведет группу, включая то создание, с которым я научилась общаться. Я настигаю их. Они каким-то образом отыскали союзников, но я отлично вооружена.

Перья Асенат медленно сложились в сигнале сардонической усмешки.

— Это ведь и есть *та* группа, которой *ты* позволила сбежать, не так ли?

— Ну да, они сбежали, пока я…

— Понятно. У меня нет времени вдаваться в детали, но это несомненный провал, Уполномоченная Астроном-Дальновзорка. Они улизнули от тебя.

Мемор подавила раздражение. У Асенат имелась привычка использовать полные титулования в тех случаях, когда ей хотелось унизить собеседников и подчерк– нуть свое превосходство, — дополняя это, как сейчас, шелестом перьев.

— Лишь ненадолго, Старшая Мудрица. Как наверняка припоминает Ваша Почтеннейшая Справедливость, мне пришлось в тот момент отвлечься на вторую группу сбежавших приматов.

— Отложи все свои дела и добудь приматку, с которой научилась общаться! Она нам нужна. Не стреляй по ним. Если умрут они, умрешь и ты.

Мемор старалась контролировать визуальные проявления своей реакции. Никаких сигналов перьями, никаких движений головы.

— Старшая Мудрица, позвольте уточнить… Что

же изменилось?

Ответа не было. В перьях Асенат промелькнул рефлекторный страх, а потом изображение померкло. Она что-то утаивает… но что именно? Мемор нужно было это узнать, но не сейчас. Она покосилась на экран сканера, игнорируя присутствие пилота. Группа Бет исчезла в лабиринте механизмов. Прерывистые тепловые следы вели к… ангарам. Да! Приматы снова пытаются сбежать.

Когда эти Позднейшие Захватчики скрылись от нее, их было шестеро. Теперь же тепловых отметок насчитывалось лишь пять, плюс силуэты представителей другого вида, верткие и размытые. Погиб ли один из чужаков? Отстал ли от своих?[3] Эти существа придерживались общественного поведения с размытой иерархией, и Мемор сомневалась, что они так просто взяли и бросили сородича.

— Вест Блад, — обратилась она к пилоту, — курс на причалы. Мы перехватим их. И *быстро.*

---

[3] Примечания: 3

Представляется, что Асенат уже знает ответ на этот вопрос из событий, описанных в «Чаше Небес», но в переводе это место оставлено так, как в оригинале.

2

Тананарив Бэйли обернулась; лицо ее было в грязевых разводах, капли пота стекали с переносицы. Позади пока никого. Она замыкала группу и едва выдерживала темп остальных. Травмы постепенно заживали, она больше не хромала, но грызущая усталость не отступила. Тананарив замедляла продвижение. У нее сбилось дыхание, в горле першило, а воды почти не осталось.

Изматывающее путешествие через лабиринт, который Тананарив мысленно окрестила Закулисьем, выжало последние соки. Лабиринт располагался по другую сторону зеркальной оболочки Чаши; надо полагать, туда отродясь никому доступа не было, кроме техников. Коридоры — редкость и роскошь. Освещение тусклое. Извилистые проходы, где человеку и проползти-то сложно. Этот слой, подстилавший Чашу, заполнял большую часть объема огромной конструкции, диаметр его достигал астрономической единицы, но толщина не превышала нескольких метров. Сплошь механизмы, подпорки и кабели. Управление зеркалами на поверхности требовало многослойных хитросплетений проводов и

механических передач. К тому же извилистый маршрут имел трехмерную природу.

Тананарив вспотела, у нее ныли руки. Она не выдерживала торопливого бега товарищей, в гравитации, составлявшей восемнадцать процентов стандартной, у Тананарив все время что-то болезненно щелкало в бедренных суставах и ребрах. Она не бежала, а скорей скользила по туннелям, время от времени натыкаясь на стену и отскакивая, иногда падая и приземляясь на ягодицы и руки. Перемещение в этой зоне требовало изящной верткости, а Тананарив не обладала таким качеством.

Бет, Лау Пинь, Майра и Фред ее обогнали. Тананарив остановилась, зацепившись за контрфорс. Она мечтала о передышке, но надежды на это не было. На миг ей показалось, что все тревоги мира ускользают; она расслабилась, насколько могла. Такие моменты выпадали нечасто, но она им радовалась. Со вздохом Тананарив отпустила ситуацию.

В такие мгновения она вспоминала Землю… тихий, насыщенный влагой воздух вечнозеленых лесов, по которым она ходила в походы вместе с родителями, с бесстрашным смехом убегая в чащу величественных деревьев. Ее сердце

осталось там, в роскошной, непроглядной, печально-ароматной чаще, под кронами секвой и сосен, подобными кафедральным сводам. Даже этого воспоминания хватило, чтобы унести по волнам времени. Родители наверняка уже много веков как мертвы, несмотря на технологии продления жизни. Но воспоминания остались, и Тананарив удалось расслабиться — на долгий, сладостный миг.

И тут же спокойствие отхлынуло. Пора было снова пускаться в бегство.

В тусклом свете она едва различала пальцезмеек, скользивших впереди группы. Люди неслись вслед размашистыми скачками. Змейки отличались удивительным проворством. Вероятно, они эволюционно приспособлены к ремонтным работам в подземельях Чаши. Бет выпытывала у змеек обрывки сведений об истории их вида, но перевод оставался неуверенным. Они так долго обитали в Чаше, что память об исходном мире превратилась в невнятный миф о происхождении вида из странного места, где восходило круглое, ослепительно-белое солнце, разгоняя чернильную ночь.

— Бет? — позвала Тананарив через комм локальной связи. — Я… мне отдых нужен.

— Нам всем нужен, — пришел резкий ответ. Бет оглянулась — слишком далеко, чтобы различить выражение лица. — Следующий перерыв через пять минут.

— О, хорошо бы. — Тананарив с усилием смежила губы и порывисто вздохнула.

Они направлялись к автоматизированному грузовому боту — так сказали змейки. Переборки и опоры в этой части Закулисья отклонялись в сторону движения группы: это значило, что цель уже близка. Впереди, напрягая зрение, можно было различить контуры ряда идентичных плоскобрюхих цилиндров. Тананарив увидела большой закругленный люк устричного оттенка и — *неужели? Да!* — звезды за иллюминатором. Усталость сменилась воодушевлением. Но тут же напомнила о себе травма бедра, Тананарив снова стала подволакивать ногу.

Без помощи пальцезмеек план побега неминуемо провалился бы.

Тананарив с трудом догнала остальных, облизывая губы с мечтами о воде. Три змейки, у всех камуфляжные узоры из коричневых, серых и черных пятен, почти одинаковые, но Тананарив научилась различать чужаков. Весом они немного превосходили людей и выглядели совсем как

змеи, с хвостами, расщепленными на четыре конечности. Каждая конечность заканчивалась когтем. Мускулистые, гладкокожие, сильные. Вместо рюкзаков на гребнистых боках змеек были прикреплены длинные трубки из какой-то ткани.

Группа Бет впервые наткнулась на пальцезмеек, только-только сбежав из заточения в Теплицах. Тананарив вспугнула гнездо, и змейки скрылись в глубине джунглей, унося на себе некие грузы. Змейки показались людям странными существами, до некоторой степени разумными. Снимки заинтриговали Тананарив.

Теперь стало ясно, что змейки все это время следили за людьми и продвигались в их темпе. Когда Фред отвел группу в чужацкий компьютерный центр, змейки еще не выдали своего присутствия. Там Фред догадался, как заставить компьютер обучить людей языку Птиц. Фред был разносторонне одаренным человеком, и в том числе — полиглотом. Не прошло и дня, как он уловил суть квазилинейной логики и синтаксические структуры; потом нашел словарь, и темпы обучения еще ускорились. Через несколько дней Фред уже в совершенстве овладел птицеречью. Остальные выбрали гипнопедию и воспользовались

находками Фреда. Когда очнулись, оказалось, что Фред заскучал и уже начинал практиковаться самостоятельно, потому, наверное, оно и к лучшему, что именно Фред первым пообщался со змейками.

Они просто появились перед людьми, не утруждая себя дипломатическими формальностями или знаками. Типичное поведение для этих существ — они предпочитали действия символьному обмену или разговорам. Когда пальцезмейки проникли внутрь центра, непонятным способом нейтрализовав замок Лау Пиня, Фред ограничился приветствием, после чего замолчал. Он вообще был не слишком разговорчив, а если оживлялся, то по делу.

После этого приветствия змейки что-то прошипели в ответ. Тананарив на пробу проговорила громко:

— Мир вам! Мы потерялись!

Пять змеек сложились петлей, что, как выяснилось впоследствии, означало *готовность к плодотворному сотрудничеству*. Тананарив сделала жест рукой, каким-то образом перенятый во сне; ей ответили другим символом и словами. Змейки считали вежливым начинать с жестов и символов, а потом уже переходить к более

неуклюжему языку. К счастью, высшей формой змееречи была модифицированная структура языка Птиц, где краткость и сжатость почитались достоинствами, поэтому узелковые фразы, которые змейки изображали телами, довольно просто ретранслировались в стаккато-ритмы устной речи.

Насколько Тананарив удалось установить по перекрестным ассоциативным цепочкам, сквозившим в змее– речи, пальцезмейки были мятежниками или кем-то вроде этого. И, кстати, любознательным народцем. Они быстро поняли, что люди — новички в их мире, и последовали за группой — скоординированно и бесшумно, как диктовала традиция. Их преимуществами были знания об устройстве Чаши и умение использовать различные орудия труда. Змейки обитали повсеместно, занятые техническим обслуживанием. В особенности — поддержанием функций метрового слоя между жилой зоной и корпусом. Тонкий слой этот разграничивал обитель бессчетных миллиардов живых существ и убийственный вакуум.

Змейки спрашивали о том, чего не смогли понять из наблюдений за группой. Они правильно догадались о базовом устройстве организма

приматов, поскольку конечности самих змеек крепились к органическому подобию рамы с консольной балкой, несколько сходному с плечевым поясом у людей. Это — и миллион прочих деталей — выяснилось при отрывочных переговорах. Мыслили змейки необычно. Их культура, биология, напевная речь и питание сплетались в тугой клубок, лишенный очевидного контекста. Но если пальцезмейки сталкивались с чем-то неподдельно важным, то действовали сразу, не тратя, в отличие от людей, времени на болтовню.

Когда стало ясно, что люди в конце концов погибнут, застряв в зоне пониженной гравитации, змейки без лишних слов отвели их сюда: в гараж маглев-ботов. Тут была ремонтная база.

Пальцезмейка — Тананарив показалось, это Фистер, мужская особь, — щелчком по утопленной панели бота опустила керамический обтекатель. Фистер принялся за работу, изогнувшись так, чтобы наблюдать за действиями своих заостренных пальцев. Жилистое тело существа извивалось, точно провод. Фоштха, чуть в стороне, стояла на страже.

Тананарив еще толком не умела различать их по полам, но поведенческие критерии помогали. Мужская особь не выпускала из руки инстру-

ментов, а женские в незнакомой обстановке осторожничали. Фистер был мужской особью; Фоштха и Штирк — женскими.

Фоштха опустила голову и извернулась, оглядываясь в поисках вероятной угрозы. Штирк нигде не было видно; наверное, тоже где-то дежурит. Тананарив не чувствовала никакой опасности, но едва слышный высокочастотный писк ее напрягал.

Фоштха скользнула к ней.

— Фистер с компьютерами говорит, — сказала она. — Он управляет компьютерами, как живыми. Быстро переделает под нас параметры управления, знаком с компьютерами он, адепт. Тебе плохо?

— У меня было ранение, — ответила Тананарив. — Я поправляюсь. Мне уже хорошо. — Они говорили на птицеречи; трели и раскатистые звуки звучали подобно песне.

— Знаем мы это.

С тонким металлическим визгом откинулась боковая панель грузового бота. Внутри все было зеленым-зелено. Салон бота оплели растения — некоторые были установлены на подвесных лотках, другие свисали лианами с изогнутого потолка и стен. Лампы сияли ярко, словно солнца.

Фистер продолжал работу. Внезапно подвесные лотки стали выдвигаться из стен и опорожняться. Половина растений упала на палубу, потом все прекратилось.

— Оставляем немного растений, — сказала Фоштха, ускользая, — воздух нужен, пока ехать будем.

Лау Пинь быстрыми при низкой силе тяжести скачками подлетел помочь Тананарив.

— Ты в порядке? Может, тебя понести?

— Я в порядке. А что это за писк?

Писк усиливался, в нем появились низкие рыкающие нотки.

— На борт, быстро, — сказал Лау Пинь, озираясь на змеек.

Он попытался увлечь Тананарив за собой, перехватив за пояс, но отступил, увидев, что ей больно.

Тананарив подошла к отливающей медью стене и прислонилась, ощутив тепло. Пальцезмейки с ошеломляющим проворством сновали по платформам и что-то чирикали друг другу. Она разглядывала их, потом шум увлек ее… далеко.

Она снова оказалась в родной чаще — хотя понимала, что никогда больше ее не увидит. Позволила себе откинуть голову и почувство-

вала хруст в позвоночнике; что-то заклинило, потом встало на место. Окруженная металлом и керамикой, она мечтала о зелени. Странное сооружение вокруг, превосходящее размерами планеты, располагало собственной версией райского сада… только поэтому Тананарив тут и выжила. Исполинские загадочные леса, веселый щебет летающих существ, бескрайние травы и деревья, изогнутые зигзагами, животные такие странные, что само существование их отрицало привычную Тананарив биологию — в каком-то смысле естественное, в другом же… противоестественное. Кто-то спроектировал их обличье, если не вид в целом.

С этими просторами на поверхности Чаши она могла примириться. С механическими лабиринтами под поверхностью обитаемой зоны — нет. Ей осточертели моторизованные чудеса, приводящие в движение исполинский артефакт. *Отдых*, вот что ей сейчас нужно было. Она соскальзывала в благословенный сон, перекладывая на подсознание процессы обработки странных впечатлений.

Тананарив медленно отключалась, закинув голову. Отдых давался нелегко, но она приучила себя нырять в сон на считаные мгновения, совсем

ненадолго, прежде чем снова сорваться с места и пуститься в бегство, накачивая себя мыслями о цели и не позволяя отвлекаться на маленькие слабости… совсем ненадолго…

— Похоже, тот чувак заканчивает возиться с панелью управления, — заметил Лау Пинь.

Тананарив смутно ощущала, как движутся рядом змейки. Фистер шмыгнул в кладовую, за ним Фоштха и Штирк.

Тананарив медленно выплыла из благословенной отключки. Голоса кругом казались ей гулкими и неживыми. Конечности налились ядовитым свинцом; движения давались с огромным усилием. Она неуверенно переставила ноги и отошла от стены. Облака, затмившие разум, постепенно расходились… зеленое великолепие, тихое величие лесов, родители…

Она вздернула подбородок и сверкнула глазами, изоб– ражая полную боевую готовность, медленно развернулась, оглядываясь. *А где Бет?*

Облака не отпускали. *Дыши глубже, держись.*

Тананарив двинулась вслепую, хватаясь за переборки и контрфорсы. Людей поблизости не наблюдалось.

Змейки прошмыгнули в бот, устроившись на расчищенном от растений пространстве. Лау

Пинь последовал за ними. Потом оглянулся, помахал ей рукой, снова обернулся и ступил на борт…

Облака, опять облака. Она внимательно вслушивалась, переставляя ноги по очереди. Шаги казались ей очень маленькими, а движения — чрезвычайно трудными.

Скрежет, резкий свист, чириканье. Тананарив неуверенно двинулась к боту. Перед взором все плыло, глаза щипало от пота.

Большая изогнутая дверца затворилась у нее перед носом.

— Эй? — проговорила Тананарив. Остановилась, проморгалась. Облака разнесло внезапным приливом адреналина…

— Стойте!

Бот отчалил из доков и двинулся прочь, сперва медленно, затем все быстрее.

— Черт подери! — завизжала Тананарив. — Черт!..

Свистящий рев заглушил ее слова. Спину обожгло струей горячего воздуха.

— Стойте! — вскричала Бет Марбл. Она ощутила нарастающее ускорение. Пальцезмейки оплели телами опорные колонны, а людям пришлось вцепиться в стяжные ремни. Бет держалась руками и упиралась ногами, перегрузка давила на

нее всей тяжестью.

— Тананарив! — простонала она.

— Она больна, — в глазных впадинах Фоштхи что-то блеснуло. — Перегрузки бы не вынесла. Она бы нас задерживала.

— Что? Вы нарочно?.. — Бет осеклась. Сделанного не воротишь; препирательства можно оставить на потом. Змейки существа полезные, но стремные.

Аппарат быстро набирал скорость; Бет переползла в клиновидное кресло. Для людей не слишком подходит, но сгодится. Магнитная начинка издавала легкий шум, по всей длине бота катились скрипы и стоны. Это перераспределялась нагрузка.

— «Искательница» на связи, — сказал Лау Пинь.

— Редвингу курс перешли. Поговори с ним. — Бет не могла пошевелиться; она едва держалась за подлокотники. — Используй наилучшее приближение к нашим прежним координатам.

— Есть. Я его рассчитаю по текущим векторам. — Лау Пинь включил динамик, чтобы и другим было слышно. — Лау Пинь слушает.

— Это Джамбудвипа, квартирмейстер. Капитан Редвинг тут малость прохлаждается, так что на

мостике Айян Али рулит. Что у вас?

— Мы движемся намеченным курсом. В целом порядок. Мы почти никого не встретили, кроме пальцезмеек. С нами трое. И… мы потеряли Тананарив Бэйли.

— Вот черт, — отозвался офицер. — Ну ладно, а вы-то сами? Так, вижу вас… все в порядке. О. Ничего себе. Вы прямо на тыльной стороне Зеркальной Зоны.

— Джамбудвипа, этот бот движется за счет магнитов обратной стороны Чаши. Наверное, большая часть местных кораблей и поездов тоже. Топливо экономят. У нас выбора не было.

Микроволновые помехи сожрали часть ответного сигнала. Потом:

— …зовите меня Джам. И что, у вас нет скафандров?

— Нет. И шлюза тоже нет. Мы не знаем, как пристыковаться.

Пауза.

— Ладно. Айян может вывести «Искательницу» на свидание с вами часов через десять. А потом что?.. Так-так, стоп. Лау Пинь, есть шанс, что получится использовать палубу, где у нас «Эрос» стоял, пока мы его не потеряли. Если нет, то… гм.

Лау Пинь ответил:

— У пальцезмеек совсем другое восприятие времени. Наверное, мы для них слишком заторможенные. Я все проверю и поговорю с ними.

— Мы будем на связи. Вам нужна медпомощь? Четыре месяца в пониженной гравитации, в бегах… могу себе представить. Капитан Редвинг уж освободит свою койку, но в лазарете все равно только два свободных места. Выберите самых слабых.

— Тананарив была самой слабой.

Бот исчез. Зашипели и разжались магнитные страховочные зажимы. Тананарив осталась стоять в ошеломленном молчании.

На соседнем пути снова прозвучало протяжное свистящее шипение. Она развернулась, намереваясь позвать змейку, потребовать както остановить бот, — а змеек не было. Все трое уехали на боте. Резкое шипение стало громче. Тананарив отступила от источника звука, и тут на перрон ворвался аппарат чужаков. Он двигался не на магнитной подушке, а на реактивных движках и влетел по нисходящему туннелю.

Тананарив заозиралась, размышляя, где укрыться. В корпусе реактивного корабля имелась узкая прорезь, забранная прозрачным материалом, и показалось, что за ним промелькнула

морда пилота: высокого, худощавого существа с коричневой шкурой и в униформе. Пилот был немногим крупнее самой Тананарив, а вытянутый трубковидный корабль — огромен, и далеко позади кабины полыхало пламя реактивных двигателей. Корабль поравнялся с главной платформой и замер, исторгнув мягкие, белые, как хлопок, струи выхлопа. Тананарив не знала, что делать: спрятаться, бежать, поговорить с…

И тут за большими иллюминаторами хвостовой части корабля возникло колоссальное пернатое существо. Оно оглядывало ремонтную базу. Тананарив его узнала. Огромная голова вертелась, пытаясь обозреть все кругом быстрыми сверкающими глазами, тяжелая шея аж похрустывала от натуги. У Тананарив захватило дух. *Мемор*.

3

Редвинг окидывал взглядом головокружительные дали и хмурился.

Далеко внизу изящные контуры суши и моря зависли перед ликом теплого солнца, словно роскошные, еще дымящиеся из печи яства на прочном стальном подносе. Здесь все было грандиозней и загадочней, чем могло показаться.

Моря Чаши представляли собой светло-синие водоемы крупней Юпитера, ограниченные невысокими скалами коричневого оттенка. Величественные волны катились по морям годами, прежде чем разбиться о берег. Если увеличить разрешение, проявлялись раскиданные по мелководью песочно-бежевые и шоколадные мазки, а следом насыщенно-зеленые протоки, покрытые морскими водорослями. Приплюснутые цепи холмов простирались на расстояния большие, чем Азия на Земле. Дрейф континентов не нарушал их покоя; так, высеченные реками, бессильными пробиться глубже корпуса Чаши, они, подобно координатной сетке, размечали безмятежные пространства. В некоторых местах прихотью ветров и вод обнажались листы ржа-

веющего металла; там плодородный слой жилой секции износился. При еще большем увеличении Редвингу с Карлом стали заметны ремонтники, занятые устранением прорех.

Пустыни здесь тоже были грандиозны. Бежевые дюны расходились дальше, чем Луна от Земли, и лишь редкие зеленые точки оазисов нарушали это однообразие. Там, где рекам удавалось напитать леса влагой, иссушенные земли заканчивались. Огромные ярко-белые буревые вихри проносились по пустыням крупней планет и над лесами такими дремучими, что за всю жизнь нечего было и думать найти выход оттуда.

Как вообще проектировать такое? Плотная атмосфера под удерживающей мембраной, океаны размерами с планеты и озера в масштабах континентов, но настоящих гор нет. Возможно, это и есть ключ. Конечно, пожелай кто водрузить на Чаше Эверест, ее динамика непредсказуемо исказилась бы. Здесь невозможна была тектоника плит и, следовательно, не существовало вулканов, но как же циркулируют в биосфере углерод и вода? На Земле сложный цикл занимал сотни миллионов лет. Тектонические гряды Земли способствовали хаотическим движениям воздуха, которые у людей зовутся погодой. Обитатели Ча-

ши не страдали от аэродинамических теней или порывистых ветров в узких горных ущельях; это ведь горы стимулируют буреобразование на Земле. Итак, Чаша отличается более мягкой погодой, чем планеты. *Но зачем строить такую махину, если можно просто во Флориду переехать?*

Вопрос не был риторическим. Если понять, зачем создавалась эта конструкция, быть может, получится найти общий язык с ее творцами.

Автоматический секретарь звякнул, напоминая, что пора перекусить.

Про себя Редвинг называл это помещение кают-компанией — очень старый термин; на Флоте использовали более официальный, *офицерская столовая*. Как всегда в последнее время, капитан заказал блюдо номер 48, классический обед: индейка с густым сливочным со– усом и клюквой. Он пытался отгонять назойливые мысли о том, что компонентам блюда, наверное, многие сотни лет; ему самому, впрочем, тоже.

Он так и не разобрал, что же говорила за каждой трапезой Майра Викрамасингх; *нож Фоме*, примерно так это звучало. Когда они с мужем, Абдусом, отправились в ту катастрофическую экспедицию по Чаше, он навел справки. Лингвистический ИИ располагал функцией преобра-

зования нечетких данных и опознал источник фразы даже в его скверном произношении; это оказалась индийская застольная присказка, *нош фармайе*, то есть «*пожалуйста, насладитесь этой едой*». Редвинг счел ее удачным аналогом *bon appétit*.

– *Нош фармайе* вам всем, — склонил он голову. Команда ответила тем же. У Клэр сделался озадаченный вид.

— Кэп, у меня проблемы с когерентностью артилектов, — сказал Джамбудвипа.

Редвинг продолжал величать корабельные системы, терпеливо надзиравшие за бортовой жизнедеятельностью, небрежной аббревиатурой, так, как в детстве: ИИ. Но на Флоте предпочитали другой термин, *артилекты*, поскольку интегрированные искусственные разумы порождали истинно коллективный интеллект. Легко было поймать себя на мысли об этих системах как о людском коллективе постоянных спорщиков, занятом обсуждениями текущего состояния звездолета.

— И в чем проблемы?

— Они хотят вернуться в режим полного забора топлива.

— В пределах звездной системы? У нас же плот-

ности плазмы тут недостаточно.

— Знаю. — Джамбудвипа пожал плечами. — Наверное, это глюки начались. Усталостные эффекты.

— Ты не пробовал их отключать на время, по-одиночке?

— Они сопротивляются.

— А ты заставь. Скажи, что им психическая разгрузка нужна. Умасли их.

По кают-компании прокатились смешки.

— Дипломатия не относится к нашим лучшим умениям, — заметила Клэр Конвей. Она выделялась среди пилотов общительностью, за это Редвинг ее и разбудил. Он внимательно просмотрел досье членов экипажа, когда выбирал, кого размораживать.

Айян Али хмурилась.

— Когерентность артилектов — серьезная проблема. Они начинают спорить, выдвигать собственные идеи… это опасно.

— Они требуют невозможного, — произнес Карл Ливан. Сплел руки и откинулся на переборку. Он был старшим офицером техподдержки и отвечал за повседневный мониторинг артилектов, не считая дюжины других обязанностей. — Мы не можем переключиться в меж– звездный режим.

Клэр отхлебнула кофе.

— Им приходится подстраивать отбор топлива под наши текущие условия, с десятисекундными интервалами. Это напрягает их внимание и увеличивает рабочие циклы. Они устают.

— У нас системный сбой в плазменной ловушке, — сказал Карл. — Он напрягает артилекты, возникают всякие рывки, сдвиги, индуктивные пробои, оборудование изнашивается…

— Та же проблема с катушками на малых масштабах?

— Ага. Системы под постоянным стрессом. Им никогда не приходилось так маневрировать на малых скоростях. А мы не можем подъюстировать магнитные компоненты и помочь им.

— Если проблема в железе, — добавила Клэр, — ее можно устранить, но только в случае, если запустим робота в индукционную камеру. Мы, наверное, могли бы изготовить таких, но те, с которыми мы работаем сейчас, не годятся. У них даже в меню такой опции нет.

— А нельзя их пока заглушить? — Редвинг знал ответ, но посчитал, что лучше дать экипажу выговориться. Трое его товарищей заговорили наперебой, излагая свои версии одного неприятного факта. Корабль, спроектированный для

перемещения на межзвездных скоростях, с трудом управляем на планетной орбите и маневрировать не слишком приучен. Артилекты принимали на себя самую тяжелую часть этой задачи.

Редвинг кивал, слушая их, но и о своем думал.

Его ноги подавали настойчивые сигналы, что неплохо бы наконец разогнуть колени. Наверное, утренняя норма силовых упражнений снова перевыполнена. Тревожный знак; переутомление порождало в Редвинге склонность анализировать подсознательные опасения. Он попытался сконцентрироваться на подробных выкладках, которыми сыпала Клэр, на том, что происходило во внешнем мире, кивал и фиксировал взгляд на нужном члене экипажа, продолжая размышлять о команде в целом. Они хорошо сработались, как и предсказывал артилект-психолог Адепт перед разморозкой новых людей. Но каково им придется, когда вернется группа Бет? Да, там осталось всего четверо из шести, и тем не менее… на корабле станет несколько тесней, начнутся взаимные терки. Еще остается время решить, какое направление более перспективно: попытаться ли ускользнуть в межзвездные просторы, оставив всю эту ситуацию позади, или же… Снова

высадиться в Чаше, на сей раз в достаточном числе, чтобы пополнить запасы и… и что? *Слишком много неизвестных факторов.*

Он некоторое время позволял команде выговориться, отмечая, что форма слегка испачкана там и сям, волосы всклокочены, бороды небриты уже несколько дней. Надо бы их призвать к порядку; возможно, сейчас подходящая для этого минута.

По крайней мере, когда и если вернется группа Бет, эти смогут отдохнуть и привести себя в человеческий вид. Но придется потесниться. Поддерживать порядок и рабочий дух, однако, станет тяжелее. Начнется обратный отсчет до…

Он мягко проговорил:

— Офицер Джамбудвипа, если артилекты продолжат капризничать, насколько безопасно будет доверять им управление мостиком, например в моменты обеда?

Понимающие кивки, моргания. Джамбудвипа расстроенно прикусил губу, но тут же собрался.

— Вполне, сэр. Они в режиме коллективного согласования, но… да, можно.

Редвинг с облегчением переключился на остальных.

— Через несколько часов группа Бет будет на борту. Если, конечно, нам повезет и мы сумеем

решить проблему, которая сейчас перед нами стоит. И тем не менее я хочу, чтобы все выглядели прилично: глаза сверкают, подбородки выбриты, униформа выстирана.

Все закивали, но чуть пристыженно.

Он развернулся к Карлу.

— Основная проблема — как поднять их на борт?

— У меня есть фото транспортного средства, которым они пользуются. Это по сути поезд на магнитной подушке с функцией герметизации, для перемещений в вакууме, — сказал Карл. — Но у них нет скафандров. Эти чужаки, Народ, отобрали скафандры, когда захватили их в плен.

— Значит… — Редвинг выдержал паузу, позволяя всем обдумать услышанное. — Можно ли уравнять скорости и пробросить им какой-нибудь надувной шланг для перехода?

— Непростая задача. — В уголках губ Карла возникли складки. — У нас имеется кое-какое оборудование для внекорабельной деятельности, но оно рассчитано на ремонтников и одноместное.

— А как насчет «Бернала»? — вмешалась Клэр. — Это грузовик, я знаю, но, может, получится его переоснастить так, чтобы соорудить надувной шлюз.

— Я бы не стал полагаться на какие бы то ни было надувные шлюзы при таких рывках и скручиваниях, — ответил Карл. — Но, да, если вообще пытаться это сделать, то лучше «Бернала» нам ничего не найти.

Вскоре после прибытия в систему Чаши Редвинг выслал ремонтных роботов проинспектировать состояние внешнего корпуса «Искательницы солнц» и сейчас молча согласился с Карлом. В межзвездном режиме мощные магнитные поля предохраняли корабль от столкновений с метелью нейтральных атомов и пыли. Маневрируя на низких скоростях в Чаше, «Искательница солнц» подвергалась куда более интенсивному износу. Внешний корпус пестрел рубцами и следами точечной коррозии, и Редвинг не мог не задумываться, а не пропустили ли ремонтные роботы угроз, способных оказаться смертельными при переправке группы обратно на корабль. И выстоит ли надувной переходник под уколами внутрисистемного мусора. Его донимала добрая тысяча таких вопросов.

Редвинг проговорил:

— Попробуем принайтовить переходник к нашему нижнему заднему люку. Придется использовать какой-нибудь стыковочный шпангоут.

Идея им понравилась. Редвинг снова отстранился от беседы, позволяя экипажу поработать в режиме мозгового штурма. Айян Али оставалась молчалива, но он заметил, как внезапно расширились ее глаза, и кивнул, жестом призывая высказаться.

— У меня… идея, — тихо произнесла она. — Но нужно действовать быстро.

4

Бет разглядывала внешнюю сторону Чаши: будто поставили на ускоренную перемотку ролик, в котором мир внизу летит через черную бездну космоса. Даже выступы размером с небоскребы представлялись размытыми серыми пятнами. Напротив, газовые облака и ближайшие звезды застыли в неподвижности, хотя скорость вращения Чаши достигала многих километров в секунду. Звезды были снисходительно-равнодушны даже к скоростям, огромным в межпланетном масштабе.

Узкий вытянутый в длину бот скользил по наружной поверхности Чаши, держась магнитных направляющих рельсов. Бет оглядывала колоссальные равнины из серой стали и кремовой керамики. Ландшафт внизу менялся так быстро, что трудно было судить, какие детали более важны. Вот стена, по которой деловито ползают занятые неведомой работой механические черви. Вот скользящий каскад дымящихся лент из жидкого металла, отливаемых в высоком вакууме в чернильно-черные слябы, цилиндры цвета слоновой кости и серые каплевидные слитки — эти

изделия быстро опускались в недра артефакта для использования на каких-то новых работах; странные объекты с загадочными функциями. Они пронеслись мимо за считаные секунды, как на растянутом широкоформатном голодисплее: полномасштабное производство в холоде вакуума, далеко от плазменных бичей светила Чаши. Вокруг кишели проворные роботы. Плясали и раздувались дымные струи, улетучиваясь голубоватыми полупрозрачными кружевами в космос.

А вот показались колоссальные спутанные структуры, размерами с горные хребты. Бет видела ячейки сеток и конструкции в форме кубков, но не понимала, что там происходит. Трудно было сохранять чувство перспективы, а бот, такое впечатление, продолжал ускоряться, вдавливая Бет под углом в кресло. В окнах со всех сторон мелькали ландшафты, озаренные сиянием звезд и редкими яркими вспышками среди странных построек. Над головой что-то время от времени клацало, шипело и посвистывало — работала магнитная транспортная система.

— Это все промышленная инфраструктура, — тихо проговорил Фред, сидевший рядом. — Служит поддержанию жизнедеятельности обитаемой зоны.

— Да-да, — сказала Бет, не сводя взгляда с мелькавших в большом панорамном окне картин. — Но городов пока не видать.

— Ну, доступная для жизни в Чаше площадь колоссальна, а теперь становится понятно, что механистический компонент их цивилизации вынесен наружу. Значит, на самом деле у них даже вдвое больше места, чем мы полагали.

Бет покосилась вверх, в условное небо, туда, где в неверном свете поблескивал отполированный металл корпуса.

— И все, кто здесь обитает, живут вверх ногами. Центробежная сила отталкивает их от корпуса, и Чаша все время у них над головами. А под ногами — звезды. — Бет негромко рассмеялась. — Опрокинутый мир, в самом деле.

— Разумно. — Фред тоже смотрел в окна, глаза его перескакивали с одной детали величественного ландшафта на другую, несущуюся навстречу. — Можно тут какие угодно производства организовывать, а отходы просто сбрасывать в вакуум.

Бет решила, что хватит глазами хлопать.

— Послушай, это ж грузовой бот. Надо быть готовыми, что в любой момент он может остановиться, выполняя программу доставки.

— Расслабься. Мы загодя торможение почуем.

— По крайней мере, стоило бы сходить поискать раздатчики еды. В пассажирском отсеке должны найтись припасы для тех, кто сопровождает грузы.

— Растения, — отстраненным тоном отозвался Фред, не сводя глаз с невероятного ландшафта. — Пальцезмейки ухитрились втиснуться, оставив нам немного растительной пищи. Чистая работа.

Бет улыбнулась. Реплика Фреда подвела итог многодневным переговорам. Попытки найти общий язык то и дело срывались из-за трудностей перевода. Даже обретя его в виде смеси птицеречи и английского, они не избавились от неоднозначностей, порождаемых различием способов восприятия окружающего мира у разных видов. Змейки выражали дополнительные оттенки смысла, подергиваясь и едва заметно поводя несуразно крупными мордами, и люди это не сразу поняли. Если тело змейки дергалось вправо, значение высказывания менялось в сравнении с тем, что было бы при левом подергивании. У змеек в свой черед возникли трудности с пониманием того, что они окрестили лицевыми жестами приматов.

Фред развернулся к Бет.

— Ты переживаешь за Тананарив.

— Я… да.

— Тебя удивляет, что я это заметил?

— Не совсем. Я…

— Послушай, я в курсе, что обо мне в личном деле записано. Я классический аспергер, не спорю. Но есть надежда, что со временем я выработаю, гм, кривокостыльную замену эмоциональному восприятию. Ну, так в личном деле говорится.

— Откуда ты знаешь, что о тебе там записано? — спросила Бет, чтобы как-то разорвать повисшее молчание.

Фред неподдельно удивился. Бет сообразила: он попросту не понимает, что такие действия не вполне моральны, ну, до тех пор, пока его на этом не поймают.

— Это легко. Я взломал досье.

— Ну… да. Я тоже читала эти досье, прежде чем мы покинули «Искательницу». Стандартная часть подготовки к экспедиции.

— Значит, я недооценил, как ты за нас переживала, особенно за Тананарив.

— Она не до конца оправилась от ран, и мне стоило бы заметить, что она не поспевает за нами.

Фред криво усмехнулся.

— Послушай, это место нам было совсем незнакомо, и времени оставалось в обрез. Она заплутала и отключилась. Пальцезмейки подняли шум и стали забрасывать нас вопросами. — Он вздохнул. — Ладно, оставь. У нас тут другая проблема скоро нарисуется: как перебраться на корабль.

Она тоже вздохнула.

— Да, конечно. — *Хорошенький из него аспергер, неспособный к восприятию невербальных общественных сигналов. Что бишь там на тренировках рассказывали? Когнитивная поведенческая терапия может улучшить показатели стрессоустойчивости. Однако Фред кажется спокойней нас всех…*

Фред настойчиво продолжал:

— Змейки говорят, бот будет пересекать область, к которой сможет подлететь «Искательница», чтобы нас подобрали. Но придется высаживаться на большой скорости: иначе не перехватят. И…

— На боте нет ничего похожего на вакуумные скафандры, — сказал Лау Пинь. — Змейки говорят, что не успеют соорудить им замену. Не так быстро.

Они с Майрой подошли к Бет и Фреду, неся миску с чем-то вроде овсянки. Майра зачерпнула

немного ложкой, попробовала.

— Безвкусно, но вреда, если верить биорегистратору, никакого. Это из раздатчика в соседнем вагоне.

Они приступили к еде. Бет проголодалась, так что отсутствие вкуса у мутной вязкой смеси сахаров и углеводов ее не смущало. Поглощая кашу, она продолжала размышлять. Ели в молчании, если не считать высокого щебета пары змеек, присоединившихся к людям. Бет игнорировала их, а Майра взялась о чем-то болтать.

Разумные чужаки, цель многовековых поисков, а у меня на них времени нет…

Ее рука с ложкой каши замерла на полпути. Бет уставилась в пространство, потом медленно повернулась к Майре.

— Спроси, можно ли отцепить бот с линии, — сказала она.

Главная проблема оставалась до времени сокрыта, пока они беспечно прыгали в пониженной гравитации, не слишком приглядываясь к небу. Здесь же, в поезде маглева, небо пестрело звездами, и потребовалась пара часов, чтобы заметить следствия перемещения. Размышляя, Бет следила за тем, как отодвигается от края окна яркая звезда. Чаша совершала оборот за тридцать два

часа, и кажущееся движение ночного неба было медленней земного. Бет вспомнилось, как поражена она была в начальной школе, узнав, что, неподвижно сидя за партой, в действительности несется по кругу со скоростью больше тысячи километров в час. Земное вращение уносило ее на тридцать километров за каждую секунду. Теперь Бет сидела в скоростном поезде, который несся по наружной поверхности Чаши и одновременно вращался вместе с нею, со скоростью несколько *сотен* километров *в секунду*. Это значило, что, покидая Чашу, они неизбежно вылетят в космос на огромной скорости.

Майра заметила:

— Они напуганы. Зачем ты?..

— Они могут это сделать?

— Да, на следующей станции. Там имеется пусковая установка, которую они используют для полетов в сторону от Чаши, но…

— Как будем гасить скорость? — спросил Фред.

Бет ответила:

— Очень осторожно. Если они этой установкой пользовались, то понимают, что нас нужно запустить в сторону, противоположную вращению, чтобы скорость на вылете с Чаши понизилась до приемлемой.

— «Искательница» выдает, думаю, несколько десятков километров в секунду, — сказал Фред. — Чтобы сбросить полтысячи километров в секунду… — Голос его упал до хрипа: наверное, горло разом пересохло от такой перспективы. — Нет, так дело не пойдет.

Бет смотрела, как мимо проносятся детали ландшафта. Замедляется ли бот?

— Они называют эту штуку Перемычкой, — сказала Майра.

— Пусковую установку? — спросила Бет. — Фред, а ты это о чем?

— Очевидный способ покинуть Чашу — пробраться вдоль ее оси, там, где центробежная гравитация почти отсутствует и скорость не так велика. Потом выпрыгнуть в вакуум.

— Мы туда и направлялись, но… — Бет замолчала. — Где эта Перемычка?

Майра пощебетала со змейками и ответила:

— На следующей станции, если с маневром не облажаемся. Они так говорят.

Вид у нее был неуверенный, словно события развивались стремительней ожидаемого. *Ну, так оно и есть*, подумала Бет, *и даже в нескольких аспектах*.

Пальцезмейки пощелкали когтями. Бет на-

блюдала, как они с молниеносным проворством манипулируют сложными инструментами, которые носят в боковых мешочках. Теперь когти издавали шум вроде треска кастаньет — или колец гремучей змеи, готовой к броску. У каждой змейки было четыре когтя, на концах четырех пальцев. Бет смотрела, как Майра, тревожно хмурясь, сторонится чужаков.

— Что?..

— Они оценивают риск как очень высокий, — сказала Майра, — риск прыжка в этом грузовозе.

— Он не рассчитан на космос?

— Нет, тут дело в нехватке жизнеобеспеч… хабитатного оборудования, я думаю. Этот шум… Брр.

— Ага, его трудновато переносить, — согласилась Бет. Змейки привстали на кожистых сильных конечностях, выпрямились и стали извиваться из стороны в сторону. Мускулистые тела напрягались и расслаблялись, как пружины, глаза поблескивали; чужаки то и дело переглядывались.

Фред заметил:

— Может, они решают, стоит ли затея риска.

— Какая? — спросила Майра. Лицо ее оставалось тревожным, скованным.

— Стоит ли отправиться с нами, — сказал Фред. — Ты ведь об этом, да, Бет?

— Я подумала, должен быть способ стартовать в открытый космос, не выходя на полюс, к Свищу, чтобы сбросить скорость. Уверена, такой способ существует.

Майра проговорила:

— Пальцезмейки намекают, что существует. Они спорят, нужно ли помогать нам… Ну, я так думаю. — Безэмоциональное пожатие плечами. — Я, по правде сказать, не уверена.

Бет наклонилась к иллюминатору, оглядела мелькавшие вспышками ландшафты над вечно звездным небом. Да, бот замедлялся. Определенно. А убывает ли сила тяжести? Так что, они к Свищу направляются?

— Они смогут управиться с Перемычкой?

— Говорят, да. Но… нам придется тяжело. Сильная перегрузка, и…

Змейки щебетали и трещали; Майра склонила голову, внимательно прислушиваясь.

— Кресла подстроятся, так что мы… выживем.

— Это настолько тяжело? — спросил Фред.

— Высокая перегрузка. У нас нет скафандров, чтобы компенсировать рывки. — Майра пожала плечами. — Ну, мы ж не могли столько месяцев

их на себе волочь, правда? — Медленная, печальная усмешка.

Бет поняла, что Майра вспоминает своего покойного супруга; Абдус погиб при побеге, раздавленный громадным паукообразным существом.

— А что еще?

— Говорят, времени в обрез. Как только на следующую станцию прибудем, им придется передать управление ботом местной маневровой системе. Говорят, персонал той станции… в основном пальцезмейки… их старые друзья. Потом нас должны будут переместить в накопитель, а оттуда запулить к стартовой щели, как они это называют. Когда подойдет наша очередь, нас подхватит электромагнитная пусковая установка… ее фиксаторы нечувствительны к форме конкретного грузовоза… и вышвырнет в космос, по вектору против вращения Чаши.

Майра давно не была так словоохотлива; Бет расценила это как добрый знак. Да, с оборудованием напряженка; инструментов мало, придется использовать только то, что под руку попалось. Кресла странной формы не приспособлены для людей. Пальцезмейки хотя бы вокруг своих кушеток обвиться могут. Что до туалета, то он

представлял собой узкую кабинку с дырками в полу, и маленькими, и неприятно большими.

Она вздохнула.

— Я знаю, знаю, будет неприятно. Но иного пути нет.

Молчание. Даже змейки перестали трещать.

Лау Пинь заметил:

— Если останемся здесь, нам кранты. Нас снова сцапают. Мы сбежали от Птиц однажды, но повторно тот же трюк не провернуть.

Майра и Фред кивнули.

Одобрено голосованием. Отлично.

Бет поймала на себе взгляды змеек. Чужаки определили в ней лидера группы странных приматов, ворвавшихся в их жизнь. Может, у всех разумных существ имеется определенная иерархия?

— Ладно, так и сделаем. Вы заметили, что мы тормозим?

Фред кивнул.

— Ага.

Лау Пинь сказал:

— Времени мало. Сложа руки сидеть нельзя. Пускай змейки скажут, что делать.

— Ага, — Бет покосилась на Майру. — Что-нибудь еще?

— Ну, э-э… — Майра помедлила. — Пальцезмейки… хотят с нами за компанию.

5

Редвинг сорвал банан, который вырос в странной тороидальной конфигурации, очистил от кожуры и съел; аромат навевал воспоминания о теплых тропических ночах и шелесте волн. Привилегия капитана.

Комм завибрировал. Клэр Конвей сказала:

— Пожалуйста, пройдите на мостик.

— Уже.

Но он медлил. Что-то скреблось в подсознании.

Редвинг однажды прочел, как одного из его любимых писателей, Эрнеста Хемингуэя, спросили о наилучшем способе тренировки романного мастерства. Тот ответил: *несчастливое детство.* Редвингу в детстве жилось неплохо, но экспедиция сейчас стала скорей похожа на роман, где вину за сюжетный поворот возлагают на одного персонажа: на него. Может, если детство было счастливым, а взрослая жизнь несчастливой, то это тоже считается за основу романа.

Мать старалась, чтоб он был счастлив. Отец постоянно отлучался то на одну войну, то на другую, а в промежутках интересовался скорее спортом да алкоголем. Но спортивные увлечения

не включали игру в карты с Редвингом или посещение футбольных матчей с участием сына. Мать подарила ему на день рождения телескоп, микроскоп и большой набор для химических опытов. Реактивы для него Редвинг докупал, продавая местным ребятам порох и пиротехнику. Можно сказать, наукой проникся до мозга костей, как только читать научился. Но и другие компоненты смеси учитывать стоило. Мать была гроссмейстером по бриджу и постоянно играла с маленьким Редвингом в покер на символические ставки, пока они ждали в машине начала занятий в музыкальной школе. Он применил усвоенные приемы, когда стал играть на деньги с соседскими мальчишками. Те не знали, как прикидывать расклад и вероятности. Платили ему также и за то, чтоб он устроил потешный взрыв или вскрыл в биологическом эксперименте какую-нибудь бедолажную зверушку. Он был беспринципен и вскоре обрел достаточный авторитет, чтобы двигаться дальше. В университетской карьере, в научной, потом в космосе, куда он всегда стремился. Но *так далеко?*..

Возможно, анализ дерева отказов, примененный к биографии Редвинга — а также вечное отсутствие отца, — и позволят причислить капи-

тана к кандидатурам, достаточно несчастливым, по меркам Хемингуэя. Но отыскать ошибку еще не значит решить проблему, гм?

Пока корабль месяцами напролет петлял по Чаше, у Редвинга отрастало брюшко. Бортовой анализатор показывал, что виной тому кортизол, стероидный гормон, выделяемый организмом в стрессовых ситуациях, когда тело не знает, бежать или готовиться к сражению. Редвингу мерещилось, что его раздувает вина за тех, кто сейчас там, внизу, вынужден спасаться от чужаков, а он им помочь бессилен.

Он остановился у входа на мостик, оправил форму и вошел, держась прямо.

— Капитан на мостике, — сказала Айян Али отрывисто.

В этом не было нужды, но ее реплика задала тон. Сердце так и прыгает при мысли, что «Искательнице» предстоит ввязаться в сражение или нечто очень близкое к нему.

— Мы жмемся к ободу Чаши, как только можем, — доложила Айян Али. — У нас проблемы с тягой.

Редвинг старался обходить мостик размеренным шагом, спокойно поглядывая на экраны.

— Похоже, у вас неплохо получается.

Форма старшего технолога на Карле Ливане аж скрипела от чистоты.

— Проблемы с магнитной ловушкой снова проявляются, капитан. И стали сильнее.

Редвинг покивал.

— Постарайтесь с ними справиться в ручном режиме. Пришпорьте артилекта воронки.

— Есть, капитан. Он в курсе проблемы, и я на него пока не жалуюсь.

— Отдохнул, наверное, — тихо произнес Редвинг. Старый фокус: говори потише, и прислушаются.

Он не хотел размораживать новых членов экипажа даже для того, чтобы разгрузить эту вахту, не говоря про масштабную экспедицию в Чашу. Разморозить и ввести их в курс дел — долгая и ненадежная затея. Собственно, и в первоначальном варианте, когда всех спящих предполагалось разморозить на Глории в неопределенном будущем, команде пришлось бы основательно потесниться, урезать рационы втрое и мыться всего раз в неделю. Как бы они себя повели под таким стрессом? Ему не хотелось проверять. Пока не хотелось, во всяком случае.

На «Искательнице» бодрствовали пятеро, включая капитана Редвинга. Когда появится группа

Бет — четыре человека, — неспящих станет девять. Если же повезет спасти группу Клиффа, то целых четырнадцать. Толкучка. Но рискнуть можно.

— Мы идем на сближение, капитан. — Айян Али внимательно смотрела на дисплеи. — Обод выглядит неизменным, но та большая пушка поворачивается, пытаясь нас достать.

— Мы в ее слепой зоне?

— Вон те стены видите?

Он видел внизу атмосферную пленку и место ее крепления к Чаше. В вакуум выступала кольцевидная структура обода, усеянная большими конструкциями. Айян отыскала щель между двумя из них, в нескольких километрах над краевой зоной, куда пушка нацелиться не могла бы. Туда они сейчас и направились. Под кораблем скользили сложные переплетения построек и колоссальной машинерии.

Позади вздымался край Чаши, утыканный шишками и буграми размером с государства Земли. На обращенных туда экранах он видел тонкую пленку, под которой блестела в косых лучах солнца голубовато-белая атмосфера Чаши. Они впервые так сблизились с атмосферным покровом. Оставалось надеяться, что по ним не

станут стрелять снизу; впрочем, до Великой Равнины около тысячи километров, и любой залп оттуда прорвет пленку. Карл наверняка рассчитал верно, тут геометрия элементарная. Но…

— Мы достаточно низко?

— Да, сэр. Они не смогут опустить ствол той штуки так, чтоб та дала залп по Чаше.

— Социологически оправданно, да. Если здесь бывают войны, никому, по крайней мере, не удастся продырявить систему жизнеобеспечения.

Мы идем ниже линии их прицела — и в безопасности. Или так утверждает теория. С тех пор, как на «Искательнице» заметили огромную вертушку, было опровергнуто слишком много теорий. Но если неточной окажется и эта, то их вынесет под удар… как там говорил Карл? Гамма-лучевого лазера.

— Карл, что там в спектре излучения?

— У них какой-то мощный генератор микроволн. Накачка и разряд через конденсаторы, думаю.

— И что, разряд в нашу сторону путем плазменной имплозии дает гамму?

— По моей оценке — да, капитан.

— И что посоветуете в данной ситуации?

— Я исходил из общих знаний по роботизированным боевым системам. Дерево решений — целеселекция, захват, оценка, удар. Артилекты поставляют данные в реальном времени. Больше ничего не знаю.

— А курса ксеностратегии и ксенотактики у вас не было?

На мостике фыркнули от смеха, как и планировал Редвинг. Пускай пар малость выпустят.

— Э… нет, сэр. Пару веков назад его еще в учебную программу не ставили.

Вежливая и меткая ответная подколка. Редвинг кивнул и улыбнулся, признавая это.

— Тогда полный вперед. — И добавил в знак почтения к древним флотским традициям: — На всех парах.

— Не хотелось бы напрягать нашу магнитную ловушку еще больше, сэр, — заметил Карл.

— Какие-то проблемы на малых масштабах?

— Да. Система сильно сжата. Не получается подъюстировать магнитные компоненты. Проблема механическая, не программная.

— Сделайте, что сможете. — Не время для обмена техническими деталями. Хотя, конечно, именно эти детали сохраняли им жизнь. — Отложите ремонтные процедуры, пока Бет не заберем.

Как там наша парусина?

— Еще на принтере, — ответил Джамбудвипа. — Думаю, сетка и складки получатся достаточно устойчивыми для захвата в момент стыковки.

— Отлично. Клэр?

— Взгляните на экран. Лазерные гнезда прямо над нами.

Как там в старину говорили? Идем под радарами. Но это означало что-то другое. Мы летим под крепостными пушками, которые не могут обстреливать обитаемую зону Чаши внизу.

— Гм. А получится так близко к атмосфере проскочить?

Вместо ответа Карл показал на переливавшуюся синим атмосферную пленку. При столь тесном сближении она казалась океанской гладью, но сквозь нее виднелись земли и моря, уходящие в бескрайнюю даль; сложные многослойные нагромождения их купались в солнечном сиянии вечного дня. Пленка отливала голубоватым, точно яичная скорлупа, и это дурачило разум, склонный воспринимать ее как поверхность океана, а земли внизу — как дно. По ней даже перекатывались медленными шеренгами длинные ленивые волны.

Редвинг отдавал должное изумительному ма-

стерству разработчиков структуры. Плотность атмосферы Чаши не убывала плавно, по экспоненте, как на планетах, а резко обрывалась. На высоте сотен километров воздух был уже довольно тонок, однако многослойная умная пленка сдерживала ветровые течения и вихри, образуемые в его толще, перераспределяя колоссальные энергии по огромным расстояниям. Молекулы не ускользали из Чаши с концами, как на бедном Марсе. Собственное магнитное поле объекта, подобное невидимой паутине, защищало атмосферу от космических лучей и гневных солнечных бурь, исторгаемых питавшей всю конструкцию центральной звездой под бичами рефлекторов. Поля Чаши, словно вермишелинки спагетти, опутывали атмосферу, навивались виток за витком, отражая пришлые частицы и не давая им растерзать молекулы безвинных газов, удерживаемых под пленкой.

Редвинг спросил:

— А какие еще системы оружия здесь могут нам встретиться?

— Помощнее наших, — вежливо ответила Клэр.

— Послушайте, — раздраженно дернул[4] уголком рта Джамбудвипа, — этой штуке невесть сколько лет. Древняя она! Неимоверно древняя. На Земле и ста лет хватало, чтобы оружие основательно усовершенствовать. Я об этом читал в истории веков до Выброса, когда мы еще обитали только на одной планете. Удивительное дело: в том же столетии, когда произведен первый атомный взрыв, люди еще рубились штыками и стреляли друг в друга из однозарядных ружей. И как прикажете оценивать *их*?

Запальчивая отповедь вынудила всех притихнуть и задуматься.

Карл осторожно заметил:

— Законам физики повинуются все — даже Птицы, кем бы они ни были. Или чем бы ни были.

— У техники свои законы эволюции, — сказала Клэр. — Что же там, в огромных куполах на ободе Чаши?

— У нас нет возможности это узнать, — произнес Редвинг. — Остается лететь пониже.

Я веду корабль в неизведанные воды… Честность этой мысли даровала освобождение.

Они заложили быструю дугу над стремительно

---

[4] Примечания: 4

В этом фрагменте Джамбудвипа почему-то становится женщиной; исправлено по смыслу — дернула на дернул и т. д.

вращавшимся ободом Чаши. Сенсоры не зарегистрировали изменений в состоянии куполов и их исполинских стволов.

Перелет через обод Чаши и снижение вдоль быстро вращавшегося корпуса принесли полезную информацию. «Искательница» влетела в Чашу сзади и со стороны, держась оси ее вращения и Свища. Теперь Редвинг увидел, что́ находится на обратной стороне: колоссально сложное переплетение опорных структур, сочлененных длинными ребрами исполинских лифтов и транспортных туннелей; кое-где на стыках торчали острые башенки. То и дело, однако, попадались секции с признаками недавнего ремонта — желтые и зеленые пятна более новых листов и орнаменты заплаток таинственного назначения.

Редвинг счел их позднейшими обновлениями и переделками. Так накапливается слоями грязь, а потом ее пытаются счистить на скорую руку. *Будто пожелтевший от времени лак на шедевре эпохи Возрождения*, подумал он. *Если сковырнуть наносное, откроется первозданная красота. Археология в межзвездном масштабе.*

6

Карл врубил электрошок и отправил умную ткань развертываться. Бархатно-синий материал надулся под киловольтовым ударом тока; ткань была такая тонкая, что сквозь нее маячили контуры проносящейся мимо оболочки Чаши и просвечивали сияющие из бездны звезды. Зрелище странным образом успокаивало: на бескрайнем и вечном звездном поле приближавшаяся точка словно бы теряла свою важность.

Статика закрепила ткань на «Бернале». Сенсоры, повинуясь встроенной электронике, должны будут откликнуться на его команды. *А теперь — самое интересное…*

Он дал электрокоманду, и шлюз приоткрылся. Микросенсоры на дальнем конце шлюзового рукава, если верить наручному дисплею, остались активны и в добром здравии. Движения тканевого пузыря были плавны и текучи: так соскальзывает с плеча пелерина. Вот только все это происходило в высоком вакууме, где нет ни силы тяжести, ни атмосферы, способных повлиять на динамику материала. Ткань представляла собой многослойный композит на основе на-

ноуглерода, изготовленный и сформованный корабельными синтезаторами. Раньше Карлу ни разу не доводилось работать с таким сложным изделием, а теперь его предстояло использовать в операции спасения группы Бет из здоровенного поезда, летящего навстречу. Точка двигалась со скоростью чуть выше расчетной. Намечались проблемы. Наверное, не смертельные.

Пока не смертельные.

Карла еще не разморозили, когда «Искательница солнц» пролетала в Свищ, поэтому исполинская архитектура была ему в новинку. Восхищенно оглядывая ее, он на миг потерялся в сложности деталей.

— Они приближаются по графику, — передал ему Джам. — Поезд на векторе.

— Принято.

Карл обеими руками взялся за контроллеры и потянул. На корабле все были правшами, чтобы не возникало лишних проблем с ручными операциями. Карл, впрочем, умел одинаково хорошо управляться и левой рукой. В университетские годы зарабатывал, выступая с жонглерскими фокусами.

— Они летят слишком быстро, — тревожно передал Джам.

— Я врубил поля, может, получится оттолкнуть.

Карл увеличил амплитуду поля до максимума. Грузовой челнок вроде «Бернала» был тонкостенным, и такая нагрузка граничила с предельной для его спецификаций; Карл услышал металлическое позвякивание.

Он смотрел не на экран. Он выглядывал из реального иллюминатора. После звездолета, где приходилось довольствоваться дисплеями, он испытывал некоторую дезориентацию. Было нечто особенное, более реалистичное, в том, чтобы улавливать своими глазами фотоны, отраженные Чашей. Карл подумал, что материал артефакта, должно быть, необычайно прочен. «Искательницу» снабдили опорным костяком из моноатомных нитей, чтобы таранной ловушке в сердцевине звездолета легче давались колоссальные нагрузки. Возможно, и Чаша из чего-то похожего. Он разглядывал перекрестные фермы и материал основания через длиннофокусные телескопы на мостике. Толщина опор не превышала нескольких десятков метров, хотя они были оплетены густой сетью вспомогательной машинерии и каких-то обтекателей. Это означало, что характеристики опорных конструкций Чаши

даже лучше, нежели у «Искательницы».

Какие же кудесники были здешние инженеры…

Джам нарушил молчание:

— Поезд тормозит. Возможно, маневрировать пытаются.

— Я вижу их, — тихо ответил Карл[5].

Он дал предельное увеличение. В боках грузового состава имелись окна, а за ними маячили человеческие головы. Он подивился мужеству команды Бет. Выбраться из плена, совершить переход по неизведанной чужацкой территории, похитить транспортное средство инопланетян, освободиться — и вот теперь они возвращаются на корабль с докладом.

— Принимай их, — сказал Джам. — Только аккуратно.

— Крен почти ноль, рыскание ноль пять, но вот тангаж… аж семь с половиной градусов.

Карл зачитывал данные просто затем, чтобы чем-то заняться, а штурвалом направлял «Бернал» в искомую позицию, уравнивая векторы.

— Есть пеленг, — сообщил Джам. — Подтверждение получено. Ха! Можно подумать, мы тут кого-то еще ждем.

---

[5] Примечания: 5

Здесь и далее до конца главы в оригинале он назван Куртом, что является явной ошибкой; исправлено по смыслу.

— Уравнял. Теперь самое сложное.

Шарик в центре проекции сошелся с перекрестьем наводки; скорость громоздкого отполированного грузового вагона, похожего на огромную обувную коробку, упала до нуля в системе отсчета, связанной с «Берналом». Обеими руками Карл взялся за контроллеры и стегнул ткань электростатическим хлыстом.

Умная ткань метнулась через разделявшее их расстояние, как синий бархатный шарф, пойманный ветром. Развернувшись, прицепилась к металлической стене вагона рядом с примитивным тамбуром, окружила его. И передала утвердительное сообщение от сенсоров: ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

— Есть! — Карл налег на регуляторы давления, и в импровизированный стыковочный тоннель между челноком и вагоном хлынул воздух. Конечно, скорости их уравновесились не полностью, но ткань старалась компенсировать эту разницу, продолжая растягиваться и выкручиваться, принимая на себя рывки и рыскания двух транспортных средств в магнитных фиксаторах. ДАВЛЕНИЕ СТАБИЛЬНО.

— Шлюз работает! — Джам оставался немногословен, но чувствовалось, что он очень рад. — Ай-

ян все правильно угадала. Запрограммировать двойной шлюз, и проблема давления решится. Потом выпрямить.

Дверца тамбура со стороны вагона открылась. Он увидел, как первый человек пролезает оттуда в туннель. Узнал Бет: он ее видел на фото.

— Я их принимаю. — Нужно было торопиться, пока магнитная хватка не сбойнула. Карл смотрел, как один за другим члены группы перебираются в туннель. Отталкиваясь от полупрозрачных стенок, они направлялись к «Берналу». Он считал по головам.

А это еще?..

— А кто это там с вами?

— Змейки, — сказал по прямой связи Джам.

— Разумные змеи, — подтвердила Бет. — Они нам помогали.

— Ой, блин, — пробормотал Карл.

7

Путешествие выдалось нелегким. Мемор сердилась. Ее зажимало в тесной душной кабине и дико трясло. Пилот, казалось, наслаждался, швыряя корабль в воздушные ямы и закладывая резкие повороты. Магнитные корабли, конечно, движутся более плавно, однако Мемор предпочла судно с ракетным двигателем, которому нет нужды держаться так близко к внешней стороне мира. Мемор снова встряхнуло резким рывком; интересно, не из недовольных ли этот пилот? Возможно, он так выражает затаенный гнев, и надо за ним приглядывать?

Впрочем, нет, невозможно. Вест Блад из Адаптов, но он при Мемор уже давно служит, еще с тех пор, когда она не была самкой. Вест слишком умен, чтобы не проявлять лояльности.

— Ага! — Вот *она*, ее добыча. Хромает. Это Тананарив. А жилистые объекты, замеченные зондами, заползают в один из грузовых вагонов магнитного поезда; это пальцезмейки. Измена! Наверняка они и помогли двуногим сбежать. Пальцезмейки — полезный вид, но их адаптация к цивилизации всегда протекала нелегко.

Дверь вагона закрылась. Состав рванул прочь из ангара, к звездам.

Мемор поразмыслила. Ускорение корабля было достаточным для погони. Можно ли повредить выстрелом магнитные фиксаторы, не убив тех, кто внутри маглев-бота? Но нет, Асенат запретила по ним стрелять — к тому же, как внезапно вспомнила Мемор, приматка Тананарив осталась стоять в доках. Именно Тананарив из всей группы была выбрана для языкового контакта: много периодов сна провела приматка в аппарате, изучая язык Народа. Асенат по каким-то причинам больше всего стремилась захватить именно ее, приматку со знанием речи Птиц. Но… существо едва на ногах стоит. Не в силах же она далеко убежать, прежде чем Мемор захватит остальных и вернется подобрать Тананарив? А тогда, как знать, в ней и особой нужды не будет… но стоп…

— Вест Блад, опустись рядом с двуногой. Не слишком близко. Нельзя, чтоб ее поджарило.

— Слушаюсь, госпожа.

Да, так о чем бишь?.. Мемор изменила первоначальное решение. На миг заглянув в Подсознание, она увидела почему. Приматка явно на грани жизни и смерти, а ведь именно ее Мемор исследовала, обучала, с ней свыклась. Остальных…

возможно, и получится захватить, если они не погибнут под нерасчетливым залпом чересчур мощных орудий корабля Мемор, но… но раз Тананарив здесь, то зачем за ними гнаться?

Тананарив утерла пот, заливавший глаза, и стала смотреть, как опускается в отдалении громоздкое судно, пыхая двигателями. Ее все еще трясло; она покачивалась, стоя в жарком влажном дыхании ракетных дюз, и ждала, что случится дальше. Она понимала, что бежать нет смысла. Огромные Птицы развивали колоссальную скорость.

Мемор открыла большую клиновидную прозрачную дверь в боку корабля и выкатилась наружу. Вид у Птицы оказался помятый: на корабле ей явно было тесно. Мемор вразвалку приблизилась к Тананарив, грозно ухнула и склонилась вплотную, посмотрев женщине в глаза.

— Куда они улетели? — спросила она на своем наречии.

Тананарив задумалась, как бы сподручнее солгать. Бет обсуждала с командой разные варианты, и в том числе отбросила…

— Они хотят найти Клиффа.

— Других? Беглецов-убийц?

— Да. Группу Клиффа.

— Куда?

— Не знаю, — ответила она. — Чужаки знали.

— Ползуны? Они Адапты, но мятежного нрава. Надо их прижать к когтю. Ну что, Тананарив, нагулялась?

— Мы умирали от потери веса, — сказала Тананарив. — Теряли костную и мышечную массу. У нас что, был выбор?

Мемор, казалось, сдерживала эмоции.

— Теперь у вас его нет. Идем. Или тебя понести?

Тананарив сделала шаг, другой, покачнулась и упала. Очнувшись, она почувствовала себя на твердой поверхности со множеством ребер под нею: лапы Мемор. Расслабив сжатые кулаки, помотала головой, попыталась собраться с мыслями. Они на корабле. Прямо перед лицом — стена с иконками: панель управления? Что-то вибрировало и взрыкивало. Язык? Стена изменилась; проявился далекий лес с деревьями, какие росли в областях низкой гравитации, в месте ее первоначального заточения. Существо из расы Мемор выступило в поле зрения и распростерло миллионы разно– цветных перьев.

Тананарив нечего было и надеяться проследить разговор, состоящий в основном из обмена

узорами встопорщенных перьев и безмолвными инфразвуковыми импульсами, пробиравшими ее до костей. Мемор держала Тананарив напоказ, выставив, словно приз, а другая Птица, кажется, негодовала…

Старшая Мудрица Асенат была в прескверном расположении духа.

— Одну! Только одну ты поймала, да и та при смерти!

— Я ее вылечу, — сказала Мемор. — Я отвезу ее… вниз, на Быстроземли, где центробежная гравитация поможет ее мышцам восстановиться, а костям укрепиться. Я знаю, чем они питаются, и прослежу за ее диетой. Эта самка лучше всех понимает наш язык. Она одарена, хотя во многих отношениях простушка. Она уже достигла первого уровня ТрансЯзыка. Не хотите ли ее допросить, Старшая Мудрица?

— И о чем мне с ней говорить? — Перья Асенат отображали гнев, но плюмаж выдавал, что она лжет. Подсознанием Мемор уловила, что Асенат в отчаянии.

Мемор это заинтересовало. Ранее Старшая Мудрица пыталась привлечь Мемор к суду и добиться ее казни. Что же с ней произошло? Мемор решила предоставить ей инициативу и воздержалась от

вопросов.

Асенат первой нарушила молчание.

— Пришло сообщение со звезды, куда мы держим путь. От Цели Полета.

Перья Мемор встопорщились все одновременно, придав ей сходство с грибом дождевиком. Человечица, окутанная ими, задергалась, пытаясь освободиться.

— Поразительно! — воскликнула Мемор. — И опасно, не так ли? Вы смогли интерпретировать?..

— Визуальные образы. Сложные. Но кажется, что сообщение адресовано этим чужакам. Позднейшим Захватчикам.

Перья Мемор сложились в хаотическом узоре бурного веселья.

— Это… бесконечно любопытно.

— Не спускай глаз с этой твоей говорящей приматки. Попытаемся расшифровать сообщение. Его еще не закончили принимать. Если я снова вызову тебя, будь готова ответить немедленно и держи приматку при себе.

Тананарив мало что поняла из этой беседы. Мемор дала ей ломоть дыни, и она взялась его грызть. Тананарив злилась, что снова попала в плен — щурилась в странном свете, кусала

губы, — но испытывала неохотную признательность Мемор за то, что Птица захватила с собой еду. К тому же огромное существо не переживало за секретность своих разговоров при пленнице.

А о чем они говорили? Тяжело разобрать. Обитаема ли Глория? И что, оттуда кто-то сообщение прислал? Конечно, оно предназначается не Земле; глупо было бы туда сигналить, если прямо на пути между Землей и Глорией гораздо более могучая Чаша. Надо капитана известить. Они там разберутся.

Полыхнули ракетные движки, Тананарив ощутила хватку ускорения — корабль Мемор полетел. Тананарив навалилась на ремни; пристежка была слишком туго затянута и не позволяла толком шевелиться. Когда отпустило, Тананарив кое-как расслабилась на полу и попыталась принять позу шавасаны, снять мышечную усталость. Оставалось надеяться, что Птица размером с динозавра не наступит на свою пленницу.

8

В лазарете «Искательницы солнц» было не протолкнуться. Бет, Фред и капитан Редвинг топтались на пороге, наблюдая, как Майру с Лау Пинем ведут на осмотр. Навстречу новоприбывшим вытянулись сенсоры и катетеры. Джам, исполнявший обязанности медика, следил за приборами. Он взял пару проб, потом спросил:

— Вам удобно?

Майра с Лау Пинем что-то пробормотали в ответ.

— Я введу вам успокоительное. И запись жизненных показателей сниму. Майра Викрамасингх, насколько я понимаю, вы потеряли мужа в экспедиции?

— Экспедиции? Да твою ж мать! Мы стали эксп… подопытными животными. Эти большие птицы нас…

Редвинг обратился к Бет:

— Идемте. Вам скоро тоже туда, а пока отдохните немного в нормальной гравитации, перекусите.

Бет замялась.

— Вы ее испытываете этими разговорами про

Абдуса? Его убила одна из тех паукообразных тварей.

— Нужно понять, насколько тяжело это травмировало ее психику. И вашу, кстати. Как вы?

Фред ответил:

— Есть хотим. — Он дернулся было по коридору в сторону кают-компании, но налетел на переборку и обессиленно соскользнул по ней. — Ослабели.

— Как там Клифф? — спросила Бет. — И где он?

На лице Редвинга мелькнула тревога, но капитан тут же одернул себя и вернул на место прежнюю маску спокойной деловитости.

— В последней передаче от группы Клиффа говорится, что они там прячутся вместе с какими-то разумными аборигенами. Птицы пытались убить их всех. Стреляли по ним с живого цеппелина — звучит странно, ну да здесь все такое… Местные помогали группе Клиффа скрыться. Айбе нам посылает снимки, когда удается. Мы получили фото какой-то хреновины вроде динозавра и эволюционировавших обезьян. Я вам их пересылал. Вы получили?

Фред ответил, не оборачиваясь:

— Получили, кэп. Чаша пролетала около Солнца как минимум дважды. Один раз выдернули

динозавров, потом обезьян, так думаю. А еще мы нашли карту. В том музее, на глобусе.

— Вы переслали нам эту карту, — сказал Редвинг и поторопил их по коридору. Навстречу потянулся приятный аромат теплой пищи. — Как вам удалось прийти к таким выводам?..

— Ну, это странное дело. Может, реальная история, может, пропаганда для масс.

— А разница разве есть?

Бет улыбнулась.

— Это в большом парке было. Там всякие сложные здания и произведения искусства.

Фред, спотыкаясь, брел в кают-компанию. У Бет тоже подкосились ноги, и она взялась за вездесущие поручни. Наверное, ее команда соскучилась по земным блюдам. В областях Чаши, где лежал путь беглецов, красное мясо было редкостью. Говяжья вырезка? О, душу продать готовы. Мясо чистое, свежее, будто только что из мясной лавки. Даже странно, что Фред ограничился салатом из бобов и бутербродом с сыром.

Редвинг заказал салат от шеф-повара, что б то ни означало.

— Мы записываем все, что поступает из Чаши в электромагнитном диапазоне, — сказал он, — но этого мало.

— А как вы поступите с нашими союзниками? — спросила Бет. — Я про…

— Змей? Если честно, у меня от них мурашки по коже, но они вроде как мирно настроены. Мы помогаем пальцезмейкам разгружать поезд, который вы угнали. Растения там скорей для них, чем для нас, так ведь? Мы их в саду поселим, наверное. Надо подумать, чем заменить солнечный свет, почву и воду Чаши. Хотите посмот– реть? — Редвинг завозился с сенсорной панелью.

Видеостена пошла волнами и действительно отобразила разгрузку маглев-бота; люди и пальцезмейки выносили из него лотки. Бет увидела, что на вахте новый экипаж. Айян Али — навигатор, Клэр Конвей — второй пилот, Карл Ливан — старший технолог. Население корабля увеличивалось. Люди проворно сновали взад-вперед, а три пальцезмейки пытались побороть языковую проблему. Бет выключила звук и продолжила смотреть, занявшись едой. Воцарилось молчание, только лязгали вилки и ложки, пока люди наслаждались трапезой, о которой так мечтали внизу, в Чаше. Потом Фред спросил:

— Вы про ту карту на большом глобусе?.. Она была незнакомая, но планета — синяя и белая, как Земля.

— Могла это быть Земля далекого прошлого?

— Да. Сто миллионов лет назад?

Редвинг возразил:

— Айян говорит, что нет. Такая конфигурация дрейфующих континентов соответствует скорее середине юрского периода. Твоя картинка была перевернута, Южный полюс находился наверху. Можете с Айян поспорить, если возражения есть.

Фред покачал головой.

— Я ее помню, но, э-э… я же посылал Айян то фото…

Редвинг обновил информацию на видеостене.

— От Струи много выбросов в ЭМ. Похоже, что они несут какие-то сообщения, но расшифровать не получается. В любом случае ваши фото пришли сильно зашумленными, и Айян немало потрудилась, восстанавливая карту. Она отфильтровала помехи и обработала, что смогла. Спроецировала на сферу, стянула в трехмерную проекцию снимки с разных ракурсов… в общем, вот так.

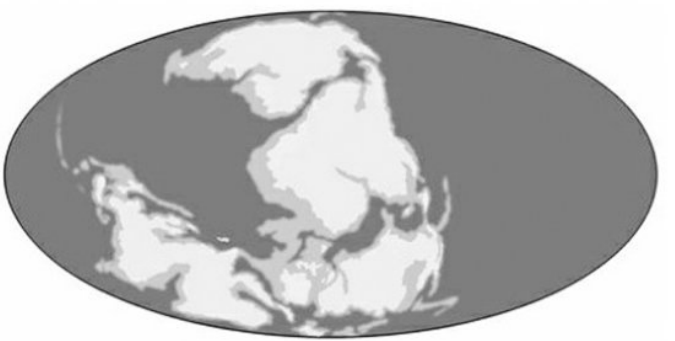
Фред вчитывался в метаданные.

— Ну да, понимаю… Конечно, эти преобразования размывали детализацию. Взгляните только на Южную Америку: это ж надо, как искажается восприятие, когда смотришь вниз головой и видишь только одну сторону. Да, теперь-то, когда

она перевернута и дополнена, я согласен. Как я мог так облажаться?

Бет вежливо заметила:

— На самом деле ты не облажался. Мы же там все бегом да бегом, помнишь? Ну и потом, не слишком и похожа эта проекция была на земную, континенты стиснуты вместе. Но ты прав, Чаша как-то связана с Землей. Расскажи кэпу, что ты об этом думаешь.



Фред неуверенно покосился на Редвинга.

— Я просто думал вслух.

— И ты был прав. — Бет развела руками. — Ты попал в яблочко. Извини, что я тогда не обратила внимания. Давай расскажи кэпу.

Фред уставился в пространство.

— Ну, я подумал… смотрите, юрский период. Сто семьдесят пять миллионов лет назад? Динозавры тогда и стали большими. *Чертовски* большими. Не могли ли они обрести и разум? Капитан, в общем, я думаю, разумные динозавры построили Чашу и эволюционировали в разновидности Птиценарода, которые мы сейчас здесь наблюдаем. У различных видов здесь также имеются признаки генетической редактуры — дополнительными ногами просто так не обзавестись. Они возвращались к Солнцу, потому что эта система — их родина.

Вспомнив про голод, Фред умолк и вгрызся в бутерброд.

На губах Редвинга играла легкая улыбка.

— Если несколько сот тысяч лет назад они выдернули с Земли обезьян, то, вполне возможно, уже тогда направлялись на Глорию. Да, определенно на Глорию, как и мы. Бет? — Бет жевала и не могла ответить, так что Редвинг продолжил: — А помните, как с нас семь потов сошло, пока

пытались разобраться, почему наши двигатели не выдают нужной тяги? С двигателями все в порядке было. Эту без малого сотню лет полета мы следовали в кильватере Чаши, и на всем тысячекилометровом размахе нашей ловушки Буссарда навстречу перли выхлопные газы Струи.

Бет кивала.

— Можно было бы изменить курс, облететь ее, но теперь уже поздно, правда? Мы в любом случае не успеваем.

— У нас всего в обрез. Топлива. Воды. Воздуха. Провианта. Чем больше народу придется разморозить, тем хуже. Но, блин, мы в любом случае не сможем их разморозить, если не дозаправимся в Чаше. И знаете что? Нам объявили войну.

— Это за тех Птиц, которых Клифф убил?

— Угу. И Птицы отвечают нам взаимностью.

Бет ожидала от Редвинга соблюдения протокольных формальностей, как то было у капитана в обычае. Но когда они прошли в тесную каюту Редвинга, тот первым делом спросил:

— И каково там, внизу?

На лице Бет замелькали переменчивые эмоции.

— Представьте себе *землю в небесах*. Непонятно, как далеко, потому что даже самые высокие

облака ярче, а звезд вообще не видно. Солнце их все забивает. Сначала голова кругом шла от всего этого: земля высоко в небесах, ночи нет, спать трудно… — Она глубоко вздохнула; проведя столько времени на территории чужаков, Бет отвыкла дышать корабельным воздухом. — Остальное… другие земли Чаши… коричневые за облачными полосами… представьте себе ураган, который можно ногтем большого пальца закрыть. Его плохо видно, потому что солнце всегда яркое. Струя отбрасывает свои тени. Она тоже все время в небе, медленно изгибается там. Облака так высоко… их атмосфера намного выше нашей уходит.

— Вы не видели молекулярной пленки, в которой они удерживают воздух?

— Не было возможности. Облака все громоздятся и громоздятся, насколько хватает глаз. Деревья тоже не такие, как у нас, зигзаговидные, с длинными стелющимися по земле отростками вроде антенн. Думаю, это эффект пониженной гравитации. В любом случае, землю в небе я видела, хотя и смутно различимую. Целые континенты там висели. И моря. Но в основном видна Зеркальная Зона. И она не отражает солнечный свет в глаза, удивительно…

— Ну да. Рефлекторы нацелены на звезду.

— …поэтому они серые, только яркие пятна там и сям. Свищ тоже там, высоко, его плохо видно, потому что сквозь него все время прорывается Струя. Сужается и становится ярче там, у Свища. Если внимательно присмотреться, видно, как в Струе движутся огромные переплетенные и скрученные нити. Она все время меняется.

— А земля, животные…

— Даже прикинуть не могу, сколько там видов. Странные летающие существа, полно птиц и прыгающих рептилий, в низкой гравитации все стремятся летать, это дает преимущество. На нас то и дело пикировали птицы, может, думали поживиться нашими волосами или еще что.

Редвинг печально улыбнулся. Бет поняла, как ему неприятно застрять здесь, в Чаше, где его ионоточник превращен в игрушку непостижимых сил и принужден выделывать коленца. Он не хотел носиться по волнам. Он мечтал поскорее высадиться у Цели Полета.

Бет отхлебнула кофе и подумала, что лучше не рассказывать, как бегство по Чаше вселяло в нее странную, тревожную, но электризующую бодрость. Редвинг задавал вопросы, но она не хотела объяснять, каково ей было в нескончаемом

марафоне.

Столкновение с непостижимым пришпорило синаптическую сеть, шок от безграничной Инаковости смягчился постепенным постижением смысла, привыканием к запахам, торопливыми заметками в ослепительном свете солнца, которое не выключалось по расписанию. Марафон затягивал, как наркотик.

Очнуться от криосна и ввязаться в *это* сразу после техницированной Земли с ее показухой, свистелками и перделками — ну, столько впечатлений сразу не переваришь.

Бет понимала, что Редвинг за нее беспокоится, опасается отпускать. Но она ничего не могла с собой поделать. Ее донимали назойливые мысли, блуждали в сознании эксцентричными незнакомцами… впрочем, это была не такая уж и проблема. Пережитое ощущалось как шрапнельные осколки, засевшие глубоко в ранах, полученных при столкновении с непостижимым.

Часть вторая
Солнечная бойня

После игры король и пешка отправляются в одну коробку.

Итальянская пословица

9

Клифф стоял на окраине разрушенного города и пытался привести свое зрение в порядок.

Мир выглядел как-то странно. Синие и зеленые гало мерцали вокруг каждого обгоревшего дерева, каждого раздавленного здания. Плотную и яркую, цвета слоновой кости, сердцевину Струи в небесах, как обычно, обвивали спиральные потоки плазмы, но… теперь оттуда лукаво подмигивало такое же гало, только оранжевое.

Ладно… потрясти головой, поморгать. Повторить. Цветастые гало постепенно померкли. Он заставил себя глубоко, медленно вздохнуть. В воздухе стоял кисловатый запах гари.

Когда Птицы атаковали вторично, Клифф снова получил ранение. Ирма перевязала рану на правом плече, а потом… потом он провалился в забытье. Странное ощущение — проспать дни и ночи, хотя эти термины здесь ничего не означали, ибо рыжевато-красная звезда оставалась на одном и том же месте в небесах. Но спал он и впрямь очень долго, судя по тому, как затекла спина и ныли кости.

Он пробудился, чувствуя жажду, скованность и нервическое возбуждение. Не вполне придя в себя, стал смотреть, как силы ухаживают за ранеными и гасят распространившиеся вокруг пожары. После завтрака из непривычных фруктов и озерной воды, пусть даже не самой чистой, Клиффу стало гораздо лучше. Гало немного помельтешили и пропали. Ирма поддерживала его, пока он стоял, наблюдая за работой силов. Чужаки понуро блуждали, словно придавленные тяжкой ношей. От природы были они гибки, изящны, но не сейчас.

Ирма сказала:

— Небесная рыба пролетела над этой территорией, пока мы с тобой перетаскивали те тяжелые пушки силов. И все выжгла.

Он кивнул, смутно припоминая, как в лихорадочной спешке много часов помогал таскать тяжелые грузы на колесных платформах. Длинные цилиндры пушек, работавших на элементарной взрывчатке, требовали осторожного обращения. Тяжкая, монотонная, физически изматывающая работа под гулкие раскаты грома, подобные ударам молота гневного небесного божества. Над головами прокатывались ударные волны, и Клифф быстро смекнул, что лучше не огляды-

ваться подолгу и не засматриваться вверх, чтобы не зацепило случайным раскаленным докрасна осколком или шрапнелью. Однажды он заметил, как вспыхивает зигзагообразно изогнутое дерево от попадания шипящего метеора. Он помогал заливать его водой, потом забрасывать грязью. В пылающем городе были запасы воды, но они вскоре иссякли.

Когда с пожарами удалось кое-как справиться, люди вернулись к работе с пушками. Орудия силов пытались выцелить и сбить небесных рыб. Коричневые и зеленые живые цеппелины метались по небу, огрызаясь лазерами и каким-то огнестрелом, наводя на город антенны.

Клифф старался занять мысли, строя гипотезы о том, как вообще функционирует небесная рыба. Сложно устроенные плавники ловили ветер, подобно парусам, и направляли газовый мешок в нужную сторону. Он предположил, что исполинское создание способно перераспределять массу внутренних органов так, чтобы создавался момент вращения, и за счет этого осуществляет навигацию. Морские корабли в похожих ситуациях брали бакштаг или бейдевинд, чтобы ветер надувал большие боковые паруса. У небесных рыб были большие глаза и крупные пузырчатые

бугры на теле, так что, возможно, они эволюционировали из существ, подобных воздушным шарам. Биотехнология приспособила их к патрулированию Чаши с неба.

Он наблюдал за сражением и вспоминал, каким было это место совсем недавно. Силы имели тогда полное право гордиться им. Когда пятеро землян проснулись, отдохнув как следует, их повели на экскурсию. Пришельцам продемонстрировали величественные многоэтажные каменные здания, сияющие на солнце статуи древних савантов, изящные изгибы бульваров, улиц и башен, керамические мосты, взмывающие над влажными зелеными садами и бурлившими жизнью домами. Люди только и успевали охать да ахать. Город действительно оказался прекрасен и необозримо древен.

Больше он таким не был.

В продолжение битвы над городом кружило не менее пяти крупных небесных рыб, прикрывавших друг друга от артиллерии силов. Стоило пушкам огрызнуться, как вниз летели потоки снарядов и лучей, выводя пушкарей из строя. Особенно ужасали болевые проекторы. Когда ударил болеизлучатель, Клиффа поразило шокированное выражение на мордах силов. Чужаки

развернулись и бросились наутек, хватая себя за шкуры, словно охваченные пламенем. На сенсорном уровне так оно и было.

Болеизлучатель представлял собой микроволновую пушку, возбуждавшую в нервной системе силов ощущения сродни агонии. Силы падали на землю, кричали, извивались. Некоторые, в панике убегая от болевых лучей куда глаза глядят, теряли рассудок, другим хватало хладнокровия более продуманно уворачиваться от проекторов. Эффект применения излучателей был интенсивным, проявлялся немедленно и гасил всякое сопротивление силов. Проекторы действовали беззвучно, что ужасало еще больше. Стандартное оружие устрашения Народа. Молчаливый террор делал свое дело.

Но на людей болеизлучатели не оказывали никакого влияния. Какое-то различие в строении нервов даровало нечувствительность. Поэтому Клифф, Айбе, Терри, Говард и Ирма таскали пушки и боеприпасы, решая попутно задачу собственного выживания. Небесные рыбы свирепствовали в небесах над городом силов, извергая ослепительное пламя. Некоторые прицельно били по зданиям и живым мишеням зелеными лучами. Колоссальные небесные бес-

тии систематически выжигали город ковровой бомбардировкой, и целые кварталы, жилые или промышленные, таяли в желтом огне.

Силы оказали сопротивление, как ни архаично было их оружие, и обстреливали небесных рыб разрывными снарядами снизу. Один раз Клифф услышал протяжное гулкое *у-у-уш-ш-ш-ш*, раскатившееся над городом подобно басовой ноте. Ирма и Клифф подняли глаза и увидели, как взрывается одна из небесных рыб. Большой желтый огненный шар, лизнув зеленую чешую, стал расползаться по бокам.

— Водород, — сказала Ирма радостно. — Вот *какой* газ они используют для плавучести.

— Гелия бы не хватило для подъемной силы, — заметил Говард. — Умно.

— Да ладно, а откуда бы они гелий взяли?

Еще одна небесная рыба теряла высоту, хаотично металась из стороны в сторону, из множественных пробоин в ее чешуе хлестала жидкость. Район под нею пылал. Огромное существо падало с неба, рассекая дымные слои. Крушение горящего цеппелина напоминало замедленный повтор раскола зеленого яйца.

Разрушение, рев, вопли, резкий кисловатый запах гари. Вскоре после этого где-то рядом раз-

дался взрыв, которого Клифф так и не увидел. Раскаленные осколки вонзились в левый бок и правую руку. Он упал. Потом все померкло, и серый экран боли заслонил языки пламени.

Клифф успел еще заметить, как небесные рыбы разворачиваются и начинают набирать высоту. Поднимались они быстро, ловя восходящие воздушные течения пожаров. Кто-то говорил, что огромные цеппелины, наверное, предприняли обманный маневр, что они дозаправятся на другой высоте, спустятся и атакуют снова… затем все отдалилось, и Клифф забылся тревожным сном.

Теперь же, приведя в относительную норму зрение, он диву давался: огромный мир кружился своим чередом, как будто ничего не случилось. Рядом трудились силы, не обращая внимания на людей. Движения их выдавали свинцовую усталость, но чужаки продолжали методично работать.

Так вот оно наверняка и будет после моей смерти, думал Клифф. *Во всем мире продолжат как ни в чем не бывало физически трудиться, будет и дальше меняться погода, станут гадать о будущем, радостно танцевать, загораться страстью, крутить носами, прикалываться, давить блох.*

Эти чужаки никогда прежде не подозревали о моем существовании, какая им печаль от моего отсутствия? Но ведь то же самое применимо и к тем, кого я знаю. Жизнь продолжается, мир движется в том же ритме. Вечно.

Команда Клиффа остановилась чуть поодаль окраины города. Люди провели время сна в пещерке, в холмах, чтобы вечный солнечный свет не так раздражал. Там и сям среди валунов на склонах встречалась пышная зелень, непривычные деревья, странные крупнолистовые фруктовые растения, уже созревшие для урожая. Команда как раз жевала некоторые плоды, не такие яркие, но богатые бледно-голубым соком.

— Кверт кажется совсем изможденным, — сказала Ирма.

Клифф развернулся и увидел, как к ним приближается изящный чужак. Его обычная легкая походка сменилась понурым усталым шарканьем. Кверт заговорил бесстрастным, шелестящим, как песок, голосом:

— Я-мы поговорить на это место явимся, — он дернул лапой в непонятном жесте, — и хотим помощь разделить.

Английский Кверта постепенно улучшался. Несколько других силов тоже стали обучаться

языку с помощью загруженных материалов и интегративного ИИ. Клиффа все еще удивляло, что Астрономы разрешают свободное распространение — *среди охотников,* как сказал Кверт, — программ, способных обучить пользователя английскому за несколько гипнопедических сеансов. Он видел небольшую приземистую машинку, которая, по словам Кверта, учила силов, но и близко не понял, как она работает.

— Мы можем работать вместе с вами, — сказала Ирма.

Кверт по очереди оглядел каждого из людей большими желтыми глазами.

— Медицинская помощь нужна. Мертвые гниют.

— Их наверняка много, — кивнула Ирма. Силам особенно трудно давались неправильные формы английского глагола *быть*, так что люди старались выражаться проще.

— Сожаление о наших действиях выражаю я.

— Вы же не могли знать, что Народ с вас потребует такую страшную цену, — заметил Терри.

— Много погибло. Не знали раньше пожаров в этом городе.

— И город вы, наверное, потеряли, — произнес Терри.

— Нет. Не так поврежден город. Мы умеем быстро строить. — Кверт помолчал, глядя в пространство, затем добавил: — Город говорит ныне о том, что было с нами. Всей Чаше разрушения и раны наши показывает.

— Ну да, — протянула Ирма, — разумеется.

— Когда нам будет что сказать еще, перестройку сделаем. Тогда город снова говорить станет, — закончил Кверт.

Этих слов Ирма тогда не поняла.

Астрономы, вероятно, надеялись, что различные виды этой местности придут им на помощь и воспользуются загруженным знанием английского, чтобы заманить Клиффа с друзьями в ловушку. На силов это произвело обратный эффект. Силы уже давно проявляли недовольство правлением Народа и, улучив возможность, объединились против него с человеческим отрядом. Теперь они понесли за это кару, ибо Народ выдвинулся на поиски людей.

Надолго ли их хватит? задумался Клифф. *Из-за нас они понесли такие тяжелые потери…*

— Чем помочь? — спросил Айбе.

Кверт стоял молча, ритмично сужая и расширяя большие глазницы. Потом смежил веки, глазные яблоки под ними завибрировали, словно

их что-то сотрясало снизу. У этих выражений не было явного людского аналога. Клифф поначалу принял их за знаки удивления или озадаченности, но затем чужак принял странную позу, словно на корточки опустился, сплетя перед собой жилистые лапы. Крупными блинообразными ладонями и толстыми пальцами он изобразил в воздухе какую-то изогнутую фигуру.

Потом глаза распахнулись, и сил резко поднялся. Клифф не спешил соотносить эмоции с мимикой морд силов, но в данном случае сомневаться вряд ли стоило. Сморщенная морда сила выражала печальную решимость.

— Мертвых много. Времени мало.

Ирма мягко спросила:

— Хотите, чтобы мы помогли вам с вашими мертвыми?

— Насилие встретили вместе. Конец вместе встретим.

Изящный, ухоженный город силов превратился в груду руин, от статуй великих предков остались одни серые осколки, улицы пестрели кратерами, изогнутые деревья посекло до корней или испепелило, из дорожного полотна торчали искореженные обгоревшие механизмы, и мертвую тишину ничто не нарушало, кроме редких

ударов камней о землю, когда те падали с полуразвалившихся зданий. Никто уже не стонал. Город вымер.

Мрачная процессия следовала через несколько наскоро расчищенных улиц. Силы с почерневшими ободранными шкурами смотрели в пространство, угловатые морды их были лишены всякого выражения. Некоторые несли раненых, другие тащили мертвых. Никто ничего не говорил. В словах не было нужды.

Когда люди с Квертом спустились в город с холмов, Клиффу в нос ударил запах гниения. В разрушенных кварталах зловоние усилилось. Терри запасся тканевыми масками, которые им в этот бесконечный многотрудный день сослужили добрую службу.

Погребение мертвых здесь было неотделимо от потребности возвращать их физические оболочки Чаше, дабы замкнутые процессы экосистемы могли продолжаться. Особенным дефицитом считалась вода, так что тела старательно перетаскивали в яму с гибкой синей крышкой и сливными отверстиями на дне.

Клифф избегал заходить внутрь зданий. Ему попалось тело крупного сила, подле которого собралась семья. Труп закатывали в бледно-зе-

леный саван. Завидев Клиффа, силы прервали свое занятие, отступили на шаг и уставились на него. Чужаки были невысоки, астенического сложения, им, наверное, тяжело было управлять-ся с телом. Кивнув, Клифф присел на корточки, коснулся жесткого пахучего савана, поднял его за конец, не чуя под собой ног, и забросил труп на закорки. Когда он поднялся, давлением газ вытеснило из гортани трупа, так что изодран-ную шкуру всколыхнуло тихое рычание. У него мурашки выступили на спине. На миг ему поме-рещилось, что мертвый чужак протестует против такого обращения. Он принудил себя склонить голову на плечо и посмотреть на окоченевшую перекошенную морду сила. Розовый язычок вы-совывался между маленьких шишковатых зубов. Глаза лопнули, по угловатым щекам сползала слизь.

У Клиффа перехватило дух, он отвернулся. Потом короткими прыгучими шагами двинулся вперед, и семья покойного молча последовала за ним к яме. К тому моменту, когда труп пришлось аккуратно опустить в отверстие крышки, Клифф пропотел до нитки. Семья стояла и смотрела, как зеленый саван, заключавший тело, соскальзыва-ет внутрь. Пошептавшись, силы развернулись и

медленно пошли прочь. Никаких прощальных речей или церемоний. В этой демонстративной простоте было что-то гордое и величественное.

Силы не смотрели ему в глаза. Клифф не понимал, что это означает.

Первый день дался тяжелее всего. Потом накатила тупая отрешенность. Тела грузили на тележки и свозили в парки, единственные широкие открытые пространства в городе, не затронутые войной. Кое-где горели погребальные костры силов: некоторые трупы приходилось сжигать во избежание эпидемий.

— Грязь не все заберет, — сказал Кверт об этом. Клифф решил, что чужак имеет в виду возможную перегрузку систем переработки под таким наплывом биоматериала.

Много тел оставалось под завалами. Ирма мрачно заметила, что это все равно как за пасхалками в компьютерной игре охотиться. Поисковые группы пробивались в укрытия, где, как правило, ровными рядами сидели трупы силов. От людей требовалась только физическая помощь, поскольку силы сами обыскивали тела и иногда снимали у мертвых с колен ценные вещи — наверняка самое дорогое. Попыток идентификации уже не предпринималось. Силы лишь передавали

ценности следовавшей за ними бригаде, брали трубчатый огнемет, отходили к дверям и кремировали застывшие тела. Забирали украшения и драгоценные металлы и сжигали всех. *Чужацкий Берген-Бельзен*, думал Клифф, *и, если разобраться, виновны в этом мы.*

Первые найденные тела земляне старались транспортировать аккуратно, перекладывая каждого мертвеца на носилки в некоем подобии погребальной процессии. Но уже на второй день работы среди многоакровых груд трупов и люди, и силы впали в апатию. Тела просто вытаскивали наружу, укладывали вповалку и, поднимая так, как было удобней, не разбирая рангов и званий, переносили на стеллажи в кузовах электрических грузовиков.

У силов имелось слово для определения этой зловещей картины: разрушенные элегантные каменные здания, всеобщий хаос, горы трупов, обгоревших до темно-коричневых головешек. На их языке оно звучало примерно как *склила'рхофт*. Однако по большей части все просто отмалчивались. Отвечая на вопросы, Кверт обычно показывал глазами *да* или скашивал голову, что значило *нет*.

Затем настало время терпеливого патрули-

рования среди серых каменных развалин. Там торчала одна лапа, здесь другая. Сначала не попадалось ничего, кроме фрагментов тел, но затем наткнулись на трагический клад. В подвальном помещении обнаружили около сотни трупов. Спустившись туда, Клифф вляпался в еще теплую грязную лужу — на выложенном плитками полу темнели остатки гниющих внутренностей. Наверное, когда сюда прорвалась вода из канализации, некоторые пытались спастись через узкий проход в дальней части подвала. Весь коридорчик оказался забит трупами. Ожогов на них не наблюдалось. Судя по всему, силы задохнулись от дыма или нехватки высосанного огненной бурей воздуха.

Одной самке удалось-таки забраться почти до половины лестницы, ведущей из подвала наружу, но там ее по шею завалило обломками камня и штукатурки. Она казалась совсем юной, изящного сложения, почти гладкокожей; труп уже начал разбухать и налился коричневато-голубыми полосами. Клифф вытащил ее наверх сам.

Люди, привыкшие к земной силе тяжести, были крупней и сильней силов, поэтому землянам поручали тяжелые работы. Типичное подвальное бомбоубежище напоминало Клиффу, проникше-

му туда сквозь завалы, салон автомобиля, битком набитого силами, у которых одновременно случился инфаркт. Все сидели на своих местах. Все были мертвы. В лесах огненная буря — явление естественное, а в городской застройке пожары так усиливаются, что возникает самоподдерживающаяся вет– ровая конфигурация. Клифф наблюдал издали первые стадии ее формирования, когда воздушные вихри плясали между зданий, точно пылевые дьяволы из чистого желтого и тускло-оранжевого пламени. Словно злобные огненные детишки, пускались они в танец среди жилых высоток.

Клифф начинал привыкать к сочившимся через неизменный облачный покров красноватому свету и теплу. К вони от мертвецов, вынуждавшей торопиться тех, кто разгребал завалы. Тела были разные, но поддавались странной типовой классификации. Некоторые погибли, сжимая какие-то сумочки, другие — ювелирку, иные же, полагавшие, наверно, что подготовились к самому скверному сценарию, умерли, цепляясь за большие рюкзаки с едой. Среди силов, которым помогал Клифф, попадались те, кто забирал вещи погибших, и тогда землянин лишь отворачивался, не зная, как реагировать, если реагировать

вообще. При теле молодого сила, еще подростка, нашелся четвероногий пушистый зверек. Таких Клифф еще не видел. Животное застыло, привязанное к хозяйской руке, и глазки его продолжали поблескивать в смерти.

Люди работали методично, обходя дом за домом, когда вдруг появилась чужацкая самка и кинулась на Клиффа. Она осыпала его явными оскорблениями и колотила узкими когтистыми кулачками. Подоспел другой сил и оторвал ее от человека. Самка осела, разрыдалась, замурлыкала что-то, и ее увели. Клифф после этого некоторое время стоял неподвижно, пытаясь успокоить бурлящие эмоции.

Однажды его напарники вскрыли небольшой подвал, служивший ранее чем-то вроде винного погребка. Клифф потом снова прошел мимо этого места, неся на плечах тело, и услышал, как силы веселятся, горланя пьяные песни. Еще позже он снова встретился с их группой и отметил, что, в отличие от других поисковых отрядов, эти силы работают энергично, находя вроде бы даже некоторое удовольствие в своем труде. Что б они в подвале ни пили, а это им помогло.

Шло время, и Клифф потерял счет трупам. Число жертв, по его прикидкам, зашкалило за

тысячи, может, десятки тысяч, и ему больше не хотелось об этом думать. Смертный приговор был безжалостно вынесен всем, кому не повезло в тот момент находиться в беззащитном городе: детям, старикам, домашним животным…

Рабочие силы держались все молчаливей, дни растягивались в вечность, словно утекали по извилистой трубе. Однажды, под конец, когда оставалось обыскать лишь несколько улиц, а поисковые отряды прочесывали последние полуразрушенные дома, в небе появился какой-то аппарат. Двигаясь с едва слышным шелестом, он пролетел над городом и сбросил овальные пленочные листы, усеянные замысловатым шрифтом. Людям, разумеется, воззвание ничего не говорило, но один из силов зачитал его вслух, переводя на ломаный английский:

> **Вы уничтожены были за то, что приютили Позднейших Захватчиков. Если им потакать, разрушат наш уязвимый вечный рай, станут чинить переполох, принесут болезни и ужас вам, а еще многим другим, кто в теплом взаимопонимании обретается под Вечным Солнцем. Нанесли мы удар по месту,**

где, как было известно, находятся Позднейшие Захватчики и те, кто этим преступникам помогает укрываться после побега. Сопутствующие разрушения не входили в наши планы и стали неизбежным печальным следствием работы по наведению порядка в нашей великой Чаше.

Силы, услышав это, впали в ярость. Они стали швырять листовки на землю и попирать лапами. Потом пришли другие силы, собрали листовки и куда-то понесли. Клифф заинтересовался и последовал за ними. Силы направились в общественный туалет. Поскольку Клиффу как раз туда и было надо, он выяснил, что стопками пропагандистской продукции теперь предлагалось вытирать задницу.

Все это он воспринимал на эмоциональном уровне. Что же до самих действий, как то, — собирать куски тел в огромные корзины, помогать согбенному тоской силу, который лапами и совком раскапывал место, где, по предположению, застряла его жена… эти события сливались в бесконечности дней.

10

Ирма сказала:

— У тебя состояние плоского аффекта.

— А это еще что? — Клифф вынырнул из очередного долгого сна. Он выглянул из узкого отверстия — входа в пещеру, которая теперь служила им домом. Снаружи простирался неизменный, залитый солнцем пейзаж отчаяния. Он зевнул. По крайней мере, гало-эффекты в зрительном поле исчезли. Увы, помимо них исчезло немногое.

— Это неспособность выразить эмоции ни вербальным, ни невербальным способом, — то бишь даже в форме привычных тебе ворчаний или пожатий плечами.

Он продолжал рассматривать ландшафт снаружи, неловко ворочаясь на полученной от силов надувной постели. Постель была ему маловата.

— После того, что нам пришлось пережить, слов нет.

— Я на предполетных тренировках про это узнала. Нам рассказали, поскольку вероятность травматических переживаний в случае, если мы прилетим на Глорию…

– *Когда* прилетим. Чаша — просто интерлю-

дия.

— Ладно, *когда*. Тренеры говорили, нам там наверняка круто придется. Нас учили выходить из шока, узнавать симптомы боевой психической травмы, стрессового расстройства и так далее. И применять терапевтические методики. У тебя уже много дней низкоинтенсивное состояние аффекта.

Он не мог бы опровергнуть это заявление, потому промолчал. Промолчать всегда проще.

— Посмотри мне в глаза.

Он неохотно повиновался. Ему отчего-то было проще взирать на выжженный, опаленный солнцем ландшафт… хотя, если подумать, смысла в том никакого. И все же…

Ирма подалась вперед, взяла его виски в свои ладони и затрясла голову так, что он вынужденно сфокусировался на ее лице, заглянув прямо в яростные глаза.

— Отлично! Поверь, у нас проблема, и нам обоим придется над ней поработать. Нам рассказывали, что такое состояние следует ожидать в тех случаях, когда субъект…

— Ага, теперь я субъектом заделался?

— Ладно, напарник. Такое бывает, когда люди говорят о пережитом, ничем не выдавая эмоций.

— Я… просто пытаюсь собраться с мыслями.

— Еще симптомы — недостаток жестов экспрессии, слабая лицевая мимика, вялая артикуляция.

— Ага. Ну да. И что?

— Ты отделяешь свои эмоции от воспоминаний о событиях?

— Не… всегда. Я лишь пытаюсь держаться.

— Если получишь удовольствие от чего-то реального, это поможет.

— Гм?

Удовольствие. Хорошая идея, но такая абстрактная…

Он взглянул на вечно сияющее солнце — эта здешняя особенность начинала давить. Звездная Струя рассекала небо, ее неоновое сияние вливалось в резкий солнечный свет. Кое-где в этой нескончаемой *экспедиции* по удивительной, бескрайней Чаше удавалось выгадать периоды тьмы, и теперь, во снах, он мечтал о большем. Ему снилось, как он погружается на глубину и прохладная муть окутывает его, облепляет, точно влажная листва. Просыпаться не хотелось.

Он все еще размышлял об этом, когда до него дошло, что Ирма деловито расстегивает пуговицы на его рубашке. Голос ее стал низким, ласковым. Руки засуетились, принялись ласкать его тело.

Ясное дело, разврат и безрассудство не в ее натуре, да и на мужской магнетизм не спишешь.

Значит, терапия. Не то чтоб это было важно.

Шелковистая услада, нарастающая готовность.

Затем — вспышка оргазма, они сжали друг друга в объятиях, и долгая дрожь экзальтации передалась от тела к телу. Это чувство проводило его в сон…

Когда Клифф проснулся, Ирма некоторое время поболтала с ним — он лишь потом сообразил, что и это были терапевтические упражнения. Мягким, настойчивым голосом она уговаривала его воспроизвести мерзкие кошмары. Прошла с ним через моменты, которые он выудил на поверхность, проследила сбивчивое хриплое дыхание умирающих, свинцовую тяжесть схваченных окоченением трупов, напомнила о резком гнилостном запахе… затем попросила понаблюдать, как ее рука колышется слева направо и снова налево… маятниковые движения странным образом успокаивали, погружали в безмолвную неподвижность, где Клифф мог отдохнуть, не соскальзывая постоянно в пыточные водовороты кошмаров. Вздохнув, Ирма опустилась рядом и стала ждать, пока он выплачется. По крайней мере, не в одиночестве. Клифф снова уснул.

И снова проснулся.

Теперь застал спящей Ирму и принялся раздумывать о прелестях старого доброго человеческого секса среди всей этой непостижимости. Заниматься любовью здесь было так же приятно. Он понимал, что у чужаков свои привычки, наверняка очень странные. На Земле у трутней отрываются совокупительные органы после секса с маткой; осы превращают тараканов в зомбифицированные инкубаторы; самцы скорпионовых мух приносят корм самкам, отвлекая тех на время спаривания.

Основной урок Чаши гласил: *Ожидайте непредвиденного*.

Он опять задремал. Спустя, казалось, весьма продолжительное время пробормотал:

— Нам нужно было… куда-то…

— К силам на поминки. Надо идти.

— Когда?

— Одевайся.

Ирма привела его в более-менее приемлемое состояние самым прямым из доступных методов. Он признал, что за ней водятся неожиданные таланты. Клифф, впрочем, и так всегда старался подбирать себе в напарники людей более умных, сноровистых, лучше приспособленных к

окружению, чем он сам; но порой те проявляли совершенно непредвиденные умения. Ирма — как раз из таких. В межзвездной экспедиции, перевернувшей представление о мире с ног на голову, она проявила себя с лучшей стороны.

Вместе с тем он понял, что достиг своего потолка — и пробил его. Клифф не имел боевого опыта, но ему удалось выйти из первой стычки с Птицами, отделавшись единственным ранением. Эта рана почти зажила, когда Птицы вернулись, и не на одной небесной рыбе, а сразу на шести. И убили столько силов, что несть тем числа. Конечно, Птицы рассчитывали заодно зацепить и людей, но не этим объяснялся многочасовой обстрел.

Птицы требовали повиновения и знали, как его обеспечить. За нарушение дисциплины полагалась кара; возмездие восстанавливало порядок, порядок же обеспечивал стабильность, необходимую, чтобы исполинская вертушка Чаши продолжала полет по заданной в древности траектории, к Глории и более далеким звездам.

Учись мыслить, как мыслят Птицы, подумал он. Иного способа выжить в этом труднопостижимом, ужасном, но чудесном месте нет.

Он постепенно перенимал от Кверта отношение к насилию. В конце концов, потери случаются

постоянно. На «Искательнице солнц» все понимали, что, покидая Землю, расстаются с близкими и друзьями навеки. Клифф попробовал оформить свои ощущения словесно, и это удалось.

Ты потеряешь тех, без кого не мыслишь жизни, сердце твое разобьется, и полностью компенсировать утрату любимых тебе так и не удастся. Но есть и хорошие новости. В твоем разбитом сердце пребудут они вечно, в незаживающей ране останутся жить. И ты пойдешь дальше, неся их в себе. Все равно как если, сломав ногу — да так серьезно, что она плохо срослась, — заново учиться танцевать, прихрамывая и помня, что в холодную погоду вновь испытаешь боль.

11

Клифф прислушивался к низким глубоким раскатам поминальной мелодии силов. Он понимал, какую честь оказали землянам: присутствовать на публичной тризне изящных чужаков, слушать медленную гулкую симфонию плачущих голосов, доступную и человеку, по крайней мере эмоционально. Поистине, основы музыкального восприятия едины. Основная тема переливалась сложными внутренними ритмами, рождала подтемы, но затем, словно набрав силу, те сливались в единый высокий стонущий плач, перемежаемый прекрасными и суровыми нотами. В скальном амфитеатре силов было принято стоять во время исполнения музыки и сидеть в остальное время. Угловатые морды силов, поднятые к небу, морщились и дергались от тоски.

Чужаки понесли тяжелые потери в бою с безжалостными небесными бестиями. Исполины уничтожили множество силов, но сделали это в довесок к наказанию за то, что те посмели укрыть людей. Вероятно, здесь огонь по гражданским не был чем-то необычным, поскольку силов развитие событий, казалось, не удивляло.

Клифф сидел и размышлял, а музыка обволакивала его. Обволакивала всех: он чувствовал, как ее тонкие эффекты овладевают соседями. Силы выражали эмоции едва уловимыми движениями глаз, и странное удлинение складок кожи рядом с глазницами, вероятно, выражало скорбь.

И всему виной земляне… Его маленький отряд уже долгое время в бегах, но лишь сейчас им придется свыкнуться с мыслью, что Птицы, правители этой исполинской крутящейся машины, без раздумий пойдут на массовое убийство, лишь бы схватить людей. Но почему люди им так важны? Вопрос мучил Клиффа, придавал медленной печальной поминальной музыке дополнительную суровую тяжесть.

Мелодия взлетала и опадала, длинные басовые ноты вибрациями катились среди изысканно отделанных скальных стен. Кверт, вождь силов, стоял, обратив лапы к небу, окруженный большими духовыми инструментами, которые, в отличие от земных оркестров, не были пространственно разделены, но это не мешало их партиям гармонично сливаться в единой глубокой симфонии, низкочастотными компонентами резонирующей с эхом в стенах амфитеатра. Зрелище внушало трепет. У силов тоска проявля-

лась в тех же музыкальных темах, что у людей: скользящие грациозные мелодии понемногу мрачнели и наращивали амплитуду. И вдруг все обрывалось шокирующе резкой трелью, которую голоса хора, казалось, возносили к небу на протяжении вечности, сопровождая грозный гул инструментов.

Молчание.

Никаких аплодисментов. Лишь скорбь.

Все земляне — Говард, Ирма, Терри, Клифф и Айбе — почтительно сидели, пока им не было разрешено сняться с мест. У Говарда на колене виднелись скверный порез и большой синяк, Терри с Айбе получили ожоги и мелкие раны, но в целом люди почти не пострадали. Они сидели, опустив головы, не только из почтения к чужому горю. Клиффу просто не хотелось смотреть силам в глаза. Силы начали расходиться. Скошенные морды, по впечатлению, вытянулись еще сильнее, и все молчали. Клиффа заинтересовали инструменты оркестра. Законы физики накладывали естественные ограничения — длинные трубы, полости резонаторов, отверстия для настройки; музыка, источаемая ими, одновременно внушала тревогу и казалась смутно знакомой, хотя формы были странные, непри-

вычные. Искусные контрапункты, конвергенция гармоник, повторение музыкальных деталей, вставные реплики других инструментов, вроде клавишных. Универсальна ли музыка?

Покидая каменную чашу, Клифф оглянулся на опустевший полумесяц сидений, каждое — с небольшим углублением. Однажды на Сицилии он видел древний амфитеатр, очень похожий на этот. Но здешние скалы состояли из какого-то бледного конгломерата, а не известняка, и были куда древней. Тем не менее внешний вид зала совпадал.

По-прежнему ничего не говоря, скорбящие двинулись в город. Эта часть избежала огневой бури и кишела жизнью. Настоящее облегчение — оказаться здесь после блужданий по выжженным кварталам… кто знает, сколько времени. По меньшей мере неделю, хотя сейчас этот срок представлялся Клиффу скорей последней достоверной границей между прошлым, где он обладал властью над своим миром, и… Он отстранил воспоминания. *Сфокусируйся*. Тренировки делали это возможным, но не слишком облегчали душевные страдания.

Силы, как он заметил, селились так, как инстинктивно выбирал бы прикрытие опытный

солдат. Вот стена, расположенная под углом к звезде. Вот другая, под углом к предыдущей, так, чтобы и Струя могла внести красноватую лепту, а каждая тень играла своим оттенком. Еще одна, защищает от ветра, с жилищем на вершине, там, где прохладней, и большими окнами, которые смотрят в сторону, противоположную полям яркого мелкого пес– ка на границе города. Было неподалеку и озеро, неглубокое, но достаточное, чтобы отражение неба в нем приобрело синеватую окраску. Силы отдыхали в тенечке, растянувшись на бледно-зеленом губчатом мху. Звучала напевная, низкая, задумчивая речь. Над толпой задувал влажный ветерок, туманные метелки носились среди зигзагообразно изогнутых деревьев.

Силы во все глаза следили за людьми. Землянам пришлось смириться с этим неудобством.

— Представьте себя звездами киноэкрана, — сказала Ирма как-то.

Так и было. Силы, по крайней мере, глядели искоса, полуотворачивая угловатые морды, но Клифф тем не менее чувствовал на себе их взоры.

— Они думают, как с нами поступить, — прошептал Говард.

Айбе сказал:

— Мы довольно похожи на них: две верхних конечности, две нижних, одна голова. Может, это и есть оптимальный дизайн для разумной расы? Выглядят симпатично. Во всяком случае, лучше, чем Птиценарод.

— И силы знают, что нужно держаться на расстоянии, не влезать в личное пространство, — отметил Терри. — Прикольно. Наконец-то настоящие, разумные чужаки, которые при этом за нами не гоняются.

— И не пытаются нас убить, — сардонически ответила Ирма. — Бет и ее ребятам не так повезло.

При этом воспоминании они приуныли. Проходя мимо поистине древнего на вид каменного здания, возведенного на скальном фундаменте, Клифф увидел, как с каждым порывом тумана на крупных каменных блоках выступает роса, и вдохнул влажный воздух. Крепкие ветра здесь дули, как хотели, извлекая гудящую музыку из улиц города силов. На ветру постройки каким-то образом рождали мелодии: гулкие живые мотивы, словно от духового оркестра, сочились, по впечатлению, прямо из воздуха.

Небо было ясным, если не считать стайки крупных линзовидных облаков цвета слоновой кости,

пролетавших мимо, будто звено звездолетов на параде. Небесные рыбы размером не уступали им и перемещались с грозным шумом. По-своему красивые создания — и смертоносные. Облака же излились дождем на далекие холмы, откуда свежий ветерок принес в город приятные запахи.

Люди, как частенько случалось, не только наблюдали за окружающими странностями, но и одновременно строили гипотезы о них. Айбе с Терри настаивали, что воду вокруг Чаши должна перемещать грандиозная система трубопроводов, иначе все запасы ее скопились бы в областях низкой гравитации, на полюсах. Ирма перелистала снимки Чаши, сделанные с борта «Искательницы» на подлете, и действительно обнаружила там огромные трубы, протянутые по внешней стороне корпуса, в точности такие, как предполагали Айбе и Терри. Клифф слушал их беседу и сортировал свои снимки. Накопитель камеры почти заполнился — фотографий животных и растений собралось столько, что нужно было кое-какие удалить. А ведь Клифф сознательно решил игнорировать водоросли, бактерии, протисты, грибки и много чего еще. Вот пурпурнокожие звери на тонких ногах скачут по песчаной равнине. Вот колышутся в воздухе

летающие ковры с крупными желтыми глазами, а внизу массивные рыжевато-красные шары, подобные валунам, оставляют за собой следы из слизи, вот движутся извилистые тонкие деревья, вот парят птицы, подобные крупноглазым голубым рыбам. Библиотека чужацкой жизни.

Клифф понимал, что многих представителей фауны просто упустил из виду, поскольку они перемещались быстро или прибегали к маскировке. Он это осознавал всякий раз, наступая на ветки, лишайники или скопления грязи, которые оказывались маленькими животными, камуфлирующими себя под окружение. Он вдыхал влажный воздух и вспоминал, как на Земле пустынные растения предотвращают потерю влаги, держа устьица сомкнутыми большую часть суток. Раскрываются они только ночью, чтобы вобрать порцию углекислого газа, не жертвуя влагой. Чаша не знала ночи, поэтому следовало обеспечить здешнюю атмосферу водой, чтобы растения могли дышать и производить кислород. А значит, климат здесь с необходимостью оказывался очень влажным. Отсюда и мощные грозы, и густой ароматный воздух, и широкие извилистые реки, которые земляне были вынуждены обходить, и туманы, зарождавшиеся, казалось, в

самых мелких низинах.

Но в некоторых отношениях здешняя жизнь напоминала не современную земную, а куда более древнюю. Рядом Клифф увидел растение, подобные которому прежде встречал только в виде каменноугольных отпечатков на Земле: гигантский хвощ. Словно беглый набросок бамбука: высокие и толстые, сегментированные стебли бежевого оттенка. Стебли покачивались на ветру, непрестанно сражаясь за жизненное пространство, солнечную энергию и почву. Клифф замечал и существ, у которых влагообмен осуществлялся через ноги — уж точно не с Земли. Речь их напоминала одновременно свист и пердёж. Для обоих звуков необходимо испускание газа через дырку, но…

Кверт отделился от вполголоса переговаривавшейся толпы и, двигаясь с экономной грацией, скользнул к людям. Большие желтые глаза его были полуприкрыты тяжелыми веками. Чужак произнес:

— Благодарность за доставленное сочувствие. Теперь поговорить мы хотим.

Кверт изъяснялся короткими фразами, порою запинаясь. Клифф обычно догадывался, что он имеет в виду.

Движения сила были плавны, под шкурой неспешно перекатывались мышцы. *Они словно разумные газели*, подумал Клифф. Гибкие и проворные, силы умели пользоваться орудиями труда и работали с подповерхностной инфраструктурой Чаши. Жили они в небольших городах, так что разрушенный крупный город имел нерядовое значение. Кверт сообщил, что силов специально разбросали по просторам Чаши. Численность каждого племени, как правило, достигала максимум нескольких тысяч, расстояние изолировало их друг от друга. Они получали приказы от Народа и выполняли поручения. В остальном были предоставлены сами себе. Население уже много поколений оставалось почти неизменным, а общественные устои — непоколебимыми. Стандартная стратегия Народа, надо полагать. *Разделяй и властвуй*, подумал Клифф.

На поминки силы явились целыми племенами. Земляне стояли, наблюдая, как толпы чужаков колышутся, перетекают с места на место, принимаются петь. Возникали и затухали спонтанные движения. Теплое солнце и ослепительная Струя стегали их шкуры жаром, но силы продолжали танцевать, пока тела не заблестели от какого-то выпота.

— Возможно, таким образом они управляют циркуляцией жидкости в подкожных слоях? — предположила Ирма. Ритмичная музыка, столкновения и расхождения танцоров, повсюду блестящие золотистые шкуры, от которых словно бы исходило собственное влажное сияние.

Кверт повел землян в малоэтажное здание, стены которого были подперты каменными контрфорсами цвета слоновой кости. Под ногами похрустывала светлая галька. Когда людей провели в небольшой зал, предназначенный, видимо, для переговоров, цвет гальки сменился на зеленый и каждый камушек теперь облекала прозрачная слизистая пленка. Кверт наклонился, аккуратно снял с причудливых сидений какие-то маленькие шарики, при внимательном рассмотрении сильно напомнившие землянам слизней. Люди сели. Кресла плавно приняли форму их тел.

Молчание длилось долго, как того, видимо, требовал протокол встречи. Чужак заговорил первым.

— Мы цели Астрономов знать хотим.

— Они хотят нас поймать, — ответил Терри, — или убить.

— Смотря что проще, — добавил Айбе.

— Предпочтительно — поймать, — сказал Кверт спокойно. — Народ знать желает то, что знаете вы.

— Что именно? — спросила Ирма.

— Корабль ваш, растения, ваши тела, сказания. Вероятно.

Речь Кверта текла неспешно, спокойная уверенность облекала гуманоидного кота словно невидимый плащ. Да, Кверт здесь несомненно был главным.

Разговор продолжался. Они перешли к обсуждению причин атаки Птиценарода на город силов. Да, среди жителей скрывались люди, но почему уничтожение оказалось так принципиально? Клифф наблюдал за чужаком и пытался предугадывать реплики Кверта. По его опыту, люди строили свои жизни в основном вокруг денег, статуса, служения какому-то делу. А силы, видимо, концентрировались на познании. Аналогом всеобщего эквивалента служили у них ситуативные фрагменты знаний: Говард, например, восхитил подростков, показав им ленту Мёбиуса. Основное занятие силов состояло в исследовательской работе по какому-нибудь небольшому проекту или, скорее, десяткам таковых. Один сил, с которым Клифф общался, заявил, что ему проще

перечислить профессии, каких он не имеет, чем наоборот.

Существовали коллективы, занятые получением электроэнергии из навозных ям, другие планировали возвести миниатюрную ГЭС на местной реке. Они разрабатывали и производили собственные инструменты, достаточно твердые, чтобы рассечь плотную древесину высоких деревьев этой местности. Силы, как показалось Клиффу, принадлежали к культуре фронтира. Вот они вгрызаются в деревья в поисках ароматных смол для умащения шкуры, вот разрабатывают особые цементные ульи для медоносных насекомых, защищая соты от зверей, похожих по описаниям на медоедов.

Они изолированы, размышлял Клифф, *вокруг, куда ни глянь, нет других крупных племен силов, даже других разумных видов нет… пока не появились мы, затерявшиеся в бескрайних зарослях участники первой экспедиции.*

Размышляя, он отвлекся от разговора. Айбе меж тем забрасывал Кверта вопросами, но ответы чужака оставались непонятны. Наконец Кверт откинулся в кресле, зевнул, обнажив крупные зубы, и поднял верхние лапы.

— Не о том говорите вы. Народ хочет, чтобы

все Адапты подчинялись. Я-мы, вы… — он сделал плавный указующий жест, — не в Чаше сделаны. Опасность плохая исходит от нас, так говорит Народ.

Слова эти прозвучали резко, натянуто, выделяясь из текучего напевного ритма обычной речи чужака. Клифф сомневался, что корректно определяет эмоции силов по выражениям морд, но суженные губы и глазницы, вероятно, соответствовали негодующей гримасе.

— Вы сюда явились прежде нас, — сказал Клифф.

Кверт быстро поморгал, что у силов, очевидно, означало согласие.

— Не были Адаптами мы долго. Мы движемся, живем, работаем. Народ нам дает вещи. Мы выполняем их приказы.

Ирма спросила:

— Вы раньше, говорите, часто перебирались с места на место?

Кверт озадаченно глянул на нее: его часто сбивала с толку привычка людей подчеркивать вопрос восходящим тоном в конце фразы.

— Наше племя непоседы.

— Но вы построили город.

— Молодь должна учиться. Это я-мы знаем. И

это дорогого стоит. Нужно платить. Нет такого, чтобы бесплатное обучение. А города, здания — они говорят.

— Говорят?

— Адапты нашу работу отовсюду в Чаше видят. Мы свои города так строим, чтобы сообщения посылать. Небольшие послания. Большие формы для улиц, парков и лесов. Когда мы узнаём, они тоже. Чего Народ от вас хочет.

Силы вели к тому, что хотели сказать, но бросали на полпути — дальше, дескать, сами. Порой это выбешивало. Если даже переформулировать вопрос, толку никакого: все равно что дубасить по двери, которая не откроется.

Силы предпочли показать на примере. Кверт повел людей на место, где почва сочилась вязким бежевым веществом. По словам сила, его источала сама Чаша, по запросу. Силы каким-то образом настроили систему под себя. Клифф исследовал один из их коммуникаторов, но по бугорчатому и трещиноватому корпусу не сумел сделать никаких выводов. Силы, видимо, получали информацию и отдавали инструкции, полагаясь на осязание вместо зрения. Странная черта для созданий, у которых так развита глазная мимика. Клифф еще продолжал об этом размышлять,

когда бежевая гладкая поверхность начала подниматься. Выдуваясь, она сделалась зернистой, расцвел большой пузырь. На его поверхности проявились клинья. Они переродились в стены и поперечные балки, а по краю, точно сонные глаза, раскрылись окна. Воздух наполнился густым запахом, словно от подсыхающего цемента, и Клифф, как и другие, отступил. Сложные быстрые действия *конструкторов*, как называл их Кверт, остались непонятны Клиффу, а равно и сигналы, которыми они обменивались.

Через пару часов двухэтажное здание было готово. Перекрытия грубые, источников воды и электричества не заметно, однако овальные стены и покатые полы внутренних помещений отличались элегантным изяществом. Крышу венчали ряды странных скульптур, изображавших силов, и косых башенок, устремленных к горизонту.

Во всем доме чувствовалось какое-то напряжение, затаенный конфликт порядка, вносимого равномерной сеткой комнат, и спонтанного диссонирующего ритма слегка деформированных стен или продолговатых окон. В целом здание выглядело как раз настолько странным, чтобы донести экспрессию, хотя Клифф не понимал,

как силам это удалось. Ему показалось, что проект должен был неким образом примирить их с потерей друзей и разрушением большей части города.

Кочевая жизнь. Каждое поколение возводило дом на новом месте, жило охотой и собирательством, вырабатывало свои архитектурные стили. Представители этого вида странствовали просто из любопытства, приспосабливаясь к интересующим регионам окружающей среды. Чаша достаточно велика, чтобы можно было позволить себе такую жизнь. Но передавать сообщения зданиями?

— А Птиценарод умеет читать вашу градоречь?

— Думаю, нет. — В широкой груди Кверта зародился рычащий шум. Чужак добавил: — Я-мы потеряли многих. Силы хорошие были, вроде вас, много таких, и все потеряны.

Неспешная текучая речь выражала глубокую печаль. Здание, сформировавшееся само собой, играло определенную роль в примирении со случившимся. И все же силы старались не смотреть на людей, даже искоса. Он не понимал, с какой стати чужакам вообще прощать землян за все беды, какие те навлекли. Впрочем, этим

он опять-таки приписывал силам человеческое мышление, а они не таковы.

Разговор продлился еще некоторое время. Клифф слушал внимательно, пытаясь понять, каким видит мир Кверт. Колоссальное преимущество — общаться с чужаком, который уже немного знает английский, но отрывистые, лапидарные фразы Кверта не позволяли составить цельной картины стоящего за ними ума.

— Будь я ящеркой, с меня бы уже семь кож сошло, — сказала Ирма в какой-то момент, и Кверт впервыерассмеялся. По крайней мере, было похоже на то: рявкающие звуки, вроде приказов, но морда подергивается вбок, а глаза бегают, подмигивают. При этом Кверт, однако, не сводил взгляда с землян, и Клифф вдруг почувствовал… сложно было найти нужное слово… *единение*. Общность разумов. И очень обрадовался.

Потом Кверт сказал, что у него еще запланированы встречи, явно собираясь завершить беседу в приподнятом настроении. Они расстались. Люди направились обратно, в обустроенное для них жилье — не слишком уютное пещерообразное пространство, размеченное валунами на коридоры и комнаты. Поверху на манер крыши растянули толстый лист материала вроде пару-

сины. Кое-где выделялись нашлепки, которые можно было снять и впустить немного дневного света, а на время сна их без проблем ставили на место. Утилитарный подход — и, как осознал Клифф, всецело подчиненный нуждам миграции. Скатать тент, сняться с места, отыскать другое поле валунов. Только и всего. Силам пришлось задействовать целые отряды, чтобы перекатить эти крупные камни, а значит, чужаки были привычны к коллективному труду.

Люди устали, но визит на поминки к силам их почему-то успокоил. Земляне разошлись по своим комнатам. Клифф свернул в коридорчик, ведущий в его спаленку; улыбка Ирмы проняла его до самых бедер.

Он никогда не считал себя особо искусным любовником, но с тех пор, как люди нашли приют у силов, Ирма с Клиффом занимались сексом каждую условную ночь. Эта не составила исключения. Потом они поспали, а проснувшись, Клифф обнаружил, что Ирма смотрит на него сверху вниз и лениво улыбается.

— Правильная химия — залог успешного эксперимента, — проговорила она.

— Я скорей биолог.

— Ну и это тоже. Знаешь, а я за тобой наблюдаю.

Ты делаешь успехи как командир. Ты учишься искусству играть на душевных струнках.

— И… на твоих тоже?

— Не до такой степени. Сам понимаешь, одно из основных умений женщины — играть на струнах *мужской* души. Я это тоже умею. — Впрочем, она смягчила реплику усмешкой.

Ему не очень понравилась мысль, что он теперь манипулирует людьми, но…

— Я вынужден был этому научиться.

— Ты позволяешь каждому высказаться, потом прикинуть, что почем, кто за кого. Как правило, этого достаточно.

— Ну, думаю, на твой голос я всяко могу рассчитывать.

Ирма расхохоталась.

— Туше! Но это не из-за секса в гамаке.

Они действительно лежали в своеобразном гамаке с подпорками, хотя лист умного углерода каким-то образом оставался ровным, даже будучи закреплен на брусьях. Клиффу не хотелось продолжения дискуссии. Он руководил маленьким отрядом скорее по наитию и рад был, что не приходится особо задумываться о своих действиях. Приподнявшись, он обнял Ирму и поцеловал.

— И что, по-твоему, дальше делать?

— Ты продолжай меня по ноге гладить, тогда расскажу.

Клифф рассмеялся: он и не заметил, что машинально поглаживает Ирму по стройному загорелому бедру.

— Не представляю, как нам отыскать группу Бет или скрыться от Народа. Не говоря уж о том, чтобы разобраться, как это место устроено.

Ирма передернула плечами.

— Я тоже не представляю. Пока.

— А почему ты думаешь, что нам это по силам?

— Ну, это же мы, начнем с этого. Мы умные.

— Умней тех, кто сотворил эту штуку?

— Помнишь, на Земле была поговорка про диванных аналитиков? Не исключено, что здесь мы столкнемся с планетными аналитиками.

— То есть?

Довольно очевидная попытка прикрыть свое непонимание, но многие ведутся.

— Кажется вероятным, что здешнее общество до крайности консервативно. И это неизбежно, если ставится цель управлять объектом такого масштаба. Да с первого взгляда ясно, что эта штука неустойчива. Если Чаша приблизится к своей звезде, биосфера разогреется, и целые сегменты конструкции сойдут с прежней орбиты. Думаю,

что местные вносят коррективы, увеличивают мощность Струи, отталкивают звезду и возвращают Чашу на нужное для равномерного обогрева расстояние. Кроме того, остается другая проблема: что делать, если Чаша заходит ходуном под ногами. Тут совершенно точно есть механизмы курсокоррекции. На планетах большое значение имеют инерция и законы Ньютона. Но здесь учета этих сил недостаточно.

— Ох уж этот инженерный дух. Ты не ответила на мой вопрос.

Она фыркнула.

— Надо же, заметил! Отвечаю: нужно оставаться здесь и пробовать выйти на связь с «Искательницей». Пускай Редвинг себе голову ломает, как нам помочь.

— Он не знает как. Пока не спустишься, трудно понять, насколько велики отличия этой штуковины от обычной планеты. Они проявляются исподволь, странными способами.

— Например?

— Чаша невероятно просторна, но крайне слабо заселена. Почему?

— Наверняка потому, что такой ее задумали Птицы. Тут много естественных ландшафтов… то бишь *не*естественных, но их дизайн идеально

воссоздает естественные. Это парк. И даже силы в него неплохо вписываются.

— Разумные кочевники, угу. Чаша тоже ведет кочевой образ жизни. Странствующие народы странствующего артефакта. Большого умного объекта.

Ирма поджала губы.

— С какой стати *умного*? За ним все время нужен глаз да глаз, иначе на свое солнце брякнется.

— Она перемещается опасным способом, совсем как мы. Любому двуногому существу приходится контролировать свое падение. Если не считать птиц, немногие формы земной жизни на такое способны. Наиболее обычная из них — мы.

Ирма поразмыслила.

— Птиценарод тоже на двух ногах ходит. Впрочем, я видела, как они и на четырех перемещаются, используя передние конечности для стабилизации. Возможно, они боятся падений. Они ж такие массивные.

— Но ими управляет тот же инстинкт: двигаться вперед, даже если это требует сложных усилий. Я…

Издали донеслись крики. Ирма вскочила, натянула порядком истрепавшуюся полевую одежду,

отдернула занавеску.

— Кверт? Ты…

В комнату быстрой скользящей походкой, придающей движениям силов текучее изящество, вошел чужак.

— Прибыли… они.

Клифф выбрался из гамака. У него ныло все тело и слипались глаза. Непослушными пальцами натягивая свою одежду, он заметил, что Кверт уводит Ирму. Когда он закончил одеваться и подбежал к входу, там уже собрались все земляне, глядя, как в небесах что-то летает и гудит. Не живой цеппелин, с которого обстреливали город, а нечто куда меньшее и более проворное. Летает на малой высоте, мерно шумя крыльями. Изящное пернатое существо с большой чешуйчатой головой и крупными блестящими глазами методично сканировало территорию. Заметив уцелевшие дома силов, оно устремилось туда.

— Вроде гигантского овода, — шепнула Ирма.

— Разведчик, — сказал Кверт. — Умный. Ценят высоко. Народ наверняка…

Существо заложило петлю и метнулось к ним.

— Под прикрытие! — скомандовал Клифф.

Ближайший дом был облицован керамическими плитками со вставками из металла, похожего

на старинную бронзу. Клифф бросился туда, озираясь на бегу.

Говард задержался глянуть в бинокль, как изящное создание, яростно взмахивая крыльями, несется к ним.

— Говард!

Кверт опередил людей и первым достиг входа в дом. Чужак придерживал большую навесную дверь, пока земляне вбегали внутрь, под арочные своды.

— Говард!

— Внутрь надо, — сказал Кверт. — Разведчик умный…

Его слова заглушило нарастающее гудение. Говард дернулся и схватился за голову скрюченными пальцами. Сдавленный крик его быстро перешел в дикий, отчаянный вопль. Говард упал и стал хвататься за ноги, руки, грудь. Челюсть его отвисла, изо рта вырвался жуткий вой. Глаза закатились, обнажив белки.

Кверт захлопнул тяжелую металлическую дверь и запер ее на засов. Крик Говарда точно ножом срезало.

Клифф остался стоять у двери, тупо моргая, не в силах отогнать жуткое видение Говарда, отчаянно борющегося с незримыми демонами.

Остальные земляне озадаченно озирались. В убежище яблоку негде было упасть от силов: мерно струились потоки певучей речи, шаркали лапы, нервно бегали глаза в явном страхе перед новой атакой. Некоторые привалились к стенам, откинув головы и смежив веки, точно готовились к очередной катастрофе.

— Они быстро в убежище спустились, — сказала Ирма. — Наверное, уже привыкли.

Окон не было. Узкие комнатки освещались фосфоресцирующими полосами. Клифф пробирался через толпы силов, чувствуя на себе взгляды, блуждал по коридорам в поисках выхода. Спертый воздух убежища пропах чем-то кислым и незнакомым.

Развернувшись наконец, он обнаружил, что Кверт следует за ним по пятам.

— Боль проходит через стекла, — проговорил тот.

— Вы тут прячетесь от микроволновых излучателей Птиценарода?

Кверт выразил согласие непривычным для силов кивком головы.

— Народ изменил оружие. Добраться до вас.

Ирма протолкалась по внушающим клаустрофобию коридорчикам следом за Квертом.

— На этот раз они нас достали… то есть Говарда. Народ наверняка нашарил нужную частоту.

— Народа хорошие технологии. Быстро приспособить их могут. Всегда так было.

— И выслали этого разведчика? — Клиффу хотелось выскочить на помощь Говарду. — Мне бы взглянуть, как…

— Нет окон в этом месте. — Кверт повел лапой в жесте, который, как стало ясно Клиффу по многодневным церемониям погребения силов, означал *покойся с миром*.

Силы не позволили Клиффу даже выглянуть наружу. Один выбрался на разведку через мусоропровод, а возвратясь, доложил через Кверта быстрыми текучими фразами, что разведчик с большими блестящими глазами долго кружил над городом, наугад выцеливая силов болеизлучателем, после чего, видимо утомившись, улетел прочь.

— Раньше прилетали такие? — спросила Ирма.

— Только металл боль остановит. — У Кверта был усталый вид, на бледной морде и кожистой шее прочертились глубокие морщины. — Плотно надо.

Клифф знал, что микроволновое излучение длиной волны около трех миллиметров воздей-

ствует на человеческую нервную систему. Для силов длина волны, очевидно, другая, ведь раньше болевые проекторы на людей не действовали. Значит, Народ модифицировал свои излучатели и подобрал частоту примерно 100 ГГц, так, чтобы причинить Говарду смертоносную боль, и на эту перенастройку ушло совсем немного времени. Впечатляющее достижение.

— Наверное, они силов очень хорошо знают, и… — начала Ирма.

– *Акьюладаторпа* знает нас. Он вас искал.

— Вы уже давно вместе с Народом. В смысле, под их властью. Как вам удается это переносить?

Кверт долго не отвечал, но Клифф не торопил его. Он понимал, что людская привычка перебивать собеседника, забрасывая его вопросами, силам наверняка показалась грубым нарушением этикета.

Наконец Кверт с тяжким вздохом заговорил:

— У вас есть слово, *услада*, по-нашему — *охиг*. Или как-то так. Свет усладу дарует, солнце и Струя. Жизненная сила усладу несет. *Охиг* потоками вниз идет. Растения, животные, силы, а теперь и люди растут и учатся, и думают благодаря *охигу*. Крутится Чаша, сохраняет нас здесь, чтобы *охиг* сквозь нас перетекал, усладу дарил.

Силы в мире, люди в мире, Народ в мире. Народ больше *охига* имеет, плотнее их *охиг*. Движется *охиг* в мире, узоры образует. Народ зрит узоры. Если узор неправильно понять, то Народ неправильно действует.

— Они не кажутся нам лучше вас, силов.

— Не лучше. Они просто на своем месте.

— И что, они были на своем месте, когда учинили среди вас бойню?

— Правосудие грядет. *Охиг* пребудет.

То была самая длинная речь, какую они слышали от Кверта за все время, да и от любого сила. Силы, вероятно, предпочитали ловить момент, а не рассуждать о нем. Клифф им позавидовал.

Он пустился в бесцельные блуждания по дому. Перед его мысленным оком все еще корчился от боли Говард, терзая тело скрюченными пальцами. Клифф наткнулся на Ирму, которая забилась в какую-то каморку и тихо всхлипывала, сидя там на холодном каменном полу. Он сел рядом, обнял ее за плечи и привлек к себе, что-то зашептал на ухо, сжал в объятиях, изливая эмоции, которым не хотелось подбирать имен. Ему стало легче от одного этого. Он погладил напряженные мышцы у нее на шее и плечах. Ирма сделала то же самое для него. В сумраке они долго делились эмоци-

ями и чем-то большим. Клифф не нашел в себе сил плакать, а Ирма тихо всхлипывала у него на груди. Время растягивалось.

Они просидели в убежище много часов, прежде чем силы рискнули отпереть дверь и убрать блестящие пленки, которыми автоматически обматывались все дверные петли и промежутки между ними. Интенсивное электромагнитное излучение миллиметрового диапазона проникает в такие щели, даже если они миллиметровой ширины или еще теснее.

Клифф выглянул на улицу и увидел скорчившегося Говарда на земле. Силов поблизости не наблюдалось. Выбравшись через боковую дверь, они окинули взглядами небо. Пусто. Айбе с аптечкой первой помощи кинулся к товарищу… и тут же замер.

Говард и на человека-то почти не был похож. Скорей на скрюченного подгоревшего цыпленка табака. Губы синюшные, бескровные, руки пурпурные, в пузырях. Глаза немо взирали на людей, будто спрашивая, что случилось.

Клифф долго простоял, глядя в лицо мертвеца. Они с Говардом провели вместе много дней, с того самого момента, когда покинули корабль и пробились через воздушный шлюз при первой

высадке, исходили много кривых дорожек, вместе переживали приступы паники. Говард был физически крепок, но ему все время не везло: там оцарапается, тут неудачно прыгнет и неправильно приземлится, то что-то расшибет, то связки растянет. Как говорили им на предполетных тренировках, окончательной проверкой станет столкновение планов экспедиции с действительно серьезным препятствием, и никакие тесты, никакие тренировки не способны к этому полностью подготовить. Реальность разит быстро и пленных не берет. Клифф не предвидел угрозы, а Говард, по своему обыкновению, отстал на пару шагов. Отстал навеки, а Клифф его не уберег.

— Это быстро, — тихо признес Кверт. — Больно луч бьет.

Говарда погребли вместе с остальными силами. Клифф сказал на прощание пару слов, а на обратном пути заслышал знакомое слабое гудение в небе. Вздернулись головы. Силы рядом с Клиффом тревожно зашумели.

Изящный разведчик несся на малой высоте, стремительно взмахивая крыльями. Силы кинулись наутек. Их желтые глаза панически замельтешили в глазницах.

— Пора нам отсюда, — сказал Кверт.

Люди последовали за ним.

Часть третья
Status opera

Ученые исследуют мир таким, каков он есть; инженеры создают мир, которого никогда не существовало.

Теодор фон Карман

12

Мемор наблюдала, как приматка вопит и корчится. Пытается вырваться из лучевых пут, спотыкается. Сучит конечностями и задыхается. Оружие продолжало ее выцеливать, но бедняга не прекращала попыток спастись. Когда же оружейники слегка перенастроили большие антенны, вопли перешли в высокий прерывистый плач. Так продолжалось, пока Мемор не встопорщила перья в нетерпеливой команде. Болеизлучатель отключили.

Оружейники, весьма довольные собой, горделиво распушили перья, но промолчали. Им удалось найти правильную настройку и добиться устойчивого резонанса с нервной системой чужаков.

— Тананарив, — Мемор с акцентом произнесла имя приматки на неуклюжем языке людей, в котором освоилась лучше прочих, — как бы ты оценила предельно допустимый для тебя срок пребывания в такой агонии?

Приматка, оправившись от мучений, вскочила. Глаза ее сузились в щелки, губы сжались, голос

взлетел.

— Ты меня пытаешь, словно лабораторную зверюшку!

— На войне, — вежливо пояснила Мемор, — это вполне допустимо.

— Война? Мы просто высадились тут, попытались начать переговоры…

— Нет нужды прошлое ворошить, малышка. У нас полно работы, и опыт, в котором ты приняла участие, принес пользу.

— Как? — Приматка обессиленно осела на колени, потом изменила позу, опустилась на ягодицы, утерла пот со лба. — Чего вы добьетесь, потыкав в меня этим гребаным болевым лучом?

— Нам нужно понять, как лучше… вести переговоры… с твоими соплеменниками.

— То бишь — как с ними *воевать*.

— Разумеется. Переговорам предшествует открытое столкновение.

На лице Тананарив возникло выражение, которое Мемор узнала: осторожная расчетливость. Приматы передавали эмоции едва заметными движениями рта, глаз и подбородка. Вероятно, они развились в условиях плоской равнины и лишены были доступа к широкому разнообразию оттенков перьевого дискурса. Тананарив медлен-

но проговорила:

— Я очень рада, что они все еще на свободе. Это означает, что вы не в курсе, как с ними совладать.

Мемор терпеть не могла увертливую логику рассуждений приматки, но понимала, что придется втянуться в спор.

— Нужно призвать их к порядку. Причинение страданий куда более… благородно, чем обычное убийство. Полагаю, ты согласна с этим.

Тананарив огрызнулась:

— У тебя есть за что умереть? Например, за свободу жить так, как тебе хочется?

— Нет, смерть представляется мне бессмысленной. Если умереть, не получится воспользоваться результатами поступка.

— А гибель во спасение других? Или за свои убеждения?

— Я бы точно не стала жертвовать собой за свои убеждения. Я ведь могу ошибаться.

Тананарив помотала головой: надо полагать, принятый у этих существ жест отрицания.

— И ты ставишь на мне опыты, чтобы понять, какой уровень мощности подходит для пыток болевым лучом?

— Да, и частоту подстраиваю. А как еще

узнать?

Сжатые губы, глаза-щелочки. О да, это гнев; Мемор уже разбиралась в их мимике.

— Не делай так больше.

— Не вижу необходимости. Ты явно испытала ужасные мучения. Этого достаточно.

— Я хочу… спать.

— Эта возможность будет тебе предоставлена.

Мемор, честно говоря, устала от пыток. Она не любила причинять другим боль. Но Асенат, ее начальница, приказала разработать новое оружие, пригодное для резких болевых импульсов. Обычная конструкция, с успехом применявшаяся против силов, оказалась малоэффективна в той первой, неуклюжей битве. Мемор избегала вспоминать то сражение. Тогда погибла ее небесная рыба. Спасательная шлюпка отчалила с достаточным запасом времени, чтобы Мемор пронаблюдала, как извивается в воздухе исполинское летучее существо, которому пушечными залпами снизу продырявили водородные пузыри. Затем водород взорвался, гневные оранжевые пламенные шары полетели во все стороны, и небесная рыба издала длинную, раскатистую басовую ноту агонии. Вскоре предсмертный вопль оборвался, и огромное цилиндрическое тело, уже

смятое и объятое пламенем, грянулось на склон холма. Какое фиаско!

Мемор требовалось загладить позор. Она могла добиться прощения, в сжатые сроки разработав и представив вышестоящим модифицированный болеизлучатель: новая модель должна была поражать приматов, не перегружая их нервную систему сверх меры и не вызывая гибели. Теперь такое оружие у нее есть. По наитию, поддержанному оружейниками, Мемор приказала провести предварительные испытания на небольших приматах-древолазах, которых для этой цели отловили в Садах Цитадели. Казалось, что их нервные системы и уязвимости в значительной мере аналогичны, а раз так, то они и выступят оптимальными кандидатами.

Мемор горделиво напыжилась. Испытание оружия в городе силов носило предварительный характер; с небесной рыбы трудно было разобрать, сработало ли оно вообще против людей. Но с новыми настройками такое вполне вероятно. Силов нужно было призвать к порядку, а если заодно повезло нанести смертельный удар людям, которые там прячутся, то это уже приятный бонус.

— Потом поговорим, — сказала она примат-

ке. — У меня на уме еще более интересные опыты, в которых ты поучаствуешь.

Приматка издала серию низких тоновых сигналов, — наверное, обычное ворчание, а может, остаточный болевой симптом. Мемор рассудила, что лучше не отвлекаться на них, и отбыла, а за ней утянулись маленькие адъютанты и оружейники.

13

Мемор ненавидела попытки ее внутренней личности вывернуться перьями наружу.

Она не испытывала радости, тестируя новое оружие на своей подопечной, приматке. Мемор от этого мутило, у нее все закисало внутри. Но Асенат недвусмысленно потребовала быстрых результатов, и Мемор вынуждена была подчиниться, чтобы не рисковать головой. Она смирилась с навязанной логикой, как бы омерзительно ни было сопутствующее ощущение.

С другой стороны, болевой хлыст не просто причинял страдания: он обучал. Он в точности передавал информацию о власти более великой, стоящей за причиняемыми страданиями. В этом знании таилось гениальное умение *применять*, даже ценою труднопереносимых унижений. Болеизлучатель предоставлял жертве шанс принять наказание во имя высшей цели, быть может, более тяжкого бремени — и то выдалось бы действительно более тяжким, случись жертве отвергнуть предложение. Понимание высшей цели с необходимостью достигается через боль.

Разумеется, приматам это пока невдомек, но

со временем и они Адаптируются. Если же их все-таки не получится раскрыть, то… ну, что ж, тогда они будут истреблены прежде, чем их непокорность обернется серьезными проблемами.

Мемор шла по коридорам под величественными арками, разглядывая чудеса древности и позволяя себе немного отвлечься. В Чаше клыки времени стачиваются медленно. По природе своей Чаша обязана существовать в равновесии. Виды-Инженеры должны исправлять возникшие проблемы, не позволяя себе роскоши метода проб и ошибок. Это значит, что Инженерам необходимо руководствоваться не изобретательностью, но памятью. Интеллект менее важен, нежели заученные до автоматизма реакции на то, что уже случалось раньше, отклики, вошедшие в культурный багаж. Ментальные качества оформлялись соответственно. Таков был Путь.

Мемор размышляла об этом, наблюдая за отбраковкой каких-то мутантов. Их вид был близок пальцезмейкам, но особи вырастали меньшего размера; их тоже подобрали давным-давно с мира, отличавшегося быстрой тектоникой плит. Эволюция развила у них быстроту отклика на опасности предательски изменчивой среды; так зародился умелый интеллект. Мемор видела

города, которые сооружала эта раса под поверхностью Чаши, когда получала на то позволение: элегантные, изящные лабиринтоподобные структуры, выдающие несомненный и весьма впечатляющий вкус. Мемор весьма удивилась, узнав, что у этих змей в геноме имеются фрагменты, вынуждающие их противиться нирване Чаши. Ведь, по логике вещей, им бы надлежало исполниться бесконечной благодарности за то, как их освободили от лишений родного мира, где устрашающие землетрясения, яростные непредсказуемые вулканы и ревущие океанские волны зачастую камня на камне не оставляли от их надежд и подповерхностных обиталищ?

Возможно, эти переживания слишком ощутимо запечатлелись в их интеллекте, побуждая стремиться к независимости. Мутантов засунули в палату с прозрачными стенами, а исследовательская группа проводила эксперименты, нацеленные на коррекцию ментальных ошибок у змей. Видимо, один такой опыт привел к нежелательным последствиям, и теперь экспериментаторы травили змей газом; Мемор задержалась поглядеть на их кончину — разумные змеи свивались тугими узлами. Тела их скручивались от боли, пасти растягивались в агонии. Ну, по крайней

мере, не слышно воплей, как было с Тананарив. Глядя на умирающих мутантов через прозрачную преграду, Мемор поневоле вернулась мыслями к приматам, которых в случае дальнейшего неповиновения ждет такая же участь.

Как, впрочем, и силов, которые, объединившись с приматами-ренегатами, низвергли с небес летающую рыбу Мемор. После такой наглости не осталось выбора, кроме показательного уничтожения города силов, хотя, стоило отметить, впервые эта идея пришла в тонкую, но увесистую голову Асенат, нынешней Старшей Мудрицы на царствии.

Мемор вздохнула и двинулась дальше, оставив змей наедине с агонией. Ей самой предстояла немногим более приятная встреча с Асенат, а Старшая Мудрица была известна непостоянством характера, за что Мемор ее искренне недолюбливала и боялась.

Волею случая долгая история Чаши повернулась таким образом, что камеры смертников и тюрьмы соседствовали с древними местами последнего упокоения. Ныне все эти территории входили в состав раскинувшейся среди роскошных зеленых полей Цитадели. Мемор шла мимо величественных каменных сооружений несо-

мненной древности, мимо замшелых входов в отполированные временем каменные крипты. Кое-где виднелись следы активности расхитителей гробниц, но даже эти свидетельства грубого взлома уже в основном сгладились. В гробницах покоились умершие давным-давно, когда ритуал погребения еще был допустимым, прежде чем стало ясно, что все жизненно важные элементы и биомасса должны подвергаться переработке. Несомненно, нет чести высшей, нежели упокоиться в жизни вечной, а не просто окислившейся окаменелостью. Тела внутри гробниц давно стали добычей воздуха, и остались одни высохшие кости — незначительный, неубранный урожай кальция. Погребенные с усопшими ценности — украшения и семейные реликвии — также давно исчезли, став добычей бесцеремонных взломщиков. Прошлое всегда грабить легче.

Но постичь — не так легко, явилась непрошеная мысль. Мемор замерла от неожиданности. Адъютанты зашуршали перьями, не зная, как реагировать. Мемор шелестом своего оперения велела им сохранять дистанцию. Это «*но постичь — не так легко*» было окутано виной и страхом. Мемор *почувствовала* мысленный голос и поняла, что исходил он из Подсознания. Там что-то

нагноилось, а ныне пытается пробиться наверх, взывая к ней. Необходимо разобраться с этим происшествием, постичь смысл эмоционального скачка.

Но не сейчас.

Она принудила себя двинуться дальше в прежнем темпе: свита не должна видеть, как она напряжена. Лучше пошелестеть еще перьями, вздохнуть и пойти своей дорогой как ни в чем не бывало.

Она замечала вокруг бесцельные послания неведомому будущему, вот, скажем: ПРОЧЕСТЬ ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ — это из той давно забытой эпохи, когда сознание записывали на кремниевые носители либо погружали в криосон, надеясь, что их разбудят в неопределенном более продвинутом и изобильном будущем. Не будили никого, ибо Чаша никогда не испытывала недостатка в умах. Как и в телах, ибо численность говорящих, способных передвигаться существ регулировалась соображениями стабильности, а не достатка. Цель Чаши — не в этих умах, но в дальней перспективе, коей привержен и сам Народ… а с ним, разумеется, виды-счастливчики, которых за бессчетные обороты принимали на борт, дабы использовать на благо Чаши, дабы она

плыла в космосе *все дальше и дальше,* созерцая и постигая величие странных, изобильных, чудесных и могучих порождений Галактики. Кто бы ни, или, вернее, что бы ни написало ПРОЧЕСТЬ ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ, его питала какая-то иллюзия прошлого. Ныне же они суть ароматная пыль, дрейфующая в воздухе под тяжелыми шагами ножищ Мемор.

Она озиралась, смакуя впечатления. Некоторые мавзолеи были снабжены высеченными на камне эпитафиями; возможно, уважение к изяществу этих надписей помогло тяжелым, насыщенным углеродом стенам устоять в неприкосновенности, граничащей с почитанием. Вот одна:

Я, Плонеджур, был шут известный,
Я шутками и смехом боль лечил,
Тех раз не счесть, когда я умирал на сцене…
Но так, как здесь, я умер в первый раз.

Другая была строже и суше:

Иную Птицу узрел Диуреус,
Виной клейменную, нескладную,

И, что страшнее, на кресте повыше,

Чем сам он, тут умерший

В бессильной зависти к ней.

Приятно было прикоснуться к древним шуткам. Вот бы еще и гены одарили Асенат хоть минимальным чувством юмора… Ага, а вот эпитафия, вполне подходящая к меланхоличной натуре Старшей Мудрицы:

Мне сказали, Герадолис, тебя уж нет в живых,

И чтоб тебя оплакать, не хватит слез моих.

Рыдаю я, как вспомню, сколь часто мы с тобой

Томили разговорами Струю над головой.

Мемор подумалось, что с момента, когда была высечена эта надпись, на множестве планет зародилась жизнь и столь же многие миры стали непригодными для жизни в силу жестокости истории. Но *Струя над головой* пребывает и ныне.

О! Вход в Цитадель уже близок; нет больше времени предаваться размышлениям. *Ступай*

горделиво и с достоинством…

Мемор величественно проследовала внутрь, держась с обычным изяществом и высоко воздев голову; свита адъютантов сопровождала ее под исполинскими арками Цитадели Воспоминаний. Ее приветствовали торжественной музыкой. В ее честь испустили пикантно пахнущую дымку, и Мемор из вежливости вдохнула, поклонилась и взъерошила перья в быстром рубиновом салюте. Ее тут же окружили с предложениями ухода за оперением, стали ласкать кожистые наросты на голове, шептать пожелания удачи и отпускать сальные комплименты, мимоходом приглашать в разные места, соблазняя усладами. Ароматы пьянящих перспектив устремились ей в ноздри, окрасив вдыхаемый воздух предвкушением сочных развлечений.

Она нетерпеливо отмела все соблазны и стала оглядываться в поисках портала, ведущего к Асенат. Придворный гомон ошеломлял разнообразием сенсорных возбудителей, приветствий, запахов; щекотали кожу и оперение мимолетные разряды, бередили слух высокочастотные призывы, дрейфовала по залам ажурная дымка сплетен. Все это надлежало старательно игнорировать, показывая тем самым, что Мемор выше суеты

светских бесстыдников.

Под бастионами Цитадели, напоминавшими скальные отроги, увитые красочными мегацветами, собралась шумная толпа. Большинство явилось поглазеть на казни. Древние законы запрещали любую регистрацию ритуальных смертей, визуальную или звуковую, на любом носителе, и зевак манил непосредственный чувственный опыт. У всех были увеличительные приборы, всех окутывала аура нетерпеливого предвкушения. Мимолетные голоса изнывали от голода по чему-то неопределимому, не осознанному зрителями до конца.

Все это Мемор отринула.

Административные помещения надежно экранировались от нежелательного присутствия. Толпу, влекомую простой жаждой ощущений, и еще большее число скудных умом случайных посетителей отклоняли от путей туда бледными люминесцентными преградами, возвращая к скитанию по сырым коридорам в поисках элементарных безыскусных наслаждений. В таких местах особи, не слишком одаренные интеллектуально, обретали преходящие услады и забывали, зачем явились, утрачивали на краткое досадное время, увы, даже память о смысле бытия Народа

как такового. Впрочем, они на это не сетовали.

Бледные сияющие занавески умных сенсоров знали, кого пропускать в сии стены и по чьему приглашению. Встроенные интеллектуальные системы в неусыпном круговом дозоре своем указывали Мемор сияющими янтарными пальцами путь по древним мрачным коридорам. Мерцающие сети систем безопасности покрывали шероховатые стены и будто бы приветственно подмигивали. Мемор вдыхала влажный прохладный воздух. В Цитадели перемены дизайна были обычным явлением, но лишь древнейшая зона комплекса, неизменная, наилучшим образом воплощала колоссальную мощь. Тайны, высеченные в камне, элегантная и благородно-возвышенная мудрость предков, ниспославшая формы грубой скале. Мемор удовлетворенно вздохнула. Чувство *принадлежности* этому месту охватило ее.

В Подсознании расцвела изысканная и неяркая смесь удивления и страха перед неведомым; Мемор не без облегчения приняла ее. Отринув воспоминание о странном неприятном уколе мысли, она сконцентрировалась на сиюминутном. Подсознание предостерегало, что из древней, любезно привечавшей гостью Цитадели

возврата не будет и ее тут казнят. Случись ей потерпеть неудачу — а полная ответственность за укрощение приматов теперь возложена на Мемор, — пощады не видать.

Но эти думы не смогли изгнать непроизвольный трепет восторга перед здешним величием. Разумеется, Подсознанию свойственны повадки трикстера, оно порою остроумно внедряет в речь Птиц отдельные слова или целые фразы. Классическая литература, как и современная комедия, пестрела шутками о непокорных Подсознаниях.

Мемор чувствовала, что Подсознание взбудоражено и исполнено рвения, и лишь надеялась, что сумеет удержать его под тщательным контролем. И вправду, *не так легко* его познать.

Драматические переживания для Астрономов — редкость, и Мемор была за них благодарна.

Ага! Вот и нужный портал. Она оказалась в компании нескольких Астрономов, которые приветствовали Мемор оранжевыми и изумрудными перьевыми гребнями и сообразными статусу трелями. Поворачивались головы. Расширялись глазницы. Эхом отдавались в стенах глубокие басовые дружелюбные ноты. Конечно, все и так знали, что Мемор вызвана на ковер, и с плохо скрываемым нетерпением ожидали развития

событий. Предвкушением сияли их глаза и трепетали шейные перья.

Мемор пришлось дождаться, пока завершится ритуал Проявления Перемены. Трансформация эта была весьма трудоемкой и требовала нешуточной целеустремленности. Птица, прежде бывшая самцом, приблизилась к приветствовавшему ее собранию шаткой походкой, неуверенно и близоруко озираясь, и с трудом, но не без торжества пала ниц. Новая Она обвела взором других Птиц, не скрывая замешательства и морща кожу у клюва. После изумленно заморгала, озадаченно зарябила перьями и отобразила мутно-пурпурный дискурс теплящейся надежды. Мемор вспомнила себя в аналогичном состоянии: память о мужской фазе существования тает, а новая *Она* оглядывается на свет слезящимися глазами.

Отныне ей предстояли трудные обороты постижения перспектив Самки, в продолжение коих, однако, требуется сберечь как можно больше воспоминаний о нетерпеливой, полной исследовательского пыла ипостаси Самца. Мемор не сдержала порыва и влила свое глубокое сопрано в поднявшийся радостный хоровой напев, исполненный глубоких приветственных нот басов и окаймленный высокими резонансами теноров;

все вместе славили они успех обряда перехода и новую, обретенную в опыте симпатию, даруемую Переменой. Новая Она со временем, причастившись фундаментальной астрофизики и Древней Истории, вступит в орден Астрономов. Основополагающий баланс Его и Ее, подобный танцу, рождал мудрость в прошлом, принесет он ее и в будущем.

Устремившись торжественным и внушительным шагом к новенькой, Мемор осведомилась о новом Ее имени: Дзетаса. Со временем новая Она может — должна — влиться еще одним жизнеупрочняющим элементом в сообщество, как то диктовала мудрая методика, разработанная Народом за многие двадцатки тысячелетий великой древности. Истина сия была фундаментальна, проверена временем и несла устойчивость Порядку Жизни. Мемор смаковала ее.

— Мемор! — прервал ее размышления глубокий, суровый басовый возглас Асенат. — Приветствую, давненько не виделись.

Это было не так, но, вероятно, полезней согласиться.

— Приветствую и вас, — произнесла Мемор, растягивая ноты. — Я хотела бы посовещаться с вами о текущих трудностях.

Ее перья приобрели полутеневую светло-желтую окраску; присутствующие возбужденно зашептались. Мемор, следуя традиции, игнорировала хор сопрано-трелей, выражавших предположения о ее участи.

— Надо полагать, трудности твои за последнее время умножились.

— Я схватила одну приматку, и мне многое удалось узнать от нее, — сказала Мемор без обиняков. — Прямо сейчас, когда мы говорим, небесная рыба опускается над землями силов, чтобы либо пленить остающихся в Чаше приматов, либо уничтожить их.

— Но, как губернаторы, мы обязаны считаться с возможным недовольством держателей Чаши, которым подобные меры могут не понравиться.

Асенат подчеркнула свое беспокойство, встопорщив красные и золотые перья, но Мемор оно показалось притворным.

Тут что-то другое.

— Пожалуйста, просветите меня, — сказала Мемор, решив перевести беседу в режим, отвечавший статусу участниц. Пускай Асенат берет инициативу на себя.

— Если мне правильно помнится, ты показала нам результаты допросов и исследование ней-

ронных сетей этих приматов. Эукариоты, многоклеточные, с двусторонней телесной симметрией и закрытыми Подсознаниями — увлекательная история. После этого ты предположила, что интеллектом они значительно уступают Народу, хотя и, вероятно, превосходят Адаптов. Несмотря на это, они продолжают успешно скрываться от нас, а теперь половине приматов удалось *сбежать из Чаши*!

Низкоранговые слушатели, не сговариваясь, изумленно выдохнули. *Сбежать?!* — означало это невысказанное восклицание. Мемор полуразвернулась, закрывая большую часть группы от пронзительного взора Асенат.

— И теперь эти беглецы вернулись к себе на плазменный ионоточник. Тебе *по-прежнему* кажется, что мы их сможем наставить на Путь?

Мемор ответила, сопроводив свои слова перьевым просверком почтительного смущения:

— Я приношу вам свои самые искренние извинения за неудачу, какая постигла меня в попытках удержать или возвратить странных приматов. Полагаю, их диковинная поступь — непрерывное контролируемое падение с задних конечностей, какие у них покрыты плотными искусственными оболочками, — дает символиче-

ский ключ к их способности импровизировать. Они куда быстрее схватывают новые идеи, чем поначалу нам казалось. Взять, к примеру, то, как им удалось в краткие сроки наладить союз или сотрудничество с силами — другим видом двуногих, что, смею отметить я, в известной мере раскрывает причину их мятежа. Приматы, приехавшие на поезде, немедля вступили в битву между силами и небесной рыбой. Как такое могло произойти столь стремительно, я не понимаю. Возможно, мы имеем дело со случаем инстинктивной межвидовой сигнализации.

— Я бы сказала, что их двуногость указывает на предварительную Адаптацию к некоему агрессивному миру, скорому на расправу.

— Итак… вы склоняетесь к истреблению?..

Асенат поняла, что ее подталкивают к поспешному решению, какие она неизменно почитала ошибочными.

— Возможно, однако не сразу. Их корабль обладает интересными характеристиками; в частности, нам было бы полезно изучить устройство их систем контроля магнитной ловушки.

— Ах да. В таком случае, полагаю, я вправе рассчитывать на ваш совет?

Мемор поманила Асенат в сторону перего-

ворного клуатра, на миг встопорщив перья с намеком, что беседу следует уподобить обычной прогулке. Люминесцирующие стены аркад источали теплое зеленое сияние; пройдя в эти тесные пределы, Мемор опустила за собой мерцающую электрическими оттенками голубого завесу звукопоглотителя.

— Я бы не хотела при них упоминать о том, что наши проблемы с регуляцией Струи продолжаются.

— Ты считаешь, приматы могут нам как-то помочь? — Шейная бахрома Асенат скептически встопорщилась.

— Они изобретательны…

— Ты же не всерьез предлагаешь доверить им управление самым священным, самым важным для Чаши объектом!

— Я пыталась только…

— Некоторые в нашем Народе саму идею посчитают отъявленной ересью. — Испытующий неспешный взор, никаких перьевых сигналов. — Не исключаю… что и я тоже.

Несомненная угроза. Перьевые узоры Асенат из ярких, приятных глазу, розово-пурпурных и оливковых стали оловянно-серыми и тревожно-синими, приглушенными. А вдобавок зловеще

зашуршали. Если Мемор лишится милости Асенат, перед нею откроются несколько путей, и ни один не будет привлекателен. Значит… признать поражение, первым долгом и сейчас же.

— Я упомянула о такой вероятности лишь потому, что к этой мысли меня склонила история моего собственного едва удавшегося побега, когда приматы и силы атаковали небесную рыбу. Я обнаружила, что приматы быстро приспособились пользоваться оружием силов, основанным на химической энергии. Нашим группам захвата также следует это учесть. Приматы умны, оригинальны, непредсказуемы. Я хотела сразу же доложить…

— Твоя гибель от их рук послужила бы той же цели не менее успешно, — сухо ответила Асенат.

Мемор, игнорируя выпад, продолжала:

— Старшая Мудрица, я предоставила вам записи, которые…

— Которые показали, что Позднейшие Захватчики отличаются непредсказуемым поведением, импульсивны, непостоянны, своенравны. Коротко говоря, они воплощают все те качества, какие мы, Птицы, подавили в себе во имя благополучия Чаши Небес. И этих же Позднейших Захватчиков ты предлагаешь использовать, *подрядить*,

чтобы…

— Нет, нет! Мне показалось, мы могли бы получить от них информацию о новых технологиях, убедить их помочь нам, узнать об их мире, быть может, даже не посещенном ранее…

— А потом?

— Ну, если их Адаптация к нашему обществу не увенчается успехом, то и их, и этот странный корабль придется ликвидировать.

Асенат отдала едва заметную честь перьями, запятнав ее, однако, скептическим красным мазком на горле.

— Вынуждена признать, Уполномоченная Астроном-Дальновзорка, что ты хорошо маневрируешь в палатах Цитадели, но, увы, не на поле битвы.

— Я не командовала небесной рыбой!

— А у меня иные сведения…

Мемор с опозданием вспомнила, как отдавала приказы капитану небесной рыбы. Отзвуки залпов примитивной артиллерии силов так бухали в переборках живого цеппелина, что у нее сдали нервы. Еще не начали лопаться водородные пузыри, а на борту уже воцарилась паника. Лишь своему быстрому решению взять командование на себя она была обязана жизнью. На прощание

Мемор бросила капитану обреченного судна: *Времени на споры у нас нет. Дайте мне мою шлюпку сейчас же.* Капитан, конечно, не оценил заключенной в реплике иронии. А Мемор сбежала не оглядываясь. Облажавшийся капитан получил по заслугам.

Мемор не успела еще толком удалиться от серокожей громыхающей туши, как очередной залп силов, рикошетировав от килевой кости, пробил один из водородных пузырей и внешнюю стенку туловища. Конечно, пушкарям просто повезло, но Мемор в это время находилась неприятно близко и в деталях пронаблюдала, как накатывает на спасательную шлюпку ударная волна от взрыва водородного пузыря; малого не хватило, чтобы шлюпку сбило в смертоносное рыскание и послало кувыркаться к земле. Мемор вздрогнула, услышав долгий пронзительный вопль небесной рыбы, означавший, что той пришел конец.

Мемор поймала себя на том, что молчание под неожиданным приливом воспоминаний слишком затягивается. Подсознание тогда не обработало травматические переживания, но и сейчас для них поистине нет времени.

— Я всего лишь высказала несколько предложений капитану в горячке момента.

— И после твоего побега стало еще жарче, — с брезгливой лаконичностью подытожила Асенат, глядя на Мемор сузившимися глазами.

— Не решись я сбежать, вы бы мало что узнали о случившемся.

— Ты отдаешь себе отчет, что уже в немилости?

— Я отдаю себе отчет в том, что мои действия не встретили всеобщего одобрения. С приматами нелегко сладить, поскольку их ментальные структуры работают в примитивных режимах. Нам давно уже не приходилось встречаться с подобными существами.

— Ну, по крайней мере, ты сумела вернуть себе одну из особей, сбежавших ранее. Остальные же, насколько можно судить, разделены на два отряда: те, кого нам так и не удалось пленить, скрываются где-то среди силов, а другие четверо вернулись на свой звездолет. Последнее особенно возмутительно. Их кораблю каким-то образом удается маневрировать так, что гамма-лазеры на ободе бессильны выцелить его.

— Да, это чрезвычайно досадно. — Мемор зарябила янтарными и серовато-синими перьями, выражая всемерное раскаяние. — Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что наши системы обо-

роны специально устроены так, чтобы их орудия не могли нацелиться внутрь Чаши; это решение было принято Древними давным-давно, после восстания Максимизаторов.

— Твои знания истории точны. К сожалению, движение Максимизаторов не искоренено полностью, и я опасаюсь, что им-то приматы и обязаны сведениями об этой прорехе в нашей обороне.

— Я этого не знала! — Удивление Мемор было непритворным; воистину скверная новость, но, если рассудить, старая прореха в системах защиты вряд ли могла бы проявиться в более подходящий для таких целей миг, чем при вторжении Позднейших Захватчиков.

— А это и не твое дело, Мемор. Сосредоточься на Позднейших Захватчиках.

— Вы имеете в виду, на их поимке и уничтожении?

Так было бы проще всего, а заодно и Мемор вывела бы себя из-под удара. Впрочем, она бы потом жалела о потере приматов, ибо архаичная таинственность этой расы будоражила ее любопытство.

— Нет! Я склонялась к такому решению прежде, но теперь приходится учитывать новые факторы. Чтобы постичь их, а также по соображениям

секретности, спустимся в Убежище.

У Мемор из Подсознания поднялась рябь неуверенности. За консультациями в Убежище по приятным поводам не спускаются.

— Но зачем?

— Об этом тебе придется спросить Унаджьюханах, библиотекаря Убежища.

Само по себе это предложение так озадачило Мемор, что ее охватил ужас.

14

Про Унаджьюханах рассказывали старую шутку, что она любит распевать древние песни на общественных церемониях, даже на похоронах. Когда ее спрашивали, произошло ли такое на очередной церемонии, Унаджьюханах всегда отвечала, что нет, и тут же получала подначку: *тогда то была воистину легкая смерть.*

— Приветствую тебя, Асенат, — Унаджьюханах начала разговор с ритуального перьевого салюта — серо-фиолетовой ряби. Выяснилось, что при этом ее высокое оперение воссоздает Великую Печать Убежища; зрелище немало впечатляло. Мемор даже заметила белый просверк на месте официального девиза древних времен, что ныне уже не поддавался толкованию, однако сохранял символическое значение. На Печати он поблескивал безмолвным напоминанием о долговременных целях Чаши и, следовательно, Убежища.

Асенат представила библиотекарше Мемор; впрочем, необходимости в том не было, поскольку Унаджьюханах взмахом перьев прервала пересказ биографии Мемор и обратилась к ней

напрямую.

— Мемор, я с интересом прислушаюсь к твоему мнению, ибо знавала великих твоих предков и в определенном долгу перед ними. Самим нынешним существованием обязана я тому обстоятельству, что много поколений назад некая НароДама воспротивилась беспорядкам, непосредственно угрожавшим Убежищу, и встала на его защиту. Эта древлеПтица ныне предстала передо мною снова, ибо малая толика ее генетического наследия присутствует в тебе.

— Весьма признательна вам, — отвечала Мемор, сопровождая слова простым мягким розовым сигналом перьевой бахромы на шее.

— Есть у меня для тебя своеобразный сюрприз, дабы могла ты затем в полной мере предаться дискуссии. Вот твоя вторая половинка. — Унаджьюханах выдержала паузу и возвысила голос: — Войди же, Бемор.

Бемор. При звуках этого имени нахлынули воспоминания юности — а глаза сосредоточились на высоком, слегка неуклюжем самце, который был… у нее перехватило дух… ее копией. По крайней мере, генетической. *Бемор! Потерянный брат!* Их разделили задолго до того, как Мемор подвергся Перемене. *Бемор.* Теперь ей припомни-

лась их старая шутка. Как хорошо им было вместе в молодые годы, много кубодюжин оборотов назад… но с тех пор к шутке успела примешаться горечь. Бемор стал кем-то большим, нежели Мемор. Сделался умнее, прозорливее, познал больше, оказался сопричастен большей власти, постигал глубины Порядка Вещей, поднялся выше, приказывал большему числу подчиненных. *Бемор. Больше, чем Мемор.*

— Брат! — воскликнула Мемор, ибо Бемор не претерпел в молодости агонической трансформации Перемен, в отличие от большинства остальных. Быть больше, чем Мемор, означало остаться самцом.

— Мне показалось, такой сюрприз будет уместен, иначе вы могли бы столкнуться друг с другом в менее непринужденной обстановке, — весело прокомментировала Унаджьюханах, раздельно топорща рубиновые перья на груди.

Она явно наслаждалась происходящим.

— Прекрасная турбина твоего разума вращается гладко, — произнес Бемор вместо предисловия. — Я прочувствовал твои доклады. Весьма сложные и глубокие.

— Прочувствовал? — Мемор сообразила, что результаты полного сканирования ее личности,

проводящегося в рутинном порядке для корректировок производительности труда, были доступны не ей одной. Обычно в таких вопросах старались блюсти приватность, но сверхсекретная операция требовала презреть личные границы.

— И крайне занимательные, — продолжил Бемор. — У тебя отличная память, а Подсознание служит ценным источником прозрений. Сами по себе факты, с какими довелось тебе столкнуться, достойны напряженной драмы. С трудом постигаю я природу этих странных чужаков, Позднейших Захватчиков. Но как же они дерзки!

— Что ты имеешь в виду? Что они от меня улизнули?

— Нет, я имею в виду их неожиданное технологическое мастерство, представляющее для нас интерес.

Мемор уверилась, что *прекрасная турбина твоего разума* была ироническим комплиментом, но почла за лучшее не привлекать к тому внимания Унаджьюханах.

— Ну, возможно, если только сумеем их адаптировать…

— Не думаю. Они чересчур нестабильны в видовом отношении. Лучше будет применить их для более масштабных задач нашего путешествия.

Это было что-то новенькое, выходящее за пределы проверенных временем предписаний Астрономов, да и других каст. *Более масштабные задачи путешествия?* В другой ситуации Мемор бы это шокировало, но не сейчас.

— Я пыталась ограничить их активность по настоянию Асенат.

Бемор отмел ее замечание раздельными вспышками зелени и морской синевы в оперении.

— Эти приказы отныне недействительны. Новая муд– рость явлена нам со звезд.

Мемор помахала перьями, пытаясь успокоиться, и предоставила инициативу Асенат. Она еще не отошла от ментального потрясения, в какое повергла ее неожиданная встреча с близнецом; Бемор воплощал путь, по которому могла бы двинуться и она сама, решив остаться мужчиной. Бемор держался резковато, говорил лаконично, без всяких претензий на дипломатичность и вежливых иносказаний. По-мужски. Лучше сменить тему.

— Я встретила непредвиденные трудности у силов, предоставивших приматам убежище. Должна признать, их оборона против нашей небесной рыбы оказалась эффективней, чем можно было прогнозировать для существ с хими-

ческими пушками. Я…

— Ты спаслась бегством, как и должна была, — мягко закончил Бемор, переминаясь с ножищи на ножищу в едва уловимом танце приветствия — *пытается смягчить то, что последует дальше?* — Находчивость приматов обрела нелинейное подкрепление у силов, которые в свой черед всегда отличались непредсказуемостью и доставляли нам проблемы.

— Они — дестабилизирующий фактор, — добавила Асенат, — и таковым остаются.

Но тут же отошла в сторону, позволяя близнецам скоординировать новообретенное равновесие. За ней удалилась Унаджьюханах, отвесив вежливый неглубокий поклон. До Мемор стало доходить, что встреча была устроена с намерением ввести ее в курс секретного дела, но так, чтобы это оптимально соответствовало вечной иерархической борьбе в обществе Астрономов, а также, разумеется, не поколебало статуса Убежища, где хранились самые старые записи и продолжалась работа по интеграции их со вновь поступающими данными.

Что же, придется ловить момент.

— И куда вторгается новая мудрость? — спросила Мемор, употребив древнее выражение,

унаследованное, как считалось, от Строителей, хотя с надежностью ориентироваться среди бесчисленных эр Чаши было невозможно.

— Она пополняет кладезь наших знаний о гравитационных волнах и подлинном происхождении оных, — ответил Бемор.

— Насколько мне помнится, — сказала Мемор, — они приходят с Глории или из какого-то источника, расположенного за нею. — Это было известно еще до ее рождения.

— Не за нею, — произнес Бемор. — Не из другого источника. Источник расположен непосредственно в системе Глории.

— Нет ли все же вероятности, о какой ранее строили предположения, что гравитационные волны приходят из какого-нибудь иного места, волею случая проецирующегося на Глорию? Из какого-нибудь источника космологических масштабов, очень далекого?

— Нет. И близко нет. Вижу, ты зря тратила время своей ранней учебы.

Мемор поняла, что эта подколка отсылает к результатам их предварительного тестирования в сложном отборе перед возведением в касту Астрономов. Мемор никогда особо не давалось квадлинеальное исчисление, а Бемор никогда не

забывал ей об этом напоминать… Положительно, она *обязана* вернуть себе хотя бы часть уверенности в разговоре, который проходит на глазах у вышестоящих.

— Но ведь такие огромные массы просто не могут перемещаться по соседству с планетной системой. Они бы дестабилизировали орбиты всех близлежащих миров…

— Эти представления надлежит пересмотреть. Если верить нашим торговым партнерам по Сети, факты говорят о противоположном.

— А при чем тут…

Бемор довольно просиял, но от избранной суховато-фактологической манеры разговора не отошел.

— Как тебе может помниться, несколько долгооборотов назад мы попросили их установить у себя гравитационно-волновые антенны и сфокусироваться на Глории. Они выполнили наше пожелание, и ныне, прибегнув к хитроумным торговым схемам, мы заполучили нужные данные.

Хорошо же. Нужно выгадать время *на размышления*.

— Я этого не знала. Дорого, да?

Бемор сохранил достаточное сходство харак-

теров с Мемор, чтобы та без труда прочла по резким движениям его перьев, шелесту плюмажа, изгибам спинных гребешков (отчего перья из синевато-стальных стали индиговыми), что он предвкушает срыв покровов с какой-то потрясающей вести.

Асенат пошелестела розовыми шейными перьями, умело подав иронический сигнал. Мемор догадывалась, что между Бемором и Асенат разыгрывается один из актов игры высших каст, *Status Opera*, единственно допустимой в статичной общественной структуре — а именно таким должно было оставаться общество Чаши во имя стабильности. Допускались маневры в поисках предпочтительной позиции, но лишь осторожные, умелые, ибо незыблемость системы превыше всего.

Бемор тоже участвовал в игре и растягивал наслаждение.

— Я связался с тремя партнерами по Галактической Сети. В одном случае партнерская цивилизация не имела никакого понятия о гравитационных волнах и средствах обнаружения таковых. Те же, кто о них знал, не превосходили в этом отношении нашего собственного уровня; впрочем, это было ожидаемо.

Бемор говорил тоном констатации фактов, очень спокойно, почти рассеянно, однако легкие крыльевые взмахи выдавали грядущее откровение. Мемор одобрила избранный им метод, ибо и сама такой предпочитала. В конце концов, они же близнецы… Но Бемор действовал, как ей показалось, с большей живостью и художественной яркостью, словно зная, что слушатели это одобрят.

— Мне пришлось поделиться с ними ценными произведениями искусства и научными данными, чтобы склонить к сотрудничеству, — сказал Бемор. — Мы вели меновую торговлю и многое приобрели, хотя, конечно, любые операции протекали с задержкой на много оборотов. Я использовал для описания наших целей эффективный торговый язык и активировал искусственных разумных агентов, внедренных нами в общества партнеров значительно раньше.

Мемор оказалась в затруднении, поскольку была далека от подобных дипломатических практик. Она знала, что Древние считали полезным засылать агентов в дальние миры в закодированном виде. Межзвездная коммерция на больших расстояниях обретает смысл только в том случае, если любой обмен знаниями — произведениями

искусства, научными данными, технологиями, эквивалентами патентов — получает определенное стоимостное выражение. Регулировали этот рынок искусственные интеллекты, функционировавшие в предварительно оговоренных средах внутри чужих обществ: Средоточиях Разума. Были разработаны хитроумные протоколы, следившие за тем, чтобы искусственный интеллект не выбирался за пределы своего Средоточия Разума. И сами они тоже пребывали там в безопасности, поскольку работе кода ничто не мешало извне. Такая мера помогала защитить секреты Чаши от чужаков, а инфосферы других миров — от влияния торгового агента.

— Я выбрал по-настоящему далекие миры по двум причинам, — сказал Бемор. — Они должны были располагаться вдали от нашей траектории, чтобы помочь с триангуляцией глорианского источника. И…

— Вы соблюдали двойное шифрование? — перебила Асенат. — Вы уверены, что сигнатуры гравитационных волн считывались нашим агентом в абсолютном уединении?

— Да, я получил закодированные подтверждения. В общем-то получил еще много оборотов назад, задолго до того, как первый торговый парт-

нер уведомил нас об этом официально.

— То есть?! Как так? Они долго взвешивали, сообщать ли нам в принципе или нет?

Бемор озадаченно посмотрел на нее, слегка обескураженный наскоками.

— Осторожность тут вполне приветствуется, разве нет? Первый ответ поступил от инсектоидной цивилизации, которая, по всей вероятности, жаждет получить астрономические знания. Они охотно обмениваются такой информацией и быстро соорудили требуемые детекторы.

— Как далеки они?

— До них более двенадцати световых квадрато-оборотов под острым углом к нашей траектории. Второй ответ пришел примерно с такого же расстояния, но под другим углом, более тупым. Мы заплатили им технической информацией, которая, как подсказывал опыт прежних контактов, могла им пригодиться. Использовалась местная банковская технология; кредиты, не потраченные локально, могут быть, разумеется, впоследствии с безопасными сертификатами шифрования переуступлены другим звездным системам. После этого мы получили третий ответ, от партнеров столь же добросовестных. — Бемор жестом вызвал сияющую сферу областей космоса

вокруг Чаши. Три звезды, где обитали упомянутые им надежные партнеры, засветились ярко-желтым — все на значительном удалении. Одна звезда располагалась почти параллельно траектории Чаши, упиравшейся в систему Глории. В симуляции вспыхнули флажки сообщений, обозначающие процессы обмена и торговли информацией между этими тремя системами, а также между ними и Чашей.

— Итак, эти партнеры приступили к наблюдениям. И?

— Запустили гравитационно-волновые детекторы. Обучились нужным методикам, полученным от нас. И определили источник излучения. Он находится в системе, куда мы держим путь. У Глории.

Мемор медленно проговорила:

— Агенты накапливают всевозможную информацию о мирах, где были запущены. И докладывают нам. Высказаны ли, по их данным, на этих планетах какие-либо предположения об источнике волн?

Оперение Бемора по всему телу сверкнуло фуксиновым и зашуршало в знак одобрения. Мемор сочла это невольным признанием или, скорее, ироническим салютом сестре: *вот видишь? Мо-*

жешь же соображать и быстрей, если хочешь.

— О да, они не устояли перед искушением определить длины волн и исследовать резонансы. И… обнаружили *сообщения*.

У Асенат вырвался изумленный вздох.

— Что же там?..

Бемор явственно сник, его шейные сережки сжались до узких красных полосок.

— Неизвестно. Эти сообщения, по всей вероятности, также как следует зашифрованы.

Мемор почувствовала редкое в повседневной, спокойной и размеренной, жизни ощущение: трепет, смешанный с восторгом и ужасом. Подобно приливной волне, окатила ее эта эмоция.

— Они посылают закодированные сообщения, используя для этого осцилляцию огромных масс, порождающую волны самой гравитации? Организованные колебания?.. Это… — Она хотела было сказать *невозможно*, однако одернула себя. — … крайне неправдоподобно.

Асенат сухо прибавила:

— Мы приближаемся к чему-то странному и, вероятно, весьма опасному. Глория выглядит безобидно, однако они… каким-то образом… послали гравитационные сообщения. Сбежавшие от тебя приматы также направлялись туда

или, по крайней мере, летели на Глорию до тех пор, пока не решили высадиться в Чаше Небес. Они… — У нее вырвался странно оскорбительный, мрачный, осуждающий жест клювом по оперению. — …весьма амбициозны.

Мемор не повелась на приманку.

— Они талантливы. От них может быть польза.

Тут вернулась Унаджьюханах и вежливо, печально передернула крыльями.

— Мне приятно наблюдать за вашей пикировкой, о близнецы, но есть дела поважнее. — Она склонила голову к Асенат, дав знак продолжать. — Более масштабные задачи путешествия, помните?

Асенат проговорила:

— Глорианцы, как мы их называем условно, передали и *электромагнитный* сигнал.

— Нам? — уточнила Унаджьюханах.

— Да… наверное, — отозвалась Асенат не слишком уверенно.

— Чаша и прямоточный звездолет приматов обладают ныне идентичными пространственными координатами, — сказал Бемор. — Вероятно, этим и объясняется содержание послания.

— И каково оно? — нетерпеливо спросила Мемор, устав от этих танцев вокруг да около.

— Это мультипликация, — ответила Унаджьюханах. — Распространенная в примитивных культурах форма искусства. Легко было бы принять эти картинки за рисунки на стенах пещер, вот только последние не движутся. Сообщение с Глории демонстрирует насилие, зачастую физически неправдоподобное.

Тишина.

— Искренне хотелось бы мне выяснить, как могло их общество деградировать столь основательно, что посылает эдакие жалкие сигналы, рассчитывая отпугнуть или, ну, не знаю, позабавиться. Если, разумеется, это и впрямь оскорбление.

Бемор отозвался:

— Создания, способные орудовать огромными массами для обмена информацией, не могут себя так вести. Этот вывод, Унаджьюханах, следует из всего накопленного нами в ваших же архивах багажа знаний об эволюции культур.

— Хотелось бы в это верить, — только и ответила Унаджьюханах.

— Есть еще одна возможность… — Мемор поколебалась. — Мы исходим из неверных предпосылок.

— Ты вообще о чем? — укоризненно, язвитель-

но прошуршала перьями Асенат.

— Представим, что сообщение предназначалось не нам и не прямоточнику. — Мемор изобразила линию, соединив ею Глорию, Чашу с кружащимся над нею кораблем чужаков, и продлив за ее пределы, еще дальше, на неизвестное расстояние от Глории… — Глорианцы, быть может, преследовали цель устрашить и впечатлить, а значит, остеречь от нежелательных действий… родной мир приматов.

— Но тогда… — Бемор замялся. Крыло его яростно зашелестело, выдав нарастающее понимание, отчаяние и сумятицу мыслей.

Воображение — штука полезная, подумала Мемор. Идея вынырнула у нее из Подсознания, прежде невысказанная, а теперь четкая. Откуда-то изнутри поднялась дрожь недовольства знанием сдерживаемым, не находившим выражения, а оттого непокорным, своевольным. Нахлынул страх, но Мемор подавила его, сфокусировавшись на текущем моменте. Она вела с Бемором дуэль и наконец обнаружила уязвимое место противника: преимущество ей обеспечила мысль нежданная, непроверенная, но истинная, она не сомневалась, *истинная.*

.

Мемор сказала не без удовлетворения:
— Они не нас боятся. Они боятся людей.

Часть четвертая
Пошлите супермена

Нет большей неудачи, чем успех, поскольку он не побуждает к выводам. Делать выводы можно только после неудач. Успех же лишь подкрепляет наши суеверные заблуждения.

Кеннет Боулдинг

15

На борту «Искательницы солнц» земная гравитация для тренировок достигалась довольно просто: достаточно было бежать по направлению вращения палубы в темпе шести минут на километр. Бет вся вспотела, но так и не добилась нужной скорости; она бежала по губчатому газонному покрытию, вдыхая холодноватый корабельный воздух, слегка навязчиво отдававший смазкой. После часовой пробежки в рваном темпе ей все же стало лучше, как всегда после возвращения к нормальной гравитации: странное, но комфортное ощущение прочности, уверенности, с которым квелая телесная начинка переключалась в обычный ритм грува. Бег по направлению вращения палубы увеличивал эффективную скорость вращения и, следовательно, вес. На обратном пути все было наоборот. Продвигаясь против вращения, все еще с тяжело бьющимся сердцем, она почти плыла в воздухе, подобная липкому ангелу, и босые ноги едва касались мягкой поверхности. В пропитанной потом футболке Бет завершила пробежку по внешней жилой палубе и метнулась под душ. У нее сбилось дыхание,

но она была счастлива.

Соседняя душевая кабинка включилась.

Заглянув туда, Бет увидела, как нежится под струями пальцезмейка.

— Фоштха?

— Привет, Бет. Роскошное это ваше устройство.

Высокий ломкий голос странно гармонировал с пляшущими глазами.

— Да, но не пользуйся им слишком часто, пожалуйста. Мы перерабатываем воду не так быстро.

Бет вернулась в свою кабинку и включила душ. На губах ее заиграла усмешка. У пальцезмеек понятия приватности не существовало.

Приведя себя в порядок после упражнений, Бет почувствовала, как весь ее внутренний мир просветлел. Она теперь готова была к встрече с Редвингом.

Наверное.

Через десяток минут Бет стукнула в его дверь. Редвинг сидел, зажатый собственным столом: он решил предоставить гостям больше места в тесной капитанской каюте. Видеостена отображала медленно проплывающие из бесконечности в бесконечность пейзажи Чаши: на миг проявились низкие горные хребты в области пониженной гравитации и белые, как хлопок, облачные слои над

ними. Бет видела такие облака снизу, пробираясь по высоким тонким деревьям, где приходилось цепляться за гибкие прочные лианы. Облачные стопки были немногим тоньше земной атмосферы в целом, и с поверхности Чаши казалось, что в небесах висят утесы цвета слоновой кости, обрывающиеся отвесными склонами.

— Надеюсь, вам полегчало, — Редвинг приподнялся, что было для него весьма необычно, и потряс ее руку. — Вы проявили себя внизу с наилучшей стороны. Я бы хотел с вами поговорить отдельно от прочих.

— Я думаю, нам все же лучше встретиться в составе группы и…

— Первыми докладывают старшие по группе. — На жестком лице Редвинга возникла усмешка, но Бет знала, что капитан серьезен; так же сух, как его обветренная кожа.

— Да. — *С возвращением на Флот, юнга!*

— Прежде чем перейдем к более конкретным вопросам, расскажите, *каково* там, внизу. Хочу, чтобы вы размялись немного.

К такому она готовилась, поскольку все члены экипажа спрашивали об одном и том же. Те, кто оставался на корабле, месяцы напролет питались консервами, вдыхали пересушенный воздух,

глядели, как внизу проносится огромное *нечто*: все равно что поселиться в тесной квартирке на верхнем этаже небоскреба и не иметь возможности выйти оттуда; что толку от захватывающего вида с высоты?

Тем не менее Бет поймала себя на том, что ей тяжело выразить пережитое словами. Удивление, ужас, голод, приступы страха, болезненная усталость, смешанные с неотступным подозрением, что однажды, сомкнув слипающиеся веки и забывшись сном, проснешься только затем, чтобы, всей в поту, оказаться при смерти…

— Это спроектированные джунгли. Можно перемещаться там много дней и совсем позабыть, что ты не на чужой планете, а на поверхности головокружительно сложной машины. Звезда все время в небе, и спустя некоторое время начинаешь ее ненавидеть, хоть и учишься спать в тени и при жаре. Тьма… я вам передать не могу, какая это роскошь — *выключить свет*. Погода меняется, да, но освещение все время какое-то желтоватое, а Струя золотистой змеей извивается в небе. Мы все время бежали, оглядываясь, нет ли кого на хвосте, не задумало ли что-нибудь нас сожрать. Проводили многие дни без ванны, иногда даже без питьевой воды, но шаги давались все

легче, потому что мы теряли вес, даже не замечая этого, а думать порой могли только о том, как нам хочется есть…

Она заставила себя замолчать. При других членах команды ей удавалось это скрывать, но не при Редвинге. Она вдруг сообразила почему: что-то в его усмешке, кивках в такт ее словам, заинтересованном взгляде неспокойных подвижных глаз побудило к подобной откровенности. *Как он это сделал?* Может, научился, когда капитанствовал на кораблях по всей Солнечной системе.

— Кое о чем я уже знал, — сказал Редвинг; лицо приняло открытое выражение, но взгляд, устремленный вдаль, затуманился. — Невозможно выбрать кошмар, от которого проснешься в четыре утра: кошмар сам приходит и нависает над тобой, снова и снова.

Бет насилу выпрямилась, расправила плечи. *Улыбка, самоконтроль.*

— Моя мама говорила, что подлинно счастлив тот, кто умеет наслаждаться видами на объездной дороге.

Редвинг рассмеялся. Искренне, во все горло, расхохотался на всю эхо-камеру металлической каюты.

— Отлично сказано! Черт побери, долгоньким

у нас тут выдается объездной маршрут.

Последняя фраза вылетела словно бы ненамеренно, окрашенная низкими нотами легкого сожаления. Он откинулся в кресле и мгновение глядел на видеостену, где горные кряжи сменило величественное, отливающее синевой яичной скорлупы море; серые горные склоны ниспадали к берегу и упирались в пляж.

Он умело управляет разговором; дал мне передышку.

Редвинг снова развернулся к ней и пронзил взглядом глубоких синих глаз.

— Расскажите-ка мне… о питании.

Бет долго сдерживала выдох, поразившись при мысли, что теплые невыразительные корабельные блюда, с такой жадностью поглощенные на совместном обеде в кают-компании, не оставили о себе никаких сенсорных ощущений.

— Я… мы кое-каких зверушек сбивали с деревьев, совсем отчаялись. Жирного примата поймали в области пониженной гравитации, например. Мясо жилистое, желтый жир, туша походила на крупную зажаренную обезьяну, но если два дня перед тем питаться одной толстолистной травой, то… впечатления как от райского пиршества.

— На вкус как человечина?

— Да откуда ж, блин, я знаю?

Тут Бет увидела, что Редвинг ухмыляется, и тоже рассмеялась.

— Не было времени об этом задуматься.

— Вы переварили добычу?

— Как ни странно, да. Конечно, мы прошли все подготовительные биотех-инъекции, плюс прихватили с собой немного таблеток. Я заставила всех начать принимать пилюли, как только чужаки — они называют себя просто Народ, словно примитивные племена Земли прошлого, — дали нам еды. Мы некоторое время сумели продержаться на своих пайках, но потом пришлось зажарить дичь, которую они нам предоставили…

— Живую?

— Да. Они оказались достаточно умны, чтобы позволить нам самостоятельно ее приготовить, а сами в это время пытливо наблюдали. Мы зажарили тушку из лазеров. Она малость подгорела, но мы добавили трав, и в целом получилось вполне вкусно. А однажды, когда мы прятались и кто-то… *что-то*… искало нас в высоком лесу, пришлось поесть сырой рыбы. Я не хотела пользоваться ножом или лазером, чтобы не привлечь

чужое внимание, потому съела ее… заживо.

— Ну, ей недолго оставалось. Сасими из трепыхающейся рыбы…

— Неприятно было, как мне, так и рыбе.

— Вы все исхудали.

— Ага. Даже притом, что доводилось нам питаться, скажем, толстенными подсушенными червяками, похожими на липкие желатиновые десерты. Или насекомыми… типа муравьев, но в низкой гравитации они размером с собаку вырастают. А еще хрустящими эмбрионами в яйце, было вкусно, но мне потом стало не по себе, невесть отчего. Жарили какую-то тварь типа скорпиона, но с двумя хвостами. Башка у нее горькая… но я все равно съела. — Она помолчала; воспоминания оживали так легко… — Вот эту, последнюю, я лучше бы не вспоминала. Такая жуть…

Редвинг гордо улыбнулся.

— Ну, я в Эдинбурге как-то раз хаггиса отведал. Так что плавали, знаем. Спасибо.

Она сморгнула. *За что спасибо-то?* Потом поняла; рассказы о тошнотворных харчах умаляли желание высадиться. Редвинг и ей помог частично разгрузиться, оставить воспоминания позади и лечь на новый курс. Капитан корабля всегда

думает, какой курс выбрать.

— И вот я думаю… какое оружие у них может быть там, внизу? Бомбы с серой нанослизью? Нейропарализаторы? Старомодные кумулятивные снаряды с флешеттами?

— Я не видела никакого оружия, если честно.

— М-м. Клифф видел, но мы к этому еще вернемся.

Клифф! Команда избегала упоминаний о Клиффе и его отряде, но Бет узнала, что группа Клиффа в добром здравии и вроде как на свободе — что, с учетом обстоятельств, несомненное достижение. Она подумывала огрызнуться: «*С учетом того, как легко нас сцапали, да?*» Но удержалась.

— Короче говоря, чего мы можем от них ожидать?

— Наверняка они постараются контролировать ситуацию. Поместят нас в комфортабельную, просторную тюрьму с красивыми видами… вроде той зоны низкой гравитации, где застряла наша группа… пока не выяснят, кто мы такие и как нас можно использовать.

— Использовать? Для чего?

— Может, чтобы их вертушка заработала шустрее? Новая техника? Но вряд ли мы их чему-нибудь способны научить. Они же построили

эту…

— Вы уверены?

— Ну, во всяком случае, они управляют ею. Наверное, она очень старая. Гм, а если ее построили другие? Та большая Птица, что нас допрашивала, Мемор, избегала ответа на такие вопросы.

Он нахмурился.

— Утаивала информацию, которую не положено разглашать посторонним?

— Угу, меня тоже озадачило. Или, возможно, это для них самих тайна древности. Не исключено, даже сами Птицы не знают, откуда в действительности взялась Чаша. Но они ею рулят, в этом нет сомнений. Там водятся формы жизни, способные поставить в тупик любого биолога. После некоторых я вообще терялась в догадках. Клифф, наверное, на седьмом небе от счастья; он обожает таксономию. Я вела фотожурнал растений и странных животных. Попадались и совсем незнакомые, и похожие на земных, но измененные. Во-первых, крупнее…

— Потому что гравитация здесь меньше, не превосходит 0,8*g*?

Она кивнула.

— Да. И островной эффект тоже мог сказаться.

— А что это?

— На Земле наблюдался. На маленьких островах животные были меньших размеров. Последние мамонты обитали на сибирских островах — карлики для своего рода, потому что ресурсная база усохла.

— Да, континенты здесь, безусловно, куда больше. Некоторые шире самой Земли. Океаны тоже… моря, наверное, потому что они мелкие. Я их изучал в сильном увеличении, пока вы там внизу блуждали.

Редвинг сиял. Наконец-то выпала возможность поделиться тем, что было известно ему и неизвестно Бет. На видеостене замелькали картинки; Бет сообразила, что капитан подготовил слайд-шоу загодя. Он энергично перелистывал фото, сопровождая комментариями — где и когда снято. Они с Карлом разработали пригодную для Чаши версию сетки координат. На каждом слайде имелись цифровые метки.

— Столько места! Леса размером с Северную Америку, а не максимум с город, как у нас. Но города… размерами с наши земные страны, блин, да какие там страны — они больше континентов! Хотел бы я знать, кто их построил и как.

Бет кивнула. Впечатляло.

— Народ, вероятно, и построил. Или знает стро-

ителей. Они не похожи ни на кого из встреченных мною. Представьте птиц размером со слонов, двуногих, с тяжелым хвостом, крупными глазами и клювом; их перья все время топорщатся и колышутся, будто в каком-то сложном кодовом танце.

Он хмыкнул и нахмурился. Бет сочла это поощрением рассуждать дальше. Она понимала, что стоило бы написать доклад, но, проговаривая вслух, формулировки отточить легче. В ее голосе зазвучал энтузиазм.

— Они неоднократно и подолгу изучали Тананарив в большой машине, которая, по ее утверждениям, способна была считать все данные об организме. И о разуме… каким-то образом. Она говорила, что во всем теле возникали покалывания и щекотки, словно искорки вспыхивали. Вокруг крутилось множество разумных чужаков, у большинства вместо рук — манипуляторы, неизвестные земной эволюции: какие-то извилистые щупальца с антеннами на концах. Представьте себе осьминогов, научившихся использовать орудия труда; наверное, так бы это выглядело. Они подчинялись руководителю проекта: той здоровенной Птице по имени Мемор. Жуткое зрелище, когда такая махина склоняется над тобой и пышет жарким густым дыханием

прямо в лицо. Да, Мемор там определенно была за главную. Однажды я увидела, как оно… нет, *она*… поглощает какого-то еще живого зверя, на вид вроде броненосца, но размером с пони. Проглотила его и рыгнула. Отвратительно! Но это только начало…

Редвинг обеспокоенно покосился на нее.

— Может, вам?..

— Извините, меня и впрямь куда-то не туда понесло. Действительно, я лучше все это отражу в докладе.

— Все, что сумеете припомнить. Любая деталь может оказаться жизненно важной; мы пока знаем недостаточно.

Бет кивнула. Все эмоции, все мысли, сдерживаемые неделями и месяцами, вырвались наружу, проявились последствия ежедневных стрессов и усталости. Она глубоко вздохнула.

— В любом случае Мемор, кажется, сумела *прочесть* Тананарив и задавала вопросы о том, как работает ее разум; о чем та думает, каково ей мыслить. Странные вопросы.

Редвинг поджал губы и опустил взгляд на плывущие далеко внизу величественные облака. Стеноэкран дал максимальное увеличение: оба увидели, как исполинские пурпурные облачные

наковальни громоздятся над поначалу безбрежным морем. Песчаные стыковые бары размером со Скалистые горы, как бежевые знаки препинания, нарушили зеленое однообразие мелководья. Появилась растительность. Одна из покрытых зеленью областей, по прикидкам Бет, размерами не уступала Техасу.

Она теперь понимала, как важно позволять Редвингу такие паузы, чтобы он собрался с мыслями и объединил полученные сведения с тем, что знал раньше. Бет уже наскучил сухой корабельный воздух; она попыталась припомнить густую, влажную, ароматную атмосферу, пьянившую разум, *чужой воздух*, наполнявший легкие щедрым сладким великолепием, тягуче изливавшийся в них, как сироп из небывалого плода. На некоторых вещах Бет еще удерживался этот аромат. Здесь, высоко, в сухой стерильности корабельных кают, она временами к нему принюхивалась — ей нравился букет. Вдыхая его, она испытывала своеобразную ностальгию.

Редвинг кивнул, словно пришел к определенному решению.

— Вы пролистаете сообщения от Клиффа, если захотите; там текстовые и голосовые файлы. Они короткие. Не пугайтесь. У него просто не было

времени толком докладывать. Связь плохая. Надо было вам более надежные коммы выдать.

— Более надежное оборудование осталось в посадочных модулях.

— Ну да. Именно так Птицы определили наши рабочие частоты, схемы широкополосного обмена, шифрование. И для посадочных модулей, и для полевых коммов, мать их-перемать. Вы с Клиффом прорывались ненадолго, а потом автоматические сканеры Птиц глушили передачу.

— Но послушайте, кэп, откуда нам знать…

– *Я* должен был действовать осторожней. — Он резко помотал головой, лицо перекосилось. — Я использовал протоколы высадки, разученные на Земле. Простые, для необитаемой планеты. Никаких мер защиты. Я действовал по схеме, а должен был сразу насторожиться, завидев *такое* — невозможная машина перепахивает пространство, направляя собственную звезду к…

Он осекся: Бет поняла, что Редвинг не хочет делиться собственными переживаниями и сомнениями с офицерами команды. Но он должен был выговориться хоть немного, и ему стало легче. Человек с характером Редвинга всю жизнь стремится завоевать авторитет, достигает высот, потом ставит задачу покорить новые, постоянно

изыскивая на это средства, постоянно прикидывая, как лучше вскарабкаться по этой лестнице к цели, манящей всех. Никто из бортовых офицеров не был отягчен ответственностью капитанства. Никто не понимал, каково это — держать марку перед самим собой годами и десятилетиями. А в случае космического полета — до конца жизни.

Он развернул кресло, переводя взор с бесконечного ландшафта внизу на Бет. Усилием воли придал лицу бесстрастное и суровое выражение.

— Клифф стал свидетелем бойни. Он тоже пострадал, хотя и не слишком тяжело. Тем не менее он несколько дней приходил в себя и только потом сумел связаться с нами. Раны, лихорадка, грязь, все такое.

— Мы тоже через такое проходили, постоянно, — ей требовалось что-то сказать, иначе бы Редвинг снова ударился в монолог. *Капитану нужна помощь. А кому из нас не нужна?*

— Я только на этой вахте получил его сообщения. Клифф пробился, но помехи были сильные. Птицы уничтожили целый город. С какого-то живого цеппелина — он переслал две картинки, но даже глядя на них, трудно поверить, что такое возможно. И… погиб Говард.

— О нет! Он?..

— Я всегда считал, что он чересчур любопытен и неповоротлив. Я пытался списать его на заключительном этапе отбора, но командование не согласилось. Говард не успел спрятаться. Птицы ударили из оружия, настроенного на человеческую нервную систему. Ощущения как от ожога кожи, перегрузка нервов… короче, это все равно что гореть заживо. Клифф говорит, он такой боли в жизни не испытывал.

Теперь настал черед Бет отвернуться.

— Да уж, нам еще повезло.

— Но эти чужаки-союзники, *силы*, как Клифф их называет, они обшарили сбитый цеппелин. Нашли там оборудование Птиценарода, с которым прежде не имели возможности поработать. Силы умные ребята. Они запустили его, хакнули шифры, вломились в координационный центр Птиц, выкачали оттуда все, что могло им пригодиться, и не только. Они нашли кое-что куда более важное, то, чем можем воспользоваться *мы*. Птицы получили сообщение, притом совсем недавно, если верить тегам. — Редвинг наклонился вперед, сплетя руки на столе, и произнес раздельно, глядя прямо на Бет: — С Глории.

Бет как раз укрощала симпатическую нервную систему, отгоняя мысли о ранах Клиффа, о том,

как заживо поджарили Говарда, обо всем… но эта новость привела в чувство.

— Земля ведь не приняла с Глории ни единого сигнала. Никаких утечек, никакого поверхностного ЭМ-трафика…

— Знаю. Но это сообщение совсем иное. Оно нацелено на Землю.

— Откуда вы это знаете?

— А вот. — Он постучал по столешнице. Ускользающие вдаль бежевые травы, по которым катились волны от ветра размером с материки, исчезли, сменившись… мультиком.

Схематические рисунки, яркие цвета. Пурпурный фон. Желтые следы по контуру извиваются подобно змейкам. Странное краснокожее существо асимметричного телосложения с тремя руками стоит в одиночестве, взирая на зрителя.

Когда чужак начал ритмически двигаться, две руки закрутились в суставах широкими взмахами, а третья каким-то неуклюжим способом заходила вниз-вверх, как хлопают ресницы, затем описала широкую дугу и завершила ее резким рубящим движением. *Атлетические упражнения?* подумала Бет. *Дипломатическая поза? Ритуал? Межзвездный театр кабуки?*

Существо носило облегающую сине-зеленую

одежду, повсюду бугрились и пульсировали могучие мышцы. Казалось, что это одеяние нанесено из распылителя, а в одном месте из-под него выдавался крупный пучок трубок… гениталии? Если так, то это самец — половые органы не между ног, а выше, там, где у людей пупок. Гениталии тоже выглядели как вздымающаяся мышца.

Облегающее одеяние, если это было оно, закрывало все тело, в том числе широкие ноги, похожие на ласты. Руки и голова, однако, оставались непокрыты, голова оказалась треугольной, со странными ребристыми выступами. Пара крупных черных глаз. Носа не было заметно, вместо него посередине лица три больших дыры подчеркивали треугольную форму головы, и вокруг каждой вились густые черные заросли волос, будто диковинные круглые усы. В широком рту виднелись два ряда равномерно расположенных серых зубов.

На миг ракурс съемки застыл, крупным планом взяв голову. Та походила на перевернутую египетскую пирамиду; на лице возникло свирепое выражение: рот задергался, тонкие губы искривились, обнажив сложное переплетение связок вокруг серых клацающих зубов. Три передних зуба в каждом ряду были остроконечными и

выглядели зловеще; губы в этих местах надулись и откатились наружу.

— Пока что это просто вводная картинка, — нарушил молчание Редвинг. — Звука нет. Но затем начинается действие.

Бет сидела и моргала, все еще не придя в себя от изумления. Веками раньше ее отец назвал бы это *моментом критического охуения*. Она повидала бесчисленное множество чужих форм жизни, кое от кого бежала, кое-кого убивала, многих попробовала на вкус. Но *эта*…

Угол съемки расширился, и в кадр с правой стороны вошел… человек. У Бет захватило дух.

Человек в облегающей синей водолазке и красном плаще. Крупная голова, темные волосы — несомненно, мужчина. Мускулистый, гордый, уверенный в себе, двинулся он навстречу инопланетянину… и тут третья рука чужака вылетела вперед, ударив человека в лицо. Оплеуха получилась чувствительной. Человек отшатнулся. Чужак полуразвернулся и обрушился на него, сперва отшвырнул, затем, догнав и схватив за правое плечо, выкрутил навстречу зрителю так, что фигура человека предстала анфас. На темно-синей груди его красовалась большая красная буква S.

— Супермен! — Бет не знала, смеяться или просто смотреть во все глаза. Она решила, что можно совместить одно с другим.

Чужак подскочил в воздух, кувыркнулся и нанес Супермену сокрушительный удар в живот. Супермен рухнул на каменистую землю. Графика была отличная: Бет видела на лице Супермена смесь эмоций: шок, удивление, боль. В месте его падения взметнулась пыль. Чужак сноровисто подскочил еще выше, на миг завис, адресуя аудитории оскал, и с несомненным наслаждением опустился на Супермена обеими ножищами. Тот разинул рот, изумленный и шокированный, глаза полезли на лоб, обнажились белки. Чужак принялся крутить двумя руками, затем выбросил третью, тонкую и острую, и резко опустил на голову Супермена. Из левого уха Супермена брызнул фонтан крови, непостижимым образом расплескавшись по воображаемому окну между сценой и зрителем; крупные красные капли начали стекать по незримой преграде. Чужак меж тем воздел все руки в воздух и откинул голову. Кровь потекла ручьями.

Бет отшатнулась, словно кровь ударила ей прямо в лицо. У нее захватило дух.

Чужак продолжал победный танец на теле

поверженного Супермена, то и дело выбрасывая вперед бичующую руку. Он нанес противнику еще несколько ударов по голове и животу. При этом инопланетянин поглядывал в сторону зрителей, и глаза его словно бы раздувались. Потом он изогнулся и заполнил собой весь экран, грозно сверкнув взглядом.

Воспроизведение остановилось.

Долгая тишина.

— Как по мне, смысл сообщения вполне ясен, — Редвинг похлопал ладонями по животу и откинулся в кресле, принимавшем форму тела.

Бет, не в силах отвести взгляд от экрана, изучала голову чужака и застывшее на ней выражение угрозы.

— Они, наверное, подсматривали за нашими телетрансляциями или еще за чем-нибудь?..

— Да. И решили отправить сообщение, понятное даже ребенку: *Не суйтесь сюда*.

16

Клифф поставил перед ним адски сложную задачу. Как прекратить истребление Птицами иных разумных существ, как распутать клубок взаимосвязей, в которых Редвинг совершенно не разбирался, как наладить контакт с личностями, о которых он не имел представления?.. Можно, конечно же, ничего не предпринимать. Этот вариант выглядел предпочтительным, но Редвингу он не понравился.

Он попросил корабельные ИИ провести выборку данных по сходным ситуациям из бортовой базы, охватывавшей все людские культуры. Ожили голоса давно умерших мыслителей; те не сталкивались ни с чем в точности подобным, но им случалось оказываться в положении настолько близком, насколько было возможно на Земле. Святой Августин, Спиноза, Черчилль, Лао-цзы, Кант, Аристотель, Нибур, Ганди, Кинг, Сингх. Интересно. Куча материалов… но задумался он не об этих людях, а о собственной жизни, в перспективе. Ему, быть может, удастся применить их советы на практике, если он выберется из этой огромной западни. Но не сейчас. Увы, сейчас

мудрость древних ничем не поможет.

Лучшее решение — эвакуировать команду Клиффа. После этого Птицы волей-неволей перестанут на них охотиться, пытаясь пленить или убить. Можно будет приступить к торгам.

Краткая сводка, которую Клифф исхитрился передать на «Искательницу солнц» через прорехи в раскинутой Птицами электромагнитной вуали, содержала видео– файлы мультика и некоторые данные по оптическим спектрам Глории.

Излишне уточнять, откуда Клифф их почерпнул.

Не могло это быть совпадением. Глорианцы отправили в Чашу угрожающее послание. Но из всех доступных средств визуализации они выбрали Супермена, древнего *супергероя* (Редвингу пришлось поискать значение термина) экспансионистского периода Англосаксонской эры. Технически эта эра еще не завершилась; она плавно перетекла в более фундаментальное экономическое объединение Земли. Английский, естественно, принял функции общемирового языка — он был богаче, обладал большим словарным запасом, нежели конкуренты, и отличался более простой начальной грамматикой. Разумеется, в нем пышным цветом цвели неправильные

глаголы, однако к моменту, когда межпланетная стадия экономической экспансии вошла в зрелую фазу, конкурентов у англишского не осталось. Путунхуа и кантонский, как и хинди, были языками высокоразвитых обществ, но письменными их формами в совершенстве владели немногие, да и с цифровой культурой эти наречия плохо уживались[6]. Китайской культуре вдобавок недоставало гибкости англосаксонской. Остальные азиатские культуры интегрировались лучше, но английский уже стал таким же стандартным инструментом мировой цивилизации, как раскладка QWERTY. Традиции рулили.

Однако персонажи комиксов вроде Супермена, по мнению бортовой кипедии, вполне уживались и с более современной социальной структурой. Архетипы Дракулы, Шерлока Холмса, Франкенштейна и других также несли четкие функции, но с мировой культурой взаимодействовали хуже.

---

[6] Примечания: 6

Разумеется, это утверждение отражает не реальность наших дней (никаких проблем с переходом в цифровую эпоху языки Восточной Азии не испытали, для них были разработаны специальные системы ввода, а с развитием сенсорных интерфейсов, приспособленных к рукописному вводу иероглифики, распространение компьютеров, коммуникаторов и мобильной электроники среди населения этих стран, особенно Японии и Южной Кореи, даже стало опережать государства Запада), но скорей ту ее трактовку, которая содержалась в базе данных «Искательницы солнц»; запрошенные Редвингом исторические источники, очевидно, составлены гораздо позже.

Супергерои двадцатого века моделировались по образу и подобию животных — летучих мышей, пауков, обезьян. А вот Супермен был инопланетянином. И все же безукоризненно вписался в человеческий социум.

Ключевой посыл в случае Супермена: достаточно нацепить очки и облачиться в деловой костюм, и он ничем не будет отличаться от обычного человека. И никто, даже Лоис Лейн (она напомнила Редвингу его бывшую), не узнает его. *Каждый человек — Супермен.* Что может быть очевиднее? Делай свое дело, гни свою линию, крутись в колесе повседневности, но ты волен мечтать о полетах, прыжках через здания, триумфах над поверженными негодяями. Или о свиданиях с Лоис.

Редвинг помотал головой. Лучше всего наблюдать за культурами в зеркало заднего вида. Супермен, возможно, сыграл полезную роль на Земле, однако в космосе требуются иные архетипы. Межпланетная цивилизация породила Смока, Эллипсо, Белого Пояса и других.

Посредством таких героев, наделяемых надмирной значимостью, культуры осуществляли акт самопознания, преобразуя жизни своих представителей в эпос.

Итак? Вот он, *новый* фронтир, среди миров и звезд. Земля ничего подобного веками не знала.

Чужаки, однако, предпочли высказаться языком визуальных образов древности. Вероятно, уловили чувствительными приемниками все популярные передачи, испущенные с Земли в широковещательном режиме за сотни лет. Потом, надо полагать, заметили летящую к ним Чашу. И отправили резкое послание, применив в нем недвусмысленные, доходчивые мультяшные образы. Чужак топчет Супермена, избивает его, нанося удары по голове и животу, а напоследок грозно зыркает прямо в лицо зрителям — классика, что сказать. Любому шимпанзе понятно будет. Даже если шимпанзе поумнели настолько, что звездолеты строить научились. Разумные, технически продвинутые глорианцы несомненно разбираются в образах мощи — и дали понять, что не желают появления Чаши в своем небе.

Ну а кому бы этого хотелось? Чаша колоссально тяжела и несет в себе звезду. Невозможно представить, чтоб ее прохождение через планетную систему не нарушило орбиты. Приглашать ее к себе было все равно что слона в посудную лавку зазывать. Предупреждение вполне ясное. Угрозы могут сработать, взяты они из комиксов или еще

откуда. Но… получается, чужаки крайне нелюбопытны? Не хотят контакта с неизведанным, чужим, несомненно высокоразвитым обществом, которое создало Чашу? Что ж они за существа такие, эти глорианцы?

— Надо об этом подумать, — сказала Бет, когда он озвучил свои рассуждения, и ушла. Голос ее все еще дрожал.

Редвинг вскинулся, заслышав резкий стук в дверь. Покосился на столешницу, которая запульсировала сигналом напоминания.

Карл постучался точно в назначенное время. Редвинг встал его поприветствовать, обменялся рукопожатиями, как часто поступал, желая показать, что беседа планируется нерядовой. Как ни крути, жизнь в тесноте и нескончаемой неопределенности порождает классические проблемы: слухи, мнимые угрозы, непрестанное искажение фактов.

— Я выполнил расчеты, о которых вы просили, — начал Карл.

— Ты привлек новеньких?

— Нет. Они еще толком не пришли в себя, слоняются заторможенные. Наверное, некоторые гибернаторы глючат.

— Что-то серьезное по медчасти?

— Нет. Однако новички восстанавливаются не так быстро, как должны.

Вид у Карла был усталый.

Редвинг понимал, что среди свежеразмороженных слухи циркулируют с удвоенной интенсивностью. Некоторые еще пребывали в затуманенном состоянии, впитывали впечатления и толком не успевали осознать произошедшее. О да, им *есть* чему удивляться. На экранах не Глория, а колоссальная карусель. Редвинг решил, что лучше дать им войти в курс дел, а потом уже прикидывать, куда назначать и как формировать рабочие группы. Добиться желаемого от жителей Чаши будет нелегко, и дело это рисковое.

Следовало пополнить запасы летучих веществ и катализаторов термоядерного горения — не забивать кладовые до отказа, а только чтобы хватило на старт отсюда и дорогу до Глории. И это лишь начало.

Лучше не играть словами. Он подался вперед, хлопнул ладонями по столу.

— Нам с тобой нужно уяснить динамику Чаши и этой звездной системы. Другого рычага давления на Птиц у нас, похоже, нет.

— Они очень давно тут всем заправляют, — заметил Карл. — Вряд ли оставили уязвимые

места.

— Начнем со Струи. На первый взгляд кажется, что, выйдя на крейсерскую скорость, плазменный джет логично отключить, но…

— Они не могут!

Редвинг с деланым скепсисом воззрился на офицера. Ему нравилось играть эту роль, побуждая членов экипажа просвещать его и излагать свои идеи. Он уже давно пришел к выводу, что, пообщавшись с офицером, уясняет суть проблемы быстрее, нежели при консультациях с мириадами специалистов. Они, в конце концов, прежде всего техногики, а уж потом, в далекую вторую очередь, — команда корабля.

— М-м… Да, не исключаю, что не могут.

Карл заглотил наживку и возбужденно приподнялся.

— Послушайте, капитан, студент-старшекурсник — и тот может показать, что Чаша не является статически устойчивой. Я это знаю наверняка. Я всего лишь инженер, но нелинейный анализ корабельных разумов подтверждает мой вывод.

— Почему она неустойчива?

— Потому что Чаша не на орбите вокруг своей звезды. Если отключить Струю, звезда провалится внутрь, влекомая гравитацией. И Чаша с ней

столкнется.

— Значит, джет должен все время работать.

— Система в целом стабильна динамически, а не статически — как и мы во время ходьбы. Мы делаем шаг, заваливаемся вперед и спохватываемся. Единственный способ куда-то добраться.

— И как же приводится в движение вся эта конструкция — звезда плюс Чаша? — Редвинг в общих чертах понимал как, но хотел получить ответ из надежных уст. Подкрепить интуицию. Для этого ему сейчас и требовался Карл.

— Струя вылетает из того раскаленного пятна. Чаша отражает и фокусирует большую часть собственного излучения звезды в пятно, так что корона гораздо горячее, чем на поверхности любого другого светила. Каким-то — поистине волшебным — образом они ухитрились, э-э, пришпилить к пятну магнитное поле звезды. Звезда *вращается* — и генерирует магнитное поле глубоко в ядре[7], по динамо-механизму. Поле просачивается на поверхность, образует целую область — магнитосферу… а линии поля притягиваются к пятну, после чего закручиваются вокруг джета по мере его формирования. А потом

[7] Примечания: 7

На самом деле — в конвективной зоне, но в оригинале сказано «в ядре».

поле вырывается наружу, унося с собой невероятно горячую плазму — захватывая ее в областях повышенного давления, будто резиновыми перчатками. Линии магнитного поля закручиваются вокруг плазмы, сжимают ее, выдавливают вовне. Джет несется в пространстве… его толщину можно подъюстировать… прямо к Свищу и пробивает насквозь. Именно джет движет всю конструкцию — звезду, Чашу и ее содержимое.

— И? — Редвинг понимал, что очевидный следующий вопрос может показаться Карлу бестактным, оборвать головокружительную и захватывающую историю. Но это сработало. Карл сморгнул; очарование мудреных технических деталей оставило его.

— Ну и… магнитные поля встречаются с полями Чаши…

— Какими еще полями?

— Чаша — большой проводник, она стремительно крутится и порождает собственные токи. И магнитные поля. Я проверил по данным замеров с челнока, на котором опускалась экспедиция. Поля сильные, даже в верхних слоях плотной атмосферы. Они отклоняют космические лучи, это очевидное соображение, однако на самом деле…

Карл снова сморгнул, поняв, что переключил-

ся в лекторский режим. Редвинг лишь кивнул. *Поддерживай в них нетерпение, но не давай расфокусироваться*, говаривал его старый командир. *Так они не заметят, что именно ты их ведешь.*

Карл помедлил.

— Магнитные поля Чаши перехватывают поля Струи. У меня достаточно качественных снимков с большим увеличением, чтобы так утверждать. Чаша и придает форму Струе, и сама с нею связана. Струя объединяет Чашу со светилом. Конечно, сила тяжести вынуждает Чашу падать — она же не на орбите, а просто крутится вокруг звезды. Но упасть Чаша не способна — они с Викрамасингх связаны пуповиной в вечном танце. Звезда пытается ускользнуть, поскольку джет придает ей постоянное ускорение. А Чаша догоняет. Эти вот замечательные магнитные поля выполняют демпферную функцию: они словно канаты по углам ринга. Понимаете, магнитные поля всегда формируют замкнутые петли.

— Почему? — Редвинг знал ответ, но счел за лучшее подбросить обыденный вопрос.

— Старый док Максвелл. Его закон.

— И…

Карла вполне предсказуемо понесло дальше:

— И поля массируют Чашу, сглаживают рывки,

страхуют перемещение.

— Значит, Птицы не могут отключить их. Ни за что.

— В таком случае Чаша потерпит катастрофу. По моим оценкам, около года спустя она врежется в звезду. Хотел бы я это увидеть — зрелище получится незабываемое.

— Но это невозможно. Из-за Струи. Итак… что можно сделать, чтобы вмешаться в работу Струи?

Карл моргнул раз, другой.

— Но… зачем…

— У нас там люди. И миллиарды разумных чужаков тоже в Чаше. Нужно вызволить своих. И отправиться на Глорию.

Карл оглянулся на видеостену, по которой проносились изображения Чаши — в данный момент экран показывал леса, усеянные маленькими морями, и белые пенные шапки на волнах там, где с мрачных серых горных пиков задувал ветер.

— Эта штука функционирует без аварий миллионы лет. Даже дольше, думаю.

— Как долго?

— Не знаю. Но чтобы такое создать… нужно мыслить по-настоящему масштабно.

Редвинг снова нацепил скептическую маску.

— Отправиться в турпоездку по Галактике?

— И непрерывно загорать по пути, да, — усмехнулся Карл. — Тут никогда не бывает холодов.

Редвинг кивнул.

— Нет холодов… может, в этом и есть причина? Возможно, они просто захотели слетать в межзвездный круиз, не покидая уютного дома?

Карл погрузился в раздумья. Редвинг ему не мешал. Когда Карл заговорил снова, голос его упал до шепота.

— Забрать с собой целую цивилизацию, мир с таким разнообразием видов… увезти в путешествие, которое может длиться вечно. Это вам не просто планету колонизировать. Это вечное странствие. Наверное, так.

Редвинг пожал плечами.

— За миллионы лет их собственный вид неизбежно изменился бы — или вымер.

— Вся эта хрень утратит стабильность, если за ней некому будет присматривать, нести вахту и ремонтировать.

— Именно. А есть еще и культурные перемены. Нельзя же позволить, чтобы общество вдруг решило, что игра с Чашей не стоит свеч. Тогда погибнут все!

Карлу такое в голову не приходило. *Инженерам*

и не приходит, подумал он и тут же вспомнил, что у него самого три технических образования — по электротехнике, механике и астроинженерии. *Ну, обычно не приходит.*

— Слушай, Карл, мы ведь несколько столетий назад людей дикарями обзывали за то, что те протыкали себе мочки ушей, увеличивали губы, носили кольца в носу, делали странные прически или вовсе стриглись налысо. Они вытворяли странные вещи, у них были диковинные шумные танцы и ритуалы, татуировки на телах. А когда я рос, это уже считалось не просто приемлемым, но модным и хипстерским.

.

— И что?

Ландшафт внизу переменился, вернулись горы и моря протяженностью большей, чем вся система Земли и Луны — великолепные картины; Редвинг не уставал ими любоваться.

— Культурные перемены, вот что. Бывает даже, что мы заново открываем бывшее в обычае у наших предков, хотя оно нам кажется странным. Но мы ведь расширяемся, устремляемся к звездам.

— Ну да.

— И Птиценарод тоже таким был. Наверняка им известно искусство татуировки. Это мода, а

значит, к моменту, когда такие, как мы, о нем вообще в первый раз услышали, оно у них быльем поросло. Но сомневаюсь, чтобы им было позволено создавать новые религии или формировать политические партии, жрецы и лидеры которых могли бы стремиться, например, к перехвату управления этой махиной. Такого они не вправе допускать.

Карл уловил ход мыслей Редвинга. Он энергично закивал.

— А мы думали, что знаем меру консерватизма…

— Птицы не вправе рисковать и меняться в направлении, которое может оказаться неверным. И как раз такое направление воплощаем мы, люди. Новая шпана в квартале.

Часть пятая
Зеркальные цветы

Кто несет кота за хвост, тот учится тому, чего нельзя познать никак иначе.

Марк Твен

17

Клифф и его отряд следовали за Квертом легкими скачками. В пониженной гравитации прыжки давались без труда, однако плавного, текучего изящества движений силов не заменяли. Не было никакого транспорта, кроме городской подземки силов, но она тоже пострадала. Кверт объяснил, что сеть метро разорвана и ненадежна.

— Туда дым проник. И… говорят… что похуже.

Они пересекли разрушенный город и выбрались на незастроенное пространство, поросшее деревьями. Какое облегчение — вдыхать мягкий влажный воздух и просто двигаться, *бежать*. Никто не оглядывался. На невысоком холме сделали остановку, и Клифф не удержался, обернувшись в последний раз обозреть выжженный ландшафт. Некогда величественные бастионы и арки, жилые кварталы и высокие шпили над тем, что могло быть религиозными постройками, — всё выгорело или развалено в хлам. Птицы не знали жалости. Но Клифф наблюдал, как из руин встают новые здания, бежевого оттенка, бесшумно формируются сами по себе, питаемые какой-то вечной энергией. Издали эти проблески

новой жизни казались кадрами из видеоролика, прокрученного в замедленном повторе: так пробиваются к солнцу новые растения. Город начал восстанавливаться, как возрождался бессчетное число раз за необозримую историю Чаши. Клифф вздохнул и обнял Ирму.

— Они возродятся. Медленно, но верно.

— Это место так и сконструировано, чтобы самовосстанавливаться. Технология, созданная с прицелом на регенерацию. Интересно, как она работает.

— Солнечная энергия, переработка мусора. Ты разве не видела тот молекулярный принтер, на котором Кверт тебе новый рюкзак сделал?

Ирма кивнула и ослабила застежки на новом рюкзаке.

— Ну да, отличная штука, какой-то легкий композитный материал. Кверт говорил, они его по молекуле скопировали со старого. За исключением сломанной стяжки, это когда я упала.

Клифф пожал плечами.

— Не упади ты, тебя бы спалило тем огненным лучом.

— Ага, мне повезло. — Она откинула волосы с глаз в типичном для себя жесте недовольного изумления. — Как ни тупо это, а повезло. А бедно-

му Говарду не повезло.

— Черт, как жаль… Он все время что-то себе ломал, царапал, даже умудрился разок потеряться, когда в туалет отошел.

— Бывают такие люди. Ты же в курсе, что экипаж набирали прежде всего по критериям Флота, а не по опыту турпоходов в глуши. Но при таком диком невезении можно подтереться своим резюме.

— Это точно. Крупный просчет. На следующем корабле надо будет учесть.

Ирма, рассмеявшись, легонько ущипнула его за руку; Терри с Айбе покосились на них. Даже Кверт заметил.

Ну и пусть, подумал Клифф. *У нас мало было поводов для смеха в последнее время.*

Они отвернулись от опустошенного города, который возрождался заново, и прибавили шагу.

Кверт возглавлял группу, другие силы следовали по обе стороны. Все были вооружены — длинными узкими ракетометами. На мордах чужаков проступала мрачная сосредоточенность; казалось, силы не ведают усталости.

Безжалостный солнечный свет изливался в разрывы поэтически прекрасной облачности. Облака были цвета слоновой кости и хлопка,

высокие и такие огромные, что задевали синие наковальни грозовых фронтов. Настоящая антология облаков: наковальни, висящие в окружении мягких влажных пушистых комков; более плотные розоватые узлы и листы, что их пересекают… словно многоярусные города в небе, громоздились они все выше и выше. Там и сям из облачных узлов конденсировалась влага, подстилающие стороны туч истаивали в дожде, и над бескрайними просторами развертывались бледно-синие простыни, порою впитываясь обратно в воздух даже прежде, чем накрыть Чашу.

Клифф обратился к Айбе с Ирмой:

— Расслабьтесь. Представьте, что вы туристы.

Все фыркнули, не потому, что шутка получилась смешной, а потому, что нуждались в предлоге для улыбки.

Они двигались среди густой, пьянящей, почти порнографически красочной зелени, вдыхали аромат перегноя и разворошенной черной почвы, под ветром и дождем, временами усиливающимися до шквала в плотном, словно напряженном от стремления к некоей цели, воздухе. Мимо пронесся летательный аппарат, из его хвостовой трубы выплыло бледно-синее облачко.

Ирма уловила запах.

— Словно динозаврами пахнет, хе-хе. Похоже на ископаемое топливо.

Айбе тоже принюхался.

— Наверное, этиловый спирт, но запашок густой, это уж точно.

Никому из них не доводилось вдыхать выхлопы настоящего нефтяного двигателя: на Земле с ограничениями выбросов было строго. Когда «Искательница солнц» покидала Солнечную систему, применение ископаемого топлива разрешалось только на турбинных реактивных самолетах. Клифф задумался, по силам ли было бы земным биотехнологам сотворить что-нибудь вроде той небесной рыбы. Живые существа, способные парить в воздухе и служить оружием битвы.

Вряд ли. С какого биологического субстрата вообще начинать разработку столь удивительных созданий? И он задумался, а как это удалось Птицам. Возможно, они взяли за основу каких-нибудь воздухоплавающих существ из мира, где плотная атмосфера сочеталась с пониженной гравитацией? Медленных, огромных, неуклюжих, словно летучие слоны, киты или бронтозавры?

Да здесь сущий музей иномирских форм жизни, размышлял он. *Но эволюция тут продолжается.*

А что, если такую цель и ставили перед собой творцы Чаши? Непрерывный, развивающийся эксперимент в лаборатории вместимостью более миллиона миров?

Они вступили на широкую равнину невысоких трав; примятый множеством путешественников путь уходил в туманную даль. Меж возносящихся облачных башен временами возникали разрывы, и там в бледно-синем, как яичная скорлупа, небе виднелся противоположный край Чаши. Клифф смотрел, как расплывчатыми призраками проплывают по ту сторону туч, на другом краю местной солнечной системы, громадные пласты суши. *Но эта солнечная система отличается от всех, какие нам грезились*, подумал он. *Она скорей похожа на исполинский оррерий, сделанный из частей солнечной системы.*

Еще до высадки, на борту «Искательницы», Фред, инженер до мозга костей, прикинул массу Чаши и получил значение большее, чем у Юпитера; наверное, его оценка была занижена, ведь в системе нет ни пояса Койпера, ни облака Оорта. Кто-то выскреб дочиста все пространство вокруг звезды Викрамасингх. Кто-то, возможно, израсходовал все ее планеты до единой, чтобы сотворить вот *это.*

Вдоль дороги в траве маячили силы; протягивали рыбу, длинные упругие коренья, жесткие, словно проволока, растения. Клифф понял, что это стихийные торговцы, но у людей в любом случае не было чужацкого эквивалента денег. Они отвечали лоточникам грубой имитацией жеста отрицания, принятого у силов, и шли дальше. Торговцы, опуская головы, стали выскакивать на тропу и махать перед людьми своими товарами — предлагали в дар. У Ирмы от удивления челюсть отвисла. Клифф из вежливости принял немного еды, глазами показал, что благодарит, и тут же озадачился: а как эту еду готовить? Все происходило в полной тишине: силы, казалось, предпочитали вежливое ненавязчивое общение. Разговорить гуманоидных котов удавалось редко, а ответы неизменно были лаконичны.

По равнине перемещались небольшие скоростные аппараты с блестящими серебристо-металлическими корпусами. Некоторые направлялись к людям, но большинство просто следовало своими маршрутами. Из фырчащих машин выбралась группа силов — примерно дюжина. Они заглушили двигатели и приветствовали Кверта. Началась беседа, продолжавшаяся не меньше двадцати минут.

За это время люди успели рассесться рядом с машинами и определить, что из подаренной еды годится к употреблению в сыром виде. Силы называли такие продукты *едой вручную*.

Во время закуски разговор силов не прерывался. Когда Ирма поинтересовалась содержанием беседы, Кверт сверился с электронным переводчиком, как это все еще случалось порой, и ответил:

— Стихи спортивные.

Наверное, поэтическое состязание: ритуал, отвечающий у людей совместному распитию алкоголя и дружеской болтовне.

Все проголодались. У фрукта, внешне похожего на здоровенный спиралевидно закрученный орех, оказался приятный перечный вкус. Они съели его и взялись за другой, ромбовидный; тот был горьковато-сладок. Кверт с тремя силами подошел к людям и начал подавать сигналы головой и глазами, означавшие, что пора поговорить о чем-то важном. Клифф вспомнил, как много удалось узнать о культуре силов, просто наблюдая за их повседневным общением. Кверт с искренним удивлением заметил однажды, что люди ртов не закрывают, словно в Чаше такое поведение было необычно.

— Движители нам дают, — сказал Кверт.

— Благодарны за подарок мы, — с улыбкой кивнула Ирма. Она лучше остальных преуспела в изучении отрывистой манеры речи силов и переняла ее. Она внимательно следила за мириадами движений головы и глаз и пробовала имитировать их тоже, хотя это отнюдь не всегда приводило к желаемым результатам. Некоторые ошибки получались крайне комичными; например, Ирма как-то спросила у Кверта, входит ли секс в их диету, а в другом случае уточнила, где спальня, но попала в довольно примитивный мужской туалет. Девушка не различала самцов и самок на глаз, и силы вынуждены были каждый раз энергично махать локтями, указывая ей на пол собеседников.

Маленькие приземистые аппараты оказались простыми в управлении. Их движение можно было контролировать при помощи рук и ног, как на Земле, а бортовая система была снабжена переключателями и регуляторами, очевидно, электромагнитными. Похоже, что и перемещались машины по принципу магнитной левитации, но не поднимались выше метра над равниной. Все здесь, даже жилые постройки, черпало энергию индукционным способом из

подстилающих механизмов Чаши. Везде торчали солнечные коллекторы, обращенные к светилу, и саморемонтирующиеся здания также имели форму, перекошенную в его направлении. Клифф прогулялся под элегантными арками и шпилями, прислоняясь к стенам, и по коже его временами проскакивали слабые щипки электротока. Кверт показал ему, как управлять магнитной машиной: видимо, это считалось привилегией гостя.

Клифф вывел небольшой маглевмобиль на широкую равнину, Кверт занял кресло второго пилота, а Ирма с Айбе втиснулись в довольно тесный пассажирский отсек. Рюкзаки и аппаратуру закрепили на крыше занятной сеткой, которая сама определила наилучший метод обвязки, когда Кверт подал ей сигнал легким постукиванием по сенсорам.

Они полетели к далеким и таинственным туманным горам. Кверт при помощи бортового коммуникатора подключился к сети силов, заявив, что Птицам она недоступна. Вероятно, у Кверта имелись встроенные акустические приемники: он напряженно вглядывался в пространство и что-то глоттировал, но на морде его ничего не отражалось. Ирма разместилась позади. Остальные летели в другой машине, неподалеку и правее.

Клифф выждал, пока движение станет редким, и разогнал маглевмобильчик до максимума. Они удалялись от поселения силов, но Клифф понятия не имел, куда и зачем.

Он не заметил хвоста, но внезапно какая-то машина поравнялась с группой. Потом втерлась между аппаратами, отрезав их друг от друга. В ней сидели два сила и на людей не глядели, но скорость выдерживали точно, постепенно идя на сближение. Клифф ничего не заподозрил, пока чужаки не подлетели на расстояние длины корпуса. Тогда он сбавил темп. Те тоже затормозили. Он снова разогнался. Те повторили. Слева на значительной скорости появился еще один маглевмобиль. Его пилот словно не замечал группы из трех аппаратов. Силы в обеих машинах смотрели прямо перед собой.

Может, охрана? подумал он.

Ближе, ближе…

— Кверт? — успел вмешаться в переговоры чужака Клифф. — Кверт?..

Кверт вышел из транса, глаза его медленно распахнулись.

— Мне кажется…

Слева и чуть впереди стремительно возникла третья машина. Резко изменив курс, она пристро-

илась точно перед машиной Клиффа.

— А это еще кто? — спросила Ирма.

Маглевмобиль, летящий впереди, затормозил, на хвостовой части корпуса запульсировали рубиновые огни. Клифф тоже сбросил скорость, машина громко загудела. Он попытался повернуть налево, направо, но места не оставалось, а пилот передовой машины все тормозил и тормозил.

Клифф ударил по тормозам. Три машины конвоя повторили его действие спустя несколько мгновений. Прозвучал визгливый рев: все маглевмобили начали яростно сбрасывать скорость. Машины были идентичной конструкции, и торможение мало влияло на разрыв между ними. Во всех кабинах имелись страховочные ремни непривычной формы, которые, собственно, и помешали Клиффу врезаться головой в ветровое стекло. Он начал торможение первым и выиграл на этом несколько секунд, так что, когда все машины полностью остановились, с громким визгливым гудением раскидав по сторонам серую пыль, Клифф оказался метрах в десяти позади трех незнакомых аппаратов.

Ирма что-то ему говорила, Кверт тоже, но Клифф не отрывал взгляда от шестерки силов,

которые выскочили из машин. Обменявшись отрывистыми репликами, чужаки потянулись к поясам.

Они за оружием лезут, подумал Клифф, *и это не охрана.*

Силы обогнули маглевмобили, построились группой и побежали к машине Клиффа, продолжая кричать. Кверт издал горловое рычание — словно галька заскрежетала — и полез к себе в жилет. Ирма тревожно вскрикнула.

Наше единственное преимущество в том, что мы внутри.

Клифф понимал, что надо делать. Он резко вдавил педаль газа и послал маглевмобиль вперед. Налетев на силов, машина содрогнулась. Ударом их раскидало по тупоносому блестящему корпусу. Тела с глухим стуком перекатывались по ветровому стеклу и крыше, падали на землю, но Клифф не снимал ноги с педали, пока не врезался в передовую машину.

Удар получился мощным; магнитный бампер немного смягчил его, но маглевмобиль откинуло назад, а крыша смялась. В салоне Клиффа заухали странные сигналы тревоги. Кверт удивленно мяукнул, Ирма безмолвствовала.

— Вы в порядке? — спросил Клифф и сам уди-

вился спокойствию своего голоса. — Ирма? Кверт?

— В п-порядке, — отозвалась Ирма. Закашлялась, перевела дух.

— Что за?.. — воскликнул Айбе.

Кверт перехватил взгляд Клиффа. У сила отвисла челюсть — то был знак согласия.

Клифф огляделся и пересчитал нападавших.

Кого-то отбросило в сторону, других раскидало по крыше. Им пришлось несладко: некоторые, приняв на себя полную силу удара, испустили резкие удивленные вопли. Клифф вновь окинул взглядом силов — их разбросало по равнине. Никто не шевелился.

Они хотели нас захватить, а возможно убить. Они бы не пошли на переговоры. Надо забрать у них оружие.

Кое-кто успел выхватить странные маленькие пистолеты, но и эти лежали недвижимы, сжимая оружие в застывших лапах.

Клифф сдал назад, повернул налево, провел машину над телами. Раздался скрип. Клифф проехал метров десять и повернул опять. Целеустремленно двинулся вперед и раздавил силов, которые валялись справа. В заключение переехал пару впереди. При каждом столкновении Клиффа

слегка подбрасывало, зато силов вдавливало в землю всей тяжестью машины.

Он знал, что с ними происходит: органы и кости раздавлены, фонтанчики телесных жидкостей орошают почву. Агония и крики, свет меркнет в перепуганных глазах.

Когда Клифф закончил давить тела, развернулся и поехал обратно тем же путем, под машиной уже ничего не двигалось. Не было и смысла проверять, уцелел ли кто-нибудь. Ирма сказала:

— Вторая машина тоже в порядке. Похоже, там сил рулил.

— Моя подруга, — тихо произнес Кверт. — С ней хорошо. Она отличный пилот.

Клифф покосился на чужака. Кверт выглядел спокойным и собранным, как и всегда.

Терри махал им из другой машины, держа большие пальцы кверху.

— Наверное, тоже что-нибудь такое проделали, — тихо проговорил Айбе. — Я не следил.

Клифф нажал на газ и разогнал маглевмобиль до максимума. За это время тела и машины нападавших превратились в точки на экране заднего вида. Он удивился собственной реакции: происшествие не вызвало у него ни малейших эмоций. Те, в трех машинах, попытались пленить людей,

за которых он в ответе как старший по отряду, и были готовы применить силу. Это значило, что церемониться с ними нельзя.

Клифф бессчетные дни провел, таская трупы, и понимал, что сделался другим человеком. Он поступил так, как должен был, и ни на миг не дал воли сомнениям. Прежде, до высадки в Чашу, он бы повел себя совсем иначе. Это место его многому научило. Большую часть того, чему он обучился, Клифф бессилен был выразить словами, но и одних ощущений было достаточно. Пережитое интегрировалось в его нервную систему и структуру личности.

Возможно, и Кверт испытал нечто подобное. А может, силам не было нужды такому учиться, может, они с рождения обладали гибкой психикой. Клифф позволил себе расслабиться в тишине салона маглевмобиля. Горы впереди возносились в небеса, пронзая облачные наковальни, и там, где налитые пурпуром тучи ползли по склонам, каждую секунду мог пролиться дождь. Клифф уже думал об этом. Он представлял, как выберется из машины и встанет под ливнем, чтобы вода пропитала одежду, а крупные капли стуком своим вернули ощущение живости и полноты момента.

— Захватить хотели те, — сказал Кверт.

— Я догадалась, — ответила Ирма. — Убить нас было бы проще.

— Вряд ли наши шансы от их аккуратности повысились бы, — заметил Клифф.

— Птиценароду бы отдали, проявили лояльность, — Кверт сделал жест головой, аналогичный пожатию плечами.

— И… — протянула Ирма. — Ты убил их.

Клифф кивнул.

— Наверняка.

Ирма переваривала услышанное.

— Иначе они бы расселись обратно по машинам и пустились за нами в погоню.

Клифф счел это самоочевидным и промолчал, оглядывая экран заднего вида и горы впереди. Погони не наблюдалось. Он напомнил себе, что атака вполне может последовать сверху. Не исключено, что в километре над ними парит небесная рыба… он выглянул в окно… и об этом никак не узнать, пока не станет слишком поздно. *Беспокойство мыслям противно*, подумал он. К этому выводу он пришел в бесконечные дни бегства по Чаше. Постоянная настороженность переходит в неотступную тревогу, мешает мозгу сконцентрироваться, бесцельно заузливает

мысли. Он научился не возвращаться к уже черт знает сколько раз обдуманным проблемам.

— Куда теперь? — спросил он у Кверта без предисловий.

— На холод.

18

Они не пошли в горы. Они прошли под ними.

Но перед тем, как войти в подземный лабиринт, Клифф глянул вниз, через короткий перевал, на территорию по ту сторону величественных гор. И впервые увидел вблизи Зеркальную Зону. Огромные шестиугольные секции слепили отраженным солнечным светом. Они заполняли все дно долины и кое-где встречались на ее склонах. Среди зеркал произрастала пышная растительность, но большую часть света устройства явно отражали назад к звезде. Именно так Чаша питала Струю: раскаляя до немыслимых, адских температур центр звездного диска. Колоссальные, непостижимой протяженности массивы зеркал фокусировались на средоточии ярости светила. Инженеры «Искательницы солнц» полагали, что магнитные поля каким-то образом были затянуты в этот вечный адский очаг и вырывались оттуда вместе со Струей, когда та вылетала из фокальной точки. В основании Струи бесновалась алмазно сверкающая плазма, но по мере удаления от звезды магнитные поля зачесывали бугристую поверхность пучка, смиряли его пыл,

сужали и сжимали. На подходе к Свищу Чаши светоносная Струя так сужалась, что без труда проникала меж плотно экранированных стенок.

Созерцая уходящие вдаль исполинские листы отражавшего сияние металла, Клифф размышлял, что это, по существу, и есть двигатель звездокорабля: система создавала собственную тягу, источая свет, который отражался гексагональными зеркалами к месту зарождения Струи. *Верхом на солнце*, подумал он и подставил светилу свой коммуникатор: что тот скажет? Спустя миг на задней панели проявился результат анализа:

ЗВЕЗДА СПЕКТРАЛЬНОГО КЛАССА K2[8]. ПРИМЕРНЫЙ АНАЛОГ – ε ЭРИДАНА (K2 V). ПО РАЗМЕРАМ ПРОМЕЖУТОЧНА МЕЖДУ КРАСНЫМИ ЗВЕЗДАМИ ГЛАВНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ КЛАССА M И ЖЕЛТЫМИ ЗВЕЗДАМИ ГЛАВНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ КЛАССА G.

Но он помнил, что, когда его разбудили, дежурная по мостику сообщила о звезде класса

---

[8] Примечания: 8

В «Чаше Небес» указан спектральный класс F9, что является явной ошибкой.

F. Выяснилось, что корабельный спектрограф неправильно определил сигнатуру, ориентируясь по сверкающему пятну очага. Классическая полевая ошибка.

И вправду, при наблюдении через поляризатор комма звезда представала беспокойным диском, усеянным темными пятнами; в особенности много их роилось у основания Струи. Вокруг него же вращалось все светило. Это значило, что строители провели завершающий этап колоссальной работы именно там, у полюса исходной звезды. А после проткнули нависавшую над ним Чашу пылающим копьем. Дух захватывает при одной мысли…

— Идем!

Клифф заметил, что Кверт нервно, раздраженно косится на него, быстро двигая глазами по обычаю силов. Стоило поспешить и догнать остальных.

Отряд подошел к входу в подземный лабиринт, и оказалось, что они там не одни. Вокруг рос густой лес зигзагообразно изогнутых синих деревьев; под его шатром двигались силы, сновали туда-сюда тесно сбитыми группами. За каменными порталами протянулась сеть извилистых коридоров. Поднялись внешние заслонки. Да-

же здесь, во чреве скал, было не вполне темно: желтовато-оранжевые растения свисали со стен, излучая призрачный свет, которого хватало для ориентировки и силам, и людям. Силы на людей почти не смотрели. Кверт и его подруга скользили по коридорам вместе, спокойной стремительной грациозной побежкой силов; в пониженной гравитации могло показаться, что на каждом скачке они зависают в воздухе. Царила полная тишина.

Во время бегства Клифф заметил у многих силов небольшие, но красноречивые раны. Отсутствовали части конечностей — у одного, скажем, недоставало узловатого пальца; на его месте остался шишковатый красный нарост огрубевшей кожи. Другой сил потерял половину конического уха. Удивительные пурпурно-опалесцентные глаза затуманены какими-то недавними переживаниями. Кожа в пятнах; на тонких лапах шрамы, двуступенчатые суставы, заменявшие чужакам локти, воспалены; морды окаймлены свежими красными порезами, словно от лезвия вражеского ятагана. Клифф испытал странное смущение от гладкости и чистоты кожи людей — существ, которым не было нужды тяжко трудиться или храбро противостоять врагам и катастрофам. Люди сами не осознавали, как выделяются в ко-

ридорах скального убежища прямотою сильных конечностей и гладкостью кожи, говорящими о комфорте городской жизни, отсутствии боли и страха, о незаслуженной мягкости бытия.

Незримые раны силов заживать, наверное, будут дольше видимых.

Клифф смотрел, как Ирма следует за Квертом и его подругой по плавному спуску во внутренних коридорах Чаши. Девушка явственно переменилась, став молчаливой и погрузившись в размышления. Глаза ее были устремлены вперед, но внимание сфокусировано на чем-то внутри. Клифф опознал симптомы, поскольку был с ними хорошо знаком: напасть, постигшая его самого во время резни в городе силов. Ирма сама перечисляла ему эти признаки на профессиональном жаргоне: низкоинтенсивный аффект, эмоциональная изоляция, взгляд на тысячу метров, общее притупление чувств, стрессовое расстройство.

Теперь это случилось с ней. Возможно, так повлияла гибель Говарда — подтолкнула ее за край. Или стремительная беспощадность, с какой Клифф уничтожил силов, которые пытались захватить людей. Он размышлял об этом, не переставая двигаться в размеренном темпе, удаляясь

от высоких толстых дверей, которые, как ему показалось, служили также гермоворотами. С тех пор, как они с Ирмой начали заниматься сексом — никто не звал это любовью, да оно ею и не было, если фундаментально рассмотреть, — у них наступило эмоциональное сближение. Другие члены отряда заметили его, но в основном отмалчивались на сей счет — ограничились парой сухих ремарок, не проявив, однако, раздражения. В конце концов, это ж экспедиция, а не кружок по интересам. Если и были в том сомнения, гибель Говарда их развеяла. Клифф наблюдал за сосредоточенным лицом Ирмы: девушку явно изводила тревога о будущем, но в основном — интроспекция. Он чувствовал, что ради заботы о ней обязан понять, как именно она себя чувствует. Они неожиданно потеряли Говарда, но Клиффа эта внезапная смерть не слишком мучила, ведь он понимал, что никак не мог бы предотвратить ее. В моменты неожиданной смертельной угрозы каждый остается с ней наедине.

Может, Ирма еще не поняла этого. *Рано или поздно она бы сломалась. Она бы пережила какое-нибудь сокрушительное для ее мировосприятия событие. К примеру, останься она на Земле, это могло бы произойти уже в довольно преклонном*

возрасте. Те, кто не склонен раскрываться, те, чья личность хорошо охраняется, а облик, явленный миру, тщательно вычищен… рано или поздно они трещат по швам. Откалываются фрагменты, проявляются и углубляются небольшие поначалу линии разрыва. Нельзя прожить жизнь, избежав тяжелых столкновений. Чернота всегда следует за тобой, отставая на шаг-другой, готовая коснуться твоего плеча. Когда же касается, тебя охватывает дрожь, и ты ускоряешь шаг. Когда равнодушный мир разбивает иллюзии, страдает и часть внутреннего космоса. Что-то умирает внутри. Ирма никогда больше не сможет почувствовать себя такой же сильной и уверенной, как прежде. И я тоже, что греха таить.

Они миновали очередные громоздкие гермоворота, и, когда промежуточный шлюз закрылся, Клифф увидел, что остались только четверо людей и силы из группы сопровождения. Остальные силы, беженцы, куда-то делись.

Холодный и влажный коридор продолжал постепенно уходить глубже под землю, а потом они оказались в другой части системы переходов. Пол стал прозрачным, следом — стены. Оранжевое свечение растений померкло: на потолке их теперь было совсем немного. Сквозь пол Клифф

сначала ничего не увидел, кроме черноты, а затем внезапно, когда проходил мимо ребристого стального стыка, — *звезды.* Звезды, красные, голубые, желтые, медленно кружились в пустоте по ту сторону пола и стен.

— А-ах, — выдохнул Айбе. У Ирмы захватило дух. Кверт выпучил глаза.

— Мы на обратной стороне Чаши, — без особой нужды констатировал Клифф, услышав в своем голосе радостное возбуждение, и тут же увидел, как влага дыхания конденсируется в воздухе облачками пара.

Крутящееся небо озаряло сумеречный мир.

Они остановились и некоторое время просто наблюдали, проникаясь этой картиной. Нескончаемое тихое гудение воздушного потока маскировало любые звуки извне. Они стояли в коридоре, откуда открывался вид на внешнюю сторону Чаши — корпус, озаренный звездным сиянием, уходил во все стороны за цилиндрическими стенами, насколько хватало глаз. Наверху протянулась плоская равнина, которая даже *выглядела* холодной: серебристые, как лед, и черные, словно космос, линии ребристой сетки размечали ее в подобии параллелей и меридианов.

— Лед и железо, — молвила Ирма.

Бугристый грязный лед между черными опорными балками. Ленивые дуги звезд наверху. Несколько кратеров во льду, перемежаемых выступами черного камня, и…

Мерцание.

Клифф развернулся и посмотрел в сторону Свища, где протянулись черные длинные тени манящего рассвета. И там тоже белый, резкий блеск, словно алмазный.

— На свету поверхностная температура сто пятьдесят два градуса по Кельвину, — сообщил Айбе, сверившись с датчиками всецелевого фонпьютера.

— Почти как в облаке Оорта[9], — сказал Терри. — Но зачем строить эту трубу для перемещения людей… э-э, силов… так высоко над корпусом Чаши?

Кверт промолчал.

Ирма указала на яркие мерцающие световые точки; спустя несколько секунд те погасли.

— Тут всегда темно, нет никакого света, кро-

---

[9] Примечания: 9

Согласно современным представлениям, в облаке Оорта гораздо холоднее. К примеру, максимальная температура на Седне, транснептуновом планетоиде, предположительно относящемся к объектам внутреннего облака Оорта, не превышает 35 К в перигелии, а обычно куда ниже.

ме звездного. Может, это слюда его отражает от скалы?

— Слишком ярко, — сказал Терри.

Вблизи снова что-то вспыхнуло. Все развернулись и увидели столбик, поднявшийся из серебристой равнины внизу.

— Это же… цветок, — прошептал Терри.

Морщинистое основание стебля прочно укоренилось во льду. От него отходили ветви. Светло-зеленые листья росли вверх, точно шпили, чуть склоняясь к ветвям.

— Не просто растение, — сказал Айбе. — Настоящая параболическая антенна.

Цветок был не меньше пяти метров в высоту и оканчивался изящной чашечкой со стеклянистыми, словно отполированными, сегментами. Растение равномерно поворачивалось под взглядами людей, и по мере вращения фокальной точки скользил и отраженный луч, будто узкий голубоватый прожектор.

Ирма оглянулась через плечо.

— Оно следует за вон той большой голубой звездой, — сказала она.

Растение повернулось, и Айбе проговорил:

— Взгляните на фокальную точку.

В местах сужения блестящих ветвей они ста-

новились прозрачными, тугими и вытянутыми. Растение впитывало весь звездный свет в пределах сектора, заметаемого параболой с фокальным параметром около метра.

Клифф осмотрел чашечку цветка в бинокль, отметив довольно сложный бежевый узор кружевных прожилок.

— Это что же, на таком холоде хлоропласты работают? Ничего себе!

— В фокусе не так холодно, — сказала Ирма. — Затем-то оно и концентрирует звездный свет.

Она указала на горизонт, визуально резкий, хотя и удаленный на тысячи километров.

— Целая биосфера в вакууме.

— На одном лишь звездном свете? — усомнился Терри. — Энергии тут маловато.

— Значит, это растение эволюционировало так, чтобы уподобиться антенне, — сказал Айбе. — И живет здесь. Свисает с обратной стороны Чаши.

— И где ж такие звездные цветы развились? — завистливо протянула Ирма. Теперь они видели, как изгибается толстый темный стебель цветка, следуя быстрому вращению Чаши и звезд небосклона. — Отслеживают звездный свет и используют его для питания…

— Эволюция в вакууме? — хмыкнул Айбе.

Клифф отметил, что Кверт не пытается вмешаться в беседу.

— Химия, питаемая… звездным светом?

Айбе скорчил недоверчивую гримасу.

— И как работает?

— Народ принес, — сказал Кверт.

— Откуда? — спросил Терри. — Зачем?

Кверт помолчал, явно столкнувшись с языковой проблемой, его глаза ходили ходуном в глазницах, бессильные выразить нюансы, для которых у людей, наверное, даже слов не было.

— Световая жизнь, так их называем. Тут были уже, когда появились мы. Научились получать… жизнь изо льда… звезду искать.

Ирма протянула:

— А может, они возникли в теплой сердцевине какого-то ледяного астероида? Пробились к поверхности и стали использовать солнечный свет? Центральная звезда системы была далеко. Не исключено, что вообще никакой звезды рядом. Но они выжили. Листья превратились в концентраторы лучистой энергии. А параболические цветки — просто результат эволюции во тьме.

— Долго, — произнес Кверт.

Ирма пожала плечами.

— И, наверное, далеко от звезды. А потом Чаша

пролетает мимо и забирает образцы таких растений? Но… зачем?

Клифф глядел на плоскую равнину: мерцающие вспышки повсюду; он оглянулся — восходили новые звезды, и цветы в поисках света поворачивались к ним. Или к одной из них. Медленно изгибаясь на стеблях, фокусирующие антенны цветов обшаривали небо, выбирали самую яркую звезду и концентрировались на ней. Крупные цветки отслеживали одну и ту же, яркую бело-голубую.

Световые вампиры, подумал Клифф.

Он рассудил, что от мостика, где стояли люди и силы, до страны чудес в ледяной глубокой ночи обратной стороны Чаши — не меньше километра, а то и все два. И там была жизнь. Он наблюдал, как лес удивительных форм жизни, всегда настороже, сканирует крутящееся небо, приникая к наружной стороне огромной карусели. Наверное, эта ледяная империя протянулась далеко-далеко. Наверное, она заняла всю внешнюю сторону Чаши, и пока та летит среди звездных полей, здесь слабым пламенем химии, основанной на звездном свете, горит негасимый очаг. Настоящая обширная экосистема скрывается во мраке. «Искательница» пролетела мимо и, как теперь

понял Клифф, даже не заметила ее. Они были так захвачены грандиозным зрелищем Чаши, что не успевали разбираться в деталях. Они сочли внешние ребристые структуры элементами механической опорной системы — это казалось вполне логичным. Никто не обратил внимания на ледники или цветы; те попросту потерялись в таком масштабе.

Он приблизил некоторые световые точки и увидел, как согласованно смещаются во мраке целые изумрудные полотнища, следуя за ярчайшей из видимых звезд. Разумеется, отсюда не видна звезда, разгоняющая Чашу: только вечная карусель ночи. В фокусе параболических цветов размещалось что-то вроде полупрозрачных футбольных полей. Отслеживая ближайший параболоид, Клифф поразился бурной активности этой футбольной пленки: потоки пузырящихся жидкостей в прожилках, мерцающие моментальные сполохи.

В отдельные мгновения тут достигались земные уровни тепла и химической активности — питаемые яркими резкими точками, разбросанными по холодному темному небосклону. Цветы, укорененные во льду, свисали с обратной стороны корпуса под влиянием центробежной

силы тяжести. Здешнюю эволюцию не стесняло отсутствие атмосферы, как не стесняли жуткий холод и давящая тьма. Всегда и везде: эволюция никогда не спит.

Они двинулись дальше по прозрачной трубе коридора, и Ирма сказала:

— Ты знаешь, мы ведь находили пьезофильные организмы на океанских глубинах с колоссальными давлениями, а также галофильные в рассолах. Эти цветы немногим удивительней.

Айбе заметил:

— Думаю, они покрывают всю наружную поверхность. Возможно, это самая распространенная в Чаше форма жизни.

Терри показал:

— Может, это еще не всё.

Они присмотрелись.

— Смотрите. Как паутина. Вытягивается кверху.

Оно висело как бы на нескольких тугих жилах, выступавших вдали из ледника. Глаза людей уже достаточно привыкли к темноте, чтобы даже в звездном свете различать пять переплетенных мощных стволов. Оно тянулось от Чаши в чернильно-темное небо, и по всей длине его росли цветы, головки которых медленно поворачива-

лись за ярчайшей голубовато-белой точкой света наверху. Оно удлинялось и сужалось, оплетая опорную структуру ветвями и исполинскими полотнищами изумрудных цветов. Эти цветы были крупнее тех, на поверхности. Вершина колоссального дерева имела форму конического шпиля.

— Экология холода, — произнес Терри. — Реверс жизни в постоянном солнечном свете Чаши. Вечная ночь.

Ирма спросила у Кверта:

— Почему Птицам понадобилось все это?

— Мягкая шерсть, острые когти. Тоже звери.

Клиффу ответ показался совершенно загадочным.

— Они что-то из них получают? Но что?

— Свое прошлое.

На изящной морде Кверта возникло напряженное выражение: он искал правильный перевод. В тусклом сиянии звезд на лике чужака проступили морщины, контуры недавней трагедии. Кверт потянулся к своей подруге: стройная самка редко подавала голос, но глаза ее все время двигались, энергично плясали в глазницах. Та прижала Кверта к себе в ответ, и в объятии танец глаз еще ускорился. Наверное, такой обмен сигналами среди силов был наиболее интимен и

эффективен — во всяком случае, по сравнению с болтунами-людьми.

.

Клифф привык уже в такие моменты отводить взгляд. Впрочем, у силов моральный кодекс разнился с людским, так что, вероятно, чужаки не стеснялись проявлять эмоциональную близость в присутствии других. Клифф к этому не привык и сомневался, что привыкнет. Кверт меж тем отвернулся от подруги и кивком морды указал на далекие морозные поля параболических цветов.

— Мягкая шерсть Народа.

Кверт с явным усилием выпрямился, повернулся к людям и обвел всех взглядом. Он заговорил медленно, позволяя автопереводчику подобрать оптимальные человеческие эквиваленты:

— Растения всегда здесь. Звезды питают их. Они хранят. Снаружи Чаши всегда холодно. — Кверт сделал широкий жест, глаза забегали, голос упал до шепота. — Священная память.

Ирма уточнила:

— Хранилища данных, ты хочешь сказать?

— История, — сказал Кверт. — Долгая история. Силы хотят ее прочесть. Вы можете нам помочь?

Часть шестая
Глубина

Сей разум-океан дарует всем
Вещам их меру в форме новых тем,
Какие должен превзойти он сам
В пути к иным мирам, иным морям.

Эндрю Марвелл

19

Усевшись, Мемор заметила, что Позднейшая Захватчица по имени Тананарив внимательно наблюдает за тем, как устраивается на своем месте туша Изыскателя Бемора. Тананарив проявляла типичные для приматов признаки страха — глаза выпучены, губы побелели и крепко сжаты, тело напряжено, словно в готовности бежать.

Ну что ж, у нее были для этого основания: в просторной пещере Тананарив самая маленькая, уступая ростом даже Сервам, и у приматки наверняка взыграли первобытные страхи оказаться раздавленной. Мемор решила ее успокоить и бросила Тананарив блестящий сладкий плод. Та поймала, куснула, оценила вкус. Едва заметно улыбнулась. Но не поблагодарила.

Разум обычно возникает только после того, как более ранние формы жизни исследуют преимущества, даруемые значительным телесным размером, медленностью движений и тупостью. Размер служит таким существам надежной защитой, ослабляет давление естественного отбора, вынуждающее усложнять нейронные сети и их прогностические возможности. Мемор в учеб-

ных погружениях узнала кое-что о созданиях, подобных Тананарив. Эти приматы были способны строить модели внешнего мира, постепенно улучшая их, оттачивая надежность предсказаний. Прогнозы помогали искать пропитание, спасаться от хищников, а также, спустя некоторое время, — общаться с особями своего вида. На каком-то этапе внутренние модели, построенные этими существами, приходили к выводу, что за беспокойно бегающими глазами других существ работают аналогичные модели. Так зарождались развитые общества.

— Мы всего лишь хотим задать тебе несколько вопросов о твоих соплеменниках, — сказала Мемор вместо преамбулы.

— На том последнем занятии, когда ты меня стегала этим своим болевым хлыстом… ты тоже задавала вопросы, а?

— Ты должна понять, что нам необходимо было обзавестись инструментом контакта с другими существами твоего вида. И мы преуспели, смею заметить.

— Они все еще живы? — Удивление приматки казалось неподдельным.

— Разумеется. Они наслаждаются путешествием по бескрайним просторам Чаши.

— Значит, вы их не поймали, э?

К наименее привлекательным качествам Тананарив, существа со средним уровнем интеллекта, относилась ее склонность забегать вперед в разговоре.

— Если угодно, можешь считать, что мы еще не прилагали к тому значительных усилий. Они сбежали от нас в тот самый миг, когда мы занялись вами, Позднейшими Визитерами. Мы решили пока не трогать их, пускай насладятся чудесами нашего мироздания; это будет им лучшим уроком.

— Вы знаете, что такое издевка?

— Да. Изучение твоего словарного запаса, как активной, так и пассивной его части, показывает, что вы способны к проявлению и восприятию таких нюансов.

Мемор намеревалась отпустить комплимент, но Тананарив лишь сухо хмыкнула в знак презрения.

— Думаю, вам следует несколько пересмотреть свое представление о нашем статусе относительно вас, прежде чем издеваться.

— Гм. Издевка дело тех, кто издевается.

Бемор зашелестел перьями, дав понять, что пора переходить к делу. Близнец Мемор, удержав-

шийся самцом в своей Первой Жизни, заговорил внушительно, неспешно, словно давая слушателям шанс посмаковать его слова.

— Мы желаем посоветоваться с тобой, умная обезьянка. Твои приятели причинили вред нескольким кастам, не только Сервам-Прим, но даже низшим особям Народа. Все это… — Бемор внезапно перешел на раскатистый рыкающий бас. — Все это произошло оттого, что они не пожелали сдаться или хотя бы пойти на переговоры.

И снова Тананарив рассмеялась.

— Напыщенный блеф — все равно блеф.

Мемор отметила, что Бемор никак не проявлял эмоций на словах. Это свидетельствовало о тесной и продуктивной интеграции его Подсознания, но сама Мемор внутренне аж вскипела. Тон Бемора вдруг выровнялся до холодного рефрена, перьевой узор разгладился.

— Весьма желательно, чтобы все вы теперь сосредоточились на неспешном, методичном поиске решения Глорианского кризиса. Мы давно уже стремимся к этой цели, ибо Глория — мир изобильный, исстари известный, но так и не понятый. Мы направляемся туда.

— Потому что мы хотим установить источник гравитационных посланий, — перебила

Асенат. — А сейчас оттуда, с Глории, поступают электромагнитные сообщения, такие простые, что мы наконец смогли их расшифровать. Но с нами глорианцы не говорят.

Бемор спокойно отнесся к ее вмешательству, граничившему с нарушением этикета беседы, и вихрем перьев выразил согласие.

— Действительно, это так. По пути к Глории в наших небесах появляются Позднейшие Захватчики. Приматы на термоядерном прямоточнике с электромагнитной воронкой причудливой конструкции — и тут же мы получаем сообщение от Цели Полета. Простые образы в электромагнитных сигналах, которые соответствуют приматам, а не Чаше. Эти два события *не могли* совпасть *случайно*. Слишком тесно их соседство в великой бездне галактического времени.

Бемор шевельнулся на своем желобовидном насесте, устраиваясь поудобнее.

— Глорианцы посылают странное предупреждение. Как отметила Мемор, их предостережение адресовано этим разумным обезьянам, *но не нам, обитателям Чаши.* Нужно действовать. Мы движемся к общей цели и обязаны сотрудничать.

Мемор развернулась к Тананарив.

— Ваша экспедиция ничего об этом не знала?

— Ничего, — Тананарив настороженно смерила взглядом обоих. — Вашей… как вы ее называете? Чаши… нам хватило.

— По ее словам, они не подозревали ни о нашем существовании, ни о траектории, — начала Мемор, — а их кораблю не хватило запасов…

— Все это мне известно, — перьевая реакция Бемора соответствовала пожатию плечами у приматов. — А их таранный звездолет затушевал ионизационным следом наблюдавшееся нами микроволновое излучение, так что в полете они бы сигналов не заметили. Их собственные системы коммуникации основаны на простых цифровых лазерных импульсах с амплитудной модуляцией, да и направлены эти лучи были назад, к их родной звезде, а не вперед.

Он махнул Тананарив оперенной лапой.

— Ты говорила, что у вас на корабле долго не получали сообщений с родной планеты, а потом приняли. Почему это так?

— Наверное, из-за политической нестабильности. Мы посылали доклады домой, но похоже, что наша раса проходила этап утраты интереса к межзвездным экспедициям. — Приматка сидела в напряженной позе, словно не желая признавать

справедливость озвученной гипотезы.

Бемор саркастически закатил глаза, хотя Мемор знала, что Тананарив не сумеет интерпретировать его выражение.

— Откуда такая беззаботность?

Бемор уже понял, что приматка не в состоянии отслеживать перьевой дискурс, поэтому позволял себе многословные рассуждения. Мемор ехидно вздыбила алый хохолок — для Бемора такое поведение было весьма нетипичным.

— Мы имели дело лишь с несколькими экспедициями издалека, подобными вашей, — сказал Бемор. — Большинство визитеров прибывали с близких звезд. Видели нас в своем небе, снаряжали экспедицию — конечно, те, кто уже вышел в космос. В определенном смысле мы стимулируем прогресс обленившихся цивилизаций уже одним тем, что пролетаем мимо. Гости обычно сталкиваются со значительными проблемами в открываемых ими биосферах. Несоответствие микрофлор, трудности при производстве еды, неизвестные ранее заболевания.

— Но мы получили сообщение из дома. Примерно в то же время, когда открыли вашу… Чашу.

Мемор видела, что Тананарив по-прежнему насторожена и выдает информацию неохотно,

лишь из страха перед Бемором. Недоверие к самцам? Ранговые феромоны Бемора, признаться, малость били по обонянию. А может, знакомство с болеизлучателем настроило приматку на более конструктивный лад? Если так, запугивание было правильным решением.

— Приматы не ожидали принять ответный сигнал с Глории. Значит, это их первая попытка контакта с тем миром. Итак…

Бемор развернулся к Тананарив и прошептал на ее языке:

— Надеюсь, ты говоришь правду?

Она выдержала его взгляд.

— Да, это первая экспедиция. Ваша Чаша… Мы ничего не знали.

— Вы вторглись в наш рай безо всякого плана?

Тананарив хмыкнула.

— Отряд, куда входила я, то есть группа Бет Марбл… пока не сбежали, мы были беспомощны, как котята под феном. А вот команда Клиффа, как я слышала, наглядно демонстрирует вам наши возможности.

Бемор озадаченно крутил пурпурной каймой оперения; человек на его месте захлопал бы глазами.

— Ваш корабль, стоит отметить, довольно ори-

гинален и более высокого уровня, чем ожидалось от разумных существ Первого Цикла.

— То есть?..

— Твоя обманчиво простая фраза дает намек на причину: любопытство! Какое мастерство электромагнитной инженерии, а в особенности оригинальна конструкция потокового стабилизатора воронки! Мы изучили его по флуоресцентным спектрам распадающихся ионов и составили схему вашей магнитной ловушки. Конфигурация позволяет кораблю маневрировать даже в скудном ионном потоке от нашей звезды. Впечатляющее достижение!

Тананарив поморгала, не находя ответа.

— Я тоже удивлена, что вы умудрились… — начала Мемор.

— Продолжим, — Бемор отвернулся от Тананарив и Мемор. — Асенат, я полагаю, у вас тоже есть вопросы к приматке?

Асенат не замедлила подойти — наверняка рада, что на нее наконец соизволили обратить внимание. Она задала Тананарив вопросы, время от времени прибегая к помощи Мемор, и ничего нового не выведала. Бемор заскучал. Они с Мемор были еще достаточно близки в поведенческом отношении — не говоря уже про генетическое, —

чтобы Мемор поняла: Бемор из вежливости сохраняет выражение внимания, но на самом деле уже общается с кем-то в Цитадели. Докладывает начальству?

— Наиболее ценным применением, какое можем мы найти этой Позднейшей Захватчице, — сказала Мемор, желая акцентировать внимание на самой оригинальной, с ее точки зрения, особенности Позднейших Захватчиков, а именно — подавленном и недостижимом Подсознании, — является исследование структур ее разума.

Но Асенат решила вырулить прямо на повестку дня.

— Сообщение с Глории адресовано приматам. Глорианцы считают, что Чашей управляют приматы!

Все бурно развеселились. Смешки, шепотки, уханье, кашель. Даже ассистентов проняло, а они обычно не позволяли себе никакого выражения эмоций.

— И это хорошо! — продолжила Асенат. — Пускай и дальше обманываются. А мы, истинные правители, останемся непредсказуемы.

— О да, мы таковы, — сардонически отозвался Бемор, но в его тоне проскользнула нотка ирони-

ческого скепсиса.

Асенат захлопала перьями в знак подчинения, но получилось не очень убедительно.

— Да, идеальная ситуация для целого комплекса обманных маневров. Но для этого нужно склонить приматов к сотрудничеству.

Бемор развернулся к Тананарив и спросил на ее языке:

— Ты следишь за тем, что мы обсуждаем?

Мемор впечатлилась легкостью, с какой Бемор произносил чужацкие фрикативные согласные, направляя воздух языком поверх острого края зубов и в щечные полости. От этого в речи Бемора появлялось торжественное эхо, сопровождавшее даже простые конструкции языка приматов. Мемор несколько периодов сна потратила, пытаясь отшлифовать произношение, но у нее все равно получалось чересчур пискляво и пронзительно. Хуже того, приматка сразу поняла Бемора и ответила:

— Я не знаю вашего языка.

Бемор ей рассказал, аккуратно вырезая все, что приматка могла бы использовать к своему преимуществу, и не выдавая ничего важного. Мемор признала, что справился он мастерски.

Первым делом Тананарив спросила:

— А как насчет барьера скорости света?

Бемор ответил:

— Мы строим далеко идущие планы. Немногие из нас доживут до прибытия в окрестности Глории.

— Вы хотите отправить ответный сигнал? Одурачить их?

Мемор показалось, что приматка проявляет к ним откровенное неуважение, но в этот миг влезла Асенат, улучив возможность перехватить инициативу:

— Мои сотрудники занимаются составлением ответного послания. Это не очень срочно, однако нас могут поторопить.

Тананарив огрызнулась:

— А если глорианцы уже выслали собственных разведчиков?

— Мы, несомненно, заметим их приближение загодя и сумеем защититься, — ответила Асенат, перьевым рисунком цвета слоновой кости прокомментировав: *это же совершенно очевидно.*

— Ну, вы про их гравитационные волны знаете.

Бемор уточнил:

— Ты намекаешь, что нам стоит опасаться оружия этой расы?

Тананарив встала, потянулась, выщепила из глубокой вазы сладкий плод. Проявляет равнодушие? Вероятно, приматы не способны на большее, ведь перьевой дискурс и тонкие сигналы им недоступны. С полным ртом сочной мякоти (что у Птиц считалось вопиющей бестакт– ностью) Тананарив откликнулась:

— Ну, я бы на вашем месте точно.

— Я полагаю, — произнесла Асенат, — что в таких обстоятельствах можно будет задуматься о реактивации Лямбда-Пушки[10]. Изыскатель Бемор, поправьте меня, если я?..

Бемор ответил кольцевым узором синих и зеленых перьев (*да, можно*), поскольку знал, что приматка не поймет.

— А что это за штука? — спросила Тананарив.

— Поистине ужасающее устройство, способное по желанию оператора изменять фундаментальные физические постоянные в небольшой области пространства-времени, — сообщила Мемор.

Глаза приматки полезли на лоб.

— И… как вы им пользуетесь?

— Разумеется, с большими предосторожностя-

---

[10] Примечания: 10

В оригинале — Лямбда-Пики; исправлено по смыслу сообразно дальнейшим упоминаниям этого оружия.

ми, — сказал Бемор. — Мы проецируем такой эффект лишь на значительные расстояния, чтобы самим не попасть в зону поражения. Он применяется для обороны во всесистемном масштабе.

— Мы унаследовали его, — добавила Мемор, — от Времен Террора.

— Хотела бы я услышать эту историю, — отозвалась Тананарив.

— Совсем скоро я покажу тебе на примере, как мы предотвращаем повторение таких темных веков, — вежливо пошелестела перьями Асенат. — Мне как раз пора в Палату Правосудия. Долг зовет.

20

Клифф и его отряд рады были возвратиться в жилые секции подземелий Чаши. Они расположились на отдых в большом зале, теплом, но панорамным видом через широкий портал неустанно напоминавшем о близости *вакуумных цветов*, как назвала Ирма эти формы жизни. Люди перекусили, а силы принесли воды из небольшого раздаточного автомата линии доставки, вделанного в прочную каменную стену. Толщу внешнего корпуса Чаши причудливо избороздили переходы, комнаты, узкие жилые секции, какие-то помещения вроде ремонтных мастерских. Пальцезмейки и жили, и работали здесь, в трущобной тесноте. В некоторых мастерских люди замечали змеек в рабочих комбинезонах за манипуляциями с металлом и электронным оборудованием. Повсюду кишели эти существа, с их блестящей, как вороненая сталь, синеватой кожей и глазками-бусинками, сфокусированными на деталях размером, как правило, не больше пальца — человеческого пальца, а не более крупного бескостного пальца змей.

— А знаете, — прокомментировал Айбе, — это

как-то обнадеживает. Даже в таком невероятном месте — фланцы и шестеренки, шланги и шаровые соединения.

— Инженерия универсальна, — ответил Терри.

Часть пальцезмеек сосредоточилась на работе с длинной, сложно отделанной стеной. Чужаки трудились с яростной неутомимой энергией, обменивались клацающими и шипящими звуками, сновали туда-сюда среди медных листов. Стена возводилась позади той секции, где сидели теперь люди, наблюдая за тусклым сиянием наружной стороны корпуса. В этом месте слой льда был очень толстым, а вакуумные цветы местами стелились по прозрачному порталу. Клифф коснулся окна и тут же отдернул руку под ударом резкой боли. Окно было таким холодным, что пальцы чуть не примерзли. Кверт говорил, что прозрачные стены состоят из множества вакуумированных слоев, но дикий режущий холод все равно просачивался.

— Наверное, эти коридоры под Зеркальной Зоной, — предположил Айбе. — И мы сейчас на краю большого зеркального массива. Вся эта секция Чаши должна быть довольно холодной.

Похоже на то. Равнина за окном казалась *нестерпимо* холодной; высокие глыбы нависали

над пластами и торосами серого льда, затеняя их. По совету Кверта Ирма послала туда рассеянный луч своего лазерника, переведя его в режим фонаря. На одном из таких затененных участков, к изумлению девушки, проявились странные существа цвета слоновой кости: агонизирующе медленно ползли они по корпусу. Айбе спросил, кто они.

— Мы видели странные формы жизни, живущие во льду, но таких…

— Да, — сказала Ирма, — у них мандибулы и глазные стебельки. Как лобстеры, но живут в высоком вакууме и при низких температурах.

Терри глядел, как ползут в сумраке серые тени.

— Они аморфны. Как лужицы жидкости…

— Живут во льду, — сказал Кверт. — Ледоразумам родичи они.

— Да, так вы… — подхватила Ирма. — Вы же нас сюда привели, чтобы?..

Кверт выдержал паузу.

— Силы поговорить хотят, — сказал он затем.

— С?..

— Ледоразумами.

— А зачем вам мы? — спросила Ирма.

— Ледоразумы будут говорить с вами, — Кверт сопроводил эти слова движениями глаз, которые

могли означать либо надежду, либо предвкушение; трудно было судить.

— А с вами не хотят? — спросил Терри.

— С Адаптами — не будут.

Ирма уточнила:

— В смысле, эти существа не общаются с жителями Чаши? Но почему?

— Ледоразумы старые. Хотят только новеньких.

— Э-э… — протянул Айбе. — Вы знаете, а эти, там, в тени, движутся. Они к нам ползут.

— Наблюдатели, — сказал Кверт. — Ледоразумам союзники.

— Значит, на вас раньше не обращали внимания? — спросил Клифф. Вакуумные цветы стали поворачиваться и раскрываться.

— А что… что происходит?

Кверт жестом указал на поле вакуумных цветов. Растения больше не отслеживали ярчайшие звезды местного небосклона. Они поворачивались к прозрачной стене.

Воцарилось молчание. Цветы стали раскрываться полностью, предъявляя взглядам параболические концентраторы света, управлявшие внутренней химией. Медленно-медленно наклонялись антенны к стене, за которой сидели

и смотрели люди и силы. Широкие белые пятна, каждое диаметром несколько метров, украсили серый ледник.

— А они и вправду огромные, — протянула Ирма. — Мне до сих пор тяжело вообразить… растения, живущие в вакууме, собирающие звездный свет на таком большом пространстве. Они питаются звездной энергией. Кверт, а что, цветы обеспечивают энергией всю биосферу наружной стороны корпуса?

Кверт ответил простым движением глаз, вероятно, означавшим согласие. Потом кто-то из силов бесстрастно добавил:

— Холодными разумами управляются.

И снова повисло молчание.

В этом месте над горизонтом виднелось бледное сияние Струи, и некоторые цветы, кажется, были сфокусированы на ней постоянно. Казалось малопрактичным черпать энергию из этого свечения, ведь плазма претерпевала процессы рекомбинации, излучая в основном мягкий красный и голубой свет. С другой стороны, сияние было хотя и слабым, но постоянным, и цветы, вероятно, приспособились концентрировать даже сравнительно низкоэнергетический свет.

Все зачарованно следили, как цветочные ча-

шечки заканчивают разворот к людям. Тишину нарушал только легкий шум кондиционера. Поле цветов (Клифф повел головой из стороны в сторону, пытаясь прикинуть, сколько их тут, и насчитал более сотни) начало пульсировать серым светом. Звезды продолжали крутиться в небесах, сияющими арками рассекая мрак. Люди молча наблюдали, вскинув головы навстречу цветкам, а те в свой черед приникали к вращавшемуся корпусу. Серое сияние медленно нарастало, поле цветов принимало форму огромного круга, простреленного сияющими сполохами. Клиффу показалось, что на него оттуда *смотрят*, и его продрал озноб, но не от холода. *Вот это уж точно чужаки…*

Стал проявляться рисунок. Глаза людей привыкли к сумраку; более яркие цветы формировали центры свечения, более темные контрастировали и оттеняли. Все поле уподобилось картинке, пестреющей спеклами…

Рисунок сформировался полностью.

Ирма ахнула.

— Это лицо Бет! Снова!

Изображение было не слишком качественным, поскольку цветов-пикселей не хватало, но Клиффа оно встревожило. Он не сводил глаз с грубого

образа Бет Марбл, а остальные шушукались.

— Да, — сказал он наконец, — и довольно похоже. Кто бы ни управлял этими вакуумными цветами, им известен метод, уже примененный в Зеркальных Зонах. Они пытаются привлечь наше внимание.

Кверт издал шелестящий звук.

— Ледоразумы, — согласился сил.

— Ну хоть губы не движутся, — проговорил Терри. — Иначе у меня бы мурашки уже бежали.

— Но… это же не сообщение, — сказал Айбе. — Это просто приглашение поговорить.

Кверт огляделся и указал на стену позади. Змейки там продолжали работу, на сей раз используя нечто вроде дистанционных манипуляторов. Из стены выдвинулась какая-то штуковина наподобие плоского таза, а змееподобные роботизированные руки заканчивали ее оформлять. Это был не ремонт, а именно создание новой конструкции. Змейки покрыли поверхность таза оранжево-искристым, блестящим субстратом. У рабочих наметилось пополнение: крупное существо, похожее на ящерицу, с толстой морщинистой шкурой и четырьмя лапами, каждая из которых была толще, чем все тело пальцезмейки; лапы оканчивались мелкими пальцами,

отсутствовавшими у змеек. Клифф увидел, как эти пальцы деформируются, принимают форму отверток, курносых плоскогубцев, молоточков. Существо обрабатывало детали и придавало форму свежеэкструдированным из стены конструкциям. Клифф покосился на портрет Бет: на пиксельном лице из цветов застыла улыбка. Снова повернулся:

змейки закончили работу и отползли вдоль стены, а центральный овальный тазик воссиял оранжевым светом.

Казалось, что к поверхности стены всплывают буквы и слова: так поднимаются пузыри газа из океанских глубин.

— Английский, — сказал Терри. — Откуда?..

— Ледоразумы, — только и повторил Кверт. На морде сила — и на мордах других силов, которые все это время молчали, — двигалась и выгибалась кожа, вокруг глаз возникали складки. Радость? Испуг? Неизвестно. Но тела чужаков оставались неподвижны, признаков беспокойства не выдавали.

На экране прокручивался текст.

Мы повидали Глубину и храним историю.

Мы не такие, как вы – углеродные дети термоядерных света и жара.

Мы сберегаем здесь величие, ныне обрященное и вами.

В давние времена оформили мы сие странствующее творение, когда Народ Тепла явился к нам из глубин вихрей, окружавших наши светила. Народ Тепла даровал нам орудия великой стройки. Некоторые оформители остались среди комет, но мы, обитающие здесь, прильнули к Чаше. Мы живем долгие эоны, мы повидали тысячи обличий разумной жизни. Мы имели дело со всеми по очереди. Мы суть и память Чаши.

— Похоже на записанную лекцию, — проговорила Ирма. Айбе кивнул.

— Наверняка. Они уже пользовались ею. Надо полагать, за тысячелетия странствий меж звезд поневоле разработаешь приветствие, пригодное во всех случаях.

Терри улыбнулся.

— Заученный шаблон? Я бы не сказал, что это приветствие. Скорей анонс.

— Угу, — согласился Клифф, — они хотят впе-

чатлить гостей.

— Можно подумать, это место нас недостаточно впечатлило, — сказала Ирма. — А у них отличный англишский. Наверняка имеют доступ к базам данных Птиценарода. Кстати, обратили внимание? Они, эти Ледоразумы, заявляют, что построили Чашу.

— Оформили. Возможно, разработали дизайн, — уточнил Терри. — После того, как разумные формы теплолюбивой жизни отыскали их. После того, как теплые разумные существа выбрались из своей системы и освоили планеты этой маленькой звезды-спутницы, после того, как проложили путь в… назовем это общим облаком Оорта. И там обнаружили это буйное разнообразие ультрахолодной жизни. А Ледоразумы воспользовались случаем для инженерных экспериментов.

— А может, они просто хвастуны, — предположил Клифф.

Никто не рассмеялся.

Под их взглядами слова поблекли, сменившись длинной последовательностью картинок. Каждая из них проявлялась в одинаково размеренном темпе, словно у чужаков было все время мира в запасе. Планеты — четкие и безводные, облачные и

холодные, покрытые кратерами, но под вуалями мерцающих синих атмосфер. Звезды, а порою тесные скопления, звезды в сильном приближении и на стадии вспышки новой, яростно бурлящие потоками плазмы, звезды на тесных орбитах вокруг незримых спутниц — нейтронных звезд или черных дыр. Чудеса, встреченные Чашей в полете на своей Струе. Клифф предположил, что это ранние годы Чаши — Струя еще испускала языки пламени, трепетала, заузливалась, отливая рубиновыми и ослепительно-желтыми оттенками, а исполинский кубок, насаженный на нее, продолжал разгоняться.

Ну да, у тех, кого Кверт зовет Ледоразумами, и вправду все время мира в запасе. Образы на экране сменялись новыми, люди прислонились к грубой каменной стене, разглядывая странные ландшафты.

— Они нас называют Народом Тепла, — добавил Кверт, когда на дисплее возник ледяной мир. Под черным небом в озере, залитом огненно-красным сиянием, шевелились странные бугры. Дюны, пруды, каналы. Озеро покоилось в извилистой долине между ущелий и оврагов. Айбе заметил:

— Похоже на Титан, луну Сатурна.

— Там были какие-то первичные формы жиз-

ни, — сказала Ирма. — Микробы, живность всякая в озерах. Больше ничего.

— А на экране что-то двигалось, — возразил Терри. На сей раз показывали снимки, сделанные серией друг за другом. Бугры напоминали застывшие узелки жидкости и перемещались при помощи палок, пронзавших телесные глобулы. Неужели ими пользуются как орудиями труда? Когерентные коллоиды вылезали из озера темной жидкости, предположительно углеводородного, может этанового. На пляже их движения становились более плавными и изящными, из тел вытягивались конечности и управляли палками.

— Они скапливаются вокруг той постройки с куполом, вроде термитника, — показала Ирма. — Даже коллоидные шары могут что-нибудь построить.

— Те формы жизни, которые там в тени ползают, — Терри жестом обвел ледяные равнины позади, — с ними схожи. Только эти — планетные.

— Жизнь адаптируется, — сказала Ирма. — Большой скачок: с титанообразного небесного тела, где атмосферное давление высокое, а температура не ниже сотни кельвинов, к этим вакуумным цветам и всему остальному на внеш-

ней стороне корпуса.

— Большой скачок, — согласился Терри. — Но они его проделали не одним махом, а последовательными шажками. И у них были миллиарды лет.

Изображение померкло, сменившись картинкой плотных джунглей. В лесу росли спиральные деревья, с пурпурного облачного неба задувал яростный ветер. Деревья сами напоминали застывшие вихри, и с одного такого, на переднем плане, свешивался зверь вроде крупного грязно-коричневого сурка, принюхиваясь к ветру.

Новые картинки, и еще, и еще… Спустя некоторое время даже экзотические инопланетные пейзажи стали повторяться и поднадоели: сине-зеленые горные хребты, пересеченные глубокими серыми реками, мирные океаны, покрытые зеленой пенкой, сухие бежевые пустынные миры под нависающими густо-коричневыми атмосферами…

— Только планеты, — сказал Терри. — Они не показывают нам кометы. Не показывают себя самих.

…Изобилие ледяных миров под звездными небесами, бескрайние травянистые равнины, по которым бегают четвероногие травоядные, а вда-

ли плюются красными струями лавы вулканы, бескрайние моря, где огромные водоплавающие звери рассекают сокрушительные волны, и места, которые опознать в крутящемся розовом тумане было сложно.

И вправду, жизнь адаптируется.

Спустя еще некоторое время слайд-шоу закончилось, и появились новые слова на английском.

Вы, Народ Тепла, ныне постигаете науку странствий между звезд.

Мы встречались с такими, как вы.

Вы стремитесь расшириться и платите за это великую цену, ибо жизнь ваша скоротечна, а мотивы преходящи.

Многие Народы Тепла являются на малых кораблях, как и вы.

Чаша соблазнила нас своей вместительностью. Ее медленное продвижение отвечало нашему образу жизни и мышления. Много эонов не видели мы особого смысла что-то в ней менять.

В странствиях принимает Чаша тварей холода и тепла. Зрите вы лишь часть нашего племени. Другие Ледора-

зумы обитают повсюду в тени Чаши.

Мы, из Глубины, текучи. Мы обращаемся к вам, ибо вы прибыли в необычное время. Чаша приближается к новому миру. И вы тоже.

Нам нет резона вмешиваться в дела Народов Тепла. Мы действуем только тогда, когда возникают угрозы стабильности и миропорядку Чаши.

Вы нам поможете.

— А стоит ли? — спросил Айбе.

— Напоминаю тебе, — сухо отозвался Клифф, — что они, вполне вероятно, слышат нас.

Айбе сморгнул.

— Ну да, — сказал он громко, — мы поможем. Мы, конечно, поможем. Нам бы только знать как.

Ирма поднялась, отошла к окну, поглядела на мрачные ледники и лицо Бет, все еще сложенное из вакуумных цветов. Поводила из стороны в сторону лазером и сказала:

— Да, эти капли движутся, все правильно.

— Возможно, Ледоразумы их тут содержат, поскольку у них какой-то симбиоз? — предположил Терри. — Трудно сказать. Если Ледоразумы так

древни, как утверждают, им мало что покажется новым.

— И еще меньшее, — добавил Клифф, — заинтересует.

Жидкостные формы жизни? задумался он. Трудно было даже представить себе временны́е масштабы их существования. *Может, теплая жизнь их раздражает: жужжат тут всякие, суетятся заполошно... В том, как они с нами общаются, в их манере поведения... есть нечто невероятно далекое от нас. Наверное, эти существа зародились на окраинах своих звездных систем. А путешествовали на кометах, перескакивая от звезды к звезде. И вполне могли облететь всю Галактику еще в ту эпоху, когда самыми продвинутыми формами теплолюбивой жизни были одноклеточные в болотной ряске.*

Эти выводы не слишком обнадеживали.

— Что вы имеете в виду? — спросила Ирма у дисплея.

21

Мемор внимательно наблюдала за Тананарив по дороге в Палату Правосудия. Приматка быстрым, сметливым оком оглядывала стены и орнаменты, будто каталогизировала все увиденное. Вполне естественное поведение для исследовательницы, которой положено отчитываться вышестоящим. Впрочем, не исключено, что отчитываться ей не придется, но важно, чтобы приматка об этом не догадывалась.

Они сидели на высоких креслах над крутой ямой. Величественные и прекрасные древние гобелены оттенков золота и слоновой кости украшали потолок, а из отверстия воронки на дне ямы глядела зловещая тьма. Бемор, как диктовалось его рангом, занял место выше Асенат, Мемор и приматки. Он говорил с Высшими, даже с Ледоразумами. Мемор это знала и, конечно, завидовала. Бемор, безусловно, ее генетический близнец, но половую принадлежность давно оттеснил на задний план во имя работы с долговременными стратегиями и абстракциями, к которой у Мемор доступа не было. Мемор подумала, что, вероятно, этим и объясняется нотка недовольства, неиз-

менно проступавшая в его речах, когда дискуссия заходила в тупик или ходила кругами. И вправду, помнилось ей, это мужские признаки.

Глубокий звучный сигнал рожка раскатился по Палате. Высокие трели перемежались длинным басовым бренчанием, резонировавшим, как знала Мемор, с телес– ными пропорциями Птиц, так что сигнал был не столько слышим, сколько ощутим. Подобная музыка словно бы вовлекала и подчиняла себе все тело: всепроникающее, но трудноосознаваемое ощущение. И внушала необоримый трепет. Тананарив слушала и озиралась по сторонам, но ничего не говорила. В ее глазах блестел интеллект. Бледные губы были поджаты, и лишь это выдавало внутреннюю тревогу.

Музыкальные стены исторгли резонирующие аккорды. По этому сигналу группа крепких Птиц поднялась со своих мест на нижнем уровне, отделилась от свидетелей. Эти Птицы бичами погнали вперед, к яме, адептов культа Максимизации… все ближе… ноги поскальзываются в слизи… на самом краю… а глубокий голос меж тем зачитывал допущенные преступниками нарушения Великого Пакта. Прозвучал второй ухающий сигнал, и Птицы подтолкнули Максимизаторов в

яму. Некоторые попытались оказать сопротивление, другие лишь изобразили обреченные жесты и покорно спрыгнули. Крики, плач, вопли.

— Нет зрелища более полезного, — мягко произнесла Асенат. — Отлично исполнено.

Музыка стала торжественной, теперь в ней преобладали высокие ноты радости. Она почти заглушала песнопение:

Живите моментом. Отдайте в сей миг!

— Ритуальная переработка, — презрительно заметила Асенат, — лучший выход для тех, кто подрывает общественную стабильность. Их действия угрожали нам всем!

— Как и наши, — не удержалась Мемор и тут же пожалела об этом.

Асенат огрызнулась:

— Если мы истребим людей, как избавились от этих, то проблема отпадет!

Наверное, позабыла, что приматка совсем рядом. Голова Тананарив на миг вскинулась, потом потупилась… а это значило, догадалась Мемор, что приматка уже в какой-то степени овладела языком Народа. И поняла смысл реплики Асенат. Эти создания умнее, чем кажутся.

После церемонии воцарилось тягостное молчание. Бемор нарушил его, негромко заговорив:

— Мы, Птицы, обязаны искоренять собственные назойливые тревоги. Переработка нужна для стабильности и для самой жизни. Мы, Птицы, в широком разнообразии своем обязаны наравне с великим множеством Адаптов принять простой и трудный факт: мы сами и все деяния наши преходящи, эфемерны, мимолетны. Мы значим мало. Надлежит нам познавать красоту и прелесть мира, понимая вместе с тем, что рано или поздно это для нас прекратится. Мы не Ледоразумы. Таков Порядок Жизни.

Мемор последовала примеру Асенат и других, поддержавших глубокий бас Бемора перьевым узором согласия. Она испытала удовлетворение. Бемор способен рассуждать на такие темы куда убедительней и выразительней ее самой; очередное проявление размаха его талантов. Когда они оба были молоды, когда о них еще заботилась давно почившая Основная Мать, он уже справлялся с высокоуровневыми абстракциями и умел вылущивать ядро мудрости из скорлупки текущего момента. Она им гордилась.

Но Асенат решила оставить за собой последнее слово. Она заявила:

— Приматы не в состоянии постичь такую мудрость. Это экспансионистский вид, с какими

часто сталкивалась Чаша за долгие эпохи. Их корабль маневрирует вне зоны досягаемости гамма-лазеров наших систем обороны. Их отряды в Чаше ускользают от нас. Пора как следует за них взяться, чтобы наконец истребить. — Пауза, энергичный шелест перьев. — Разумеется.

Бемор сначала изобразил яркую перьевую радугу согласия, сопроводив это быстрыми тревожными движениями глаз, но затем отозвался печально:

— В прошлом имели место бессчетные попытки восстановить стабильность. Все они приводили к наводнениям, неурожаям, мору, резне, грабежам, этническим чисткам, лазерным пожарищам, обезвоздушиванию, ассистированным групповым самоубийствам, выбросам в вакуум… перечень можно продолжать.

— Кажется, тебя это печалит, — проговорила Мемор чуть испытующе, но она ведь, как-никак, его близняшка. Бемор отреагировал досадливым шелестом перьев.

— Помню, как в дни юности мне — и тебе тоже, о сест– ра моя, — довелось помогать более воинственным из нашего Народа. Мы шли по трупам, садились на горы тел, чтобы немного отдохнуть, складывали тронутых окоченением мертвецов

штабелями на манер подставок и лотков, дабы принять пищу в походе. Мы не имели возможности немедленно возвратить их почве великой Чаши, а это означало, что тела придется охранять и даже отбирать — у хищников разумных и неразумных. Но это нужно было сделать.

Мемор успокаивающе произнесла:

— Брат мой, я не понимаю, куда ты…

— Чаша дает жизнь мутантным видам — и культам заблудших. Существуют этические теории и противоречивые религии, почитающие тело священною ладьей, чьи пассажиры еще не отчалили. Их приверженцы мнят, к примеру, что тело будет возрождено к жизни, даже в прах обратившись. Поэтому они сопротивляются смешиванию мертвой плоти с почвой Чаши; а это и есть истинный грех.

Он окинул взором Птиц по соседству; те смотрели на него кто с меньшим недоверием, кто с большим.

— Недоверие вижу я по вашим перьям, но не сомневайтесь, в исторических записях такие случаи зарегистрированы, а я сталкивался с ними даже лично. Ныне сожалею я о том, что довелось мне повидать подобное.

Бемора, казалось, пригнул тяжкий груз исто-

рии, перистые челюсти его ездили из стороны в сторону.

— Увы, память моя обширна, и я не в силах стереть воспоминания, окрашенные такими чувствами.

Свидетели и зрители казни понемногу покидали Палату. Остались только Асенат, Бемор, Мемор и, конечно, приматка.

Асенат проговорила:

— Мемор, я жду твоего доклада. Продолжается ли твоя охота на стакнувшихся с силами?

Мемор отчиталась о том, как выследила Позднейших Захватчиков среди силов. Быстрыми перьевыми образами проиллюстрировала атаку на город силов и масштабы разрушений.

— Это было одобрено Высшими? — резко спросила Асенат.

— Я об этом позаботился, — мягко ответил Бемор, глядя на Асенат без всякого выражения на перьях. Отсутствие перьевых сигналов соответствовало у Птиц вежливой холодности, но Асенат, проигнорировав намек, решила гнуть свою линию:

— Они мертвы?

Мемор сменила обычную свою перьевую радугу на узор раздраженной усталости и ответила:

— Нет. Я напустила на город силов автодозорных. Здания самовосстанавливаются, а их формы непроизвольно выражают новые сообщения. Это не полноценный язык, скорее жестовый. Архитектурные особенности подтверждают, что среди силов по-прежнему находятся чужаки, и я сделала вывод, что люди выжили при атаке.

Асенат зашуршала всеми перьями, подгоняя ее.

— Итак, ты потерпела неудачу.

— Я не управляла небесной рыбой. Я уже понизила в ранге тех, кто не справился с заданием. Но недавно один скоростной корабль дозора при сканировании заметил вот это. — По знаку Мемор их окружило изображение. Внизу был показан примат, бегущий между свежевосстановленными зданиями. Примата задел болевой луч, фигура скорчилась и упала. Луч остался нацеленным на нее, фигура некоторое время извивалась, сучила конечностями, потом вытянулась и замерла.

— Один погиб? — мрачно уточнила Асенат.

— Теперь мы знаем, что можем причинить им боль с большого расстояния. Моя приматка, — она указала на Тананарив, — послужила подопытной. Но я обнаружила также, что силы взломали мою собственную систему наблюдения.

— Значит, силы тоже следят за тобой? — спросил Бемор.

— Разумеется, я немедленно отозвала все аппараты. Приматы воспользовались этим, чтобы сбежать в направлении ближайшей Зеркальной Зоны.

Асенат взмахом перьев отмела эту информацию и продолжила напирать:

— Мемор, ты ничего не сообщала об этой своей приматке. Я так понимаю, ее хорошо кормили и позволяли упражняться?

В тоне Асенат прозвучало напускное дружелюбие. Мемор озадачилась и заподозрила неладное.

— Конечно. Я отвезла ее сюда, в края повышенной гравитации, ей тут будет лучше. Ее раса явно не создана для легких земель — исследования структуры костей и суставов позволяют предположить, что на их родной планете гравитация даже выше, чем на Великой Равнине.

Бемор спросил:

— Достаточно ли хорошо ты изучила структуры ее разума? В твоих отчетах упоминается странная особенность приматов — неспособность проницать собственное Подсознание.

— Да, это явный признак ранней эволюционной стадии. Представьте себе, каково строить слож-

ное когерентное общество индивидам, которые даже собственных импульсов, своих внутренних мыслей не понимают! Обследование ее мозга было весьма поучительным. Я выполнила большую часть задач.

.

Асенат согласно пошелестела перьями.

— Придется положиться на твои наблюдения за приматкой. Требуется склонить ее к сотрудничеству, чтобы грамотно вступить в переговоры с их кораблем.

Мемор с трудом скрыла удивление.

— Прямо сейчас?

Асенат резко ответила:

— Мы обязаны одурачить глорианцев. Они не должны знать, кто управляет Чашей. Твои приматы нам в этом помогут, если все сделать правильно.

Часть седьмая
Хрустящие насекомые

Часто случается так, что решение проблемы, непосильной ночью, поутру выносит комиссия по делам сна.

Джон Стейнбек

22

— Невероятный народ эти змейки, — сказала Бет Карлу. Приятно было наконец отвлечься от постоянных забот и расслабиться. В Чаше Бет привыкла к неустанным обязанностям.

— Спроси ты меня прежде, чем я их повстречал, — ответил Карл, не в силах отвести взгляд от экрана, — я бы сказал, что такое невозможно. Я бы не поверил, что эволюция произвела на свет подобные инструменты.

Они наблюдали за ходом ремонта электронной начинки где-то на корме, в узких лазах близ модулей магнитной воронки. Змейки без всякого труда забирались в места, где Бет с Карлом убивали часы, вскрывая установки, отсоединяя кабели, подключая диагностическую аппаратуру, анализируя показания и устраняя неисправности.

Карл обратился к змейкам:

— Двигайтесь налево, там батарея статических конденсаторов. Цилиндрические такие, желтые барабаны с масляными клапанами наверху. Потом откроете двойной диод — синие пластинки.

Артилект техподдержки принял команду

Карла, поданную в микрофон, и перевел ее на понятный пальцезмейкам язык текучих гласных и резких отрывистых согласных. Змейки на экране снова пришли в движение — безошибочное. Чужаки были облачены в какие-то комбинезоны с многочисленными прорезями и карманами для инструментов. Они вставляли, поворачивали, прощелкивали, нажимали, калибровали, проверяли и переключались на следующую задачу, да так быстро, что глаза разбегались. Внутренние камеры — маленькие светящиеся трубки — давали лишь приблизительное представление о работе змеек. Все происходило при непрерывном фоновом гудении корабельных двигателей, перемежаемом периодическими толчками и рывками. Прямоточный двигатель «Искательницы солнц» работал почти в критическом режиме, а ремонт подобных конструкций без отключения их становился проклятием для любых кораблей — но это нужно было сделать.

От Бет проку, признаться, маловато было: она все-таки полевой биолог, но корабельный устав исключал одиночные дежурства в секции техподдержки. Весь офицерский состав работал не покладая рук. «Искательница солнц» маневрировала у самой атмосферы Чаши, продолжая

забирать из плазменной Струи столько топлива, сколько удавалось. Одной уже задачи поддержания нужных траекторий хватало, чтобы полностью загрузить вахтенных.

Но Бет нечем было заняться в часы, свободные от гидропоники, тестов бортового воздуха и проверки культиватора, где водоросли превращались в подобие съедобных насекомых и овсянки. Она начала составлять дерево отказов для вахтенных работ, но, кроме инструкций артилекту, который и без того знал о предмете больше самой Бет, опять же не нашла, чем заняться. Пришлось прибегнуть к мудрому правилу, которому ее обучил Клифф:

Никогда не упускай шанса вовремя заткнуться.

Это оказалось тяжелей, чем она думала.

— Могу я тебе помочь? — спросила Бет, наверное, в восемнадцатый раз.

— Нет надобности. — Карл[11] не отрывался от экранов, а через гарнитуру с ним постоянно шептался артилект, обновляя диагностические сводки. — У меня все в порядке.

К счастью, Карл был немногословен. В отличие

[11] Примечания: 11

Здесь и далее в этой главе — Курт, что является явной ошибкой и исправлено по смыслу.

от остальных членов экипажа, он не приставал к ней с расспросами о приключениях в Чаше.

Змейки еще немного покрутились среди механизмов, кое-что прочистили и с поразительной оперативностью привели параметры разрядной емкости конденсаторов в соответствие спецификациям. Система разгонной накачки ионоточника была восстановлена.

— Порядок, — сказал им Карл, — возвращайтесь. Вам нужно отдохнуть, ребята.

Змейки послушно развернулись и начали возвращение тем же мучительно извилистым путем в лабиринтах машинного отсека.

— Потрясающая работа, — произнес Карл, кивая в такт своим мыслям. — Как только мы без них обошлись бы?

— С трудом, — ответила Бет.

— Ты у нас биолог. Скажи, как могли эволюционировать такие существа? Змейки явно не с Земли.

— Наверное, условия их родного мира поспособствовали. Я слышала от них, что там тектоника плит совершенно бешеная, погода на поверхности лютая, а бури такие, что краску с металла содрать могут. Разумная жизнь осталась в подземельях.

— А как насчет землетрясений? Вулканических извержений?

— Они говорят, на той планете есть *пояса яростного беспокойства* — их язык примечательно поэтичен. Континентальные массы напирают друг на друга, как и на Земле, но швы зон субдукции равномерно окружают весь мир. Если держаться подальше от поверхности, жизнь облегчается. Ты сам откуда?

— Из Великогермании. А ты?

— Я много где пожила, но главным образом в Калифорнии. После Коллапса к нам порядочно мигрантов прибилось.

— Ну ладно, змейки обрели разум, но, mein Gott[12], они же просто кудесники в работе с механизмами. Как это объяснить?

Бет усмехнулась.

— Послушай, ну мы ж сами не знаем, отчего люди сравнительно лысы, если с другими приматами сопоставить. Почему мы ходим на двух ногах и можем перегнать почти любого зверя? Почему мы так хорошо смыслим в математике, музыке… ну, ты понял. Бесполезно пытаться уразуметь, почему чужаки такие, какие они есть.

---

[12] Примечания: 12
Боже мой (*нем.*).

Пальцезмейки, извиваясь, выползали через узкий проход из недр машинного отделения. Обыкновенно Бет с Карлом туда бы умные провода запустили, управляя ими по контрольной панели. К изумлению Бет, змейки затянули высокую, воющую песню: *чи-и-и чи-и-и-к, дуууу, ранг-ранг, чи-и-и-чи-и-и, дуууу*… Не сказать, что совсем неприятную для слуха. По крайней мере, пели они недолго. После этого начался *танец изгибов* (определение Редвинга): змейки нависали арками друг над другом и формировали сложные кривые, покачивались в сторону центра круга и от него, перекатывались по полу и складывались вдвое большими О, снова вытягивались, продолжая напевать, но не так резко. Кончился ритуал тем, что змейки полупривстали на мускулистых хвостах и замахали озадаченным людям длинными пальцами в жесте дружбы — ну, если верить шепоту артилекта в ухе Карла.

Затем попрощались и уползли перекусить к гидропонным ямам, где Бет уже приготовила для них трапезу.

Карл проговорил:

— Невероятная координация. Будто это для них совершенно естественно.

— Хочешь сказать, им не нужны предваритель-

ные тренировки, опытные заходы, как людям?

— В общем, да. Ты посмотри на змеек… они ведь далеко от родной биосферы, от своего дома, но держатся вместе, поют… положительно, некоторые виды куда лучше координируют коллективную работу, чем мы. Но как это возможно?

— Мы в этом деле новички. Примерно двести пятьдесят тысячелетий назад на Земле групповая охота превзошла эффективностью одиночную. Так зародилась логика совместных рисков и дележа добычи. Наказание общины удерживало альфа-самцов от заскоков при доминации. Иерархия некоторым образом инвертировалась: если сильные пытаются захватить власть, изгоняйте их. Победило сотрудничество.

— Ого. Я не знал деталей. Занятно будет посмотреть, как ты с чужаками в Чаше законтачишь.

Бет открыла было рот для уместно скромного ответа… но Карл попал в чувствительное место: она уже скучала. Она вернулась на корабль, но по ночам видела сны о Чаше.

— А, да. Ладно, пойдем на камбуз себе чего-нибудь поесть сообразим.

Фред месил тесто, не переставая говорить. При физической работе он раскрывался лучше всего, так что Бет старалась не отвлекаться.

— Я тут себе все думаю… Карта, которую мы видели в Чаше, изображала Землю времен юрского периода, когда возникли все крупнейшие динозавры. Ну, апатозавры и так далее. Кажется, я наконец сообразил, как все было.

Бет, тоже занятая готовкой, кивнула. Фред продолжал объяснения, взбивая тесто и хлопая по нему для пунктуации.

— Сперва появляются разнообразные разумные динозавры. *Ууфф!* Наверняка хищники. Изобретают скотоводство. *Ух!* Думаю, они миллионы лет напролет разводили мясных животных, культивируя их гигантизм. *Ахх!*

Он огляделся и сообразил, что слушает его одна Бет.

— Хочешь сказать, все теории эволюции динозавров ошибочны?

Ее это заинтересовало, но остальных, видимо, нет. На кухне было тесно, все вполголоса переговаривались, готовя себе ужин. Фред резко закрыл рот. Бет его знала: если никто не слушает, Фред не будет зря трепаться.

Карл протянул Бет пригоршню жареных кузнечиков, от которой ощутимо несло чесноком.

— Попробуй. Хрустящие!

Карл сунул кузнечиков запекаться еще до того,

как Бет пришла на камбуз.

— Ага, — сказала Бет, — спасибо.

После кузнечиков ей предложили рассортировать ароматных восковых червяков из корзинки. Бет отбраковала черных: у этих начался некроз.

— Они быстро портятся, — извинилась Бет. — Я их всего два часа как вырастила, блин. Остальные норм, просто окукливаются.

Старательно слущив коконы, Бет поместила червей в электрический вок.

Капитан Редвинг прошел на камбуз и постоял, наблюдая за ними, высокий, прямой, как палка. Задумчиво провел языком по губам.

— Личинки восковой моли — гурманское блюдо, а?

Команда рассмеялась. Капитан обычно делал вид, что меню великолепное, какое бы дерьмо ни приходилось употреблять. А если не находил силы для таких заявлений, то ел в одиночестве, у себя в каюте. Недавно, впрочем, на камбузе случилась кулинарная катастрофа — *адское варево*, как окрестили единодушно это импровизированное блюдо. С тех пор Редвинг перешел на сухпаек.

Карл обернулся к своим коричневым кузнечикам, перемешал, посолил — вторичная переработка соли труда не представляла — и,

откинув голову, опустил пригоршню в рот.

— Должен заметить, когда еды не хватает, она кажется вкуснее!

— Лучше меньше, да лучше, — отозвался Редвинг. Все подняли брови. — Ребята, мы в тяжелой ситуации, маневрируем по траекториям, которые вы не имели возможности разучить… — Он кивнул по очереди Карлу, Бет и Айян Али. — Мы исследуем огромный артефакт, который даже вообразить себе не могли. Лучше меньше, да лучше, пока не найдем способа выбраться из этой переделки.

Все кивнули.

— Итак, — подытожил Редвинг, — вперед, на Глорию! А для этого поедим как следует.

Личинки восковой моли извивались и дергались как безумные, когда тепло вока настигало их. Культивировать насекомых на водорослях было несложно, а при правильном подходе к приготовлению личинки придавали меню пикантную нотку, которой корабельной кухне сильно недоставало. Свежеприготовленными они напоминали оладьи или, как выразился кто-то, подбадривая себя, *пирожки из болотной тины*. На корабле не было ни места, ни ресурсов, чтобы синтезировать мышечную ткань и сухожилия.

Некоторые члены экипажа, будучи уроженцами Североамериканской Республики, не привыкли к рациону из насекомых, — честно говоря, они вообще не привыкли поступаться тамошними стандартами жизни. Несколько недель консервной диеты, и подобную привередливость обычно как рукой снимало. Однако многим так и не удавалось побороть омерзение при виде подноса с горками серых длинных червей, поэтому Бет предпочитала червяков измельчать и запекать на манер оладий. Бет выложила личинок на сковороду, в ароматную жирную слизь — творение Айян Али. Личинки подергались в шипящем жире и застыли. Бет перемешала их. *Удивительное дело: чего только не съешь, если припирает…* И тут же вспомнила, *чем* ей приходилось с аппетитом трапезничать там, в Чаше. Иногда лучше было не смотреть, что ешь.

От хрустящих насекомых пошел пикантный дымок. Бет сняла сковороду с подогрева, команда приступила к трапезе.

Редвинг приберегал для таких моментов какую-нибудь вкуснятину. На сей раз капитан тоже не подвел, торжественно презентовав экипажу свой личный горшочек…

— Мёд! Ух ты!

Дело пошло веселей. Все набросились на еду.

— На вкус как блевотина насекомых, — прокомментировал Карл. — Могло быть хуже.

— Ты закончил анализ полета? — спросила его Айян Али.

Карл, продолжая жевать, ответил:

— Да, я перенастроил симуляцию. Внес поправку на данные по изотопам из ловушки за последний век.

— И что? — спросила Бет.

— Мы все еще пытаемся понять, почему упала производительность воронки, — сказала Айян Али. — Если разберемся, это может нам помочь в таких условиях, как сейчас, при низкой плотности плазмы.

Редвинг вежливо поинтересовался:

— А как там детекторная мошкара?

Бет знала, что у Редвинга в обычае переводить случайные посиделки в эдакое непринужденное совещание офицерского состава. Технические подробности вприкуску явно давались ему легче. Айян Али, сдобрив со– усом, запихнула в себя еще пару порций хрустящих деликатесов (на взгляд Бет, дело это было нужное, ведь Айян казалась худой, как тростинка, и почти безжизненной) и негромко сообщила:

— Мы с Карлом по указанию капитана выпустили диагностические флайеры, которые первоначально планировалось использовать для трехмерного картирования магнитных полей и солнечного ветра после прибытия на Глорию.

Редвинг добавил:

— Я решил, что можно их пока отпустить на коротком поводке. Они нам помогут прояснить детали плазменных турбулентностей, распределения плотности — ну, в общем, всех тех явлений, которые не изучишь изнутри магнитного кокона «Искательницы».

И это тоже было у Редвинга в обычае: объяснять команде логику своих поступков, но только постфактум. Бет подыграла ему:

— На коротком поводке?

Вместо капитана ответил Карл.

— Я уверен, что мы сумеем их вернуть, когда понадобится. Чудесные штучки, правда. Размером с монетку, но умеют самостоятельно маневрировать в магнитном поле, зондировать плазму, замерять параметры волн, пересылать данные на корабль в гигагерцевом диапазоне. Мы рассеяли их почти на астрономическую единицу кругом; они там вынюхивают ионные массы и плотности, измеряют плазменные волны и все такое.

Бет впечатлилась такими возможностями «Искательницы» и решила посидеть тихо, позволив остальным выговориться. Те сыпали техническим жаргоном, и видно было, что эти люди к своим хитроумным машинкам привязаны не меньше, чем иные — к домашним животным. Многотысячная флотилия умных монеток справлялась превосходно, отсылая на корабль данные сканирования. Их можно было в любой момент отозвать для перенастройки. Внушает. К тому же — первые полезные результаты.

Айян Али согнула палец, и, повинуясь ее команде, над столом в кают-компании развернулась четкая и резкая трехмерная картинка. Схематическое изображение Чаши в зеленых тонах, «Искательница солнц» — оранжевая точка, носится туда-сюда над артефактом. Кораблю приходилось держаться ниже обода Чаши, избегая зоны обстрела тамошних систем обороны. В то же время «Искательница» вынуждена была скользить над мембраной, удерживающей атмосферу Чаши. Это оставляло доступным для навигации тонкий диск вакуума, пронизанный плазменными волнами от центральной звезды. И, что еще важнее, простреленный плазменными отростками и выбросами желтой Струи. В

трехмерном представлении пылающая Струя казалась огромным клубком светоносных змей, медленно крутящимся вокруг своей оси по мере продвижения вперед. Под взглядами экипажа Струя понемногу поворачивалась: это артилект мостика отслеживал движения глаз людей и выбирал интересующие их участки проекции. Они наблюдали, как все сильнее и сильнее сужается Струя по мере приближения к Свищу, как хирургически чисто прокалывает она донышко Чаши и вырывается в межзвездное пространство.

Айян Али услужливо выделила на проекции безопасный диск, где перемещалась «Искательница», и увеличивала его, пока не стали заметны яркие синие точки, формирующие сетку по всему этому объему. Разбросало их почти на астрономическую единицу. Айян Али взмахнула рукой, и точки отреагировали моментальными фиолетовыми вспышками, словно от корабля по Чаше медленно пробегала рябь.

— Отчеты поступают непрерывно, каждый зонд достаточно удален от прочих. Мы получаем обширные массивы данных по плазменным сигнатурам. Монетки сами питаются этой плазмой и меняют курс, электродинамически маневрируя. — Айян не сдержала эмоций, просияв от

удовольствия. — Просто красота!

Карл кивнул.

— И они приносят, пожалуй, добрые вести. Помните, перед тем как мы заметили Чашу, производительность ловушки падала? Это двигатель засасывал куда больше гелия и молекулярного водорода, чем типично для межзвездной среды. Часть этого топлива ионизировалась в нашей собственной ударной волне и проникала в главную воронку.

— Но не сгорала, — сказал Фред. — Понятненько. — Он заговорил впервые за всю трапезу, и остальные дружно повернулись к нему. — Трудновато было бы изнутри корабля понять, что не в коня корм.

Бет не поняла, к чему он клонит, но отважилась спросить:

— А теперь?

— А теперь ясно, что эти бесполезные ионы-то нас и тормозили. Избыточная масса, а не топливо. — Фред склонил голову, словно извиняясь. — Простите, я иногда слишком увлекаюсь техническими деталями. Мои бзики трудно перевести на язык людей.

Все рассмеялись, и даже Редвинг присоединил свой раскатистый басок к дружному хору.

— Фред, не принижай своих достижений, пожалуйста, — сказал капитан. — Взять хотя бы эту идею с динозаврами.

Бет оценила методы Редвинга по достоинству, но решила не отклоняться от темы.

— Значит, с двигателем все будет нормально? В конце концов, он же не предназначался для внутрисистемного маневрирования, а мы ухитрились его заставить.

— Да, умные монетки так утверждают. В общем-то у нас плазменный поток интенсивней, чем даже в окрестностях Земли, — сказал Карл. — И кроме того, получается зачерпывать немного плазмы, сдуваемой с нитей Струи.

— Но звезда ведет себя не так, как полагалось бы на Главной последовательности, — вмешался Редвинг. — Я попросил астроартилекта этим заняться. Он говорит, первоначально определенный спектральный класс был ошибочен, потому что спектрограф выдал оценку по тому горячему пятну, исказившему линии. Однако похоже, что зона, откуда вырывается Струя, влияет на все поведение звезды и придает ему странные эффекты.

Айян Али уточнила:

— Вы про те крупные солнечные арки? Боль-

шие такие, пузатые петли. Они пляшут у горячего пятна, и каждые пару недель оттуда вырываются исполинские вспышки.

— Да, это они, — сказал Карл. — Они каким-то образом стабилизируют Струю. Я понять не могу, как это возможно. Столп плазмы, у основания которого бушует буря, — и он устойчив. Эти бури к тому же накачивают Струю и сдувают часть плазмы вовне. От подножия колонны дует сильный высокоионизованный солнечный ветер, и, кстати, это помогает нам дополнительно собирать немного топлива в ловушку.

Бет кивнула, чувствуя, что все еще далека от понимания.

— Приятно слышать столько добрых вестей одновременно.

Редвинг тихо произнес:

— Значит, умные монетки подтвердили, что у нас остается запас прочности для маневров. Это и вправду добрая весть.

Все рассмеялись. Фред с энтузиазмом закивал.

В кают-компанию заглянул один из вахтенных офицеров, новенький; его разморозили недавно, и Бет не успела с ним толком познакомиться.

— Капитан? Мы принимаем узкополосный лазерный сигнал из Чаши. Оцифровали. Он на

английском. Картинка то пропадает, то снова появляется. Но мы определили, кто это… Это Тананарив.

23

Сидя в ожидании стабильного сигнала, Редвинг вспоминал, как в тестовом полете по переборкам корабля точно молотки стучали: побочная акустика магнитных полей прямоточника проникала всюду. На прощальной вечеринке президент одной из главных кораблестроительных компаний радостно прокомментировал этот грохот:

— А как по мне, то похоже на звон кассового аппарата.

Редвинг счел своим большим достижением то, что ему удалось сдержаться и не уложить президента компании одним ударом. Но потом обрадовался еще сильнее: в ожидании заморозки ему явилась мысль, что, когда он снова откроет глаза, кораблестроитель уже обратится в прах.

Теперь фоновые скрежеты, удары и долгое раскатистое бренчание стали второй натурой. Впрочем, по долгу капитана он продолжал к ним прислушиваться. В данный момент примешивались скрипы и гудение несущей волны. Потом:

— …надеюсь, сигнал проходит.

Редвингу голос Тананарив, как всегда, показался мечтательно-томным, словно после виски

с сигареткой, но он понял, что ей довелось пережить многое. Хотя нотки облегчения тоже прозвучали. Экран не включился. По звуковому каналу поступали фоновые писки и шепотки, вероятно статические помехи, а может шумы какого-нибудь помещения у чужаков.

— Прием, — произнес он.

Спустя каких-то пять-шесть секунд дрогнувший голос Тананарив осторожно ответил:

— Есть контакт.

Она откашлялась.

— Они… они хотят, чтоб я с вами поговорила. О сотрудничестве насчет этого послания. Вы же видели сообщение с Глории, да?

Он увидел, как ползут служебные сообщения с мостика: корабль зацепил полный сигнал. Экран замерцал, на нем внезапно возникла Тананарив в полный рост и в цвете. На темном фоне какой-то скалы, бледная и истощенная, но глаза сияют непоколебимой энергичностью. Никого больше камера не показывала. Одежду Тананарив, потрепанную и пестревшую заплатками, составляли штаны от экспедиционного комбинезона, блузка и куртка, в которых она и улетела в Чашу. И еще — странная серая шаль на плечах. На левой скуле грязевые разводы, по шее царапины. Вид у Тана-

нарив был порядком измученный.

— Да, видели. Очень странное, — сказал Редвинг. Лучше осторожничать. Он понимал, что существа, пленившие девушку, тоже слушают. Вот бы увидеть кого-то из них. Он изнывал от любопытства — как же в реальности выглядят эти чужаки?

— Народ, как себя называют эти чужаки… хочет с нами работать, то есть сотрудничать с нами… с вами, капитан… для ответа. Им нужно что-нибудь ответить Глории.

Брови Тананарив вздернулись при словах *с вами*, и Редвинг задумался, что бы это значило.

Голос ее огрубел, быть может, от долгой экспедиции: у англишского будто уголки стесало. Тананарив вдруг рассмеялась.

— Цивилизация Глории, короче, решила, что это мы рулим Чашей. Мои, гм, менторы хотят, чтобы там так считали и дальше. А сами намерены оставаться в тени, по крайней мере пока не узнают про Глорию побольше. Но для этого им нужно наше содействие.

— Интересненькое дело. Спрячутся от Ищеек Глории за чужими спинами?

— Капитан, они пока не приняли решения. Они сперва хотят поговорить с нами.

— И всё? А с группой Клиффа что?

Он заметил на ее лице тень внутреннего конфликта. Бет и Карл, сидевшие позади, вероятно, тоже, поскольку заерзали на своих местах. Редвинг пригласил только их к себе в каюту для просмотра, решив, что первый за месяцы безмолвия сигнал чужаков лучше пока утаить от остальной команды. Не нужно всему экипажу влезать в политические торги, особенно, как сейчас, в полете.

— Я… ничего не знаю… о них.

Колебаниями она выразила больше, чем словами. Вероятно, пытается не дать Птицам понять, что ей известно. И тут же подтвердила его предположение, очень осторожно подмигнув левым глазом. Левым. *Что-то не так*. Обычный флотский код при видеосвязи. Подмигни она правым глазом, это значило бы, что все хорошо, но остается недосказанное.

— Так почему бы им не отпустить группу Клиффа? И тебя заодно?

Она снова поколебалась, искоса взглянула на тех, кто руководил переговорами.

— Я им нужна как переводчица…

— А отряд Клиффа?

— А про отряд Клиффа они ничего не знают. —

На этот раз она подмигнула правым глазом. Что она имеет в виду? Птицы что-то знают, но по каким-то причинам информации этой им недостаточно?

— И мы должны помочь им составить ответное послание для Глории, так?

Редвинг решил, что пора выкладывать карты на стол. Но пусть чужаки сделают это первыми.

— Вам всем тут, внизу, будут рады. Для нас тут много места.

Голос ее был лишен всякого выражения, а взгляд — устремлен прямо в камеру, точно Тананарив выдавала заученный текст.

— Спасибо, но нам требуются только припасы и топливо. И информация.

— Думаю, они хотят помочь с ремонтом корабля.

И снова — прямой взгляд без движений глаз.

— В ремонте мы не нуждаемся. Мы выяснили, что именно тормозило корабль больше века, — это был выхлоп их Струи. Как только пополним припасы, можем лететь дальше.

Она впервые метнула на него скептический взгляд с прищуром.

— Они не это имеют в виду.

— Скажи, что мы, наверное, согласны будем

обменяться делегациями. У нас тут не поместится больше одного-двух…

— Капитан, они желают, чтобы вы присутствовали на переговорах лично.

— Не бывать этому, пока не отпустят тебя и группу Клиффа. Они провели в экспедиции много времени, нуждаются в лечении и отдыхе. И ты тоже, Тананарив.

— Я полагаю, у Народа на уме что-то… более… постоянное.

— Например?

— Они говорят о паре поколений. Достаточно времени будет у видов для знакомства.

— Я офицер Флота, у меня приказы. Я веду корабль колонистов на Глорию и не могу изменить своей миссии.

Колебания, взгляд искоса, сжатые губы.

— Я… полагаю, у них тут нечто вроде коллекции видов, которые живут и сотрудничают.

— Я не могу терять людей. Колонизация целой планеты требует больших отрядов, а наш экипаж и так не слишком велик. Если согласимся на условия Народа, то в будущем половинки популяции — те, кого оставим здесь, и те, кто полетит дальше, — окажутся под угрозой инбридинга.

Пауза, быстрые движения глаз, взгляд в сто-

рону.

— Они… они говорят, мы им очень интересны.

Ровный тон намекал, что Тананарив о многом умалчивает и ему придется догадываться о чем.

Затем вдруг прозвучал новый голос. Мягкие трели, прослоенные глубокими басовыми нотами, словно кто-то пытался исполнить два тона одновременно. Редвингу подумалось, что в первый раз с начала переговоров он слышит подлинно чужацкую речь. Она была подобна симфонии, разные элементы которой отвечали разным частям сообщения, тона наслаивались, высокие и низкие обгоняли друг друга. Некоторые ноты звучали раскатисто, другие казались полыми и невыразительными. И вместе с тем голос обладал странной резонирующей звучностью, словно игра слов — если скрипы, трели, ворчания и бормочущие шелесты действительно соответствовали словам — производила дополнительный эффект в большем масштабе. Как бы ему хотелось посмотреть на обладателя голоса. Шестисекундная пауза бесила.

Тананарив поразмыслила мгновение, отведя глаза от камеры, и проговорила медленно:

— Они выражают… полное радушие. Мы вправе здесь поселиться. Они отведут нам значительную

территорию и помогут обустроить цивилизацию уровня… — Она поколебалась. — Ну, как была на Земле.

— Ясно, — ответил Редвинг, следя за тем, чтобы лицо его ничего не выражало.

— И… судя по виденному мной здесь, у них свои законы управления этим огромным хабитатом. Свой… порядок. Они по этому поводу высказались, гм, очень откровенно. Стоит допустить оплошность, и вся Чаша под угрозой.

— Как и на любом звездолете, — сказал Редвинг. — Люк не так откроешь, и ты мертв. А с тобой, может, и вся команда.

Она кивнула, и ее глаза скользнули влево, потом обратно.

— Да, наверное. Они говорят, нам стоит знать, что долгосрочные ограничения на численность популяции довольно растяжимые. Нам могут отвести территорию крупнее всей Земли. Нет, правда. Мы можем выбрать любую часть этого огромного мира, какую только пожелаем. Наверное, где-нибудь на Великой Равнине, там гравитация 0,8*g* и, как я понимаю, довольно мягкий климат.

— Судя по твоим словам, — проговорил Редвинг ровным голосом без всякого выражения, — пред-

ложение достойное.

Язык Тананарив метнулся между губ, на лице появилась неуверенность.

— Да, в своем роде.

— И нам всем придется спуститься? Оставить корабль где-нибудь на орбите?

Она помедлила. Редвинг чуял чье-то присутствие, мишень ее взглядов. Приглушенные осторожные движения, шарканье, длинные медленные вдохи и выдохи — за кадром кто-то таился. Источник того странного голоса, да. А может, их там несколько. Чужаки смотрят, слушают и, вне сомнений, с помощью своей техники тут же вскрывают смысл сказанного им. Но что еще способны они почерпнуть из этой беседы?

— Я… думаю, да. Они говорят, им нужно будет исследовать «Искательницу солнц». Некоторые аспекты магнитной ловушки и двигателя они хотят приспособить себе на пользу. Один из них — большой, он тут вроде за главного, хотя, по правде говоря, мне сложно судить, — говорит, что, возможно, технологии, аналогичные нашим, были известны в глубокой древности, но с тех пор утрачены. Они поэтому и заинтересовались.

.

— Утрачены? А как долго существует Чаша?

— Они не скажут. — Тананарив нахмурилась. — Они, может, и сами не знают.

Бет и остальные члены экипажа хранили молчание. Лоб Редвинга избороздили морщины.

— А если мы не пожелаем задержаться здесь? Не станем отдавать им столь многих своих людей?

— Они говорят, это условие не подлежит обсуждению. Они должны получить достаточно людей.

— Так не пойдет, — отрезал Редвинг.

— Тогда… они говорят… будут страдания.

— А быстренько наши птички перешли к угрозам, не так ли? — взлетели брови Редвинга.

Тананарив ответила быстрым кивком. После этого экран погас.

Они долго сидели в каюте Редвинга, выжидая, не возобновится ли передача. Не возобновилась.

Часть восьмая
Ответная угроза

Обладание знанием не убивает ощущений восторга и причастности к тайне. Тайны пребудут вовек.

Анаис Нин

24

— Да, кажется, что они именно такие упрямцы, как ты описала, — сказала Асенат, склонившись к Мемор и раздраженно встопорщив желтое кольцо вокруг шеи. Тяжелое теплое дыхание неприятно пригнуло перья Мемор.

— И даже более того, — добавил Бемор.

После сеанса связи с кораблем чужаков они уединились в сумрачной боковой комнате. Темные каменные стены дышали подлинно глубокой древностью; когда-то их пытались украшать панорамами саг о великих цивилизациях, но эти творения давно затерлись, как исчезли и сами культуры, о коих были сложены саги; остались только полосы, бороздки да просверки вещества, видом подобного гравию, изначального материала Чаши. Помещение источало холодную ауру величественных эпох.

Тананарив, последняя оставшаяся в плену Позднейшая Захватчица, занималась физическими упражнениями, прикрепив грузы к своим крепким конечностям: сгибалась и разгибалась, подтягивала ноги к голове, садилась и ложилась, снова и снова. Ее движения отвлекали: как гибки

эти существа… Мемор напомнила себе, что приматка упражняется ради собственного здоровья, и решила игнорировать Тананарив.

Асенат взъерошила перья в знаке согласия.

— Не хотелось бы вести переговоры с теми, кто едва ли осознает свое истинное положение.

Мемор перьевым салютом выразила одобрение, но сказала:

— Им все здесь внове. Несомненно, они пытаются добиться наилучших результатов в сложившейся ситуации, как сами ее понимают.

Бемор не прибегнул к перьевому дискурсу, но голос его упал до нижних регистров.

— Они не ведут переговоров с позиции силы.

— А мне кажется, — сказала Мемор, — что сами они иного мнения.

— По их речи трудно определить, — отвечал Бемор снисходительно.

Мемор все еще испытывала дискомфорт в его присутствии и твердила себе, что пренебрежительные шелесты или перьевые сигналы не должны ее обижать. Вероятно, Бемор развил привычку к ним, общаясь с подчиненными и низкоранговыми работниками? Подавив этой мыслью свое стеснение, она *подпустила в разговор перьевой смазки*, как звалась у Народа

подобная тактика: вывела на мерцающую стенопроекцию изображения приматского экипажа.

— Я изучала их *намеки*, ограниченные методы визуальной невербальной коммуникации. Они общаются, обрабатывают информацию и выражают эмоции, используя мимикрию под лицевые выражения соседей. Я исследовала небольшие сдвиги в выражении глаз, рта и даже носа (их ноздри едва заметно сужаются и расширяются) капитана корабля. Вероятно, способности к сигнализации ушами приматы лишены.

— Их капитан — самец? — скептически отозвался Бемор. — Необычно.

— Бемор, но ведь патриархальное лидерство известно и у других Захватчиков, не так ли? — Мемор рассудила, что апелляция к более обширным знаниям брата умаслит его. И будет воспринята как проявление симпатии к самой идее мужского лидерства, хотя он, без сомнения, знает, что его собственный высокий ранг — запланированное отклонение от обычной социальной иерархии Народа.

— Разумеется, но впоследствии, в ходе Адаптации, эти дестабилизирующие социальные структуры были нами уничтожены. Теперь все виды Чаши живут при мат– риархате.

— Но не силы, — заметила Асенат.

— Они еще молоды, — возразил Бемор, — и не вполне адаптированы.

Асенат жестом указала за пределы Цитадели: приматка свесилась с ветви дерева, разведя поднятые ноги клином. Текли мгновения, она не меняла позы и не сводила с пленителей взора. Это отвлекало.

— А эта? Ты наблюдала за ее поведением во время разговора с капитаном Редвингом? Она подавала ему какие-нибудь лицевые сигналы?

— Конечно, я наблюдала. Тананарив лечится; ее хорошо кормят и позволяют проделывать физические упражнения. Здесь гравитация ближе к условиям их родной планеты, и это тоже идет ей на пользу. Ее телесное устройство не очень сложно. И никаких необычных сигналов, сколь могу я судить, она не использовала.

Позднейшая Захватчица продолжала наблюдать за ними. Но, без сомнения, Тананарив не в состоянии разобраться в нюансах стремительной многослойной птицеречи. Простые команды понимает, но ничего сложного. Пару слов может подслушать и понять, а перьевые сигналы — нет.

— Глаза, — проговорил Бемор. — Что означает

у них медленное подмигивание?

— Полагаю, — ответила Мемор, — озадаченность.

— И ничего больше?

— Ну, думаю, что ничего.

— Она медленно подмигнула самцу-капитану, когда он задал ей вопрос о судьбе другой банды.

— Я заметила, но разве может столь простой жест передать существенную информацию?

— А если это сексуальный сигнал?

Предположение позабавило всех. У Птиц ухаживание начиналось с ритуальных перьевых дискурсов продолжительностью в несколько трапез, классических танцев и состязаний в пении, продолжалось песнетрелями ожидания и взаимным согласованием условий, а окончательное соитие наступало под аккомпанемент призывных песен; секс у Народа был занятием сложным, ответственным и нечастым.

Мемор порадовалась, что ее реплика вызвала веселье; она была известной юмористкой.

— Эти создания склонны к сочинению историй; так полезная информация передается из кратковременной памяти в долговременную. По существу, их жизнь становится значимой через нарратив, который приматы сами себе расска-

зывают.

— И постоянно обновляют? — спросила Асенат.

— Без точного соответствия оригиналу, но да. Вспоминая некоторую историю, они модифицируют ее.

Бемор вежливо осведомился:

— Итак, они воспринимают свои внутренние личности как вымышленных персонажей истории, написанной ими самими? А затем переписанной?

На сей раз смех был еще более дружным и продолжительным, а затем своевременно появились адъютанты с небольшими вкусными зверьками на столовых шпажках.

— Боюсь, — сказала Асенат, — что они чересчур нереалистично мыслят. Следует наставить их в реализме.

Бемор скептически взъерошил пурпурные перья на шее.

— И что же?..

— Мемор, позови свою приматку.

Когда Тананарив нерешительно прошла под аркой, контраст ее бледной кожи, тонкой и длинной фигуры, тусклой одежды с ярким оперением трех Птиц произвел поразительное впечатление. Нога в изношенном ботинке постукивала

по холодному камню пола, в дыхании появился хриплый присвист: Тананарив адаптировалась к воздуху Цитадели, солоноватому и влажному. Ростом она едва превосходила адъютантов, чинно рассевшихся подле Асенат, Мемор и Бемора — их головы все время смотрели вверх, в надежде обращенные к сиянию оттенка слоновой кости и возможным приказаниям.

— Как ты мыслишь, маленькое создание? — пробасил Бемор, обращаясь к приматке.

Мемор поразилась: за считаные периоды сна, опираясь исключительно на доклады Мемор и записи, Бемор овладел языком Позднейших Захватчиков на вполне достойном уровне. Даже неуклюжие приматские согласные не доставляли ему особого труда. Мемор пробила дрожь восторга, смешанного с тревогой. *Брат мой поистине умней и проворней меня. Возможно ли, чтобы талантами своими он был обязан частым связям с Ледоразумами?*

— Четко, — ответила Тананарив, — тихо.

Бемор довольно пошелестел перьями, хотя, без сомнений, приматка не поняла его.

— Очень хорошо сказано, — произнес он по-англишски. — Думаешь, твой капитан пойдет на сотрудничество с нами?

— Если вы отпустите наших людей, то пойдет.

— Мы об этом поговорим. Возможно, многих из вас отпустим дальше, на Глорию.

— Нет, мы все улетим.

— Это неблагоразумно. — Бемор обернулся к Асенат с Мемор и уточнил: — Нормальное ли поведение она демонстрирует?

— Они плывут на тысяче ветров по волнам непрозрачного моря бессознательных Подсознаний, — ответила Мемор. Она заметила, что приматка смотрит на них, но сочла, что понять смысл беседы та не сумеет. В конце концов, многослойные грамматические особенности и конструкции условных наклонений Народа были приматам совершенно не свойственны.

Бемор скептически засопел, но произнес на формальной птицеречи:

— Отлично, и что с этим делать?

— Они учатся на собственном опыте, — сказала Асенат. — Мемор сама так говорит. Они в совершенно незнакомом месте, будущее их страшит, и, вероятно, они призовут на помощь некоторые поведенческие мотивы из прошлого.

— Их страшит судьба, — сказал Бемор.

— Подсознательные течения сильных нейрологических откликов на общественную

жизнь, — заметила Асенат, — для них весьма характерны. Я вижу в их нейронных узорах сочлененные элементы, обязанные своим появлением длительному естественному отбору. Они эволюционировали как охотники-собиратели, чья социоэкономика зиждилась на разделении добычи, а правосудие играло важнейшую роль для долгосрочного выживания. Но в более крупных социальных объединениях указанные принципы не работают: это насущная проблема для них, даже сейчас. Исходя из фиксированных воспоминаний пленницы, даже стабильным приматским обществам присущи колебания между роскошью и варварством.

Бемор ответил формальным тоном:

— Много неприятных истин открылось нам в долгих путешествиях. Часто видел я из обсерваторий корпуса мерцание звезд в вечной тьме. Звездные рои не столь таинственны, сколь печальны: многие скопления суть не более чем морги, занятые останками некогда славных, а ныне мертвых культур. Этому меня научили Ледоразумы.

Мемор пошелестела перьями. Ну вот Бемор и выложил свой козырь: связь с медленными разумами великой древности. В долгих полетах

Чаши они спят, иначе бы соблазнились слишком многими опытами. В этом смысле Ледоразумы представляли собой хранилища долговременной мудрости, а не одной лишь преходящей экспертизы. Они присутствовали при создании Чаши, даже помогали в ее разработке; так гласила легенда. Но как могли создания холода научиться механике? Древняя загадка.

Бемор подчеркнул свой особый статус раскатистыми переливами формальной речи. Раздражает, но ничего не поделать. В конце концов, она ж его сестра-близняшка. Асенат ошибочно полагает, что они работали вместе, и, как поняла Мемор, этой ее ошибкой можно воспользоваться.

— Вы полагаете, что приматов следует использовать для контакта с Глорией? — спросила Асенат напряженно.

Бемор выразил желтыми перьями согласие.

— Следует. Глорианцам доступны технологии, необходимые нам для перехода на более высокий уровень, для общения с разумами, которые до сих пор игнорируют нас. Ледоразумы искренне заинтересованы в интеграции приматов в Чашу. Они явственно выразили свое желание.

Асенат ответила:

— Ну что ж, тогда приматам придется приспо-

собиться.

Бемор возразил с ноткой небрежного превосходства:

— Если они сумеют… Мы повидали много мест и рас. Мы поощряем кучное поселение, а долгих странствий по Чаше не одобряем. Этим искателям приключений вряд ли придется по вкусу наш порядок. Кажется вероятным, что они одержимы стремлением расширить свои горизонты.

Асенат заметила:

— Большинство Адаптов первоначально называли себя *людьми*, полагая, что именно они суть избранная раса. Другие, по их мнению, не столь высоки статусом. Каждый вид стремится занять центральное и господствующее положение даже в Чаше, где места хватает всем. Многие склонны к иерархической организации, с вождями и царями, матронами и управляющими. Превращаясь в Адаптов, они интегрируются в величественную Чашу, а их собственная история упрощается. Вопрос не в том, кто носит корону их вида сейчас, а в том, кому она перейдет затем.

Бемор согласно встопорщил перья.

— Разумеется, так и было запланировано в древности. Адапты не обязаны более думать о высоких материях под вечным солнцем, не должны беспо-

коиться о делах Вселенной вокруг. Они обитают в комфорте, избавленные от ужасов непостоянной инсоляции, смены времен года и высоты светила в небе. Ледоразумы, напротив, наблюдают одну лишь окрестную Вселенную, зрят все вокруг, ибо они суть порождения вечного мрака.

Мемор сочла, что Бемор переходит границу, примазываясь к величию Ледоразумов, но ничего не сказала. Она задумалась о том, какова ее собственная роль во всем этом. Численность видов растет, пока Народу не приходится возвращать их к равновесному состоянию. Насилие и убийства мостят кровавую стезю. Долго не заживают и остаются заметны на поверхности Чаши межвидовые границы, подобные сетке шрамов истории. Будь то границы из песка, леса или воды, а Астрономы Птиценарода обустраивают территорию под нужды того или иного вида согласно плану. Границы решают всё. Когда снова вспыхивает распря, нужно определить, какое именно сочетание границ ее вызвало. Зачастую выясняется, что виной тому недобросовестная работа скучающих бюрократов далекого прошлого.

Мемор и ее соплеменники, как правило, полагались на локальную мудрость той или иной расы, исходя из мнения, что время всё лечит.

Земли Чаши местами напоминали захламленные чердаки: промасленные тряпки, ржавые бочки, старое дерево — чего там только нет, и от одной искры может возгореться пожар. Если межвидовая война набирала обороты, Народ вынужден был пресекать ее, не считаясь с потерями. Обычно причиной конфликта служило столкновение религиозных доктрин, которое приходилось выправлять. Народ модифицировал Адаптов таким образом, чтобы те не пытались претендовать на власть над новыми землями. Генетика и законы сохранения — более надежные инструменты, чем муссоны и горы. Как правило, легче было работать с теми племенами, которым Бог представлялся тиранической фигурой, правителем воображаемого небесного диктаторского государства. Такие племена легче воспринимали концепцию иерархии.

Давняя истина, усвоенная Птиценародом либо от Ледоразумов, либо на собственном горьком опыте. Мемор поднималась по общественной лестнице, развивая у себя холодное безразличие к средствам, какими достигается необходимая цель, и за это ее удостоили чести работать с Позднейшими Захватчиками. *Надеюсь, у меня получится обуздать бандитов и заслужить*

одобрение, подумала Мемор, урезонивая жалобы Подсознания. *Иначе… казнь.* При этой мысли Подсознание пробила дрожь, и нечто невидимое, таинственное ускользнуло от внимания Мемор.

Она снова обратилась в слух, а Асенат тем временем вещала:

— …и не полагаете ли, что приматы непригодны для Адаптации?

Бемор вместо ответа указал на приматку, которая, сузив глаза, внимательно присматривалась к нему.

— Нет, я полагаю, что со временем их удастся согнуть. Но Адаптация как таковая не должна представлять для нас самодостаточную цель. Они нам нужны для переговоров с обитателями системы Глории, спору нет. А после этого мы, если пожелаем, сможем от них избавиться, отбросить, как ненужную шкуру после трапезы.

— Какая же среда обитания пригодна для этих созданий? — спросила Асенат.

Мемор ответила:

— Я вскрывала сознание этой приматки, Тананарив. Я пришла к выводу, что, судя по предпочтительному для них пребыванию на возвышенности, их следует поселить на территории саваннового типа, с раскиданными там и сям

деревьями и рощами, близ водоема, например реки, озера, океана. Они предпочитают среду, близкую той, где проходила миллионооборотная эволюция их вида. Инстинктивно они тяготеют к парковым зонам и переходным лесам, откуда открывается хороший обзор просторов, где могут найтись пища и вода. В таких местах при появлении хищников можно скрыться на воде или в лесу — их предки некогда жили на деревьях.

— Какой примитив! — с омерзением произнесла Асенат.

— Правильно ли я поняла, что — продолжила Мемор, обернувшись к Бемору, — приматы предназначаются исключительно для нужд контакта с Глорией и более никакой информации Ледоразумы нам предоставить не пожелали?

— Думаю, что этого будет вполне достаточно, — ответил Бемор не без высокомерной нотки. — Но… — Его перья неуверенно зашуршали. — Ледоразумы не всегда вполне откровенны с нами. Приматы, насколько можно судить, вызвали у них необычный интерес. И да, они желают, чтобы мы заручились содействием этих Позднейших Захватчиков.

Асенат торопливо встопорщила обращенные к Бемору перья, выразив одобрение, и полуоберну-

лась к нему, чуть отдалясь от Мемор.

— Итак, Изыскатель, мое предложение таково: необходимо напомнить кораблю приматов об их реальном положении здесь.

— Да? — Бемор скептически скосил глаза. — Как?

— Они исследуют конфигурации магнитного поля вокруг звездолета, вероятно, с тем, чтобы улучшить параметры своей навигационной системы. Но с равным успехом они могут воспользоваться этими данными, чтобы нарушить работу наших магнитных полей. Для этих нужд они выслали большое количество сенсоров.

— И какого качества? — спросил Бемор.

— Довольно искусная работа, каждый сенсор — диск размером с мой коготь, и таких там сотни. Предлагаю смести их с нашего неба.

— Уничтожить их? — спросила Мемор.

— Пошлем им визитную карточку, — сказала Асенат, ехидно пошелестев перьями.

— Уверен, что так они это и воспримут, — Бемор поднял желто-голубую перьевую корону согласия и энергично подался вперед. — И мы кое-что узнаем о них по их ответу на наши действия.

— Хорошо, так и сделаем, — довольно заключила Асенат. — Думаю, этих Позднейших

Захватчиков нужно поставить на место, чтобы до них как следует дошло.

Мемор поразмыслила, обвели ее тут вокруг пальца или нет. Было бы разумно призвать к осторожности, но Бемора, как ей показалось, идея перейти к открытым действиям воодушевила.

— Надеюсь, вам понравится, Асенат, — проговорила Мемор, надеясь, что к ее согласию добавлена уместная толика сарказма. Ей такие нюансы всегда давались с трудом.

25

Благословенна будь, ночь, думал Клифф. Чистая, глубокая тьма успокаивала всех. Проведя месяцы под безжалостным солнцем, люди хотели только одного — забыться в сладостной тени. Тьма окутала их и засосала в сон.

Он всплывал к поверхности спутанного сознания после очередного долгого забытья. Он лежал под теплым ворсистым одеялом — силы всех такими снабдили. Люди отряда, повергнутые усталостью, мешками валялись кругом; долгожданный праздник ночи удовлетворял накопленную за множество переходов потребность в отдыхе.

Клифф еще не вполне связно мыслил. Казалось, что разбудил его какой-то неясный импульс. Он поднялся, нашарил штаны и ботинки, оделся и вышел из небольшой спальни — пещерки в коричневой скале. Ботинки основательно износились, и Клифф задумался, где бы найти замену. Впрочем, наверное, стоит лишь попросить силов. Как обычно.

Он слышал негромкие звуки, исходившие оттуда, где они с силами просматривали сообще-

ния Ледоразумов. Осторожно приблизившись, он увидел, как переговариваются два сила — в присущей чужакам своеобразной манере. Движения глаз и голов преобладали над речью. И, как всегда, Кверт был активней — он-то, заметив Клиффа, пригласил его к разговору, неторопливо моргнув.

— Мудрости прошлого спросили, — проинформировал его Кверт. — Вот что пришло.

На экране высвечивались фразы — возможно, ответы на вопросы силов.

Уже долгое время недостатка в материальных ресурсах или энергии здесь нет; только в фантазии.

Виды, лишенные доступа к ресурсам, становятся изобретательней.

Обиду затаить могут только глупцы.

— Спасибо, что на английский перевели.

— Не просили. Они с нами сперва говорили. Теперь с вами хотят.

— Что все это значит?

— С Народом разобраться надо. Вы помочь можете. Ледоразумам нет дела до нас. До вас — есть.

— Почему?

— Новейшие Захватчики новое знают.

— Значит, они вас отшили этим — «*Обиду затаить могут только глупцы*»? Посоветовали забыть о том, как Птицы истребили стольких ваших?

Складки кожи вокруг глаз Кверта слегка напряглись, и он ответил спокойным шепотом:

— Ледоразумы говорят, мы неспокойны душою.

— Вы лучше справляетесь, чем я — с памятью о гибели моего друга. Говарда.

— Есть еще о чем тревожиться. Вот.

Кверт поманил человека к большому порталу, выходившему на ледники. Чуть в стороне кружились звезды, а вакуумные цветы, растущие из ледяной коросты наружной стороны Чаши, поворачивались, отслеживая ярчайшие светила небосклона. Клиффа это зрелище пленило, как и в первый раз. Он стал наблюдать, как по простому жесту лапы Кверта портал мерцает, картинка в нем дергается, укрупняет масштаб, показывая яркий объект, летящий в простреленной звездными искрами тьме против вращения Чаши. Когда объект оказался почти над головой зрителя, из него ударил яркий луч, и Клифф понял, что это поисковый прожектор. Мощный зеленый лазерный луч

расширился до круга десяти метров в диаметре и начал обшаривать местность. Луч скользнул к порталу, чуть задержался на нем, прибавив яркости, и двинулся дальше. Яркая точка дозорного судна унеслась к горизонту и пропала. Звездная карусель продолжала вращаться.

— Это запись?

В знак согласия глаза Кверта заходили в глазницах, подобно храповикам.

— Твоих соплеменников не заметили. Нас только.

— Силов? Но если они искали нас, то мы в безопасности…

— Народ запрещает силам сюда ходить.

— Я полагал… — Он осекся, осознав, что до этой минуты вообще не задумывался, а нарушают ли силы местные законы, проводя людей на внешнюю сторону Чаши. Очевидно, да. Как только осознал, это показалось вполне логичным. Опасно позволять теплокровной жизни прогулки по местам, где обитают порождения холодной Глубины. Одного уже телесного тепла может оказаться достаточно, чтобы нанести им урон.

— И что, никому нельзя сюда прийти поговорить с Ледоразумами?

— Птицы запрещают.

— Значит, они скоро явятся за вами?

— Вскорости. Уходим.

Клифф подумал, что эти холодные пещеры казались ему благословенным пристанищем. Люди так измотались от перебежек по странным иномирским ландшафтам. Но теперь и в этом им отказано.

— Куда теперь?

— В тепло и жар.

26

Редвинг выплыл из смутного сна о заплывах в теплом океане, лениво дрейфуя… к мелодии вызова с мостика. Он ненавидел стандартные сигналы и установил вместо них Пятую симфонию Бетховена, от требовательного напора четырех основных нот которой пробудился и на сей раз. Если бы в течение десяти секунд капитан не дал ответа, громкость вызова удвоилась бы. Он успел на девятой.

— А? Ага, слушаю.

— Капитан, — сказал высокий тревожный голос Айян Али, — монетки перестали докладывать. — На этой неделе она вахтенная по мостику. Было семь минут пятого утра по корабельному времени.

— Сколько? — Он еще не вполне очухался.

— Все. Их отметки на сканах просто исчезли. Я следила за ними на главном экране, оверлеем с полными стереосигналами в оптическом спектре. Отметки начали исчезать в точке, расположенной под углом 28.7 градуса к нам, и оттуда через все навигационное представление точно волна прокатилась. Кажется, что за сто сорок девять

секунд все они были выведены из строя. После этого я ни от одной еще не добилась отклика.

— Похоже на массовый системный глюк.

— Я проверила. Артилект-внутрисистемщик говорит, все в порядке.

— А два других что сказали?

— Я их активировала в режиме частичной загрузки, чтобы время сэкономить. Только диагностические подпрограммы. Я попросила проанализировать статистику системы за последний час. Все в порядке.

— Ну, если все артилекты так говорят, значит, это правда. — Он торопливо размышлял над проблемой, но не мог ничего придумать. — Запустите снова. Поищите во всем спектре. И проверьте все счетчики частиц. Всё, что у нас есть, скормите артилектам.

— Слушаюсь, сэр. Позвонить?..

— Да. Карлу позвоните. И Фреду.

— Слушаюсь, сэр.

— Я уже иду.

Он достиг мостика через две минуты, без труда застегнув на себе униформу — он в последнее время как следует упражнялся с тяжестями и бегал, так что сумел сбросить лишний жирок, — и затянув липучки на обуви. Он увидел, что Айян

Али небывало встревожена. Глубокие морщины на ее лбу выдавали не усталость, а беспокойство.

— В полном спектре ничего особенного, — сказала она пронзительным голосом. — Счетчики частиц проверила, тоже ничего необычного. Спектры ион-циклотронного резонанса и магнитозвуковые — тоже. Но альфвеновский спектр почти на порядок мощности скакнул.

Артилект внутрисистемной диагностики подкинул ей спектр, отобразив его поверх визуальной модели ближнего космоса. Зеленый волновой фронт катился через область пространства, где были прежде рассредоточены умные монетки, и по мере его приближения отметки их гасли. Айян Али вызвала виртуальный слайдер времени и прокрутила запись вперед-назад.

— Интересно, как эти магнитные волны сумели вывести из строя наши монетки.

— Да наверняка сбили с орбит, — сказал Карл. Он неслышно вошел на мостик, Фред за ним. — Альфвеновские волны способны к нелинейному распаду на волны достаточно короткие, чтобы те попали в резонанс с монетками. Монетки сбило с орбит, а их навигационные модули вырубились.

— Возможно, что монетки полностью сожжены, — сказал Фред.

Карл ткнул пальцем в спектры.

— Заметили? Они распространяются от Струи. Превосходный пример Vernichtungswille[13], как говорят у меня на родине.

— Это что, ответ Птиц на наш отказ? — спросила Айян Али.

— Похоже, что да, — отозвался Фред. — А вот глянь-ка… — Запись прокрутилась в обратном направлении к более ранним часам, Фред коснулся нужной отметки на слайдере, запустил ролик снова. При этом дисплей пересекла бурная голубая волна. Он проследил ее вспять, разбил на фреймы и увеличил. — Да, точно, следы ведут к Струе. Что значит голубой цвет?

— Кодировка высокоэнергетических ионов, — Айян Али повозилась с разрешением и поймала заузленный участок джета. Уплотняясь, завитки магнитного потока собрались в более крупный вихрь, который и вылетел наружу.

— Взгляни, — сказал Фред, — по Струе кинки идут, и быстро. Они сходятся к этому узлу, и… вперед, в синеву.

Карл кивнул.

— Так излучаются альфвеновские волны. Чисто

---

[13] Примечания: 13
Стремление уничтожить (*нем.*)

сработано, нечего сказать. Они умеют контролировать магнитные поля Струи и фокусировать их.

— И уничтожили наши монетки. — Редвинг оглядел собравшихся. — Чтобы показать нам, на что способны.

Молчание. Они глядели на него в ответ, словно вопрошая: «*А как нам теперь поступить?*»

— Офицеры, я попрошу вас выслать небольшой спутник в разведывательный полет над ободком Чаши. У нас нет никаких данных снаружи, а Айян Али сообщила, что несколько часов назад поступил сигнал от Клиффа. Чисто текстовый. Они у Зеркальной Зоны. Если бы удалось подвести туда небольшой спутник — с внешней стороны Чаши, — может, смогли бы наладить устойчивый канал.

Фред долгое мгновение смотрел на Редвинга.

— Вы хотите рискнуть спутником?

— Думаю, нужно выяснить, как далеко готовы зайти Птицы, — ответил Редвинг, стараясь говорить спокойно и следя, чтобы лицо ничего не выражало. — Что касается дальнейших мер, то… — он кивнул Карлу, — Карл снабдил меня кое-какими данными, и мы их обсудим на общем совещании в 8:00. — Он помолчал, выдерживая

паузу. Пора выйти на публику, решил он. — Вольно.

Начал он с новостей. Докладывала Айян Али, стоя у видеостены. Все бодрствующие члены экипажа сидели за самым большим столом на борту: форма, чисто выглаженная паровым утюгом, в глазах у всех понимание, что это не обычная летучка.

Айян мрачно говорила:

— Мы запустили спутник в сторону ближайшего края Чаши. Микроспутник на ионном движке, довольно скоростной. Я провела его над горным хребтом, который граничит с ободом Чаши. Вот последовательность снимков.

На экране сменялись картинки, перескакивая во времени, отчего казалось, будто горы внизу зуммируются. Даже в сиянии вечного дня вершины гор были покрыты снежными шапками. Редвинг подумал, что это, вероятно, из-за близости внешней стороны, где, как теперь было известно, царил жуткий холод, и небольшой толщины атмосферы у обода. Дыхание космически низких температур замораживало здешнюю воду.

Ракурс съемки метнулся вперед, показав приближение кромки Чаши. Зонд снял то, что было

впереди по курсу, позади и по сторонам. Далеко слева замерцала атмосферная пленка, удерживавшая воздух. В той же стороне вспыхнула яркая точка.

— Останавливаю, — сказала Айян Али. — Отметьте вспышку в ближнем УФ на этом кадре. Микросекундный предвестник.

— Чего? — спросил Карл.

— Вот чего. Следующего кадра.

Айян Али продемонстрировала большое белое пятно в той же точке, слева от спутника. Рот ее искривился в сардонической усмешке.

— И это всё.

— Что произошло? — спросил Карл. — Где следующий кадр?

Усмешка Айян Али стала холодной.

— Нет больше ничего. Передача прекратилась. Вот рентгеновский снимок той области. Я вела наблюдение за зондом, просто на всякий случай.

Появились тусклые рентгеновские снимки горной области и кромки Чаши. Вероятно, качество пострадало от мелких частиц солнечного ветра. У самого края виднелась яркая резкая точка.

— Это наш гибнущий зонд. Спектры и анализ диаграммы рассеяния показывают, что выстрел, уничтоживший его, и был тем импульсом, чей

предвестник мы наблюдали в УФ. Гамма-луч.

— Откуда? — спросил Редвинг, уже зная ответ, но полагая, что Айян Али нужно дать возможность проявить себя.

— Из той большой штуковины, похожей на пушку, дальше по кромке, сэр.

— Это рентгеновский лазер?

Айян Али покачала головой.

— Рентген весь от вторичной эмиссии, я по спектру сразу вижу. А гамма-детектор дал более подробную картинку. Вот.

Еще одна яркая точка, на сей раз фон отсутствовал вовсе: вспышка на черном поле.

— Мощность источника на этом снимке превышает рентгеновскую на пять порядков.

— Значит, мы правильно полагали, — сказал Редвинг невыразительным тоном. — Это гамма-лазер.

И посмотрел на Бет. С момента ее возвращения он неизменно приглашал девушку на технические летучки, поскольку надеялся, что опыт пребывания среди чужаков натолкнет Бет на полезные мысли.

— Насколько мне известно, человечеству такие энергии так и остались недоступны. Офицер Марбл, вы видели у Птиц свидетельства этой

технологии?

Бет покачала головой.

— Мы оружия совсем не видели. А может, просто не понимали, что это оно. Но вряд ли Птицы нуждались в нем. Мы же сидели в клетке.

Айян Али проговорила:

— Орудия такого класса на вращающемся полом мире очень опасны. Один выстрел по оболочке, и все гибнут.

Карл сказал:

— Была давным-давно — еще до нашего отлета, имею в виду, — на Земле исследовательская программа по высокочастотным лазерам, но до гаммы они не добрались. На таких крошечных длинах волн лазер способен фокусироваться в очень маленькие цели, и не нужна высокая мощность, чтобы разнести мишень на ошметки.

— Плохо дело, — отозвался Фред. — Мы теперь зонды на ту сторону не запустим. Птицы любые наши сенсоры собьют. Мы тут как в бутылке сидим.

— Несомненно, они рассчитывают, что мы вернемся и сдадимся на их милость, — сказала Айян Али.

— А мы этого не сделаем, — ответил Редвинг.

Команда молчала. Пора менять направление

разговора. Иногда так зарождаются свежие идеи. Он сплел пальцы и подался вперед.

— Бет, вам не кажется, что, возможно, с Птицами удастся договориться и они отпустят нас на Глорию?

Бет со вздохом поглядела на экран, где застыла картина гибели спутника.

— У них крайне иерархизированное общество. Та крупная, что нас допрашивала, Мемор, вела себя точно владычица мира. Вряд ли они позволят нам улететь, чтобы мы первыми добрались до Глории.

— А мы это можем, — сказала Айян Али. — Ведь теперь выхлоп их Струи нас не затормозит.

Редвингу припомнилась лекция по ксенобиологии во время предполетных тренировок. Лектор тогда говорил: «*Люди и животные взирают друг на друга через пропасть взаимонепонимания. С чужаками пропасть окажется вдвое шире*». А чем они тут занимаются? Пробуют понять, какими стратегиями переговоров станет руководствоваться общество инопланетян, порожденное немыслимо древней цивилизацией. Он некоторое время позволял команде перебрасываться идеями, чтобы они притерлись к ситуации. Да, решил он, пожертвовать одним зондом было

правильно; таким образом исключается всякая возможность, что Народ блефует.

— Итак?.. — Он выдерживал паузу; стало так тихо, что Редвинг слышал шелест воздуха в кондиционере. — Давайте им ответим.

Он жестом дал слово Карлу, тот поднялся и прошел к видеостене. Экран показал Струю при максимальном увеличении: рубиновые линии магнитного поля, пылающие оранжевые трубки раскаленной плазмы, охваченные ими, и сама Чаша — абстрактный схематический набросок.

— Мы им по копчику вмажем. В области Свища джет сильно сужается. Обратите внимание на спиральную конфигурацию магнитных полей, удерживающих плазму и сужающих поток. Чистая работа.

— В чем состоит идея? — спросила Бет.

— Пролететь сквозь Струю. Возмутить джет. Пускай вокруг Свища погуляет.

Все так и уставились на Карла, разинув рты. Рассеянно скользя взглядом по их зубам, он отметил, что у Бет один резец в пятнышках и чуть сколот. Бет выдохнула:

— Я же нас провела по Струе, помнишь? *Помнишь?* Все равно что корабль через ураган провести. Хочешь *снова*?

Редвинг долгое мгновение следил, как на ее лице бушует страх. И вспоминал многие часы напряжения, когда с них градом лился пот, когда корабль потрескивал и стонал, а Бет, порой мучаясь неуверенностью, вела судно через области рывков и жутких выкручивающих толчков. Тогда весь экипаж был на пределе. Но другого варианта не оставалось. А сам Редвинг неуверенности не проявлял ни на миг. Такова была его работа. В итоге результат оправдал усилия.

Но сейчас потребность не столь однозначна. Можно тут курсировать, тянуть время, но не получится улететь. Они будут проедать свои запасы, а отряд Клиффа — блуждать, подвергаясь опасностям.

Он медленно проговорил:

— Думаю, необходимо показать им, что мы не собираемся играть по их правилам. Что мы не подчинимся и не дадим себя захомутать ради членства в клубе.

Долгое молчание. Лица напряжены, губы сжаты в белые узкие полоски: страх, тревога, озадаченность. Карл сказал:

— Когда ты вела нас через Свищ, Бет, меня еще не разморозили, но позже мы с Фредом провели расчеты. Физика несложная. Десять часов, вряд

ли дольше.

Редвинг видел, что команда все еще чересчур ошеломлена, чтобы согласиться.

— Технические аспекты потом обсудим. На мостике все время будут дежурить три члена экипажа на правах пилотов. Фактически вы все тут понесете вахту. Предупредите пальцезмеек, чтобы пристегнули ремни.

Карл произнес официальным тоном:

— Я хотел бы, чтобы все ознакомились с расчетами и симуляциями, которые я провел. Разброс условий довольно широкий. Артилекты-навигаторы поработали как следует, просчитывая траектории и отдачу потока плазмы Струи в нашей воронке. Наши носовые поля сожмутся, массопоток плазмы повысится — но это вести хорошие, ведь и тяга возрастет. Там полно ионов для нашего термояда. Думаю, что…

— Технические аспекты потом обсудим, да. — Редвинг улыбнулся, стараясь придать себе уверенный вид. — Спасибо, Карл.

Бет посмотрела ему прямо в глаза.

— Сэр, мы ни хрена не знаем о том, как Птице-народ мыслит.

— Действительно, это так.

— И не понимаем, как они ответят. — Бет явно

встревожилась, взгляд ее метался вокруг стола в поисках поддержки.

— У них имеется представление о переговорном процессе: из общения через Тананарив это ясно. Они уничтожили наши монетки и, вероятно, спутник. Давайте покажем, что мы тоже умеем драться. Око за око.

Команда воззрилась на Редвинга. Айян Али смотрела на него чуть расширенными, все еще шокированными глазами; неподвижный взгляд Фреда, как всегда, был испытующим; Карл пытался бодриться. Бледное лицо Бет пошло красными пятнами; она не сводила глаз с капитана.

Он встал.

— Я официально уведомляю вас, что мы *ответим* Птиценароду. Но прежде чем дать ответ, сблизимся со Струей и проведем приготовления.

Присутствующие поднялись и стали молча расходиться. Никто не оглядывался, кроме Бет. Она выждала, пока все уйдут, и закрыла дверь.

— Вы знаете, а хорошо будет наконец что-то предпринять… Мне в их тюрьме не понравилось. Но пускай мы оттуда и выбрались, вокруг оказалась новая тюрьма, только просторней.

Редвинг подмигнул.

— Размером с целую звездную систему?

Девушка рассмеялась, протяжно вздохнула и вышла.

Часть девятая
В бегах

Одни народы крепки умом, а другие – задним умом.

Тобайас Смоллетт

27

Клифф устал от путешествий. Колоссальные расстояния Чаши постепенно накладывали отпечаток, который не удавалось стереть ни дремой в неудобных, не для людей предназначенных креслах, ни безвкусной едой из автоматов линий доставки, ни наушниками, блокировавшими монотонное гудение и жужжание бесконечных систем дальнего транспорта. Масштабы Чаши соответствовали звездным системам, а людям привычны гораздо меньшие.

Кверт и подчинявшиеся ему силы провели отряд Клиффа извилистым лабиринтом туннелей, удаляясь от внешней стороны Чаши и обиталища Ледоразумов. Потом посадили на маглев-поезд. Новые туннели. Временами через пролетавшие мимо большие кварцевые окна удавалось разглядеть фрагмент какого-нибудь странного пейзажа; они неслись по шахтам, едва уловимо изгибавшимся на расстояниях, сравнимых с межпланетными.

Он ощущал рывки и толчки, вызванные перемещением с огромной скоростью, но спустя время разум переставал регистрировать их как

отдельные события, сводя к длинной симфонии одинаковых раздражителей. Иногда Клиффу казалось, что он понимает, где, в астрономическом смысле, они едут: через мелькавшие мимо окна он замечал звезду, Струю и горизонт. Но спустя несколько часов, после новых поворотов и рывков, появлялось новое окно, и Клифф опять терялся в догадках.

Теперь же они двигались пешком, по местности, напомнившей ему пустыни Калифорнии: чахлые колючие кустарники, бежевые овраги, затянутое дымкой небо, порою попадаются зигзагообразные деревца. Такое впечатление, в Чаше они везде произрастали. Гравитация тут отличалась, была существенно ниже. Клифф чувствовал, как его немного тянет вбок, и догадывался, что они сейчас, вероятно, куда ближе к Свищу.

Из дымки вдалеке вынырнули занятные приземистые постройки, до них, по прикидкам, было километров десять; комплекс венчала коническая центральная башенка. Клифф вдохнул сухой, чуть дразнивший ноздри резковатым ароматом воздух, прищурился на яркое солнце. Здорово стоять по пятки в солнечном сиянии. Вечном солнечном сиянии.

Кверт вывел их на поверхность из хорошо за-

маскированного люка. Много часов крались они по каким-то трубопроводам и переходам подземной системы, однажды пришлось пробираться через канализацию, за которой располагался скоростной траволатор. Потом на поезде. Вечный день Чаши корежил циркадные ритмы. Клифф замерил их и обнаружил, что отряд сбился на тридцатичасовой цикл. Благословенная темнота ночной стороны корпуса, наверное, могла бы помочь, не будь они так измотаны.

— Думаешь, тут мы в безопасности? — спросила Ирма у Кверта.

— Нужно дальше, — сказал Кверт, обозревая местность. — Нет безопасности. — Остальные силы нервно топтались с лапы на лапу и поглядывали на зигзагообразные деревья.

— А какая тут опасность? Тепло хоть…

Ирма была мерзлячка, ночами в поисках тепла она частенько прижималась к кому-нибудь из мужчин. Никто не придавал этому значения; большую часть времени они спали вповалку, отключившись от мира.

— Кахалланцы. По форме скорее на вас, чем на нас, похожи. Давние Адапты. Народу верны.

Ирма нахмурилась.

— И что нам делать?

— Найти… — Кверт помолчал, словно переводя в уме со своего языка. — Летучую рыбешку. Так сказали бы, наверное.

— Там можно укрыться. — Терри указал в сторону низких холмов слева. Клифф отметил, что он теперь стал более нервным, но и энергичным.

— Мимо пройдем, — сказал Кверт, но силы неуверенно зашушукались. Клифф впервые видел, чтобы они так явственно выказали свое понимание английского. Наверное, сильно встревожены: лапы переступают с места на место, головы дергаются в поисках возможной угрозы.

— Так давайте побыстрей, — ответил Айбе. Он тоже выглядел бодрым. Кожа у всей команды облупилась от постоянного солнца, но не слишком загорела. В спектре этой звезды ультрафиолета было немного.

Они двигались длинными прыжками: пониженная гравитация придавала этим движениям изящество. Клифф наслаждался ощущением зависания на пару секунд с раскинутыми ногами в высшей точке прыжка. Как ни нравилась ему темнота лабиринтов у корпуса, а солнце все ж приятней.

— Кахалланцы! — воскликнул один из силов.

Кверт замер, развернулся. Остальные за ним.

Вдали между зигзагообразными деревьями и кустарниками перемещались какие-то фигуры.

Сначала Клиффу показалось, что они четвероногие, но когда одна фигура пробежала через проплешину между кустами цвета ржавчины, он понял, что у чужаков две ноги. На бегу они странно пригибались вперед и наклоняли тело. У них были крупные угловатые головы.

— Тут кахалланцев много, — пояснил Кверт.

— И что нам делать? Вступить в бой?

— Не знаю.

Кверт и силы задумчиво наблюдали за приближением кахалланцев. Тех и вправду было много.

Группа Клиффа снова пустилась в бегство. Кверт жестом указал направление: от зигзагообразных деревьев, где мелькали кахалланцы, к постройкам, в нескольких километрах по пыльной равнине. Клифф полагал, что они зря высовываются на открытое пространство, но вскоре Кверт, возглавлявший отряд, свернул в овраг, достаточное укрытие от прямого обстрела. На бегу у Клиффа щипало в носу от поднятой ударами ног о землю пыли. Они выкладывались на полную. У землян были лазеры, а у силов — свое оружие, но преследователи сильно превосходи-

ли численностью. Прежде Клиффу не выпадало повода задуматься, почему обитатели Чаши, как правило, легко вооружены. Хотя Птицы причинили силам жуткий урон, возможность стычки с другими видами он расценивал как невысокую. В повадках силов чувствовалось неправдоподобное, дзенское спокойствие перед лицом ужаса.

Они спугнули крупных птиц, внезапно взлетевших с деревьев и кустов кругом. Птицы сбились в стаю, издавая низкие протестующие крики. В низкой гравитации существам с большими крыльями хватало слабого ветерка, чтобы взмыть в небо. Наверное, этим странным четверокрылам не по нраву, когда через их владения бесцеремонно несутся.

Пыль продолжала щипать ноздри; ее кислый запах помогал сфокусироваться. Клифф поднял глаза на крупных птиц, паривших в воздухе, и вспомнил, как обрадовался, впервые в жизни увидев балтиморскую иволгу. Они тогда почти вымерли. Опасность всепланетной катастрофы миновала, но многие птицы едва уцелели, и Клифф завороженно наблюдал за ее великолепным пламенным оранжевым оперением и черным плюмажем. Он раньше видел балтиморских иволг на изображениях какого-то древнего

геральдического символа, но разве могли они равняться с этой хрупкой маленькой красоткой. Птицы Чаши, кричавшие над головой, совсем не были на нее похожи, но зрелище тем не менее вызвало такие же ощущения. Какая древняя и величественная эта структура, и сколько здесь дикой жизни: почему же так мало ее уцелело на Земле? В прошлом человечество понастроило слишком много мрачных огромных городов, чьи испарения все еще господствовали в атмосфере, несмотря на реализованные с тех пор геоинженерные проекты.

Вопрос этот снова всплыл в его сознании, спровоцированный буйством дикой жизни и взмахами крыльев над головой. Пот стекал в глаза и пощипывал их, но Клифф и этому был рад. Он вспоминал унылые серые пейзажи американского Запада после Великой Засухи. Безжизненные нагие скелеты деревьев Сьерра-Невады: сосновые леса, и без того почти исчезнувшие, дожирал очередной пожар, и черные клубы дыма неделями стелились над Оуэнс-Вэлли. Мрачные пустынные пригороды, шеренги брошенных машин по обочинам; непрестанный шепот песка на горячем ветру, уже ободравшем с автомобилей краску.

У Клиффа от усталости жгло подошвы.

Он встряхнулся, помотал головой, чтобы пот не заливал глаза. Отряд держался кучно, потел, пыхтел, но люди преодолевали резь в легких и бежали, бежали, бежали. Порою удавалось отстраниться от суетных мгновений, найти убежище в мыслях, воспоминаниях, мечтах — да в чем угодно, только чтобы ушел омерзительный страх стать чужой добычей. Он подумал о своем отряде. Снова в бегах. Снова на нем ответственность за остальных.

Как удалось сберечь подобное разнообразие биосферы на колоссальном артефакте? Тут, блин, совсем как в Центральном парке старого Манхэттена, еще не затопленном поднявшимся морем. Естественная среда обитания жизненных форм, убежище, управляемый симулятор дикого мира в мире искусственном. Драгоценность в бетонной короне.

Только это не парк. Это место живое, оно саморегулируется и движется к определенной цели. Придется приписать такую заслугу Птицам, его правителям. Каким-то образом они избежали излишеств, едва не погубивших Землю.

Клифф продолжал бежать.

Остальные обливались потом, стараясь не отставать. Силы неслись грациозными длинными

скачками, неизменно опережая людей. Землян одолевала усталость, от них разило потом, но постройки уже замаячили впереди.

Клифф чувствовал присутствие гуманоидов, перебегавших среди зигзагообразных деревьев вокруг, но не видел их. Сколь глупо удирать на своих двоих от преследователей, как *Homo sapiens sapiens* сотню тысяч лет назад. Среди фантастических конструкций их низвели до положения…

Тут до него дошло. Чаша, огромное факсимиле планетной экосистемы, сохраняла управляемость и устойчивость потому, что она была куда крупней обычных миров. Здесь хватало места всем.

Но как предотвращают распространение множества разумных видов за пределы первоначально отведенного им ареала? Загадка.

Времени на отвлеченные рассуждения, однако, не осталось. Постройки были уже рядом, а ноги точно свинцовые.

Говори быстро, действуй резко. Кто ему это советовал?

Они вбежали в тень серых башен из необработанного камня, у подножия которых располагался настоящий лабиринт серебристых металлических статуй. Скульптуры изображали гуманоидов

в разных позах, но в основном — боевых, со всевозможным оружием: мечами, щитами, стрелами и так далее. Нагие приземистые тела казались крепкими, угловатыми: бочки мышц над короткими бед– рами и толстыми ступнями. Ребра, по впечатлению, обвивали все туловище, а руки могли поворачиваться во все стороны: локтей было по две пары. Некоторые статуи изображали стоящих гуманоидов, а в воздухе вокруг них мерцали надписи на непонятном языке; ловя взгляд Клиффа, они загорались ярче. Умная система регистрирует взгляд и увеличивает яркость? Беглецы достигли большой башни с заостренной, точно клинок, вершиной в центре шестиугольной площади. К ней сходилось множество замысловато выложенных угловатыми булыжниками дорог, чтобы продолжиться по сторонам башни и уйти в перспективу. Картина была величественная и мрачная, как и плоская стена башни, утыканная странными узловатыми и шишковатыми выступами.

Беглецы остановились попить воды, а Клифф тем временем принялся разглядывать каменную постройку. Тут метрах в пятидесяти над его головой медленно раскрылся глаз.

Он понял, что это именно глаз, хотя цветом око

не отличалось от грязно-бежевой стены башни. Зеленая центральная часть напоминала радужку. Постепенно овал размахом в несколько метров скосился вниз, посмотреть на пришедших. Одним глазом.

— Что… — Клифф изумленно взирал на колоссальный зрачок в центре ока. Казалось, тот смотрит прямо на него. Глаз в скале? Глаз с хрусталиком и сетчаткой?

— Каменный разум, — лаконично объяснил Кверт, быстро развернулся и поглядел вдаль.

Клифф посмотрел налево и увидел, как среди скульптур пробираются приземистые гуманоиды. Их было много, и двигались они на удивление проворно. Издав раздраженное сопение, они присели на корточки, потом начали извлекать из неисчислимых карманов коричневых одеяний странные приспособления и надевать их на концы длинных труб.

— Химический огнестрел, — сказал Айбе. — Столько хайтека вокруг, а старая классика не сдается.

— Или им не разрешают пользоваться более продвинутым оружием, — предположил Терри.

— Мы видели уже такого гуманоида, разве не помнишь? — сказала Ирма. — Он открыл люк,

ведущий куда-то вниз, среди голой равнины. А когда заметил нас, то просто удалился.

Айбе проговорил:

— Ну да, может, стоило туда заглянуть. Мы так вымотались, может, там бы какое-нибудь подходящее укрытие нашлось.

Клифф слышал в его словах неозвученный упрек. Тогда он настоял двигаться дальше, и они подчинились.

— Наверное, эти гуманоиды — вроде службы техподдержки, — мягко возразил он. — Они работают на Птиц и следят, чтобы Чаша не оскудевала.

Тут гуманоиды снова зашевелились, и люди смолкли. Отряд поворачивался, следя, как гуманоиды обходят их с флангов.

— Кахалланцы, — нарушил молчание Кверт. — Задержать нас хотят, а сами сообщение Народу пошлют.

Терри прошептал:

— И как мы выберемся?

Не успел Кверт ответить, как над площадью прокатилась низкая монотонная нота. Она исходила вроде бы отовсюду, и Клифф не столько услышал ее, сколько почувствовал всем телом. Тон изменился, завершая длинное раскатистое

аааххххммммммм.

— Сядьте, — сказал Кверт. — Слушайте. Каменный разум пробуждается.

Клифф прикинул обстановку. Их окружило не менее пары сотен гуманоидов. Вид у чужаков был недружелюбный, у многих имелись накидки вроде бронежилетов и длинные трубы вроде гранатометов. Темные лица ни на миг не отворачивались, контролируя каждое движение отряда. В гуманоидах чувствовалась едва сдерживаемая боевая энергия. Клифф задумался, а откуда он это знает, и понял, что подсознательно считывает их язык тел. Может, такие позы универсальны, встречаются у многих рас? А возможно, вся совокупность видовых качеств приматов претерпевает конвергенцию, движимая потребностью в общении, откуда бы ни произошли первоначальные качества. Мириады едва уловимых жестов раскрывают суть с первого взгляда.

Ирма тихо проговорила:

— Они опасны. Нам их не одолеть. Что, так и будем ждать, пока песенка закончится?

— Долгий голос, — сказал Кверт. — Они слушают.

— И что? — спросил Айбе. — Как долго это продлится?

— Камень говорит о множестве смертей, — сказал Кверт, низко склонив морду; глаза его дергались вверх-вниз в непонятном Клиффу выражении.

Тона песни сместились выше по октавам, *шрии кинннн ауиии ооооээээиишнннееееее…* Воздух словно бы сгустился от напряжения под ударами звуков. Клифф ощущал, как низкочастотные ноты побуждают мышцы пуститься в пляс, а тело — сгибаться и разгибаться, резонируя с могучей песней, наполнявшей сухой воздух.

— Оно… оно играет на нас, — выдавил он. — Этот звук…

— Рассказывает о гибели своих великих, — сказал Кверт. — Было давно.

Силы выстроились полукругом, обратившись мордами к угрожающе молчаливым гуманоидам. По сигналу Кверта силы изогнули лапы, подставив солнцу внутренние сочленения, игравшие роль локтей. Клифф увидел, как в локтевых ямках проявляются и выступают наружу черные узкие прутки. Кончики их поблескивали на ярком солнце. Он так и не научился различать самцов и самок силов, но это и не имело значения: все они проделали один и тот же физиологический фокус, выдвинув из внутренних локтей черные

стрелы. Один сил резко опустил лапу: вылетела стрела, описав длинную стремительную параболу. Клифф поразился элегантности и точности выстрела: наконечник стрелы пронзил небольшую деревянную эмблему на вершине высокой каменной статуи гуманоида с бочкообразным торсом, угодив точно в центр этой детали, и черное древко еще некоторое время дрожало, рассеивая нерастраченную энергию. Это был вызов, сомнений нет.

Гуманоиды, однако, не ответили. Они переминались с ноги на ногу, покачивали головами, но молчали. Раскатистые ноты стихли; Клифф решил, что песня, или что это было, подошла к концу. Повисла мертвая тишина. Силы зыркали на гуманоидов, напрягая черные стрелы в локтевых колчанах. Клифф задумался, как такое стало возможным. Генетические эксперименты? Система защиты, которая всегда с тобой. Не нужно таскать при себе отдельные лук и колчан, если черные костяные прутья с блестящими заостренными наконечниками все время готовы вылететь по мановению конечности. Лапы остаются свободными, так что при желании можно пользоваться и другим оружием. Но у силов, заслонявших собой земной отряд, другого оружия

не имелось. Ни пистолетов, ни каких-то других пушек. В отличие от гуманоидов. Те как раз нарушили молчание резкими визгливо-каркающими воплями.

Язвительные замечания? Насмешки? Трудно судить. Вопли оборвались, и Клифф ощутил, как у него внутри все напряглось, быстро и болезненно запульсировало. Две группировки чужаков глядели друг на друга, обмениваясь сигналами, которые тоже вроде как были универсальны: настороженно щурились, рычали, шипели и сопели. Пыль вздымалась от шарканья ватаг, напрягались и расслаблялись мышцы лап, рук и туловищ. В недвижимом воздухе поплыли тяжелые запахи, явно источаемые телами противников и, как полагал Клифф, сотворенные эволюцией давным-давно, на планетах, далеких от этой потрясающей сцены. Время словно застыло, придавая невероятную резкость всем чувствам. Оценивающие взгляды, неспокойные глаза.

Но тут каменная башня опять испустила длинные призывные сигналы. Эхом отдалось *киннннееее ауууррраггггхххх ярррраффффф…*

Клиффа бросило в жар, когда чужаки снова

зашевелились, стали, сопя, обходить отряд, занимать позиции, топтаться по пыли. От них разило неуемной энергией.

— У нас нет ни единого шанса, не так ли? — спокойно проговорил он в пространство.

— Похоже, что нет, — сухо согласилась Ирма.

Бонннггг ууууррраапенннннууууу фаааааалиииионнннгггг…

Гуманоиды понурили головы, перестав шаркать ногами. Длинные суровые ноты накатили на них, и чужаки медленно отступили. Сели. Спрятали оружие, сложили руки и ноги вместе, потупились.

Протяжные громкие напевы продолжались.

Клифф не понимал, о чем песня, и силы, как ему показалось, тоже. Но гуманоиды явно понимали, и, когда неспешная, неумолимая музыка захлестнула их, весь боевой задор куда-то исчез. Казалось, что печальная неторопливая песня омывает весь комплекс, производивший впечатление невероятно древней постройки.

Клиффа охватили тепло и сонливость.

— Отдохните, — сказал он своим. — Сядьте. Подождем, посмотрим.

Накатывала новая волна звуков: *яяяяаааанггггг кинннннеееее ауууррраггггхххх йуууууяяяяааа-*

анггггг…

У него подкосились колени.

На Кверта инфразвук не оказывал особого воздействия. Чужак проговорил:

— Пускай сидят. Ты — нет.

— А? — Клифф насилу выпрямился. — Почему?

— Медленная песня настигнет. Сопротивляйся.

— Сопротивляться? Я не…

Кверт вытаращился на него — и вновь Клифф не уловил его эмоцию.

— Делай, как он говорит, — сказала Ирма. — Мы все равно не понимаем всего, что тут творится.

Терри с Айбе согласились. Они уже клевали носами, сонные и рассеянные взгляды их блуждали.

Гриии хабббиттаааааа лоооохгериииии…

Странные насыщенные паузы, дрейф звуков в теплом воздухе, гудение и эхо. *Так дрейфуют трупы по глади морской после кораблекрушения…* сонно подумал Клифф и, вздрогнув, очнулся. *Странная в своей омерзительности метафора для едва понятного явления.* Подсознание ее подсунуло, пока он задремал стоя. Или это некий смысл, уловленный за словами песни?.. Низкий ухающий гул продолжался: *бииитхаа аблоргхх квартехор бииилаааааа…*

Чтобы снова не отключиться и не осесть на землю, Клифф спросил:

— Это какая-то запись? Музейные скульптуры ее воспроизводят, да? А почему она такая важная?

Кверт глянул на него с выражением, которое, как уже знал Клифф, означало озадаченное изумление.

— Оно живое. Просыпается и говорит.

Клифф поднял голову и посмотрел на исполинский глаз. Око продолжало смотреть на них сверху вниз. Постепенно Кверт, в своей обычной манере непрямого рассказа, поведал человеку историю этого места. Перед Клиффом находилась не скульптура, а живая тварь. Чужая для Чаши, медленная и очень крепкая, привезенная давным-давно с ныне погибшего мира.

— Оно живет здесь. Оно рассказывает. Оно просыпается, когда тут кто-нибудь идет.

Ирма спросила:

— Это что, *разумная скала*?

— Солнцем питается, — ответил Кверт. — Тот мир очень жаркий. Был.

— Оно неспособно к перемещению, так ведь? — проговорил Айбе. — А как оно сюда попало?

Кверта это явно не очень занимало.

— Чаша мимо пролетала. Исследовали тот жаркий мир. Кахалланцы попросили Чашу забрать к себе кого-нибудь из них. Чтобы говорить за них.

— Носителя культуры? — вскинулся Терри.

Кверт развернулся к ним и сделал жест, который у силов означал *сидите и не дергайтесь*.

— Оно поет. Кахалланцы решили послать. Их солнце раздувалось. Вскоре их мир расплавился бы.

— Я думал, что кахалланцы… — Терри указал на рассевшихся кругом гуманоидов. — Гуманоиды.

— Они себя называют по этой живой скале. — Кверту такой выбор явно казался вполне естественным.

— Мы пробудили памятник? — спросил Айбе, рассеянно обводя взглядом пейзаж. — Кахалланский камень?

Клифф понял его. В сухом изложении Кверта эта история казалась чем-то обыденным, но в Чаше легко обмануться. Камни и примитивные народы под светоносными небесами: как это похоже на обрывки древней земной истории, как соблазнительно счесть происходившее здесь простой вариацией земной истории. Ничего подобного. Здесь удивительное старательно маскируется под обыденность.

Кверт сделал глазами утвердительный жест.

— Я-мы привели сюда. Известно было, что песня — единственный способ.

Глаза чужака говорили больше, чем слова, но ведь слова — лишь сжатые символьные цепочки. Ими легко обмануть разум. *Единственный способ? Уйти от поимки?*

Клифф разглядывал суровый каменный лик, возносившийся к небесам на добрую сотню метров.

Одно-единственное создание — из расы, которую Клифф ни за что прежде не вообразил бы себе разумной. Разумная скала. В сухом жарком мире наверняка существовала некая конкуренция.

Среди камней? Он не понимал, как это происходило. Борьба с выветриванием? Чем больше весишь, тем устойчивей к абразивным ветрам и воздушным течениям? Как может камень обрабатывать информацию? Как вообще способна скала обрести разум и стремление вершить свою судьбу?

Это уже выходило за пределы биологии, связывая ее с геологией. И все же эволюция умудрилась такое создать. Клифф вспомнил, какое ошеломляющее впечатление произвела на него Чаша, когда он впервые увидел ее с «Искательницы

солнц». Теперь он снова себя так почувствовал.

Ему тяжело было оставаться в вертикальном положении, но Кверт настаивал. Песня продолжала резонировать, силы внимательно слушали. Монотонные гулкие ноты перекатывались в жарком сухом воздухе.

— Каждый раз новые сведения, — пояснил Кверт.

Каменный перезвон продолжался. В течение следующего часа Кверт с перерывами рассказывал кое-что о медленной эволюции кахалланцев. Планеты, конденсируясь на ранних этапах формирования солнечных систем, клокочут и бурлят. Жидкие металлы и распадающиеся радиоактивные материалы изливают энергию в кристаллические решетки. Смутно уловимый, проявляется дальний порядок. Геологические факторы эволюции в целом идентичны биологическим: жизнь зарождается, когда метаболизм оказывается направлен на размножение.

Первые разумные кахалланцы использовали для термодинамического неравновесия разность температур и концентраций металлов между ядром планеты и верхними слоями мантии. В извилистых потоках лавы, двигавшихся с болезненной неспешностью, учились они отслеживать

изменчивые тепловые карты. Или, еще лучше, предсказывать. Вариации расположения ионов металлов в кристаллических ромбоидах вносили собственный порядок. Воспоследовали медленные и странные процессы воспроизводства структур. Некоторые оказались удачней прочих и закрепились. Когда в изменчивые кристаллические решетки была уловлена достаточная для базового интеллекта порция данных, молот эволюции обрел наковальню. Подобно битовым сущностям, закодированным в кремниевых кристаллах на чипах человеческих компьютеров, возникли и развились новые разумы, не нуждаясь в биологической основе.

Чем крупнее такое существо, тем эффективнее оно собирает энергию, так что кахалланцы претерпевали родовые муки миллионами лет, не прекращая увеличиваться в размерах. Они научились общению посредством звуковых волн, через слои планетной коры. Общественная эволюция взнуздала геологическую, как и биологическую.

Время текло. Времени было достаточно.

Ядро планеты начинало остывать, и кахалланцы мигрировали к поверхности, обнаружив, что их мир по медленной спирали приближается к

своей звезде, а бесплодный каменистый лик его растрескивается от перепадов температур, дарующих кахалланцам новый источник питания. Геологическая энергия, как и биологическая, проявляется во множестве форм, она диффузна и вездесуща. Повелевают ею градиенты, а не логика. Однако сама она порождает структурные мотивы и возможности выбора.

Шли века. Постепенно древние кахалланцы выдавили себя наружу, на равнины великого жара, под мерцающее оранжевое небо, почти слившееся с внешней оболочкой звезды. Биологических форм жизни тут не возникло, так что кахалланцы беспрепятственно колонизировали угольно-черные поля среди рек пылающей лавы. Величественные саги о завоеваниях и поражениях были сложены и рассказаны там. Песни, достойные бессмертия, разносились над пузырящимися землями и опаленными солнцем памятниками.

Однако, по мере сближения раздираемой приливными силами планеты с ее светилом, цивилизации этого мира стали угасать, и вскоре кахалланцы постигли, в какой ловушке оказались.

Представляя собой тяжелые медленные си-

ликатные оползни, они не могли оперативно покинуть поверхность планеты. Звезда хлестала мир кахалланцев яростными бурями элементарных частиц и плевалась плазмой. Они все же начали отступление. Слишком поздно. Кремниевые разумы понимали, сколь грубая сила ждет их впереди. Вскорости приливное воздействие так усилится, что их мир разорвет на куски.

Общество кахалланцев, медлительное и лишенное изобретательности, стало распадаться. Культура эпохи упадка зиждилась, как и прежде, на песнях: пробиваясь меж геологических слоев, достигали слушателей эти печальные оперы о могучей любви и неминуемой гибели. Как и все формы жизни в более или менее долгой перспективе, кремниевые разумы не теряли стремления познать себя и, по возможности, всю Вселенную.

Некоторым кахалланцам все же удалось изготовить инструменты, пригодные для измерения мирокруга и наблюдения за знойными гневными небесами — и так была открыта Чаша, сверкнувшая на небе в недолгий период прояснения. Народ решил сблизиться с системой кахалланцев без особой предосторожности, ибо полагал, что жизни вблизи бушующей звезды быть не может. Ясно и четко предстала Чаша в небесах

на длинной гиперболической орбите — и посулила нежданную надежду медленным, твердым, обреченным.

Кахалланцы умудрились послать ей сигнал. На низкой частоте, не слишком информативный. Медленное сказание. Однако передача повторялась долго, и ее услышали.

Его приняла экспедиция специализированных роботов, которые занимались рутинной работой по обслуживанию транспортных потоков в окрестностях Чаши и отбору вещества про запас. Роботы ответили. Воспоследовал новый диалог, за ним еще и еще. Тяжеловесное изящество медленного разговора сталкивалось с барьерами времени, разума и многого, многого другого.

Все же роботы сумели вычленить и извлечь суть кахалланского интеллекта. Силикатные слябы, прослоенные причудливыми кружевными узорами примесей, образовывали грандиозную вычислительную матрицу. Кахалланский разум был перенесен в Чашу и запущен на кристаллической основе. Выдающийся акт межвидового сотрудничества, санкционированный Ледоразумами — теми, в ком случайные гости менее всего склонны были видеть высших чиновников Чаши. Так дети великого холода спасли детей

великого жара от полного вымирания.

— И это единственное?.. — спросил Клифф у Кверта. Монотонное песнопение продолжалось. Снова и снова. Гулкие басы, раскатистые перезвоны. *Уруууунгггг ладдууууттт ээээшшилооонггггхххх*.

— Оно одно. Всех кахалланцев представляет теперь.

Клифф разглядывал возносящуюся к быстрым, белым, как хлопок, облакам скалу, слушал величественные вибрации.

— А как оно живет?

— Солнце освещает… — Кверт моргнул, указывая на холмы, — техника впитывает тепло, питает кахалланские кристаллы.

— Значит, оно вроде исполинского живого музейного экспоната? — проговорила Ирма.

— Чаша сберегает. Иначе формы жизни гибнут.

– *Любые* формы жизни? — спросила она.

— Наверняка.

Клифф развернулся к гуманоидам, называвшим себя в честь печальной поющей скалы, и увидел, что многочасовые песнопения кахалланского камня сделали свое дело. Гуманоиды лежали вповалку, объятые глубоким сном.

— Песня, — сказал Кверт, — до глубины души их пробирает.

— Ты знал, что так будет? — прошептал Айбе.

— Слышал, так бывает. Единственный способ. — Кверт обернулся и забавно повел глазами. Потом отвесил шутовской поклон и жестом показал всем: — Уходим. Молча.

Раскатистое пение продолжалось: *ааахххххммм лооохгериииии ооджаааахххххаааааа хаббббиитаааааа*... Величественное, странное, непостижимое.

Отряд неслышно снялся с места. Они устали, но пение подгоняло их. Комплекс им теперь казался еще более древним, невероятно источенным бесчисленными эпохами. Это прямо из воздуха сочилось.

Клифф, Ирма, Айбе и Терри: больше никого не осталось, и нужно было двигаться. Незаходящее солнце заливало каменные постройки бледно-желтыми косыми потоками света. Силы предохранительным полумесяцем окружили группу людей, и беглецы двинулись дальше. Клифф видел, как над головами чужаков формируются радужные облака, тоже в форме полумесяцев, яркие и сочные под прямыми лучами солнца.

Люди едва плелись, потные, растерянные,

по-настоящему (Клифф научился определять градации) уставшие. Понурив головы, подволакивая ноги, обмениваясь редкими репликами. Чужацкая песня продолжала гудеть позади; казалось, она никогда не утихнет, сколько бы маршрутов искажения и турбулентности ни пришлось ей преодолеть. Прекрасное и печальное сказание из истории планеты, про которую ныне уже никто ничего толком не знал. Наверное, существуют историки, специализирующиеся в этой области, но в любом случае они лишь скалывают со скалы слои и бессильны воссоздать целостную картину. Когда отряд подошел к рощице зигзагообразных деревьев, Клифф напоследок оглянулся. Налетел ветерок, изогнутая лесопосадка заколыхалась, и Клифф увидел, что круглое око вдали все еще смотрит им вслед.

Каменный глаз ни разу не мигнул. Они двинулись дальше.

28

Капитан Редвинг, чистый и свежий после кофе, начал с тех же быстрых резких вопросов, какими всегда предварял планирование новой, непроверенной операции. Вопросы были стандартные, но капитан не переставал удивлять.

Они обсудили симуляции Карла и анализ траектории от Айян Али. Специализированные артилекты тоже внесли вклад в общий план, хотя, как обычно, никаких выводов сверх анализа вероятностей не высказали. Редвинг считал главной проблемой бортовых ИИ слишком добросовестное воспроизведение человеческого здравого смысла, только основанного на куда более достоверных данных, — и оттого вечную неуверенность.

Хуже всего обсуждать планы, предлагая их авторам выступать с речами. Вопросы же помогали встряхнуть собравшихся, вынуждали продвигаться вперед.

Редвинг оглядывал сидящих за столом на главной палубе — тут была вся бодрствующая команда.

— Первый вопрос. Что мы можем упускать?

— Их средства обороны, — ответил Карл Ливан.

Фред Ояма добавил:

— Мы с Айян Али провели глубокое сканирование в поисках таких систем. Ничего настолько очевидного, как с теми гамма-лазерами.

Бет Марбл скептически скривила губы.

— Они откуда угодно могут запустить свои аппараты для защиты от нас.

Квартирмейстер Джам хмыкнул:

— Над атмосферным покровом трафик слабый, это любопытно. Не любители космических полетов.

Клэр Конвей заявила:

— Как второй пилот, я считаю, что куда предпочтительнее запускать космические аппараты с обратной стороны Чаши. Чаша вращается со скоростью нескольких сотен кликов в секунду, так что они вполне могут перелететь через кромку и обрушиться на нас оттуда под нужным углом атаки.

Айян Али кивнула.

Она перехватила волосы металлически-синей накидкой и теперь, как заметил Редвинг, с трудом сдерживала машинальное желание покрутить в пальцах свисавшие кончики. Команда

старалась не проявлять растущего внутреннего напряжения, не искажать им атмосферу групповой работы. Такая способность служила одним из критериев назначения на службу.

Айян Али медленно проговорила:

— У нас будет время с ними разобраться. Я могу поворачивать корабль достаточно быстро. Мы научились пользоваться техникой магнитного кручения, чтобы забирать у полей в областях выше атмосферы угловой момент. Кроме того, нас тяжело будет заметить, мы же по Струе полетим.

Карл кивнул. Редвинг понимал, что члены экипажа мысленно громоздят неизвестные параметры на другие неизвестные, и воспользовался моментом, чтобы подбросить им еще.

— Второй большой вопрос: каким образом наша затея может *не* сработать?

Молчание.

Потом осторожно ответила Бет:

— Если у них имеются системы стабилизации Струи. Системы, о которых мы пока ничего не знаем.

— Они и так уже неоднократно удивляли нас, — добавила Айян Али.

Карл кивнул.

— Да. У них было полно времени что-нибудь

придумать.

— Какой элемент может не сработать, спрашиваете вы? — протянула Клэр. — Например, я. Я, не исключено, переоцениваю свои таланты в управлении кораблем, летящим по Струе. Бет, насколько тяжело тебе пришлось?

— В основном испытание на выносливость. Я поднималась прямо по Струе, держась середины потока. Мне ни на секунду нельзя было отвлечься от штурвала. Нам с «Искательницей» доставляла большие проблемы турбулентность плазмы. Струя гораздо плотней, чем среды, для которых предназначались корабль и его магнитная ловушка. Я выжимала из нашего железа все, что могла.

Редвингу захотелось вставить: *И мы чуть не перегрелись*. Но он сказал только:

— Тяжелое занятие. Но мы же планируем быстрый пролет, не так ли?

— Думаю, да, — сказала Бет, глядя на него. Редвинг кивнул. — Скажем так, выживать в Чаше было сложно, но куда интереснее.

Команда мрачнела. Большинство присутствующих еще спали в морозильнике, когда «Искательница солнц» летела вверх по Струе, через Свищ, но им рассказывали о долгих часах,

когда корабль дергался, скрипел и стонал, о том, как «Искательницу» резко сносило лихими плазменными вихрями и чуть не штопорило. Люди задумчиво глядели в пространство.

Редвинг решил их немного повеселить.

— Знаете, когда я еще был кадетом, то спросил инструкторшу, почему все с таким недоверием ко мне относятся. Сначала она не хотела отвечать. Потом я к ней пристал, и она таки ответила. Это, сказала она, им просто время экономит.

Когда смех утих, Редвинг увидел, что команде чуть полегчало, и продолжил:

— Суть в том, что я чертовски придирчив к деталям. Этим я снискал себе дурную славу в навигацкой школе, да и позже. — Он улыбнулся. — Я научился этому на курсах навигации, тактики и всего остального. Космос не прощает никого, ни за что. Нам следует ввести в симуляции поправки на все проблемы, какие предвидятся.

Карл проговорил:

— И что дальше?

— Дальше, уверяю, вылезет куча неизвестных параметров, которые мы ввести в симуляцию не смогли, потому что не подумали о них. Потому что нам ни о чем таком не рассказывали на тренировках и так далее. Я хочу, чтобы вы были

готовы столкнуться с неведомым.

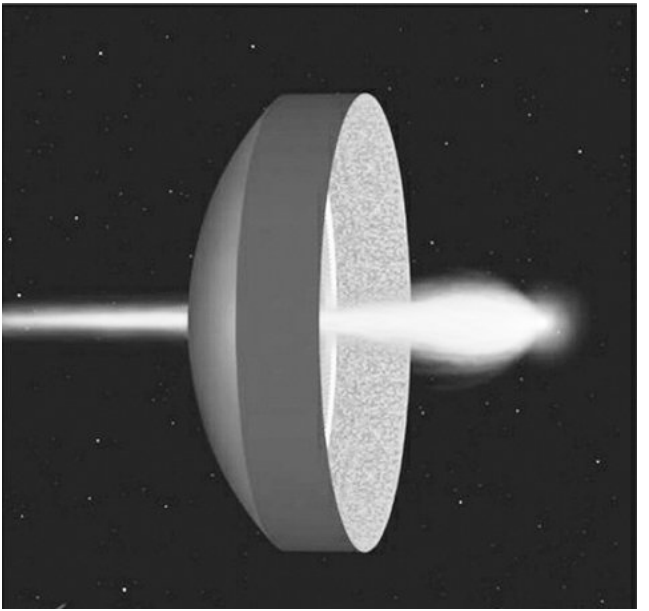
Они кивнули. Около получаса команда обсуждала возможные непредвиденные факторы. Потом Редвинг сказал:

— Третий вопрос. Какие у вас возражения насчет всей этой задумки?

Последовали еще более ожесточенные дебаты, еще более расплывчатые гипотезы. Струя была чертовски крепким орешком, ее изучение допускало различные подходы. Редвинг взмахнул рукой, и по его жестовой команде на видеостене мостика воссиял снимок Чаши, сделанный при подлете, сбоку. Тогда Редвинг командовал маленьким экипажем, состоявшим из вахтенных, а также Клиффа и Бет; они только пытались осмыслить концепцию Чаши. Как давно, казалось ему, это было, а на самом деле не прошло и года.

Некоторые, наверно, еще не видели панорамного снимка, потому что Редвинг услышал сдавленные охи-ахи.

— Я и забыла, как это было красиво, — произнесла Бет.



Клэр завистливо заметила:

— Мы многое пропустили. Мы ж ее только вблизи видели.

Фред указал на стену.

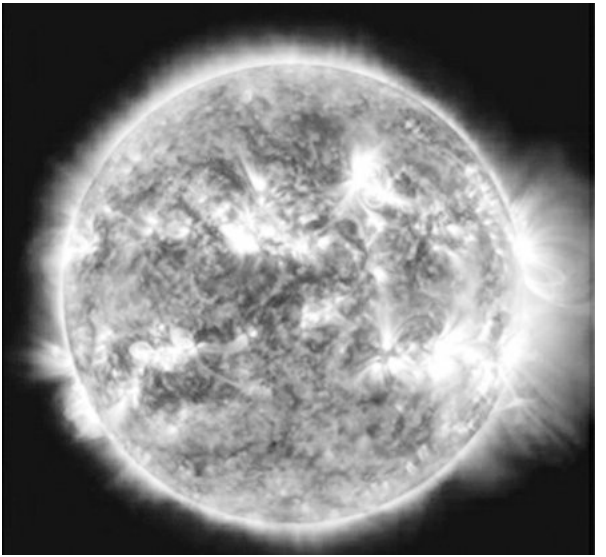
— Заметили, какой широкой Струя вылетает со звезды и как потом сужается? Это работа магнитных давлений. Хотел бы я знать, как, черт побери, они это сделали.

Карл ответил:

— Я проанализировал тысячи изображений, снятых на подлете к Чаше вседозорным артилектом «Искательницы». Тогда мы залетели довольно далеко вперед и начинали разворачиваться, сближаясь с ней. И, — он склонил голову в сторону Бет, — навигация была превосходной. Это настоящее искусство: поразить движущуюся цель в межзвездных масштабах.

— Это полный спектр? — спросил Фред.

— Разумеется. А вот вид *другой стороны* солнца Чаши. Той, что удалена от Струи. Снимок сделан на таких длинах волн, чтобы подчеркнуть магнитные структуры короны.



— Звездные прыщи, — проговорила Айян Али. Она редко шутила, и, когда все засмеялись, ей даже румянец кинулся в щеки. Бет неуверенно уточнила:

— И все это… магнитные бури?

— Нет, не бури, хотя на нашем Солнце они бы в конечном счете разорвались и превратились в бури. Петли, заякоренные в плазме светила. Представьте себе магнитные поля аналогами резиновых лент. Плазма давит на них, и, стоит

им освободиться, они распрямляются прочь от основания. Они устойчивы, по крайней мере в этом временном масштабе. В таких образованиях запасается значительная магнитная энергия. Они перемещаются, совсем как на Солнце нашей Земли. Но в долгосрочной перспективе переползают за край видимой стороны диска и мигрируют. На другую половину.

Фред, не дав Карлу пуститься в дальнейшие объяснения, подытожил:

— К Струе.

Карл хмыкнул.

— Так и знал, что мне откажут в минуте славы. Фред, ты как всегда.

— Значит, на другой стороне светила, удаленной от Струи…

— Там своего рода магнитный инкубатор, не так ли? — скептически проговорила Клэр.

Карл снова хмыкнул.

— Я за вами не поспеваю. Угу, Клэр, там возникают огромные магнитные петли и вихри этого солнца. Потом дрейфуют на другую сторону. Завиваются вокруг основания Струи. И сливаются — только не спрашивайте как. Солнце накачивает Струю магнитной энергией — образно говоря, возводит эту плазменную колонну. — Он пожал

плечами. — Не представляю, как они умудрились такое сотворить.

У всех, кроме Карла, глаза полезли на лоб. Редвинг не нарушал воцарившегося молчания, позволяя им переварить услышанное. *Астроинженерия*, подумал он. *В школе нас такому не учили*.

— Тут возникает серьезная проблема, — сказала Айян Али. — Капитан, те чужаки, с которыми вы говорили, Птиценарод… разве производят *они* впечатление созданий, способных повелевать звездами?

Редвинг поджал губы. Он предпочитал, чтобы события говорили сами за себя, и не стал утаивать от команды запись своего разговора с Тананарив. Чем больше людей обмозгует проблему, тем лучше. И если у них появились интуитивные догадки насчет Народа, сейчас самое время ими поделиться. Он не стал отвечать, но кивнул Бет, вопросительно подняв брови. Бет проговорила:

— Вы все видели снимки той Птицы, которая нас допрашивала, по имени Мемор. И всех ее ассистентов — они настолько меньше ее, что, вероятно, совсем к иному виду относятся. Наверняка. Но работа их, кажется, подчинена строгой иерархии. Мемор меня впечатлила, особенно

если такая глыба нависает над тобой… Но чтобы эти создания управляли звездой?

Она скептически выгнула брови и напоказ искривила уголки рта. За столом прокатились смешки.

— Именно, — сказала Айян Али. — Как может существо наших размеров — да блин, вообще каких угодно размеров… как может создание из обычного вещества контролировать магнитные петли солнца?

— Хороший вопрос, — поддержал Фред. — Тут явно что-то еще творится.

— Но что? — спросил Редвинг.

Все молчали. И размышляли, пока Редвинг не принял решения вернуться к работе. Он вызвал на видеостену следующий снимок.

— Вот более поздний кадр, сделанный, когда мы пролетали вокруг Чаши, приближаясь к ней с обратной стороны их солнца.

Новые охи да ахи.

— Вот теперь вы видите, в чем загвоздка с этими магнитными петлями, — сказал Карл.

Фред уже кивал.

— Видите, как Струя словно бы курчавится? Это…

— Магнитные спирали, — закончил Фред. —

Эти переплетенные узелки ярче, потому что поле там сильнее и плотность плазмы тоже выше. Классика. Век-другой назад мы такое уже наблюдали в тех огромных джетах от аккреционных дисков вокруг черных дыр. Астрономы про них многое знают.

— Ага, спасибо.

Редвинг видел, что Карла раздражают постоянные попытки Фреда забежать вперед. Но Карл сдерживался, поскольку замечания Фреда были в тему. Редвинг медленно произнес:

— Значит, чтобы додуматься до подобного, им нужно было всего лишь к ночному небу приглядеться. И другим галактикам, как сделали это мы… еще в двадцать первом веке, так?

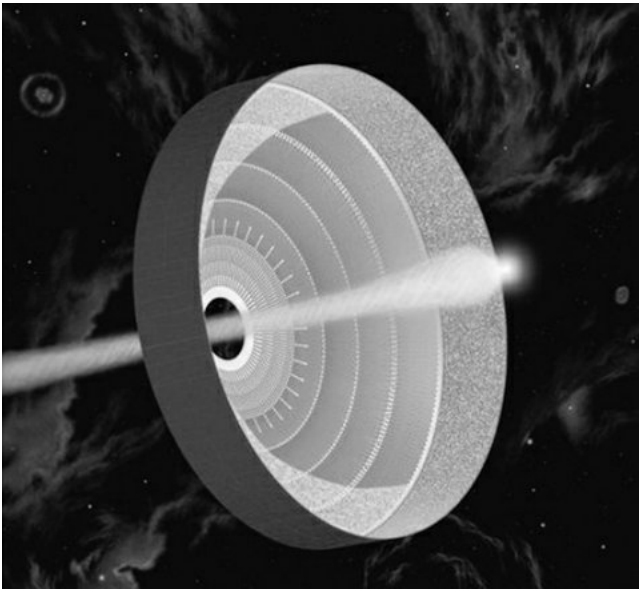
Карл кивнул[14].

— Да, как Фред уже и сказал. Я имею в виду вот что: магнитное поле Струи полностью формируется за счет петель. Магнитные поля мигрируют к Струе и каким-то образом засасываются в нее.

---

[14] Примечания: 14

Здесь в оригинале он назван Куртом, что является явной ошибкой и исправлено по смыслу.



— Ага! — воскликнул Фред. — Значит, поля выполняют критическую работу по сужению Струи, выпрямляя ее так, чтобы плазменный штырь проткнул Свищ.

— Да. Звезда вращается, магнитное поле скручивается и рябит, как платье балерины. Его сносит к основанию Струи и нанизывает на нее. Колоссальные давления в этом месте выдавливают Струю наружу. Сначала она раздувается, затем

магнитные поля вроде как приходят в чувство. Они сами себя за хвост кусают — разорваться ж не могут, так что закручиваются новыми и новыми витками. Уже давно известно, что магнитное поле можно закрутить так, чтобы оно нанизалось само на себя — но при этом оно просто распадется на две петли, словно бы самовоспроизводясь. Итак, поле самоорганизуется таким образом, чтобы поток направлял Струю в Свищ, — торжествующе закончил Карл и вывел на экран картинку Чаши, где неоновой рекламой флуоресцировали в Струе нити магнитного поля.

Бет вперилась в изображение.

— Я… блин, я это испытала на себе. Яростная турбулентность, встречные шквалы на скоростях, для которых «Искательница» вообще не предназначалась.

Карл улыбнулся, довольный немедленно поступившим опытным подтверждением его теории.

— Ты же в первый раз летела по Струе со стороны выхлопа. Ничего удивительного. Это встречный поток. Так бывает, если складки платья…

Карл углубился в аналогии и технические детали, но Редвинг перестал его слушать. Он наблюдал за командой, оценивая их реакцию. Экипаж должен понимать, на что идет. Если

повезет, можно снять дивиденды в виде парочки свежих идей.

— Оно самоорганизуется, — проговорила Айян Али, глядя на сложно переплетенные светоносные кружева внутри Струи. — Вот так и работает.

Ее реплика всех откровенно удивила. Айян Али была навигатором и пилотом, а не астрофизиком.

Не обращая внимания на их озадаченность, Айян Али продолжала:

— Наш двигатель устроен аналогично. Он разогревает входящий поток, сдерживает плазму достаточно долго, чтобы прошли процессы термоядерного горения, потом выбрасывает назад. И на всем пути горячую плазму сковывают магнитные поля. Струя, которая приводит в движение Чашу, устроена точно так же, как наша выхлопная струя.

У нескольких членов экипажа челюсти отвисли. Редвинг всегда наслаждался подобными моментами. Собрать вместе умных людей, дать им поиграть в пинг-понг с идеями вместо мячиков, добавить новую информацию, перемешать. Подогреть интерес. Довести до кипения на медленном огне. Поразительно, как часто возникают

при этом новые, свежие идеи.

За столом возбужденно зашептались.

— Отлично сказано, — отозвался Карл. — У нашего корабля и… их… одинаковый принцип работы.

— У их корабля-звезды, — произнес Редвинг.

Тон общения изменился. Команда начинала осознавать истинный масштаб происходящего, это было видно по лицам. Сжатые губы, напряженные подбородки, неспокойно бегающие или суженные глаза. Пора снова сфокусировать мысли экипажа.

— Пускай даже это прозвучит слишком технически, — сказал Редвинг, наклонясь вперед и сложив руки на столе ладонями вместе, — но вот вам такой важный вопрос: достаточно ли понятен запланированный маневр бортовым артилектам, чтобы они помогли его осуществить, разобраться в возникающих проблемах, расширить пределы уже изученного?

Бет ответила:

— В нашем пролете вверх по Струе группа артилект-навигаторов, несомненно, многому научилась.

Лицо Айян Али затуманили воспоминания.

— Ты права. Когда я заступила на вахту, меня

поразило, как они много умеют. Помнишь, у нас ловушка барахлила, не могла набрать достаточно плазмы в камеры сгорания? Артилекты исправили полевой контур, не успела я и понять, что не так. В тестовых полетах через облако Оорта они ни разу не поступали подобным образом.

Разговор на технические темы увлек всех. «Искательница солнц» хранила тайну, о которой предпочитали молчать: сотрудничество смертных с кристаллическими артилектами, знавшими куда больше людей о том, что капризному человеческому разуму давалось трудно. Артилекты выполняли необозримое количество рутинных операций, а скорость и точность их работы намного превышали возможности неторопливого, туповатого, уязвимого человеческого груза. Артилекты, интегрированные искусственные разумы, умели сливаться в режим коллективного интеллекта, формируя общество разумов[15], пылавшее яростным энтузиазмом. Редвинг предпочитал думать о них как о членах экипажа, просто неразговорчивых. Артилекты принимали на себя колоссальный груз ежеднев-

[15] Примечания: 15

Отсылка к известной монографии великого американского кибернетика Марвина Мински по проблемам искусственного интеллекта (The Society of Mind, 1986).

ных забот и никогда не ныли. Особенно молчалив был артилект-внутрисистемщик: Редвинг мог по пальцам пересчитать случаи, когда общался с ним на своей вахте. С другой стороны, по-настоящему оригинальных идей артилекты еще ни разу не выдвинули.

Клэр резко ответила:

— Их запас внимания ограничен, и…

— А опыт восполняет это, — положил конец перепалке Редвинг и кивнул Клэр. — Офицер Конвей, я поручаю вам проконсультироваться с артилектами лично. Покажите им симуляции, которые вы подготовили. Поинтересуйтесь, как *они* оценивают *свои* способности. Если вам так проще, то считайте их равными нам членами экипажа, которые по тем или иным причинам отсутствуют на совещаниях.

Впрочем, они фактически присутствуют, так как внутренние системы, без сомнения, слышат нашу беседу по акустическим каналам. Не то чтоб артилект-внутрисистемщик решил этим воспользоваться в своих целях, стратегия — не его сильное место. Он отогнал непрошеную мысль.

— Слушаюсь, сэр, — ответила она, отхлебнув кофе. Когда бы Редвингу ни попадалась на глаза

Клэр, при ней всегда был стаканчик кофе — она вечно себя пришпоривала. Несколько других членов команды за столом повторили ее движение. *Какое интересное социальное эхо.*

— Итак, проблемы решены? — произнес Редвинг светским тоном. — Продолжаем движение прежним курсом?

Только Бет не клюнула. Вероятно, потому, подумал он, что она слишком долго провела в Чаше и забыла тонкости невербальной коммуникации на корабле.

— Не понимаю, капитан, какие такие проблемы вы объявляете решенными.

— Мы собираемся выдать Птицам ответный щелбан, — сказал Редвинг. — Их действия были недвусмысленны. Уничтожение нашего сенсорного массива. Они хотели помешать нам в изучении местных условий, осложнить нашу навигацию. На Земле это сочли бы объявлением войны.

Бет не сдавалась.

– *Щелбан*? Несмотря на все проблемы? Несмотря на неизвестные риски?

Он подался вперед и протянул к ней сложенные ладонями вместе руки.

— Конечно, проблемы остаются всегда. У меня

приказ: доставить нас на Глорию и выяснить, пригодна ли планета для колонизации. И мой долг — вытащить нас из этого странного места… с этого корабля-звезды. Для этого необходимо произвести впечатление на чужаков и дать им понять, что присоединяться к этим… как бишь их там называют? Я про тех, о ком вы, Бет, докладывали.

Редвинг посмотрел через стол на Бет. У девушки рот был удивленно разинут, она явно не ожидала такого поворота. Возможно, странствия по Чаше научили ее чему-то, чего он лишен?

— Бет?

— Адапты.

— Да. Мы не банда уличных сирот с Земли. Мы не собираемся уподобляться Адаптам.

Бет начала:

— С их точки зрения…

И осеклась.

— Да-да?

— Мы так давно улетели с Земли… вся наша родня мертва… кто знает, что там происходило… — У нее сделался совсем потерянный вид: не находя слов, Бет потупилась. — Может, мы и вправду сироты?

Этого он не ожидал. Что с ней сделала Чаша?

— Мы офицеры этого корабля, а вы — офицер по науке Бет Марбл. Мы руководим самой дальней прогулкой в истории человечества. У нас цель, и мы ее достигнем. Чаша — всего лишь интерлюдия, пусть и восхитительная; мы извлечем из этого пользу и двинемся дальше. Я достаточно ясно выражаюсь?

Долгое молчание.

Карл собирался что-то сказать, даже выпятил губы, но передумал. Фред явно прикусил язык, изучая столешницу перед собой с таким видом, словно близок был к новому изумительному открытию. Лица команды стали бледными масками; глаза глядели куда попало, только не на Бет с капитаном.

Отлично.

— Ребята, у нас же не официальное собрание. Я, как всегда, приветствую свободный обмен мнениями.

Фред проговорил:

— Результат был ясен. Как только мы вошли.

Редвинг сохранил бесстрастное выражение лица.

— Простите, офицер Ояма? Насколько мне помнится, вы специализируетесь на геологии. И бортовым системам. Вы сказали, что…

— Совершенно ясно, что вы твердо намерены пролететь по Струе. Вы просто хотите подготовить нас к этой мысли. — Только после этих слов Фред оторвался от созерцания гладкой обсидианово-черной поверхности стола и метнул взгляд на Редвинга.

Редвинг не позволял себе проявления эмоций, но внутренне изумился неожиданно проклюнувшейся у Фреда способности рассуждать на темы, отличные от чисто технических.

Не забывай, что они чертовски умны. Все и каждый. И они гики. Непредсказуемые гики.

— Именно так. Но следовало обсудить, насколько труд– на окажется эта миссия. А также напомнить о нашей цели.

— Какова же она? — Бет не оставляла вежливого сопротивления, глаза ее метали искры.

— Глория. Таков приказ. Мы везем человечество к звездам. Мы начинаем процесс, который гарантирует бессмертие нашей расе.

Они уже слышали эти слова, но, похоже, не помешает повторить.

— Но других вариантов, — сказал Фред, не сводя глаз с Редвинга, — мы не обсуждали.

— Не помню, чтобы кто-то выдвигал их, — ответил Редвинг, демонстративно склоняя голову

и подпирая щеку правой ладонью в знак внимания.

— Мы могли бы… должны бы… продолжить переговоры с Народом. Попытаться убедить их в том, что наша точка зрения конструктивнее.

Бет упрямо продолжала сверлить его взглядом.

— У них в плену Тананарив и группа Клиффа, но у нас на борту столько спящих…

— Мы уже дали им несколько дней на размышления, — вмешалась Клэр Конвей. — И они атаковали наши монетки. А что предпримут они еще через несколько дней?

Редвинг обрадовался, что его поддержали, и замолчал, предоставляя команде возможность выговориться. Фред сказал:

— Они думают, что мы и вправду сироты. Эта штука, Чаша, настолько стара… наверное, они привыкли, что к ним наведываются со всех звезд, мимо которых она пролетает. А когда в Чашу прибывают чужаки, то уже не могут покинуть ее. Так и с нами. Подобное случалось в истории Народа неоднократно. Они и нас воспринимают точно так же.

— Это имеет смысл, — поддержал его Карл. — Чаша так величественна и прекрасна… вполне естественно, что многие разумные создания яв-

ляются взглянуть на нее. Туристы прибывают — и остаются.

Фред усмехнулся, что было для него редким явлением.

— Не такие, как мы. Мы просто мимо пролетали.

Редвингу не понравился оборот, который принимала беседа. Он проговорил тщательно выверенным, сдержанным голосом:

— Хотелось бы напомнить вам, что у нас не совсем полная демократия. Это корабль, и у него только один капитан. Я. Я должен принять решение.

Он понимал, что команде это набило оскомину, но иначе не мог.

— Чаша многому может научить нас, капитан, — медленно, вполголоса, но уверенно и спокойно сказала Бет. — Мы обязаны задержаться и детальней исследовать ее. А только потом оставить позади. Тут столько всего можно узнать!

— Вполне возможно, что они тянут время, — сказала Клэр. — Им известен — в общих чертах — наш план полета. Они знают, что в полете мы не можем позволить себе поддерживать в бодрствующем состоянии больше нескольких человек, иначе все припасы проедим. А тут своего

рода звездная система, мы ловим ее солнечный ветер, хоть от него и одно название; едва поддерживаем летную готовность. Они нас знают. Мы их — нет.

— Вероятно, они наблюдали, как наша воронка растягивается, сгибается, принимает новые конфигурации, пытаясь подстроиться, — проговорил Фред, кивнув Клэр. — И мы подстраиваемся… еле-еле.

— Вполне очевидно, если так подумать… если попытаться с их точки зрения взглянуть на ситуацию, — сказал Карл. — Они знают свою систему до мельчайших деталей, а мы даже не понимаем, как они умудряются ею управлять!

— Значит, они выжидают, пока мы выбьемся из сил и у нас кончатся припасы.

Клэр Конвей оглядела собравшихся.

— А заодно гоняются за отрядом Клиффа.

Редвинг довольно отметил, что не пришлось ничего больше приводить в поддержку своей позиции.

— А знаете, — произнес он наконец как ни в чем не бывало, — Магеллан, пока плыл вокруг света, потерял большую часть экипажа.

— Магеллан и сам не вернулся домой, — ответил Фред. — А в морозильниках тысяча душ,

которые полностью от нас зависят.

Да уж, неудачный пример.

— Фред, я все время учитываю это обстоятельство, — проговорил он как мог мягко.

— Я все же думаю… — начала Бет.

— Эта проблема не входит в обязанности корабельного экипажа, — без обиняков заявил Редвинг. — Вовсе не входит.

И выдержал новую паузу, подчеркивая сказанное. К его удивлению, Карл отозвался нарочито вежливым тоном:

— Мы не знаем, с чем имеем дело.

Редвинг чувствовал, как в кают-компании растет напряжение. *Хорошо хоть артилекты не выеживаются…*

— Человеческая раса *никогда* не ведала, с чем столкнется. Когда начинался исход из Африки, мы не знали, что впереди пустыни и ледники. И тут то же самое. Птицы явно не питают к нам уважения. А это значит, что, захватив нас в плен, они сделают людей *экспонатами зоопарка*.

Это их проняло, до шока. Глаза распахнулись, заморгали, рты открылись и спустя время со стуком закрылись.

Может, вспомнят теперь о присяге. О том, откуда прибыли.

Они смотрели на него долго и мрачно. Но когда Бет отвела взгляд, он понял, что убедил их.

29

Тананарив проявила себя полезным экспериментальным образцом. Мемор обожала ставить опыты на приматке.

Расслабившись под мерный рокот скоростного поезда, Мемор старалась игнорировать Бемора, который с чем-то работал на своем коммуникаторе. Приматка настороженно, сузив глаза, оглядывала их: от нее явно не ускользнули некоторые реплики Мемор о трудностях переговоров с капитаном звездолета. Тананарив не знала, что носит на себе сенсоры, регулярно снабжающие информацией диагностические системы Мемор. Когда приматка сердилась, ее сердцебиение учащалось, артериальное давление возрастало, а интенсивность выработки тестостерона подскакивала. Весьма интересно, что содержание гормонов стресса при этом понижалось. Мемор повернулась так, чтобы приматка не видела ее действий, и вызвала двумерный дисплей с картиной сенсорных откликов подопытной.

— Бемор, пожалуйста, обрати внимание.

Бемор лениво бросил на нее рассеянный взор. Мемор переслала ему данные, он изучил графики

на своем комме.

— Как ни странно, гнев у этих приматов служит облегчению стресса.

Бемор фыркнул.

— И, полагаю, приводит к плачевным социальным последствиям.

— Почему? Наверняка это результат эволюции в дикой среде, и…

— Именно. Понижая уровень стрессовых гормонов, они испытывают своеобразное наслаждение. Таким образом, они сражаются именно затем, чтобы снизить его. Для мирного общества это не очень полезно. Вероятно, эта же особенность объясняет, почему они забрались так далеко от дома, ринувшись исследовать неведомое.

Мемор помолчала. В конце концов, это ее область компетенции, тут у нее над братом преимущество. Но…

— Возможно, ты прав. У существ, которых нам удалось цивилизовать, такой особенности не наблюдалось…

— Отметь, что при этом ее левое полушарие стимулируется интенсивнее. Это может указывать на локализацию агрессивных качеств.

Мемор пустила беседу на самотек. Звонкие металлические ритмы скоростного поезда успо-

каивали; они двигались на поистине *астрономических* скоростях по маглев-туннелям, описывая элегантные траектории, взлетая и опускаясь по длинным пологим участкам поверхности Чаши. Они провели в пути уже несколько периодов отдыха. Туннели были тесными, а металлические поверхности вагонов порою раскалялись от индуктивных потерь. Не слишком приятная обстановка даже для Народа. Дичи тут почти не водилось, а поездная еда была пресной. Мемор передала Бемору последнюю из дергающихся вилкорыбок; та слабо затрепыхалась и испустила негромкий отчаянный визг. Бемор с благодарностью принял рыбу и забросил себе в клюв, захрустев косточками. В салоне распространился пьянящий кисло-рыбный запах. Тананарив поморщилась и прикрыла нос и рот платком.

На протяжении всей поездки автоматические зонды с регулярными интервалами докладывали о ходе поисков сбежавших приматов, следы которых были обнаружены в ледниках внешней стороны Чаши, в непосредственной близости от хранилищ Ледоразумов.

Сначала приматы перехитрили агентов-силов, а теперь еще это. Попытки Мемор держать прерывистый след приматов Бемор одобрил, но заметил

вежливо, что, будучи предоставлена в этом деле самой себе, та сбивается на чрезмерные усилия.

И вот несколько свежих тому подтверждений.

Первое: инцидент с патрулем агентов в окрестностях недавно разбомбленного города этой расы. Ранее там были обнаружены неясные следы приматов, но бомбардировка уничтожила большую часть районов, где идентификация беглецов не представила бы трудности. Сканы уже уничтоженного города позволили построить только расплывчатые предположения. Бемор отрицательно отнесся и к тому, что патруль агентов набрали из созданий, нелояльных центральной иерархии общества силов. Маневр был организован впопыхах; агенты попытались блокировать передвижение приматов по равнине, но силы, объединившиеся с Позднейшими Захватчиками, сумели убить нескольких патрульных, а остальных тяжело ранить. В одном докладе отмечалось, что в стычке принимала участие машина Позднейших Захватчиков. Оно и неудивительно: Мемор знала, что эта же банда прежде убила нескольких представителей Народа и захватила принадлежавший им маглев, а впоследствии присоединилась к мятежникам, от которых самой Мемор едва удалось ноги унести.

Второй инцидент встревожил ее сильней. Та же группировка силов и Позднейших Захватчиков была замечена при рутинном патрулировании корпуса. Только одного индивида удалось идентифицировать достоверно, однако этого хватило. Когда прибыла робогруппа захвата, бандиты уже ускользнули.

И третий отчет, из области, где обитали старые разумные существа. В портале у кахалланского святилища сработала сигнализация. Это привлекло внимание резидентов Зоны Жизни. Поскольку Мемор поставила на отслеживание генетические теги пришельцев, то узнала об этом происшествии почти сразу: оно имело место совсем недавно, когда они с Бемором и приматкой уже ехали в поезде по исполинской маглев-сети.

— Они умело укрываются, — заметил Бемор. — Но это вряд ли признак высокого интеллекта Позднейших Захватчиков, ведь нашей территории они не знают. Им помогают силы.

Мемор взъерошила перья в желтых оттенках сомнения.

— Сомневаюсь, чтобы и силы владели такой информацией. Мы долго сдерживали их территориальную экспансию. Уже много поколений силам запрещается совершать исследователь-

ские экспедиции.

Бемор поразмыслил.

— Тем не менее существа они неугомонные. Много долгооборотов назад они испрашивали разрешения на доступ к Зонам, явно лишенным разумной жизни.

— Помню. — Мемор сверилась со своим Подсознанием и выудила оттуда в память краткую сводку этих событий. — Они выдвинули прямые претензии на новые территории, заявив, что их вид быстро распространялся по родной планете, движимый как генетическим, так и общественным императивом.

— Именно. Заметь, что эта же особенность, как следует из твоей работы, присуща Позднейшим Захватчикам.

До Мемор лишь сейчас дошло все значение этой параллели. Но Подсознание быстро показало, как она уже некоторое время крутила в уме аналогии между силами и Позднейшими Захватчиками. Впрочем, лишь рассеянно. А вот Бемор сразу это заметил.

Мемор развернулась к Тананарив.

— Как давно, по вашему летоисчислению, зародилась твоя раса?

Приматка не спешила с ответом. Несколько раз

смерив взором Мемор и ее брата, она поджала губы, но все же процедила:

— Несколько сотен тысяч оборотов.

Бемор, видимо, не знакомился с концептуальной картой, составленной Мемор в ее исследованиях Позднейшей Захватчицы, поскольку возразил:

— Она может не знать точно.

— Нет, это соответствует ее базовым познаниям. Я считала эту цифру прямиком из долговременной памяти.

— Это значение вряд ли достоверно. Топология ее Подсознания нам неведома.

— Со временем прояснится. Но, что важнее, я у нее *спросила*. Она ответила детальным рассказом о видовых травмах ее расы. Детальным, странным, но правдоподобным. Несколько раз под влиянием климатических изменений их численность сокращалась до небольших изолированных племен; в одном случае так упала, что им, в холодной местности на берегу океана, едва

удалось избежать инбридинга[16]. Отсюда проистекает стремление к экспансии — образно говоря, им представляется почти самоочевидным, что в чужих краях будет лучше.

Бемор задумчиво засопел, ерзая на насесте. В тесном салоне мускусные феромоны будоражили обоняние Мемор. Она осуждающе фыркнула.

— Крайне редко приходится сталкиваться с таким стремительным восхождением по эволюционной лестнице ментальных уровней, — наконец сказал Бемор. — Не верится, что эволюция могла произойти за такой краткий срок оборотов непримечательного светила.

— А вот мне помнится, что силы также достигли высокого уровня интеллекта и умения использовать орудия труда за сравнительно краткое время.

Мемор вызвала соответствующую запись и переслала Бемору. Тот долго размышлял, изда-

---

[16] Примечания: 16

Мемор имеет в виду, вероятно, прохождение примитивных людей через генетическое бутылочное горлышко после катастрофического извержения вулкана Тоба примерно 75 тыс. лет назад. Катаклизм произошел во время ледникового периода и привел к дополнительному недолгому похолоданию; иногда считается, что все современные люди являются потомками нескольких тысяч пар, выживших в ту пору на берегах Индийского океана. Спустя некоторое время после извержения и, видимо, под его влиянием началась вторая, решающая для расселения человека по Земле миграция примитивных людей из Африки.

вая низкое ворчание, неторопливо вдыхая и выдыхая.

— Да, это так. Вероятно, потому-то и объединились с Позднейшими Захватчиками.

Мемор заметила:

— Поступили свежие данные: силы проявляют жадный интерес к нашему обмену сообщениями о Позднейших Захватчиках. Они могли расценить это как привлекательную…

Бемор развернулся к Тананарив.

— Тебе известно о силах? — спросил он на неплохом английском.

— Лишь то, что вы сами о них рассказали, — ответила приматка.

— Они объединились с другой группой беглецов, Позднейших Захватчиков.

— Никакие мы не захватчики! — взбеленилась Тананарив Бэйли. — Мы пришли с миром, с исследовательской экспедицией.

Бемор весело зашуршал перьями, но на лице Тананарив тут же возникло напряженное выражение: приматку звук явно напугал.

— Ваши мирные намерения под вопросом, знаешь ли. Тебя, конечно, нам удалось поймать, а вот все остальные сбежали.

— Мы не любим, когда нас сажают в клетку.

— А мы не любим, когда к нам лезут без спросу, хотя, конечно, никакие агрессивные действия существ вашего уровня не представляют для нас опасности. Мы не потерпим, чтобы в Чаше распространялись бесконтрольные новые влияния. Только под нашим мудрым и адекватным руководством.

Бемор говорил медленно, словно с птенцом или каким-то слаборазвитым Адаптом.

— Я думаю, существам *моего уровня* только и надо, что убраться отсюда. У нас иная цель.

— Насколько нам известно, да, — сказала Мемор, показав Бемору перьями: *посмешим-ка ее.* — Именно поэтому мы не вправе позволить вам достичь ее первыми.

Кивок.

— Я так и поняла.

— А какие у тебя предположения о причинах альянса твоих соплеменников с силами?

Тананарив усмехнулась.

— Они искали помощи.

— А почему их отряд шныряет по Чаше, используя наши транспортные туннели и инфраструктуру? — Бемор засопел и придвинулся ближе к приматке; та сморщила нос и отстранилась.

— Они в бегах. Они так долго в бегах, что, быть

может, это стало привычкой.

Мемор показалось, что это какая-то подколка, но она промолчала[17]. Бемор настойчиво уточнил, продолжая наполнять помещение своим солоновато-кислым мужским запахом:

— И больше ничего?

Она подняла на них ровный, оценивающий взгляд.

— А как насчет банального *любопытства*?

— Это не кажется мне правдоподобным мотивом, — сказала Мемор, но Бемор отреагировал перьевым несогласием.

.

— Боюсь, что ты права, Позднейшая Захватчица, — произнес он. — Мы пытаемся не допускать проявления таких качеств у своих подопечных.

Тананарив снова усмехнулась.

— Так вот что значит стать Адаптами?

— Частично, — признал Бемор.

— Тогда тебе понравится место, куда мы едем, — сказала Мемор. — Там ты встретишь созданий, которых никогда прежде не видала и даже вообразить себе, думаю, не могла.

---

[17] Примечания: 17

Отсылка к фразе из книги известного американского бегуна-марафонца и проповедника-баптиста Берри Симпсона Наперегонки с Богом (Running with God, 2009).

Почему бы не подбросить дровишек в костер нетерпения? Некоторым видам это по нраву.

Приматка ответила:

— Что ж, испытайте меня.

Часть десятая
Каменный разум

Важен не размер собаки в драке, а размер драки в собаке.

Марк Твен

30

Клифф смотрел, как под гневный рык громовых раскатов хлещут из пурпурной тучи тускло-серебристые струи ливня. Яростная непогода напомнила ему более слабые холодные осенние бури, которые порою приходилось пережидать в горах Сьерра-Невады: тогда платиновые молнии с оглушительным треском высвечивали половину темно-свинцового небосклона. Гром тут звучал еще оглушительней, нежели в Сьерре; возможно, оттого, что буря разразилась в атмосфере более плотной и глубокой и циклонический вихрь охватывал просторы куда шире планетных. Колоссальный размах грозы даже осмыслить было тяжело: нагроможденные друг на дружку пурпурные сэндвичи туч возносились в темно-серебристое небо, постепенно размываясь в перспективе. Резко, до щипков в носовых пазухах, запахло влажным деревом и озоном. Высунув язык, Клифф ощутил металлический привкус больших дождевых капель, который смешивался с остаточной солью широких листьев, недавно послуживших беглецам вместо салата, и кислыми нотками каких-то цитрусовых — эти плоды

повезло сорвать с ближних деревьев, прежде чем хлынул ливень. Привкус чужбины.

.

— Дождь скоро всё, — проговорил Кверт. — Нужно идти. Быстро.

Клиффа ошеломило это заявление.

— Почему?

— Народ нас найдет.

— Ты уверен?

— Много знают они. Даже камни… — Буря стихала, и Кверт обвел широким жестом лапы далекие горные пики меж серовато-белых, точно хлопок, облаков. — Говорят с ними. Всегда знают.

Кверт подкрепил свои слова тяжелым кивком непокрытой головы.

Клифф кивнул в ответ. Барабанил дождь, в воздухе распространялся дымный запах; думать было трудно. Кверт, наверное, прав. Вся Чаша опутана плотной паутиной сенсоров. Как ни безлюдны ее земли, а тут однозначно раскинута умная сеть, соединяющая их. Тем не менее большая часть территорий Чаши пользуется самоуправлением. Но, с другой стороны, такими громадными пространствами вообще невозможно было бы править, не окажись доступные

обитателям возможности по умолчанию стабильны и заурядны, не позволяй Птицы в разумных пределах пускать все на самотек…

Людям не укрыться надолго от глаз Ищеек. Единственное преимущество в том, что Чаша хотя и интегрированная структура, но все же невероятно огромна. Даже свету требуется некоторое время, чтобы ее пересечь: около двенадцати минут от края до края. Клиффа раздражали неизбежные задержки в общении с Редвингом и «Искательницей», будь то текстовые или голосовые переговоры. Особенно если учесть, что связь в любой миг могла прерваться.

Небо бурлило яростной неуемной энергией. Непредсказуемыми порывами ревущего ветра в убежище под скалой задувало холодные струи дождя. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулся темно-свинцовый небосвод. Но Кверт ведь не случайно выбрал для привала это место: древнюю пещерку явно искусственного происхождения, примерно прямоугольной формы, вырезанную прямо в скале. Группа успела туда юркнуть за считаные мгновения до ливня. Пока люди разогревали пищу на костре из веток, снаружи уже низвергалась потоками воды темная клиновидная туча.

Спустя много часов небо стало проясняться.

— Ну что, народ, — сказал Клифф товарищам, — собираемся.

Силы и люди, не сговариваясь, заворчали, но покорно поднялись и стали заливать костер водой. У Клиффа на языке еще держался привкус нежного мяса, зажаренного на этом костерке. Вот бы сейчас калифорнийского зинфанделя, мечтательно подумал он. Хотя, возможно, это вино уже давно не производится. Да и самого места под названием Калифорния на Земле могло не остаться.

Сочной вырезкой стол беглецов обеспечила большая толстая зверюга вроде собаки, атаковавшая их несколькими часами ранее. Когда существо ринулось на них под шелест крупнолистного кустарника, в глаза прежде всего бросились изогнутые желтые рога на широкой костлявой башке. А потом — оскаленные клыки. Зверюга, зарычав, прыгнула на них, а выражение морды Клиффу явственно напомнило хорька в курятнике. Беглецы в большинстве своем изумленно застыли: даже Кверт и его силы не ожидали нападения. Айбе, однако, поразил зверя на середине прыжка метким выстрелом из лазерника: луч пробил на удивление крупную черепную

коробку, тварь грянулась к ногам людей, безжизненно раскинув лапы, и испустила дух, издав на прощание долгий судорожный рык.

Отряд с наслаждением уписывал темное сочное мясо. Зверюга обладала мощными мышцами, которые без труда удалось отделить от костей. Силы раскалывали кости и высасывали из них мозг. Клифф подумал, не последовать ли их примеру — в конце концов, тоже еда, но резкий маслянистый запах отпугнул его, и он отдал свою кость товарищам.

— Спасибо, — сказал Айбе, принимая ее. Провел по кости иззубренным ножом и переломил через колено. — М-м, вкуснятина!

Ирма с Терри тоже отказались.

— Брр, — помотал головой Терри. — Я на низкожировой диете вырос. Почти полвека это было нашим святым писанием, пока кровяные наночистильщики не появились.

— Я тоже, — сморщила носик Ирма. — Нашему поколению даже запах жира в тягость был.

— А мне нравится, — пожал плечами Айбе. — Наверное… стоп, а вы из какого поколения?

Терри, Ирма и Клифф переглянулись.

— Нам всем за семьдесят, — сказала Ирма.

— Блин, — сказал Айбе. — А мне сорок четыре.

— Молокосос! — хихикнул Терри. — Вообще непонятно, как тебя на борт пропустили. Ходили слухи, что Флот запретил принимать в экспедицию всех моложе пятидесяти: дескать, слишком неопытные.

Айбе фыркнул.

— Все вы, старые пердуны, одно и то же твердите.

Ирма хмыкнула.

— Первые сорок лет — для секса и воспроизводства. А ты чем занимался? Накапливал бесценные технические навыки?

— Конечно, — Айбе пожал плечами. — Больше всего на свете мне хотелось попасть на корабль. Воспроизводство слишком распиарено.

Все засмеялись.

— Вы, парни, вечно такие занятые, что нам, девочкам, остается только яйцеклетки по морозилкам раскладывать, — сказала Ирма. — До шестидесяти просто рожать легче.

— А Редвингу, по-твоему, сколько может быть? — спросил Терри, дожевывая ломоть мяса, который выменял у Айбе за очередную косточку.

— Наверное, под сотню, — предположила Ир-

ма[18].

— Да что ты, явно больше. Однажды он обмолвился, что еще застал конец Века Завышенных Аппетитов. Времечко было паскудное.

— Он и сам препаскудный тип, — отпарировал Айбе и присосался к длинной кости, не выпуская ее из губ до тех пор, пока воздух со свистом не прошел через опустевшую кость насквозь.

— Послушай, — мягко проговорил Клифф, — сейчас многие живут до ста пятидесяти. Редвинг не *такой* уж и *старик*.

— Сейчас — в смысле, в ту пору, когда мы покидали Землю? — уточнил Терри. — Бог его знает, сколько люди там живут *сейчас*.

Клифф понял, что на этом разговор оборвется, ведь всех отвлечет мысль о бездне времени, разделившей их с родными и близкими. Он не противился. Кверт, который тоже слушал беседу и явно что-то понял, склонил голову.

Потом все же настала пора сниматься с места.

Они выбрались из высеченного в скале прибежища наружу. Небо прояснялось. В Чаше можно было наблюдать горизонты, но все ближние были закрыты тучами, и лишь более высокие слои

---

[18] Примечания: 18

В оригинале — Терри, что является явной ошибкой; исправлено по смыслу, но без особой уверенности.

атмосферы сияли мягкой голубизной. Клифф раньше не видел ее в такой резкости, ведь местная атмосфера глубиной намного превосходила земную. Сейчас, однако, выдался момент, когда звенящую резкость чистых верхних слоев нарушали лишь несколько тучек. Над головами, разумеется, продолжала пылать путеводная звезда Чаши. Но отряд Клиффа уже много дней перемещался по артефакту в разных направлениях, порою на большой скорости, и теперь звезда — Викрамасингх, как окрестил ее некогда сам Клифф, — сияла не точно в центре небесной сферы, а немного в стороне. Зато Струя теперь словно бы накренилась к путникам. Плазменные потоки текли с ленивым изяществом, бледно-оранжевые филаменты пронизывали кружевную вуаль. Взбираясь на пологий холм, Клифф наблюдал за ними. Люди чуть подотстали от следовавших впереди разведчиков-силов — хотя, как напомнил себе Клифф, могли среди них быть и разведчицы, ведь он до сих пор толком не научился различать самцов и самок этого вида. У силов гендерные различия были сглажены и во внешности, и в одежде, и в поведении. Возможно, этим и объяснялись озадаченные взгляды, которыми порою окидывали они Ирму. Клифф полагал, что силам

половая градация людей могла показаться навязчивой.

В лесу кишела жизнь всяких форм. Клифф уже знал, что в мире без ночи животным все время приходится быть настороже. Добычу эволюция наделила глазами с большим углом обзора, словно у кроликов, или фасеточными, как у насекомых, — в любом случае они обеспечивали широкоугольное восприятие. Хищники, как и на Земле, получили глаза широко расставленные, для лучшего пространственного охвата, и нацеленные вперед, со значительной глубиной поля зрения.

Ирма шагала рядом, время от времени перемещая рюкзак, когда тот начинал натирать ей плечо.

— Тебя не заинтересовало, — сказала она весело, — почему здесь так много двуногих?

Клиффу приходилось себе напоминать, что он вообще-то биолог.

— А, э-э… нет, я не задумывался. Но… как я помню из универовского курса, земная двуногость всего лишь случайный результат анатомии позвоночных.

Ирма поправила кепку, заслоняя глаза от солнца.

— Те кахалланцы, помнишь? Их с нами трудно было бы спутать даже в сумерках. Они вроде как из мира, где планета обращена к своему солнцу одной и той же стороной. Совсем не похожего на Землю. Но они двуногие. Двуногие гуманоиды. И это странно.

Клифф в это время внимательно наблюдал за жизнью леса, но и теория его увлекала. Он откусил кусочек сладкого корня, который по совету Кверта выкопал из земли, и сказал:

— Конвергентная эволюция, думаю. Кахалланцы, скорее всего, происходят от четвероногих предков, как и мы. На Земле у членистоногих полно свободных конечностей, а нам, несчастным млекопитающим, в них отказано. Мы двуногие, потому что начинали с четырех ног, потом научились лазать, а еще позже — пользоваться орудиями труда. Для ходьбы осталось только две конечности, и эволюция заставила нас встать на них.

Ирма тоже попробовала сладкий корень, доела весь и усмехнулась. Она тоже не уставала разглядывать деревья, лианы и небеса. Проведешь в бегах столько времени, и осторожность станет привычкой.

— Да, но на Земле двуногие — редкость. Если

не считать птиц, но те очень много в крылья вложили. А у беспозвоночных наилучшим приближением к вертикальной позе будет поза богомола.

Клифф поразмыслил, раздавил толстое насекомое, которому вздумалось поселиться в его волосах.

— У богомола четыре опорные ноги.

Ирма, когда ей являлась идея, повышала голос:

— Ты не понимаешь! Нам здесь еще в начале попался двуногий вид, так? Здоровенная такая зверюга, но она не обратила на нас внимания, уж не знаю почему. Потом силы. Потом эти вот кахалланцы. У всех головы, лица, два глаза смотрят вперед, под ними нос и челюсти.

Клифф понял, к чему она клонит.

— Ну да, такое расположение не обязательно… Но вспомни, на морды членистоногих без испуга не взглянешь: они достаточно похожи на нас, чтобы это напрягало.

— А у кахалланцев лица заостренные, глаза по сторонам разведены.

— Добыча. Еще в университете выучил: *глаза вперед — на охоту идет, глазки врозь — укрыться не прочь*. Кажется, это универсальный принцип.

— И у них есть мех, — сказала Ирма. — У нас

его нет, иначе бы перегревались при забегах на дальние дистанции, вот и потеряли шерсть.

Клифф кивнул, вспоминая, какими громоздкими показались ему кахалланцы: приземистые, мощные, скорей на медведей в человечьей шкуре смахивают. Они и словом не обменялись с людьми и силами. Только зыркали и принимали угрожающие позы, словно дикие звери.

— Гм, да. Значит, кахалланцам нет нужды много бегать. Или говорить.

— Чаша учит нас, — Ирма снова повысила голос, — что разумные чужаки сходятся к гуманоидному обличью.

Клифф, не переставая озираться, размышлял. *Или потому, что их кто-то такими сделал?*

Кверт шел впереди, а теперь развернулся.

— Не Народ. Не такие, как вы, гуманоиды. Мы сказали бы — силоиды, вашим языком. Одно и то же. Неважно.

— Ну да, — согласилась Ирма. — А я вот не могу понять почему.

— Это Народ сделал, чтобы так было, — ответил Кверт. — Древний.

— Значит, у них… э-э… две руки и четыре ноги было? — спросил Клифф.

— Было. И много других. Две ноги было. Все

они Народ.

Ирма уточнила:

— Народ и вправду тут всем управляет?

Кверт потупил глаза: Клифф уже понял, что так силы выражают осторожное сомнение.

— Ледоразумы. Они выше Народа.

— А как это работает? — спросил Клифф настойчиво.

— Теперь не будет. С тех пор, как вы появились. Мы, силы, тоже теперь на Ледоразумов работаем.

Кверт извлек свой маленький коммуникатор пирамидальной формы, который по желанию владельца умел раскрываться в плоский экран. Клифф еще не сообразил, как это делается.

— Как именно вы на них работаете? — спросила Ирма.

— Вас к ним привели.

— И всё? — уточнила Ирма. — А почему нас?

— Вы беспокойство внесли. Народ вас называет Позднейшие Захватчики, потому что вы новые. Ледоразумы вас хотят увидеть. Узнать. Мы привели.

— Да мы просто мимо пролетали, — сказала Ирма, — на маленьком корабле.

— Я от Ледоразумов слышал. Что-то про Глорию. Знать желают, кто вы такие, зачем на Глорию ле-

тите. — Кверт сделал головой жест, отвечавший пожатию плечами. — Не знаю, что за Глория.

— Это звезда прямо впереди, — ответил Клифф. — Отсюда ее не видно, потому что ваше солнце слишком яркое.

— Звезда впереди? — переспросил Кверт без всякого выражения на морде. Это означало, что чужак напряженно слушает, не желая выдавать эмоций.

— Звезда, похожая на вашу, но такая далекая, что она видна только как точка, — объяснила Ирма. — У нее есть планета, там биосфера. Кислород, азот, все такое. Мы летим туда. Хотим там поселиться.

Кверт сохранял бесстрастное выражение морды, но глаза заходили ходуном в глазницах, закрутились, потупились. Чужак испытал настоящий сдвиг парадигмы мироздания.

И Клифф понял. Силы совсем недавно впервые увидели, что по ту сторону Чаши: темная бездна, пронизанная сиянием звезд. Ледоразумы каким-то образом намекнули им на это, послали сигнал, дали указание привести группу Клиффа. Кверт и его сородичи до этого никогда не видели звезд. Только спустившись с отрядом Клиффа в подземный лабиринт, узрели они, как вращается

в небесах галактическая карусель.

Силы были похожи на людей, которые всю жизнь прожили в пещере, не выходя увидеть небо. Их мир — мир всех обитателей Чаши — представлял собой безграничный теплый рай вечного солнечного дня. Солнце и Струя заслоняли перспективу. Обычные жители Чаши никогда не видели звезд, не представляли себе величественной Галактики на темном бархате небес, усеянном мерцающими точками.

Откровение это было явлено силам в пору мятежа и гнева. Народ много эпох владычествовал над ними, подавлял, но теперь силы сформировали новое представление о своем месте в картине мира. Границы их мироздания совсем недавно стали взрывоподобно расширяться. Отряд Клиффа подтвердил новые представления, и это привело ко множеству трагедий: битве с небесной рыбой, бомбардировке и огненной буре в городе силов…

Клифф собрался было объяснить это Кверту. Чужак слушал, по-прежнему не меняясь в морде, не выдавая никаких мыслей. Но вдруг их внимание отвлекли.

Сил, который шел первым, остановился, сделал жест и что-то пробормотал низким шепотом. Лапами показал: впереди что-то есть, всем рас-

средоточиться.

Силы следовали стандартной тактике: рассыпаться в стороны, под прикрытие, выждать, осторожно возобновить движение. А людей этому тоже учили, на занятиях по боевой подготовке. Каждый член отряда, человек или чужак, двигался так, чтобы с двух сторон его могли прикрыть лазерами или стрелами.

Впереди, за деревьями и лианами, что-то едва слышно стучало.

Лес закончился. Они осторожно переместились к холмику, выбранному наблюдательным пунктом. Насколько хватало глаз, влево и вправо тянулась полоса аккуратно расчищенных полей, изумрудно-зеленых, занятых сельскохозяйственными культурами. На полях работали простые автоматы, издавая мерный шум. Через несколько километров лес начинался снова. Растения были желтовато-коричневые, с толстыми стеблями и выступавшими из них, подобно стрелам из колчана, желтовато-пурпурными отростками. Клифф прикинул, что в высоту они достигают трех-четырех метров: настоящие деревья, утыканные длинными спицами, вдоль которых протянулись широкие опахалообразные цветы. В воздухе повис легкий туман — что это, пыльца?

— Можем перебежками пересечь, — сказал Айбе.

Кверт вместо ответа указал на работавшие в полях фигуры. У фермеров имелись грузовики и робокомбайн; последний трудился в отдалении, срезая плоды и перевозя их в кузовы грузовиков. Уборка сопровождалась мерным *умп умп умп*. Налетел ветерок, принес запах вроде апельсинового, но с режущей ноткой. Все двигалось в медленном ритме, и Клифф припомнил монотонное лето на ферме в Калифорнийской долине. Присмотревшись к полям в бинокль, он заметил:

— Те же существа, от каких мы убежали. Их каменный разум зачаровал. Кахалланцы.

— Специальные кахалланцы, для работы в поле, — сказал Кверт. — Всегда на ферме. Рождаются и умирают. Всегда тут.

— Они всю жизнь проводят в этой деревне? — спросила Ирма.

— Содержатся тут. — Кверт обменялся с другими силами несколькими залпами быстрых невразумительных фраз на своем языке. Клиффу показалось, что чужаки встревожены. Основными средствами разнообразной мимики силов служили движения глаз и тонких рельефных бровей над ними. Закончив совещаться, Кверт

обернулся к землянам.

— Айбе ваш прав. Нужно перебежать. Видите?

Почти точно напротив стоял комплекс невысоких построек цвета высохшей глины.

— Инкубатор их там. Кахалланцев немного обычно. Мы перебежим, кахалланцы не увидят.

Клифф попытался осмыслить услышанное. Особая разновидность кахалланцев, выведенная для агрокультурных работ? Это что же, Народ их селекционировал? И… инкубатор?

Они пробирались по лесной опушке, вдоль извилистой полосы зигзагообразно изогнутых деревьев. Ирма с Клиффом предполагали, что такая форма позволяет деревьям улавливать больше солнечного света, поскольку больше листвы обращено к звезде, красной точке, неподвижно висящей в небесах. Более слабый и рассеянный свет Струи деревья игнорировали. Щетинистые ветви и спирально закрученные лианы обвивали толстые зигзагообразные стволы, впитывая постоянное солнечное излучение. У подножий ветви были толще, чем у вершин, и это облегчало игру в прятки с кахалланцами. Беглецов никто не заметил.

Они остановились недалеко от желтовато-коричневых зданий, по виду кирпичных. Клифф

родился в Калифорнии, и ему редко доводилось видеть кирпичные здания значительной высоты, ведь такая конструкция уязвима перед землетрясениями. В Чаше землетрясений не происходило… Он посмотрел в бинокль: приземистые двуногие фигуры, покрытые шерстью, медленно перемещались среди кирпичных стен. Клифф показал туда.

— Не друзья, — Кверт как-то странно пощелкал веками, сузил глаза.

— Эти кахалланцы нас Народу выдадут, да? — спросил Терри.

Кверт ответил:

— Должны.

И снова потупился.

Другие силы нетерпеливо переминались с лапы на лапу и щелкали веками, вероятно, выражая согласие. Чужаки вроде бы не считали этот вопрос достойным спора. Полоса возделанной земли тянулась в обе стороны, пропадая вдали в легкой бежевой пылевой дымке, обогнуть поле нечего было и думать. Кто знает, насколько велика эта ферма? Странный, однако, способ возделывать землю; почему бы не разделить участки на квадратные зоны, минимизируя расстояние обхода?

— Нет времени спорить, — произнес Айбе. —

Бежим?

Они устремились через поля в хорошем темпе. Силы бежали впереди, неслись длинными грациозными прыжками, делая глубокие медленные выдохи и вдохи в моменты, когда лапы касались земли. Люди тоже были неплохо приспособлены к бегу, но не до такой степени. Клифф размышлял, какая должна быть на их родном мире сила тяжести, чтобы силы оказались хорошими кандидатами на заселение этого участка Чаши: наверняка слегка пониженная. Пот начал скапливаться на бровях и затекать в глаза, пощипывая их. Интересно, чего хотят эти силы? Скрыться от преследователей-Птиц, спору нет. Но ведь огромные Птицы — здешние правители, и вряд ли горстка уязвимых тщедушных людей может серьезно пошатнуть их положение. Загадка. Впрочем, не будь помощи силов, Птицы уже давно бы людей сцапали. Клифф позволил себе отпустить ситуацию.

Они продвигались через поля, приближаясь к новому участку причудливых деревьев. Ветерок дул от кахалланцев к людям, это тоже было преимуществом. Клифф удивился легкости своего бега. В экспедиции он даже улучшил физическую форму, плюс пониженная гравитация помогала.

Но тут Кверт стал дергать мордой, оглядывая местность, остальные силы повторили его движение. Их что-то беспокоило.

Впереди возникли приземистые грубые здания прямоугольной планировки, которые Кверт называл инкубаторами. Двухэтажные, без окон. Беглецы углубились в застройку, пыхтя и потея, и направились по главной улочке между зданиями. Кахалланцев вокруг вообще не наблюдалось. На улочке росло несколько зигзагообразных деревьев со старой и потрескавшейся серой корой. Силы обыскали переулки и спустя пару мгновений бегом вернулись, прокричав предостережение, после чего приняли оборонительное построение у перекрестка. Люди автоматически метнулись под прикрытие образованной чужаками сдвоенной дуги, выхватили лазерники и стали нервно оглядываться.

Только после того, как первый сил выстрелил, они догадались поднять глаза.

С крыш на улочку, издавая мерное щелканье, спускались твари метровой ширины вроде пауков — белые, гибкие, подвижные. Лапы у них были темные и щетинистые, по сторонам приплюснутой морды горели гневные красные глазищи.

Первый стрелок-сил поразил существо, бывшее на полпути с крыши. То заскребло лапами по стене и плюхнулось наземь. Сил, застреливший его, сделал шаг вперед и, послав стрелу в следующую мишень, пронзил тварь прямо в центре круглого брюха, после чего наклонился, выдернул стрелу из первой и быстро вернул в локтевой колчан. Град стрел осыпал нападавших, а люди помогали лазерами. Но тварей было много и становилось все больше.

Они скорей на крабов смахивают, а не на пауков, подумал Клифф, наблюдая, как прогибается под натиском тварей оборона силов. Он прицелился в одну зверюгу и выстрелил, но это не остановило тварь. Та продолжала спускаться по стене, направляясь к ним. Луч лазерника ударил ей в головогрудь у края и пронзил насквозь, но этого, видимо, оказалось недостаточно.

Наступая, твари издавали резкий визг. Перемещались они быстрыми уверенными боковыми движениями лап.

Клифф вдруг вспомнил сообщение от группы Бет, перенаправленное им с корабля.

— Паучары, — сказал он.

Ирма поняла.

— Но те были огромные, а эти маленькие.

— Адаптация к местным условиям, — возразил Айбе. — Ты же видишь, наши лазеры против них не слишком эффективны, даром что пробивают.

Пять паучар полезли на одного сила. Они взбирались по его лапам, вонзая когти и клыки в тело. Сил завизжал, стряхнул тварей с себя и кинулся прочь. Остальные силы занервничали, с трудом сдерживая натиск пауков, которые реками струились с окрестных крыш и выползали из переулков. Высокие противные крики перешли в непрерывный вой. Земляне укрывались за неплотной дугой силов, у которых стрелы в колчанах подходили к концу.

Кверт выпустил в паучар еще несколько стрел, но потом закричал на своем языке и тут же на англишском:

— Назад и внутрь!

Клифф обернулся и увидел, что силы нашли в переулке большую навесную дверь и сумели ее отпереть. Все метнулись туда. Вой паучар не смолкал, твари пустились в погоню за силами и землянами. Несколько бойцов Кверта срывали с зигзагообразных деревьев ветки и отбивались ими от пауков. Отряд пробежал через дверной проем в большое помещение. Силы захлопнули дверь и заперли ее.

С потолка хлынул свет оттенка слоновой кости. Внутри стоял неприятный запах. Люди ошалело озирались, еще не отойдя от нежданного ужаса яростной атаки пауков. Силы перешептывались на своем языке. Откуда-то сверху шли потоки теплого воздуха, наполняя комнату влагой и странным запахом, от которого щипало в носу.

— Это… это что, те самые паучицы были? — вымолвил Терри[19].

— Скорее крабы, — сказал Клифф.

— У них панцирь есть, да и ползают боком, — согласилась Ирма, — много лап задействовано.

— Не была б их такая прорва, — протянул Терри, — можно бы просто растоптать.

— Да вот беда, приятель: их тьма-тьмущая! — взорвался Айбе, пытаясь скрыть свой испуг.

Силы топтались на месте, перешептываясь. Кверт внимательно слушал. Люди тоже обсуждали положение, но никаких идей выдвинуть не могли. Высокие надрывные крики паучар долетали даже сквозь стены. Отряд угодил в западню, и Клифф понимал — чем дальше, тем тяжелее будет шок от осознания этого.

— Давайте посмотрим, что тут есть, — сказал

---

[19] Примечания: 19

В оригинале — Айбе, что не согласуется с предшествующим диалогом; исправлено по смыслу.

он. — Что это за место.

Нужно было срочно отвлечь их от самокопания. Силы и земляне вышли из ступора и начали оглядываться.

Комнату заполняли цилиндрические башенки с аккуратно размещенными внутри крупными оранжевыми сферами. Из кирпичной стены выходили тонкие, теплые на ощупь керамические трубки и подсоединялись к ним.

— А это еще что? — спросила Ирма. — Их тут целая комната.

— Кахалланские яйца, — ответил Кверт. — Кладка их.

Два сила по его приказу обшарили помещение. Клифф прошелся вдоль рядов с цилиндрическими стеллажами. Теплый влажный воздух окутывал, словно одеяло. Внезапно все повернулись, заслышав громкое царапанье, и увидели, как белый паук спешит укрыться. Вскрытое кахалланское яйцо упало на пол и покатилось, оставляя на красных кирпичах коричневатые влажные следы. Паук, видимо, высасывал его. Ближайший сил занес рогатину и как следует огрел тварь по башке. Паук дернулся, заскреб когтями по стене, свалился оттуда и умер с тихим стоном.

Спустя несколько мгновений обнаружился еще

один. Клифф сообразил, что твари прокрались в инкубатор и жрали яйца кахалланцев.

— Ни хрена себе столовка тут у них, — вырвалось у Ирмы.

Клифф заметил на полу новые оранжевые сферы, из которых вытекала жидкость. Он двинулся туда, еще не вполне осознавая, что видит. Помотал головой. Пока силы обыскивали стеллажи, Клифф, мучаясь собственной бесполезностью, присел над разбитыми сферами, осмотрел их, потом спросил у подошедшего Кверта:

— Кахалланцы ведь похожи на нас — двуногие, форма тела совпадает… и они *яйца откладывают*?

— Кахалланский способ, — откликнулся Кверт. Глаза его тревожно метались из угла в угол, сканируя помещение. — Кладка тут. Безопасно, пока в полях работают. Так думали.

— А… э-э… но паучары же… мы их так называем… приходят и жрут.

Кверт щелкнул веками в знак согласия.

— Так давно уже было. Имя для них — *упанафики*. Вредители.

— Они, кажется, достаточно умны, чтобы вскрывать кладки.

Кверт фыркнул, потом задергал мордой, изда-

вая тихий рыкающий смех. Затем развеселились и другие силы. Клифф заподозрил, что ненароком наткнулся на какую-то чужацкую шутку; или, возможно, у силов чувство юмора слишком отличалось от земного.

Отсмеявшись, Кверт произнес:

— Кахалланцы не умные.

— Яйцекладущие существа… — Клифф качал головой, пытаясь осмыслить открытие.

— На Земле ведь существуют клоачные, — сказала Ирма. — Млекопитающие, но при этом яйцекладущие. Они очень старые, еще в триасе возникли, кажется.

— Да забудь ты про параллели с Землей. Блин, подумать только: разумные яйцекладущие гуманоиды, способные использовать орудия труда. Етить вашу мать, эволюция в Чаше играет на все фишки.

— Много этих, — проговорил Кверт, — *упанафики*. Кахалланцы, они землю роют. *Упанафики* сокращают их. Кахалланцы и *упанафики*… — Кверт свел вместе костлявые лапы. — Вечно. Танец. Война.

— Откуда взялись кахалланцы? — спросил Айбе. — С какой планеты?

– *Кахалла* на вашем языке будет *односторон-*

ний, — сказал Кверт.

Терри понял.

— Значит, они с мира, который повернут к своему солнцу все время одной и той же стороной?[20] На их стороне все время солнце светит. Они адаптированы к этому режиму, так что в Чаше им легче прижиться, чем видам вроде нас, которые знают, что такое ночь. А что, умно.

Кверт согласно щелкнул веками.

— Широко разводят их. Народ использует. Кахалланцы консервативные. Нас не любят они.

Клифф нахмурился.

Лекция по эволюционной теории в разгар боя…

— Идите взгляните, — позвала Ирма. Она стояла в другом конце комнаты, на грубой лестнице из серого керамического материала. Когда все подошли, Ирма повела их на второй этаж, пыльный и такой же, как первый, если не считать дыры в потолке. — Похоже, паучары там пролезают.

Клифф примерился, прыгнул и ухватился за край отверстия. Кромка частично раскрошилась под его пальцами, но Клифф удержался и просунул голову в метровую дырку. Рискованно,

---

[20] Примечания: 20

Ранее Ирма в разговоре с Клиффом уже упоминала об этом; не вполне ясно, как ей стало известно о происхождении кахалланцев, так что вероятна редакторская или авторская оплошность.

конечно, однако его одолевал интерес. Уцепившись за край дыры, он выглянул на крышу. Там было пусто. Близ отверстия валялась какая-то деревяшка. Клифф схватил ее и просунул в дыру, после чего отпустил и спрыгнул следом, приземлившись без особых проблем. У низкой силы тяжести свои преимущества.

Ирма подняла тонкую деревяшку и осмотрела ее.

— Заостренный конец. Эти меньшие паучары тоже орудиями труда пользуются!

— Кахалланцев число удерживать помогают, — сказал Кверт, глянув вверх. — Снаружи они на земле. Нужно туда. Лезем.

Клифф с Ирмой с подозрением покосились на чужака. Кверт подошел к лестнице и отдал приказания своим бойцам внизу на текучем языке силов. Терри с Айбе тоже выбрались на второй этаж.

— Паучары чем-то в дверь колошматят, — сказал Терри.

Ирме потребовалась помощь, но в целом все люди и силы на удивление легко добрались до отверстия в потолке и вылезли на крышу. Первые подхватывали остальных и помогали им. Крыша состояла из бежевых прямоугольных

кирпичей. Клифф осмотрелся и понял замысел Кверта. Постройки инкубаторного комплекса стояли недалеко друг от друга, люди и силы могли перескочить с одной крыши на другую. Силы, не тратя времени на обсуждение, стали перепрыгивать на соседнюю. Они-то уже встречались с таким врагом, но Клифф, не сдержав интереса, глянул вниз в прыжке и увидел, что дверь здания, откуда они выбрались, окружена паучарами. Некоторые пауки держали в лапах деревянные палки с заостренными и зачерненными, словно в огне, концами.

Ирма прыгнула следующей и чуть не упала: ее ботинок соскользнул с края. Клифф еле успел ее поймать, схватил и подтянул к себе. Терри и Айбе справились сами. К этому моменту большинство силов перебирались на следующую крышу. Вид у гуманоидных котов был спокойный, но они явно спешили.

Они бежали и прыгали, бежали и прыгали, пока не достигли крайнего здания инкубаторного комплекса. Силы забросили на ближнее дерево тонкую веревку с крючком вроде бумеранга на конце и надежно обмотали ею ствол. После этого один из силов подцепил веревку к своему рюкзаку, где имелась походная солнечная батарея,

что-то настроил и повернул тумблер. Веревка мигом расширилась, став толстым канатом, за который не составляло труда ухватиться руками. Клифф моргнул от удивления: полезный трюк, никогда прежде не виденный.

Они стали спускаться с крыши по канату, несколько замедлив стремительное бегство. Клифф с Ирмой отошли, прокрались вдоль края крыши и выглянули за поворот улицы. Паучары все еще трудились у двери, пытаясь пробить ее самодельными копьями. Тут из переулка появились кахалланцы и закричали, подняв тревогу. Паучары развернулись, и началась битва. Пауки двигались так быстро, что их лапы сливались в дерганое марево, а у кахалланцев вместо оружия были мотыги и прочие сельскохозяйственные инструменты. Кахалланцы били пауков наотмашь и протыкали, но паучар было слишком много, и вскоре кахалланцев задавили массой.

Клифф наблюдал за этим кровавым столкновением металла, клыков и когтей, размышляя о путях здешней природы. Больше сотни паучар на десяток кахалланцев — никаких шансов. Ирма сказала:

— Борьба за размножение? Сурово.

Кверт подошел к ним и без особого удивления

посмотрел вниз.

— Народ установил правила. Кахалланцам не дает все больше и больше полей. Использует *упанафики*, чтобы у кахалланцев не слишком много яиц созревало. *Упанафики* — вредители. Их война с кахалланцами тут. Никогда не прекратится.

— Народ не остановит это? — спросила Ирма.

— Народ хочет, чтоб так было. — Кверт помолчал, подыскивая термины из английского. — Равновесие. Стазис.

Клифф смотрел, как пятеро паучар ползут по телу кахалланского гуманоида, преодолевая его сопротивление. *Словно из кошмара кофеинового наркоши выползли*, подумал он. Кахалланец упал и исчез под кучей паучар. Клифф вспомнил услышанное от кого-то давным-давно замечание: *лесть рождает не лучшие комплименты, в отличие от паразитизма.*

— Блин! — тревожно вскрикнула Ирма, и он очнулся от раздумий. Несколько паучар появились на краю крыши метрах в двадцати. Они вылезли на нее по стене. Твари угрожающе шипели и сучили щелкающими лапами.

Ирма с Клиффом отвлеклись, и на крыше тем временем не осталось никого, кроме Кверта.

Сил тут же взялся за канат и с непринужденным изяществом начал соскальзывать по нему. Он пропал за краем крыши, крикнув напоследок:

— Быстро за мной!

Ирма полезла следом, а Клифф развернулся и выстрелил из лазерника в целеустремленно ползущих через край бежевой кирпичной крыши паучар. Лучи пробили в панцирях нескольких тварей дыры, но паучар это не слишком смутило. Одного, впрочем, Клифф подстрелил прямо в центр брюшка, и тварь, раскинув лапы, застыла. До паучар было всего пять метров. Клифф перегнулся через край и отсоединил крюк. Времени скользить по канату к деревьям не осталось, как и уверенности, что у паучар не хватит прыти воспользоваться им. Другой конец черного каната был надежно обмотан вокруг дерева метрах в тридцати, так что Клифф просто схватился за свой, разбежался и прыгнул. Его дернуло и повело в сторону, захватило дух, в плече что-то сместилось — чуть не вывихнул, надо полагать. На лету Клифф кувыркнулся, не выпуская каната, и попытался схватиться за него крепче. Деревья приближались. Клифф врезался в крону ногами вперед, его хлестнула листва, одна ветка оцарапала лицо, другая, резкая боль пронзила ребра.

Клифф судорожно глотнул воздух и не столько соскользнул по веревке, сколько свалился почти вертикально вниз, проехался по зигзагообразно искривленному стволу бед– рами и промежностью, но умудрился не потерять ориентацию в пространстве и коснулся земли ногами. От удара его скрутило в три погибели, ребра снова пронзила острая боль, перед глазами все поплыло. Он лежал, пытаясь отдышаться, а его теребили руками и лапами, помогали подняться.

Терри крикнул:

— Бежим!

Клифф повиновался, но получилось у него это скверно.

Паучары кинулись в погоню между деревьев, оглашая лес надсадным визгом. Но они были маленькие, а если в чем люди и мастаки, подумал Клифф, так это в старом добром искусстве бегства.

Он то и дело сбивался с темпа, подволакивал ногу, и, когда паучары наконец отстали, из Клиффа от усталости дух вышел вон.

31

Редвинг смотрел на проплывающие под кораблем пейзажи Чаши, позволяя себе ненадолго отвлечься и насладиться великолепным зрелищем. Вскоре он вернулся к работе и переключил видеостену на внутренние камеры. В саду, на дисплеях слева и справа от него, две пальцезмейки скользили среди растений, что-то выдергивали, куда-то сажали семена, а третья — Фистер, самец, темней и немного крупней их, — возился с двумя свиньями под общий гомон, шипящее хихиканье и хрюканье. Редвинг с трудом удержался от смеха, но больной вопрос не отпускал его. *Чего я мог не предусмот– реть?*

Спустя пару минут должна была явиться Бет, и он снова перевел видеостену в режим пейзажей Чаши. Потом извлек пожелтевший, местами порванный листок бумаги. Капитану полагалось несколько килограммов багажа — в этом смысле письмо не значило почти ничего, а в личном — всё. Письмо из Хантсвиллского госпиталя, откуда отцу не суждено было вернуться. Редвинг получил его в десять лет, и тогда для него это стало откровением. А сейчас — чем-то даже большим.

Живи на полную. Рискуй. Тщательно обдумывай свои действия и действуй. Говори. Держи разум раскрытым, а сердце горячим. Не убивай время. Живи, живи, живи, ведь настанет день, когда не сможешь.

Он вспомнил папу в лучшие его годы: в темных волосах поблескивают опилки, отец деловито пилит бревно из ели Дугласа — два на четыре — жужжащим лезвием круговой пилы, потом стряхивает опилки, быстро оценивает сделанное, держась за вбитые в дерево гвозди, кивает, рассекая макушкой влажный ароматный пыльный воздух, вынимает еще один гвоздь изо рта, где зажимал его передними зубами, отстегивает с пояса молоток с шаровым бойком, двумя быстрыми ударами и финальным легким толчком заканчивает работу, ослепительно улыбается и идет дальше.

Редвинг уставился на листок бумаги, наверное в тысячный раз, потом отложил. Слова, написанные несколько веков назад, все еще истинны.

Бет постучалась в дверь тесной каюты. Он встал, открыл, кивком приветствовал ее. Точно вовремя.

Бет села напротив, и он сделал вид, что заканчивает вносить записи в вахтенный журнал. Впрочем, он не совсем притворялся. Нужно было постоянно отслеживать поведение «Искательницы солнц» на бурных волнах плазмы и магнитных полей. И готовиться к полету по Струе. Команда работала сверхурочно и нервничала.

С Бет ему пришлось тяжелее всего. Она провела внизу много месяцев и ухитрилась вернуться на борт. Впечатляющее достижение. Она пользовалась безусловным авторитетом у экипажа. Она потчевала их рассказами об инопланетянах, своих хитроумных трюках и чудесах Чаши. Она испытала невзгоды и сбежала из тюрьмы. Она просчитала оптимальный путь по чужацкому артефакту и сумела реализовать план. Вернулась домой на чужацком же аппарате. Редвинг за все это повысил ее сразу на два звания. На Глории — *а мы туда доберемся, провалиться мне на этом месте!* — именно Бет будет командовать первой высадкой. Но ее лицо не сулило доброго.

— Капитан, — начала она, — мы перед экзистенциальной угрозой.

— Вы правы. У нас не хватит припасов на полет к Глории. Когда мы заметили Чашу, то уже выбивались из графика. Теперь же отставание

безнадежно. Мы летаем внутри этой громадины, проедаем запасы пищи и невосполнимых материалов. И времени.

Бет решительно проговорила:

— Я хочу сказать, что, решись мы на явно враждебный поступок, это изменит правила игры.

Он кивнул. *Умей признать поражение в риторике.*

— Нужно поставить на счетчик *их*. Иначе они нас просто пересидят.

— Их Струя — ключ к Чаше. Угроза ей — смертоносна.

— Именно. Но мы не собираемся их дырявить. Мы лишь убедим их, что нам это *по силам*.

Бет скорчила сухую гримаску.

— Мелкий укол нанесем?

— Да, и не более того.

— Капитан, помните, что это чужаки. Их цивилизация старше всего, что нам известно. Блин, может, даже старше всех, с кем мы *в состоянии* будем пересечься. Маневр этот провокационный, очень рискованный.

— Да. — Он сел на свое место и сложил руки на столе. — И мы обязаны рискнуть.

— Послушайте, мы ж ни хрена не знаем о работе этой чертовой Струи. О том, как с нею управля-

ются Птицы. Насколько она нестабильна.

— Да. Но разве в науке это не обычное дело? — Редвинг усмехнулся. — Если не понимаешь, как оно работает, поставь опыт.

Бет помотала головой.

— И к тому же мы не знаем смысла глорианского послания, не представляем, как на него реагирует Народ. Я просто… Я беспокоюсь.

— Я тоже. — *Чего я мог не предусмотреть?* — Любой выбор сопряжен с риском. Возможно, верный вопрос в данном случае таков: сыграть в русскую рулетку с двумя пулями или одной?

Она со вздохом поднялась. Ей явно было нелегко стоять. Редвинг снова задумался, а правильно ли поступил, выбрав ее в запасные пилоты. Повинуясь импульсу, он сам встал и на прощание крепко обнял девушку. И тоже тяжело вздохнул.

Карл продемонстрировал ему снимки «Искательницы солнц», кропотливо собранные наружной автоматической камерой, которая облетела весь корабль.

— Нашей старушке уже несколько веков, — сказал Карл не без гордости, — но она еще ого-го.

Карл обычно держался официально и скованно, однако в этом случае эмоций скрыть не сумел.

Изящную корму корабля частично заслонял

«бублик» жилой секции. Ангары челноков, размещенные вдоль центральной укосины, светились тускло-желтым, боты для ВКД[21] и их причалы — оранжевым. Микрометеориты испещрили корпус рытвинами, по бокам протянулась черная вязь радиационных ожогов. Дизайн подчинялся функции межзвездного полета, а теперь, на орбите планетарного масштаба, прокачка плазмы через магнитную воронку давалась с трудом, и корабль едва сохранял управляемость. Временами «Искательницу солнц» сотрясали болезненные спазмы, выдавая предельное напряжение всех конструкций. Термоядерные печки во чреве корабля работали то гладко, то с перебоями, то вообще не работали, и тогда Карлу с его коллегами приходилось как следует попотеть, возвращая корабль к жизни. Редвингу «Искательница солнц» казалась великолепным морским судном, обреченным вместо высоких волн ржаветь в бухте.

Он покивал.

— Да, отлично. А магниты со Струей справятся?

Айян Али устало вздохнула.

---

[21] Примечания: 21

Внекорабельная деятельность в открытом космосе и безопорных пространствах полетного контура, в данном случае — внутри механизма ионоточной воронки Буссарда.

— Мы их подъюстировали. Вроде бы все работает. Я уверена, что с турбулентностью справимся; есть же записи и воспоминания артилекта о том, как Бет поднималась по Струе.

— А если нет? — настаивал Редвинг.

— Чем больше плазмы будет попадать в ловушку, тем лучше, — сказал Карл. — А мы полетим как раз в области повышенной плотности плазмы, и спиральное магнитное поле нам поможет.

Айян Али поджала полные губы, что-то сверкнуло меж ее длинных ресниц. Редвингу подумалось, что он в первый раз видит ее раздраженной.

— Магнитное давление Струи велико. Не исключаю, что оно вместе с быстро меняющимися уровнями давления плазмы плохо повлияет на нашу воронку. Они на два порядка выше оптимальных.

Редвинг понимал, что в случаях, когда у экипажа раскол по техническим вопросам, ему придется выступить арбитром и принять окончательное решение.

— Насколько скверные последствия возымеет деформация воронки?

— Нас закрутит, — сказала Айян Али.

— Но потом мы вернемся на курс, — спокойно ответил Карл.

Надежный лептонный двигатель от «Бэрдаун»[22], первый в своем роде, мог использовать для подстраховки энерготока темную энергию вселенского субстрата. Редвинг не пытался притворяться, что понимает сложные механизмы его работы, способные каким-то образом выкачивать энергию из субстрата самой Вселенной. Фундаментальные понятия его не волновали, только суть операции. Карл закопался в бесконечные подробности, но уже ясно было, что в итоге придется сблефовать, заставляя двигатель работать фактически на пустоте, если не выйдет загрести достаточно плазмы.

Айян Али вывела проекции на большой дисплей, протянувшийся вдоль всего мостика. «Искательница» вынужденно держалась ниже обода Чаши, чтобы купольные гамма-лазеры ее не выцелили. Их тестовый спутник, запущенный через кромку, исчез в яростной вспышке и тем показал, что в представлении Птиц дипломатические переговоры неотделимы от пребывания «Искательницы» в тесной клетке. Корабль кружил в узкой области под ободом,

[22] Примечания: 22

Игра слов: bear down (в переводе «поднатужиться», «поднапрячься») — официальный девиз. Аризонского университета, где вполне могла зародиться космическая корпорация с таким названием.

снижаясь временами до самой атмосферы. Чаша протянулась на сотни миллионов километров, и ее гравитационное притяжение было не очень сильным, но чувствовалось постоянно. То и дело приходилось корректировать смещения орбиты плазменными выхлопами. А в центре этого пространства живым, подвижным, как змея, желтым копьем висела Струя.

Трехмерный дисплей Айян Али показывал структуру атмосферных зон внизу. Обитаемые секции Чаши были размещены дискретно, иначе разность давлений между областями высокой и низкой гравитации привела бы к существенному смещению воздушных масс. Тонкие стенки изолировали клиновидные сегменты Чаши, направляя циркуляцию в высокие широты. Но воздушные зоны позволяли газам течь по всей окружности кольцевых слоев, так что воздух мог перетекать над зонами размером с Солнечную систему каждая, создавая явления погоды, на обычных планетах неизвестные. А в высокие широты, к «донышку» Чаши и Свищу, не добирался.

— Какая чудесная штука — эти их разделительные стенки, — проговорила Айян Али. — Они из слоистого материала, достаточно гибкого, чтобы при необходимости слегка колыхаться. Но каж-

дая длиной много сотен километров!

Редвинг кивнул, продолжая думать: *Чего я мог не преду– смотреть? Эту штуку построили инженеры с воображением богов. У них наверняка есть инструменты, которых мы не то что не замечаем, а и представить себе не можем.*

Тем не менее Птицы, местные правители, упустили Бет и ее отряд. Сначала позволили им сбежать из тюрьмы в Теплице, где гравитация была пониженной, затем из самой Чаши. *Бет ловкая, изобретательная, лидер по натуре, но… Они не могут быть существенно умнее нас. Разве что крупнее, если ей верить. И как же они умудряются управляться с этой штукой?*

Айян Али выделила область конической формы, окрасила ее синим: допустимый сектор полета.

— Мы можем курсировать внутри этой области, — сказала она, — и, если пожелаем, по Струе. Пока что мы в основном круги наматывали.

Карл указал на ее симуляцию. Яркая Струя вырывалась с поверхности звезды, сужалась по мере приближения к Свищу, затем — картинка на дисплее автоматически перематывалась вниз, умные камеры следили за пальцем Карла — вылетала за пределы Чаши и тускнела.

Именно этот быстрый встречный ионный ветер уже почти столетие тормозил летящую следом «Искательницу солнц», вынуждал землян замедляться, пока они вконец не выбились из графика и распределения припасов. Маневрирование в коварных плазменных протуберанцах рядом со Струей создавало постоянные проблемы Айян Али. Теперь, когда вернулась Бет, ей станет легче, и вместе они смогут взяться за обратную задачу: полет через плотный, турбулентный участок джета, стремительный котел ионизированных частиц и магнитных полей.

— Я вычислил, как можно зацепить их вершину — ну, в нашей системе обозначений, да? Подняться так высоко, как только осмелимся, чтобы гамма-лазерам совсем малого не хватило выцелить нас. Оттуда развернуться и на всех парах — вниз, к Свищу. Пока будем спус– каться по Струе, станем отклонять корабль из стороны в сторону, по спиральной траектории. Пришпорим нашу лошадку по полной.

Он прочертил в симуляции красную линию — рассчитанный маршрут «Искательницы». Спираль расширялась на подходе к Свищу, и линии магнитного поля — синие вихри в оранжево-желтом плазменном вареве — выгибались наружу.

— Видите? Мы заставим джет раскачаться. Кинк в потоке создадим.

Редвингу все было ясно, но он решил притвориться тупицей.

— А что это?

— Капитан, вы же слушали базовый курс по плазменным неустойчивостям. Это еще до полета, на разогреве.

Нет ничего эффективней лаконичной реплики в нужный момент, а порою — точно рассчитанной паузы. Редвинг выдержал ее.

— Карл, вам вменяется в обязанность отвечать на прямой технический вопрос, но не строить собственных предположений о том, что знаю я. А если не знаю ничего?

— Простите, э-э… капитан, разумеется. Ну да, но я, в общем… — Голос его упал, выдавая, что Карл теперь ни в чем не уверен.

Редвинг выручил его.

— Как пожарный шланг?

— Да! Точно. Когда быстрый поток жидкости наполняет шланг, то в случае небольших отклонений центробежная сила уводит его в сторону еще сильней, и так далее. Шланг скручивается в кинк.

— И что, Струя хлестнет по краю Свища? Вы

уверены?

Карл, поразмыслив, кивнул.

— Я бы сказал даже — только мазнет.

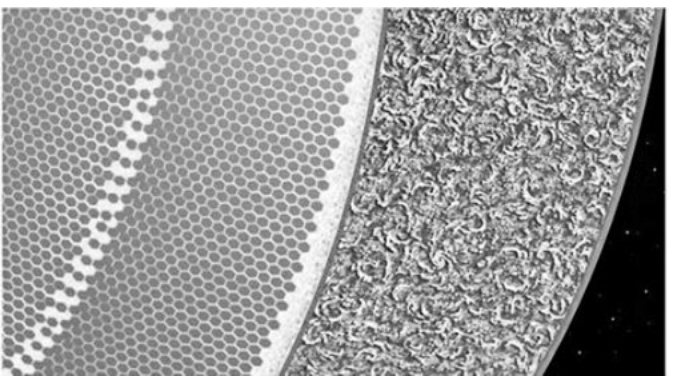
Редвинг кивнул. Айян Али вмешалась:

— У меня хорошие новости. Сигнал от группы Клиффа — от Айбе.

Редвинг просиял.

— А где они? Они…

— А вот где. Они пробрались под краем Зеркальной Зоны и вышли на ту сторону. Там лед. Потом пришлось оттуда уйти. Их отвели в место, где, э-э, водятся какие-то говорящие камни.



Редвинг подался вперед.

— И что они сказали, эти камни?

Айян Али пожала плечами.

— Передача прервалась. Видите, вон там, внизу? Они были на территории между этими зонами гексагональных зеркал. Во льдах, на внешней стороне Чаши, под зеркалами, есть какая-то жизнь. А потом Клифф с ребятами и силы оказались вот там, на суше между зеркалами и большим океаном.

Редвинг уставился на проекцию. Хотя Айян Али дала максимальное разрешение, он не видел ничего, кроме случайных городов и дорог. Его в очередной раз удивило, как много тут бескрайних лесов, морей, бежевых холмов. Крупных городов очень мало, места для дикой жизни очень много. *Почему?* Трудно человеку судить о такой громадине, как Чаша. И на Земле-то хватало мест, где еще несколько тысяч лет назад венец творения пошел бы кому-нибудь на вкусный завтрак.

Карл спросил:

— Это что, бури в океане?

— Похоже. — Айян Али выделила несколько ураганов. — Ветрам тут есть где разогнаться. Огромные бури. Циклоны размером с миры.

Редвинг поднялся, дав понять, что совещание окончено.

— Через несколько дней войдем в Струю, так?

Продолжайте симуляции и тренировки. И отдыхать не забывайте, — он кивнул Айян Али.

Жребий брошен. Ему нужно было остаться наедине с собой. Ровный рокот «Искательницы солнц» непрестанно напоминал Редвингу, *где* он находится — в огромной металлической трубе, отделенный от других людей считаными метрами. Как и от камер яростного термоядерного горения, как и от высокого вакуума. Для начала он тихо погулял по биозонам, вдыхая свежий ароматный воздух над растениями — естественными регенераторами кислорода — и держась подальше от веселых пальцезмеек. Они были в игривом настроении, а вот Редвингу было не до шуток.

Присоски позволяли прогуляться по окраинам корабля, вдали от зон центробежной гравитации жилого «бублика». Они были похожи на слабые липучки и цеплялись за клейкие участки на переборках. Растения в невесомости преображались: бобы и горох переплетались матовыми узлами, морковь напоминала чуть сдутый оранжевый бейсбольный мяч, а зеленые бананы сворачивались в странные тороиды. Внизу пролегал туннель для пальцезмеек. Самих змей капитан не встретил.

Он наведался в гибернаторы, к тем, кого тоже

считал своей командой, хоть и лежали они в биостазисе. Для себя он полагал, что они просто спят, пускай и необычно крепким сном. Он бродил в паутине алюминиевых коридорчиков, клацанье подошв эхом отдавалось среди мрачных серых капсул. Ему не хотелось будить новых людей, для крупномасштабной экспедиции. Во всяком случае, не в Чашу. Разморозка и тренировки недавних спящих отняли бы столько времени и ресурсов, что тем, кто уже бодрствует, пришлось бы спать втроем в одном душном гамаке и мыться раз в неделю. Собственно, и нынешняя-то небольшая команда, девять человек плюс Редвинг и три пальцезмейки, позволяла себе мыться только два раза в неделю. Это никому не нравилось. Сейчас, приняв решение вести корабль в своеобразную битву, Редвинг осознал, как далеко отклонился от первоначальной миссии. Корабль у них не боевой, экипаж проходил не военную подготовку, а жесткий отбор для исследовательской экспедиции и многовекового полета в замкнутом пространстве. Они обитали внутри машины, которая никогда не должна выключаться, в месте, где люк не так откроешь, и через секунду ты мертв.

С этими счастливыми мыслями он повернул

обратно. *Ты не думаешь, а психуешь.* Ладно, назад к пальцезмейкам, вдруг отвлечься выйдет.

Ему в лицо ударили густые ароматы сада. Он огляделся, увидел миниатюрных овец, полноразмерных свиней и кур, услышал гогот и хрюканье, а пальцезмеек не обнаружил. Туннель у них довольно просторный, можно туда залезть. Подумав, он пошел к экранам. Если они не в туннеле, их в любом случае будет легко найти.

А что оставили пальцезмейки на дисплее? Они, наверное, любуются пейзажами Чаши, как и он сам. Но нет. Экран показывал городскую застройку, проплывшую некоторое время назад под «Искательницей солнц». Если Редвинг не ошибся, то это был город силов, только что отстроенный после разрушительной бомбардировки Птиц. Выглядел город крайне странно. Улицы и высотки напоминали иероглифическую письменность или, скорее, арабскую вязь.

Он аж подскочил от неожиданности, когда ему под локоть ткнулась плоская морда.

— Это они скрывали, — произнесла… Штирк? У хвоста пальцезмейки имелась характерная отметина, похожая на изогнутые черные песочные часы. — Больше не скроют. Великий позор.

— Стоп. А это письменность? Такая огромная?

Голос змейки звучал тихо, спокойно, текуче.

— Отовсюду в Чаше видно. Там говорится, что Птиценарод смешал с пылью собственную родину. Они допустили ошибку, случайно уничтожили своих кровных предков. Это в сообщении было. В послании со звезд. Капитан, пожалуйста, объясните, как так получилось, что звезда послала сообщение?

Редвинг колебался мгновение, решая, откровенничать ли с пальцезмейкой, но выбора не было: он хотел узнать то, что поняла Штирк.

— Ты знаешь, что такое звезда? Это солнце, вроде *вашего*, но гораздо дальше. У звезд есть миры, не Чаши, а крутящиеся шары. Мы получили послание с одного такого мира, с Глории. Мы не сумели его полностью расшифровать, и передача еще не закончилась.

— Силы прочли, — сказала Штирк. — Ваши беглецы от вас приняли, передали силам, а силы прочитали. Теперь нам рассказывают. Фистер хочет пойти всем вашим сообщить, на главную палубу. Это правда? Птиценарод уничтожил свою родину?

Редвинг усмехнулся.

— С их-то самомнением — вполне возможно! Они себя повелителями творения мнят. Хорошо,

я другим передам, и мы еще покопаемся в глорианском сообщении. Но да, вполне возможно.

Когда Редвинг отыскал Фреда Ояму и гигантскую пальцезмейку, те корпели за дисплеями на мостике. Голова и хвостовые пальцы Фистера извернулись к самому экрану, чужак что-то быстро набирал.

— Да-да, — говорил Фред, — да-да-да…

— Фред?

— Да, сэр, — даже не обернулся Фред. — Если мимо меня посмотрите… видите вон то звездное поле? И синюю точку? Точка — это Чаша. Звезды движутся тоже. Я уже два раза прокрутил. Чаша покинула Солнечную систему в юрском периоде, потом осторожно посетила другие звезды — не так быстро двигалась, как теперь. И вернулась, где-то на мел-палеогеновой границе. Если я правильно оценил шкалу времени, то при этом втором появлении Чаша нарушила своей массой орбиты некоторых комет. Ну и вот.

— Что-о?

— Время совпадает. Они столкнули на Землю комету, убийцу динозавров.

Фистер добавил:

— Великий позор. Много миров успело расцвести и умереть, а они это скрывали до сих пор.

— Господи, — вырвалось у Редвинга.

Фистер тихо, без всякого выражения проговорил:

— Но больше не смогут. Все узнают. Они убили своих генетических родичей. Силы всем про это расскажут.

32

Тананарив понимала, что лучше соглашаться с огромной тяжеловесной зверюгой — Мемор. Она научилась воспринимать Птицу как своеобразный разумный аналог слона, с таким же тяжелым чувством юмора.

— Да, остроумно сказано, — заставила она себя ответить.

— Рада, что ты понемногу проникаешься нюансами нашей натуры, — сказала Мемор. *Вероятно, сарказм им неизвестен, не говоря уж об иронии.* Тананарив знала, что сама Мемор находит свое высказывание забавным: это было заметно по тому, как сотрясалась ее туша.

— Больше всего меня впечатляют здешние чудеса, — Тананарив решила сменить тему разговора на более приятную. Мемор и Бемор — огромные и странные, но им нравилось, когда Тананарив отыгрывала роль потрясенной их величием приматки. К Асенат подход найти сложнее; Тананарив она в основном игнорировала, если не считать редких злобных взглядов. А также старательно рассчитанных вонючих выдохов и кислых пуков.

Они стояли в толпе из нескольких сотен приземистых гуманоидов, которые ровными, чинными кольцами выстроились вокруг Птиц. Тананарив наблюдала за этими чужаками с интересом: то были первые встреченные ею здесь гуманоиды; она пыталась расшифровать выражения волосатых лиц, понять, что происходит. За спинами гуманоидов возвышалась башенка, в которую был вделан какой-то круглый предмет: до нее только сейчас дошло, что это не то глаз, не то камера, внимательно отслеживающая происходящее.

Асенат отдавала приказы почтительно внимавшим гуманоидам. Впервые услышав ее гулкий голос, Тананарив не сдержала дрожи. Прислушиваясь к разговорам Птиц между собой, она улавливала крохи смысла, но длинные фразы, исходившие от Асенат, больше напоминали заклинания.

Тананарив поинтересовалась у Мемор:

— Это какой-то ритуал?

— Ты весьма наблюдательна. Она убеждает кахалланцев, что силы и люди, ускользнувшие от них, вскоре будут возвращены в плен. Никаких санкций применительно к кахалланцам не предвидится.

— А что это про их… детей?

— Ничего важного. Кахалланцы теряют много яиц, пожираемых хищниками. Они просят нас, чтобы мы отогнали пожирателей.

— Вы так поступите?

— Мы не вмешиваемся в естественные процессы регуляции. Природа и сама неплохо справляется.

— Вы же раньше мне говорили, что Народ властвует над природой.

Перья Мемор сверкнули янтарным и синим, что, вероятно, означало у нее приятное удивление.

— Именно так. Но мы, конечно, правим на расстоянии. Народ уже давно установил динамическое равновесие, основанное на регуляции численности хищников и добычи в определенных пределах.

— Значит, эти… кахалланцы… не вымрут?

— Нет, они наделены достаточным интеллектом и осторожностью, чтобы справляться с хищниками — противными маленькими видами-вредителями. Как добыча, так и хищник в данном случае, однако, сравнительно слаборазвиты, хотя и способны адаптироваться к долговременным переменам в поведении других

видов. Эволюция их, таким образом, носит ограниченный характер. Население не возрастает сверх меры, не истощает естественные запасы. В данной Зоне Жизни установлено несколько взаимосвязанных равновесий.

Тананарив размышляла над услышанным под долгие трели Асенат.

Затем вознесся новый монотонный крик — *шри-и-и-и, ки-и-и-и-ннннн, ва-а-а-ар-р-ри-и-и-и-к, ави-и-и-и-иха-а-а-а…*

Мемор проговорила:

— О, а вот и модуль памяти активировался.

Асенат помолчала, потом вернулась к песнопениям, пытаясь перекричать новые глубокие протяжные ноты. Тананарив определила источник неприятных звуков — башня с глазом.

— А что это такое?

— Это своеобразная тюрьма для разума. Там существо с горячего мира, а мы его стережем. Или, вернее сказать, кахалланцы ему прислуживают.

— Каменный разум?..

— У нас по Чаше разбросано несколько таких видов. Они мыслят медленно, однако непреклонно и оповещают нас о долговременных тенденциях, которые мы рискуем пропустить. У вас довольно старомодная версия индивидуального

чисто органического интеллекта. Это создание, напротив, наделено интеллектом полностью неорганическим, а кахалланцы, на которых возложена обязанность его охранять, — гибридным. Кристаллические разумы не конкуренты быстрым коллективным интеллектам, но тем не менее мы сочли нужным поместить в Чашу достаточно образцов медленной жизни. Ага, вот и наше транспортное средство.

ааррррггггх юууууннгг арррафффф кинннннеееее юф– ффф…

Тананарив и не заметила приближения здоровенной чешуйчатой твари, которая опустилась с небес рядом с говорящей башней. Грубоватая коричнево-серебристая чешуя была утыкана плавниками, и пока существо утверждалось на стоянке, они еще подергивались. Вытянув тонкие щупальца, живой корабль начал исследовать местность в попытках заякориться. Кахалланцы подбежали к нему и прицепили щупальца к валунам. Они были похожи на муравьев, пытающихся уволочь в муравейник морскую рыбину. Щупальца охватили швартовы, и огромное создание припало к земле.

Асенат завершила песнопение, кахалланцы низко поклонились ей, пали на колени и затя-

нули ответный громкий басовитый стон; тот становился все громче и громче, оглушая Тананарив. Асенат поклонилась в ответ, издала дрожащую салютную трель и зашелестела перьями в четырехцветной радуге добрых пожеланий на прощание. Мемор сгребла Тананарив в охапку и без труда переместилась к огромной твари, заякоренной поблизости; Тананарив рассудила, что это существо совсем как цеппелин, готовый к полету, только живой.

Она уже знала, что Мемор предпочитает открытые пространства, но слышала от нее про отличные условия путешествия на борту живого судна. Они прошли внутрь через шлюз, который раскрылся подобно пасти. Высунулся длинный язык, и Мемор стала подниматься по нему, держа приматку на плече. Тананарив стало не по себе; ей мерещилось, что ее вот-вот съедят. Мемор прогромыхала по-английски:

— Железы этого исполинского зверя настроены так, чтобы выделять ни с чем не сравнимый, бесподобный аромат. Роскошная эссенция эта успокаивает разум, что настоятельно рекомендуется при воздушных путешествиях. Пускай вокруг ярится хаос, а мы останемся спокойны и расслаблены.

Тананарив, признаться, задыхалась от сильного аромата. Вроде бы цветочный, но с маслянистым привкусом. Бемор тоже вздохнул, но сказал:

— Нужно поспешить.

И прогудел какой-то приказ высыпавшим навстречу маленьким созданиям.

Они очутились во влажной пещере. Небесная рыба, как называла Мемор это существо, напоминала пещеру со стенками из мокрых мембран, которые подсвечивались изнутри фосфоресцирующими вихрями. Тананарив припомнила выставочную иллюминацию на Земле.

Прозвучала низкая басовая нота, окончившаяся подобием глубокого вздоха — *уууушшшш*. На миг возросла сила тяжести, и Тананарив догадалась, что они взлетают. По красноватым стеномембранам пошла рябь. Птицы вступили в большую комнату чашеобразной формы, где от стен исходило дуновение теплого воздуха. Тананарив сперва показалось, что они на открытом воздухе — таким ярким был солнечный свет, сочащийся сквозь прозрачные мембраны. Но мягкий бриз все время менял направление, и девушка сообразила, что так дышит огромный дирижабль. Башня, которая с поверхности представлялась такой высокой, истаяла вдали,

небесная рыба сменила курс, и открылся вид на широкую равнину. Облака, громоздясь подобно стопкам голубоватых подносов, уходили в мерцающую даль. Тананарив видела, как закругляется в бледно-синем небе огромная дуга Чаши на расстояниях больше планетных орбит. Беловато-синие, как яичная скорлупа, моря доминировали среди размытых коричневатых и зеленых континентов, а Зеркальные Зоны рядом с ними казались бледно-серыми листами. Крупные ширококрылые птицы угловатых очертаний, с длинными мордами и гребнистыми костлявыми головами, носились во всех направлениях.

Мемор отыскала капитана газового мешка. Тананарив долго удивлялась, что он тут вообще есть, пока не поняла, что чужаки управляют небесной рыбой, как люди — ездовыми животными; ей самой когда-то доводилось объезжать лошадей. Мемор заговорила быстро, Бемор слушал и иногда вставлял громыхающие реплики, тоже слишком быстрые, чтобы Тананарив уловила смысл.

Капитан некоторое время слушал, его крупные слезящиеся глаза выражали тревогу. Существо немного походило на Птиц: крупное, с четырьмя лапами, медленное и величавое, с широким

клювом цвета лососины, без губ. Клюв исторг трескучие слова. Узкие ноздри были пронизаны розовыми венами и полуприкрыты кожистыми заслонками. Большие черные круглые глаза следили за пассажирами, желтые радужки поблескивали в косом солнечном свете. На макушке у капитана вибрировал голубой гребень вроде петушиного, иззубренный и окаймленный плотным желтым жировым слоем.

Капитан провел их по кораблю, показав защитные стены, видовые галереи и жилые секции величественного живого цеппелина. Узкая шипящая дуга водородного пламени нагревала столовую и озаряла прозрачную мебель синеватым светом; официанты о четырех, шести и даже восьми ногах сновали туда-сюда, подавая Птицам живую снедь. Тананарив насилу заставила себя вскрыть панцирь и откусить от теплой белой плоти какого-то морского создания. Следующим блюдом оказались скачущие большие насекомые в кремовом соусе. Мемор что-то болтала о том, как сохранение жизни в процессе приготовления благоприятно сказывается на вкусе животного белка, но Тананарив решила не вникать в кулинарные предпочтения Птиц. Она пыталась ломать руками толстые ножки и отрывать вкусные глазные

стебельки. Пикантно хрустит, ничего не скажешь, но отдает перечным ароматом, который по соприкосновении с обонятельными пазухами почему-то переходил в легкий запах тухлятины. Зеленый пудинг при внимательном изучении оказался горкой склизкой плесени, которая высовывала усики в рот, когда ее пытались жевать. Запах тоже не обещал ничего хорошего. Тем не менее питательно. Народ употреблял как животную, так и растительную пищу, хотя большая часть блюд Тананарив казалась либо безвкусной, либо противной. Она сидела на теплом ровном ветру плавного внутреннего дыхания небесной рыбы — они, что ли, в трахее? — и слушала, как Мемор без умолку трещит с другими Птицами-соседями о политических и почему-то всегда срочных делах. По крайней мере, так позволяли понять ее птицеречь ограниченные способности Тананарив. Наконец Мемор обернулась и сказала ей — предварительно упомянув перед другими Птицами как небольшую приматку-Захватчицу:

— Ты наверняка впечатлилась нашим кораблем. Ранние предки этой формы жизни были нами давным-давно почерпнуты из верхних слоев атмосферы одного газового гиганта. Наша плотная атмосфера показалась им раем, где они

стали кружить на мягких влажных ветрах, сочетаться, как слипаются вместе комки глины, а также преобразовывать выпадающую влагу воздуха в свою жизненную флегму — водород.

— Вряд ли приматка улавливает суть твоих речей, — сказала вернувшаяся Асенат.

Тананарив осторожно попятилась от нависающей Птицы. От Асенат прямо веяло *кознями*.

— Однако от нее может быть определенный толк при поимке сбежавших бандитов, ее сородичей, которых мы вскоре нагоним.

Асенат позвала их к широкому окну в боку небесной рыбы. Близ хребта размещались гибкие оранжевые плавники сложной формы. Они ловили ветер, как паруса, и двигали газовый мешок вперед. У Тананарив свело желудок от внезапного толчка. Ей показалось, что под ногами и в живых переборках что-то перекатывается. Мемор объяснила, что цеппелин меняет баланс тела и угол дифферента.

— Наша великолепная небесная рыба, — сказала Асенат, — умеет вращаться вокруг своего центра тяжести и использовать это для навигации.

Тананарив смотрела, как гибкие, но безошибочно управляемые перьевые плавники

вытягиваются по меньшей мере на сотню метров. Величественная неспешность уподобляла небесную рыбу кораблю, берущему галс над роскошными лесами.

Асенат заметила:

— Мы легли точно на курс перехвата бандитов. Они летят с тем же попутным ветром.

Тананарив увидела мерцание жаркого выпота на опалесцирующих переборках. Мемор пояснила, что это так называемая роса усталости, источаемая рабочими мышцами огромной рыбы. Словно мерцающие влажные драгоценности, подсвеченные синим сиянием водородного пламени и фосфоресцентными желтыми полосами на высоком потолке, свешивались к полу витиеватые канделябры выпота. Одна капля, размером превосходящая голову Тананарив, упала с потолка и расплескалась у ее ног, окатив волной резкого кислого запаха.

Бемор шевельнулся всей тушей и произнес:

— Новый сигнал с Глории закодирован иначе. Мы затрудняемся его расшифровать, извлекли пока лишь несколько изображений.

Мемор перешла на птицеречь.

— Лучше не говорить об этом в ее присутствии. Покажи, что у тебя там.

У Тананарив скакнул пульс, но она сохранила безучастное выражение лица и сделала вид, что рассеянно отворачивается полюбоваться пейзажем. Под брюхом небесной рыбы летела крупная птица, изучая ее. Тананарив аккуратно переместилась в точку, где, наклонясь к окну, видела бы слабое отражение проекции, которую Бемор демонстрировал Мемор. Это оказалась анимированная последовательность картинок. Человек в белом одеянии появился в поле зрения, и на него что-то налетело. Кто-то. Краснокожий трехрукий чужак. Он наскочил на человека и ударом сильных ног повалил навзничь. Чужак был в облегающей синей одежде; камера наездом показала, как бугрятся под нею могучие мышцы. Голова с острым подбородком и ребристыми скулами под красной туго натянутой кожей походила на перевернутую египетскую пирамиду. Два крупных черных глаза, сверкнув, уставились на человека, который меж тем поднимался, не переставая спокойно улыбаться; его длинные светлые волосы развевались на ветру. Он выставил навстречу инопланетянину объект. Деревянный крест. Тананарив неожиданно сообразила, что это Иисус. Чужак набросился на него, нанеся одновременный удар двумя кулаками и

ногами. Третья рука, костистая и остроконечная, со зловещими ногтями, сужавшимися на концах в иглы, ударила Иисуса в лицо, да так, что череп разлетелся на осколки. Взметнулся фонтан крови, Иисус упал и обмяк. Тело его застыло в неподвижности. Черные глаза чужака уставились на зрителя прямо с экрана, на котором Бемор воспроизводил запись, а тонкие губы запульсировали, раздуваясь и сужаясь в победном выражении. Тананарив внезапно испугали эти изображения. Горло сдавила ярость. Она принудила себя успокоиться и стала смотреть, как уносится прочь большая четверокрылая птица.

— Ага, — сказала Мемор, — похоже на то, что мы уже видели. Но смотри… мы идем на перехват летучей рыбешки, как и рассчитывали. Теперь можно разобраться со всеми приматами одним махом.

Тананарив заметила полупрозрачное продолговатое нечто, плывущее в туманном воздухе под ними. Бочкообразное создание поднялось из леса; по всей длине его тела шли ряды плавников. Она догадалась, что Народ каким-то образом обнаружил группу Клиффа и намерен ее захватить.

Часть одиннадцатая
Обоюдоострый меч без рукояти

Не потому мы не пытаемся, что дело трудное, а дело трудно оттого, что мы не смеем за него взяться.

Сенека

33

— Что это? — вытянула руку Ирма.

Меж облаков цвета хлопка, близ лесистого горизонта, возникло нечто вроде серебристого цеппелина. Колыхаясь, оно приближалось к ним.

— Что это? — переадресовал вопрос Кверту Клифф. Чужак хмыкнул.

— Бегство дает, — ответил он. — Так говорите?

— Бегство от кого?

— Народ знает, где мы. Следят.

— Они и вправду это могут? — спросил Терри.

— Вполне, — согласилась Ирма. — У них наверняка вся опорная структура Чаши сенсорами напичкана. Как и любое умное сооружение. Трюк в том, чтобы оперативно обрабатывать лавину данных.

Кверт утвердительно щелкнул веками и умолк. Силы подчинялись приказам Кверта, но только он один общался с людьми. Клиффа это удивляло, но он не хотел задавать лишних вопросов, пока за группой гонятся Птицы.

Когда паучары отстали, силы и люди, вымо-

танные до предела, некоторое время еще бежали по инерции, потом пересекли поток, который, по словам сила, паучары бы не одолели, и молча остановились. Клифф чувствовал, как слабеет адреналиновый прилив; он уже столько раз от кого-то спасался, что привык. Интересно, как решен этот вопрос кризисной регулировки организма у силов. Тоже гормоны?

Беглецы подкрепились холодной едой, выпили воды из ближайшего ручья. Стало полегче. У Клиффа заканчивалось свободное место на всех гаджетах. Он кропотливо документировал все маршруты и любил в свободное время перелистывать снимки. Один ему особенно пришелся по душе: вид величественной небесной арки — Чаши — в ясный день, с резким и четким контуром Струи.

Плотная атмосфера слишком часто блокировала такие виды, загромождая обзор колоссальными облачными стопками. На переднем плане снимка поместились некоторые его товарищи — в тот момент они остановились отдохнуть у зигзагообразно изогнутого дерева.

— Ты заметки делаешь? — спросила Ирма. — У меня давно место кончилось.

Клифф пожал плечами.

— Ленюсь, а может, просто наелся впечатлениями. В первую неделю я щелкал без разбору всё и всех подряд: цветы, деревья, животных, насекомых, птиц. Трудно ученому в бегах, как ни крути.

— Ты кто угодно, но не ленивец, это я знаю точно. — Ирма взглянула на маленький экран. — Ну вот, аннотации к каждому фото. А говоришь…

— Я их делаю на привалах, как сейчас.

Но тут же силы дали понять, что нормального отдыха ждать бесполезно. Кверт смерил взглядом людей.

— Нужно сейчас уходить. Но вниз идти — нет.

— В туннели? — уточнил Айбе. — Думаешь, нас там сцапают, с поезда снимут?

Кверт медленно задвигал глазами.

— Скоро. Да. Лучше в туннели не пойдем.

— А мне там понравилось, — сказал Айбе. — Быстро так…

— Народ им уже дал знать.

— И… что делать будем? — настаивал Терри.

— Видите? — Кверт вытянул изящную лапу. Над гребнем холмов, поросшим густым лесом, виднелось что-то маленькое, серебристое. Оно медленно перемещалось, и солнечные зайчики, желтые и синие, бегали на его чешуе.

— Летучая рыбешка.

Силы, окружавшие своего лидера, нервно затоптались, но, как обычно, промолчали.

— Мы в *этом* полетим? — с сомнением уточнила Ирма.

— Так лучше, — сказал Кверт и медленно двинулся вперед, поманив их за собой. — Спрятаться в небе.

Клифф задумался о том, какие у силов социальные нормы, как устроена их психология. Ясно было, что беглецам грозит смертельная опасность, но силы не выказывали особой тревоги. Кверту они подчинялись беспрекословно. Клифф же, напротив, был вынужден непрестанно успокаивать Айбе, Терри и Ирму, которые психовали по любому поводу и во всем сомневались. Лишь потребность двигаться вперед и вперед, оставаться в бегах, позволяла ему сохранять шаткий контроль над ситуацией.

Небесная рыба приближалась. Когда беглецы добрались до ближнего леса лиан, зигзагоообразных деревьев и высоченных кустарников, Клифф увидел, что движения летучей бестии исполнены уверенного изящества, хотя все еще не понял, как это ей удается. К небу тянулись щупальца лиан. Некоторые отходили под особым углом, вероят-

но, используя в процессах метаболизма свет от розовой Струи. В лесу стоял густой цветочный запах. Деревья росли так плотно, что команда небесной рыбы, наверное, сверху и не заметит отряда. Животные разбегались из-под ног, но вокруг продолжала бурлить жизнь. Все время что-то двигалось, шелестело, и Клифф догадывался, что за группой наблюдает множество глаз. Наверняка в лесу таятся звери, невероятно искусные в прятках среди плотной растительности, и другие, которые умеют рыть себе сложные ловчие норы, как земные пауки ктенизиды. Изредка он замечал существ, попросту улетавших прочь на жестких стремительных крыльях, махая ими так быстро, что гнаться не было никакого смысла.

Айбе с Ирмой держались рядом, силы возглавляли и замыкали шествие. Чужакам каким-то образом удавалось держать форму в чистоте, а у людей комбинезоны порядком износились, карманы и штаны зияли дырами. После первого боевого столкновения с небесной рыбой силы, как смогли, подлатали вещи землян. Увы, те привалы были коротки, а сражение, казалось, было очень давно. С тех пор одежда запачкалась и истрепалась снова, сильней прежнего. Напротив, облегающие костюмы силов, бежевого и грязно-

вато-белого цветов, не рвались и не пачкались. Чтобы вымыть, их просто полоскали в воде, а потом подключали к походным солнечным батарейкам. Вероятно, умная ткань каким-то образом сама отталкивала определенные ионы, выявляла распоротые волокна и заживляла их. Люди только диву давались.

Клифф на миг расслабился и позволил себе единственное доступное тут наслаждение — жизнью. Дикие стаи странных созданий кружили и кричали высоко в небесах; из леса вокруг доносились резкий гогот и гортанное рычание; густой ароматный травяной ковер под ногами пружинил, точно мох, и был утыкан яркими стеблями цветов; зигзагообразно изогнутые серебристые деревья служили насестами крупным крылатым существам медного оттенка, которые не упускали возможности с криком спикировать на людей. Крылатые твари, однако, не трогали силов, которые умело сбивали их ручным оружием. Клифф подстрелил нескольких летунов из лучевика, Терри, Айбе и Ирма последовали его примеру, и после этого отряд стал пригибаться к почве в поисках укрытия.

Потом удалось немного поспать. Клифф просыпался, шлепками и взмахами рук отгонял

забравшихся в одежду насекомых, засыпал опять. Терри бодрствовал, с подозрением рассматривая деревья и кусты. Воинственные летающие твари и паучары заставили людей держаться настороже. По жилистым лианам со щебетом носились какие-то маленькие существа, временами сбрасывая вниз продолговатые красные фрукты, будто отгоняли незваных гостей. Один из силов поймал фрукт, откусил от него, поморщился и швырнул в сторону. Клифф увидел, как шевелится, словно живая, длинная лиана, и показал туда.

— Змея. Адаптируется к деревьям. Наверное, под лиану маскируется.

Кверт услышал его и кивнул.

— Небесные пираты, так зовем.

— Почему? — хмыкнула Ирма.

— Они разумные. Немного.

— Правда? Ну а что у них за интеллект?

— Еду запасают на тяжелое время.

Она уставилась на мускулистую, блестящую змею, которая висела метрах в десяти над головами людей, а в длину, казалось, была не меньше. Скручиваясь, змея переползла на другую ветку высокого веретенообразно изогнутого дерева. На голых ветвях висели какие-то бледно-серые коконы.

— Вроде этой?

Кверт утвердительно щелкнул веками.

— Их зовем… — Он помедлил, не сразу найдя подходящий термин из англишского: — …мумиями. Умные змеи таких много хранят. Иногда мумий мы используем, на удобрения.

Айбе задержал взгляд на коконах и, когда группа двинулась дальше, проговорил озадаченно:

— Не понял я про эти мумии.

— Замкнутая экология, не? — пожала плечами Ирма. — Карусель обязана крутиться.

— На Земле тоже так было, — сказал Айбе. — По крайней мере, пока не началась промышленная эксплуатация космоса. Потом мы вынесли процессы плавки и производства в вакуум, где мусор уносит солнечным ветром, и малость расчистили планету.

— Но здесь толщина литосферы едва несколько десятков метров, — заметил Клифф. — Тектоника плит отсутствует. Углерод из воздуха связывать нечем. Свежих поступлений элементов из далеких глубин и с вулканами нет.

Ирма закончила его мысль:

— Поэтому приходится самим об этом заботиться. К тому же ресурсы экономятся. Возможно, других долго не будет. Или вообще никогда.

Клифф кивнул, соглашаясь с этой элементарной истиной, о которой в Чаше особенно сложно было забыть. Они все еще пытались уразуметь, как работает эта грандиозная конструкция в режиме долгосрочных инвестиций в окружение. Возможно, им предстоят переговоры, и Редвингу понадобится информация о тех, кто сядет по другую сторону стола.

Клиффа пока устраивало представление о Чаше как о головоломке. Он любил головоломки, поскольку рефлекторно реагировал на неизвестность, пытаясь разложить ее на познаваемые фрагменты. Затем каждую головоломку меньшего масштаба Клифф решал по отдельности, уверенный, что сумма ответов на микрозадачи позволит разгадать основную. Ирма тоже так считала, в том числе и потому-то она ему так понравилась. Каждый день приносил тревоги, но и новые замечательные впечатления — по тем же причинам. Команда дала согласие погрузиться в анабиоз — что уже было рискованно, — чтобы достичь планеты, о которой мало известно. А теперь их зашвырнуло в эту загадку, на порядки грандиозней. О Чаше, огромной и удивительной, известно еще меньше. Каждый день соблазнял новыми открытиями и повергал в трепет стра-

ха… вот только не было здесь настоящей смены дней. Теперь, когда появилась четкая цель, силы и люди ощутили прилив энергии. Поднявшись на невысокий холм, они увидели, что летучая рыбешка приближается.

— Здесь сядет, — сказал Кверт, указывая на следующий холм.

Медленно дрейфуя под струями дождя, живой футбольный[23] мяч маневрировал им навстречу. Клиффу вспомнилось, как другая небесная рыба уничтожила город силов, и он поглядел на пузыри в подбрюшье существа: нет ли там оружия?

— Вирга, — сказал Айбе. — Это когда вода испаряется, не успев даже достичь поверхности. Видите? Там наверху стопки высококучевых облаков. — Из возносящихся шеренг облачных башен падал дождь, тут же поглощаясь более низкими сухими слоями.

— Летучая рыбешка пьет, — вмешался Кверт. — Скорее.

Они направились к месту посадки странного зверя, пробираясь меж зигзагообразных деревьев, увитых толстыми зелеными лианами. Летучая рыбешка опустилась на расчищенном участке

---

[23] Примечания: 23

Судя по иллюстрациям, речь идет скорее о регби или американском футболе.

близ каких-то зданий из керамопласта. Кверт ускорил шаг. Клифф смотрел, как взлетают, опадают и изгибаются полупрозрачные плавники над многослойной чешуей. Рядом с летучей рыбешкой копошились работники причала. Кверт и его спутники разделились, обходя участок с двух сторон и лавируя в лабиринте деревьев и лиан. Причал обслуживали кахалланцы в одеждах яркого кремового оттенка. Из брюха рыбы высадилась небольшая группа пассажиров, но Клифф не разглядел, кто или что они; прибывшие быстро удалились внутрь серовато-коричневых построек. Силы не сбавляли темпа. Люди запыхались и отставали, но все же сумели подтянуться, когда отряд выскочил на открытое пространство, занесенное слоем бледной грязи, и рванулся к рыбешке. Большие овальные зеленые глаза создания глядели на причал сверху вниз.

Несколько силов отделились от группы и рассредоточились между рыбой и зданиями. Клифф выскочил из леса и увидел, как всполошились кахалланцы, заметившие чужаков. Техники кинулись обратно к рыбе, но силы заступили им дорогу. Один из кахалланцев выхватил оружие. Кто-то из силов махнул лапой, и кахалланец упал. Другой кахалланец попятился.

Силы продолжали наступать на него.

— Они останутся, — сказал Кверт. — Летучая рыбешка маленькая. Все не поместимся.

— А-а, ясно.

Пасть рыбы оставалась распахнута. Кверт пригнулся и пробежал прямо в ее чрево. Клиффу такой способ посадки очень сильно не понравился. Подбегая к рубиново-красным губам, он сбавил темп и увидел, что дно пасти лаймово-зеленого цвета, пересечено множеством ребристых выступов. Он полез внутрь, подошвы ботинок застучали по выступам. В лицо ударил густой мускусный запах. Клифф свернул в узкий проход, ведущий налево и вниз. Из живых переборок исходило янтарное фосфоресцентное сияние. Стены пульсировали теплом; он пробежал по коридору и выскочил в длинную каюту, одна из стен которой была прозрачна и предоставляла обзор окрестностей. Там были только люди, силов нигде не наблюдалось. Пересекая зал, он почувствовал рывок. Летучая рыбешка воспарила в воздух, лавируя между зигзагообразными деревьями. Повернула, ловя ветер, и стала набирать скорость. Все с трудом сохраняли равновесие, цепляясь за мягко пружинящие мясные переборки. Клифф видел, как далеко внизу кахалланцы

бегут к месту швартовки рыбы; не добежав, один из техников вскинул свое удлиненное оружие к людям, глядящим на него сверху. Прицелился, но тут же опустил трубку и разочарованно развел руками.

Ирма прокомментировала:

— Силы угнали эту зверюгу!

Все восторженно, с нотками облегчения, рассмеялись, и в каюту вошел Кверт. Изъясняясь в обычной для себя рваной манере, он сообщил, что силы рассчитали график прилетов рыбы на этот причал и устроили все так, чтобы прорваться на борт как раз в тот момент, когда новый экипаж заступал на дежурство.

— На тоненького, — заметил Терри. Кверт в знак согласия повел лапой в воздухе.

Клифф подумал, что силы не потрудились даже разъяснить людям суть своего плана, но промолчал. Кверт не любил, когда с ним спорили; к тому же силы были не такие болтуны, как люди, и порою откровенно подтрунивали над чужаками за то, что у тех языки все время развязаны.

— И что, — сказал Айбе, хмурясь, — мы теперь в небе спрячемся, как ты выразился? А от чего?

— Народ следит. Видел нас в гостях у Ледоразумов. Кахалланцы им просигналят тоже.

Они быстро набирали высоту над бескрайней равниной. Вошли в зону перенасыщения атмосферы влагой, и вокруг внезапно повис туман. Клифф посмотрел по оси своей тени — вот она, исполинская круглая светозарная радуга. Гало. Радуга сформировалась у вершины горы, наискось от вечно полыхавшей звезды. Он различил пять цветов; красный был самым интенсивным. Постепенно туман рассеялся, и спектральная надежда угасла. Но память об этой красоте и сожаление о ее быст– ротечности остались.

Стенки скрипели и колыхались. Ирма спросила:

— Что это с ней?

Они поднимались теперь еще быстрее. Плавники снаружи синхронно взлетали и опадали, в стенах эхом отдавался тяжелый стук.

— Ее сердце?

Айбе взглянул наружу через прозрачную стену.

— Может, тело расширяется. Вероятно, рыба производит водород из воды и раздувает себя.

Клифф приложил лоб к удивительному теплому прозрачному окну и только теперь углядел на изогнутом теле отдельный прозрачный бугор. Там вид, наверное, лучше, но выхода в ту сторону

из каюты вроде бы не было. Он зашарил руками по стене и наткнулся на трещину. Потянул за ее края, и фрагмент стены с мурлычущим шумом разошелся. Наверное, что-то вроде гермодвери. За нею тянулся узкий коридор, озаренный синим фосфоресцентным светом. Пройдя несколько шагов в нужном направлении, он оказался у прозрачного бугра. С этой точки открывался более удобный обзор живого цеппелина и величественных полупрозрачных плавников, мерно ловивших ветер. Вид впечатлял. Плотная атмосфера Чаши была более однородна по высоте, чем земная, так что живой цеппелин, имевший форму рыбы, мог подняться на весьма значительную высоту, прежде чем его стало бы раздувать разностью давлений. Клифф разглядывал облака, тянувшиеся на десятки километров над низкими горами и холмами, по которым совсем недавно пробиралась команда Клиффа; теперь эти места быстро уносились вдаль. В облаках плясало преломленное двойное сияние Струи и центральной звезды. Если не считать медленного биения сердца рыбы, никаких звуков Клифф не слышал, отчего могло почудиться, будто они парят в пустоте, наблюдая Чашу такой, какой видели ее огромные птицы в многоуровневых небесах.

Он повернулся позвать других и увидел, что панель уже затянулась. Развел ее руками, и в коридорчик протиснулась Ирма.

— Что тут творится?

— Слушай, мы же пассажиры. Можем разве что ждать. А потом, кто знает, — вдруг и от нас будет толк?

Ирма скептически скривила губы.

— Я бы на твоем месте отдохнула.

— Чем больше узнаём, тем лучше.

Ирма облокотилась на теплую переборку и тоже окинула взглядом великолепную панораму.

— М-м, возможно. У меня, если честно, передоз пошел от всех этих чудес. Каждый день столько всего, что переварить не успеваешь. И мы в бегах.

Он улыбнулся.

— Мы во чреве огромного зверя. Постараемся не дать себя переварить.

Она пожала плечами.

— Тут клаустрофобия разыгрывается. Ладно, оставим пока Айбе и Терри — Кверт им какого-то желе поесть принес, они как накинулись… На вкус как молочный коктейль… с бульонными кубиками. И твердые кусочки попадаются, на вкус вроде дождевых улиток. Я пока воздержусь.

Они двинулись по узким коридорам вдоль изгибавшегося корпуса летучей рыбешки. Небесная бестия имела форму торпеды, так что встречавшиеся на пути обзорные бугры обычно обрамлялись крупными выступами жилистых коричневых мышц. Мускулы сгибались и разгибались, неся рыбешку вперед; Клифф принюхался

— от них тянуло влажным воздухом с привкусом соли и пота.

— Рыбоиды, хищники в форме торпед, — сказала Ирма, когда они в очередной раз выглянули наружу и заметили, как внизу роится стая птиц с трубчатыми телами. Птицы носились в воздухе и ловили что-то выпадавшее из чрева рыбешки.

— Они что, ее *дерьмо* едят? — спросила Ирма.

— Что одному виду дерьмо, то другому корм, — ответил Клифф.

Более крупные хищные птицы летучим конвоем сопровождали рыбу, напоминая скорее лучевых скатов, чем земных птиц. Серые, матовокожие, грациозные, они летели широким клином, взмывали и падали в плотном воздухе всей стаей, не спуская больших глаз с кормящихся внизу трубчатых. Клифф подумал, что изменчивые формы их тел продиктованы требованиями кривизны, скорости потока и напряжения. Мясистые треугольные крылья сочленялись с рулевыми плавниками и длинным хвостом. На конце хвоста имелся острый, как пика, шип.

— Орудие убийства, — показал Клифф.

С двух сторон клиновидной головы над длинной щелястой пастью торчало по шишкообразному глазу. Вторая пара глаз, более крупных,

желтых, была посажена теснее и смотрела вперед. Летающие трубки плавно скользили в стекляни-стом плотном воздухе. Веслообразные придатки выдвинулись по бокам морд, и скаты принялись загонять трубчатых. Клифф с Ирмой слышали хищные и тревожные крики, долетавшие даже сквозь окно. Странное, но захватывающее зрели-ще. Скаты нырнули под брюхо рыбе, немногие уцелевшие трубчатые в панике порскнули прочь. Ирма обхватила Клиффа за талию; он ощутил прилив уверенности. Столько всего странного творится, столь немногое приносит счастье, и мимолетный уют важней всего. Они стояли так некоторое время, пока из коридорчика, уходив-шего внутрь рыбы, не потянуло теплым воздухом. Клифф еще не до конца осмыслил увиденное, но, заинтересованный, двинулся дальше по тускло озаренному проходу. Впереди что-то хлюпало. Пройдя вдоль содрогавшейся от мерного стука стены, они очутились над прозрачным внутрен-ним слоем, сквозь который виднелись мерно работавшие в каких-то чехлах темные кости. Сквозь прозрачную стенку проникали шепоты и вздохи, отовсюду струилась серая жидкость. Естественная смазка?

— Интересно, это ее внутренний скелет? —

вслух подумал Клифф. Сгибаясь и разгибаясь, точно струны, работали параллельными рядами кости в плотных зеленоватых оболочках. Однако тут же внимание землян привлекли две быстрые фигуры — бортовые механики? Ростом чужаки были около метра, имели шесть конечностей, двигались стремительно, сновали туда-сюда, юстируя механические опоры скелета. Существа пользовались гибкими конечностями то как ногами, то как руками, смотря куда им нужно было пробраться в хитросплетении костяного двигателя. Ирма указала Клиффу на их длинные раздвоенные хвосты, сложенные так, чтобы большую часть времени прикрывать за работой половые органы. Чужаки и сами напоминали тонкие розовые бескожие скелеты, увенчанные шишаками мозга между верхней парой конечностей. У каждого было по три глаза на стебельках, образующих равносторонний треугольник над красной широкой ротовой щелью.

— Они нас видят, — сказала Ирма, — но внимания не обращают.

— Ничего странного, — ответил Клифф. — Они и не таких, как мы, тут встречают. Все равно что техники на травелаторе в час пик.

Они двинулись дальше вдоль прозрачной

стены и увидели пару плотных мускулистых чужаков. На тех были какие-то приспособления вроде поясных чехлов с инструментами. Существа трудились над откинутой панелью, за которой виднелось омываемое янтарными жидкостями сложное сплетение трубок. Они орудовали маленькими ловкими пальцами и инструментами, такими крошечными, что их трудно было различить.

— Они вроде тех, с которыми мы раньше пересекались, — сказала Ирма. — Помнишь? Мы…

— Занимались сексом, угу. И одно такое на нас свалилось.

— Надо же, они неплохо с инструментами управляются. Интересно, что они о нас подумали.

— А эти нас игнорируют, как и предыдущие. Наверное, нет в нас ничего необычного.

— Думаю, здесь искушенность синонимична демонстративному нежеланию пялиться на очередного прикольного чужака.

Клифф фыркнул.

— Ну а представь их на нашем месте, э?

Продвигаясь в сторону хвоста, они увидели внезапные оранжевые сполохи — вспышки исходили из труб по низу обзорных бугров.

— А это, должно быть, углеводороды, — сказал Клифф, — ферментное топливо.

— Мы быстро летим, — заметила Ирма, когда по телу рыбешки прокатился очередной рывок. Пол слегка накренился, как на корабле в качку. — Классный движок.

— Кверт говорил, эти создания выведены искусственно, из птицеобразных живых цеппелинов, — сказал Клифф. — Их источник энергии, вероятно, тоже селекционирован таким образом.

— Лучше вернуться, — предложила Ирма. Они теперь летели еще быстрее, над зелеными водами шириной, казалось, в континенты, и полями водорослей. Из вод торчали торпедообразные бугры, окруженные древесной корой. Толстый конец каждого бугра указывал вверх по течению; мимо плыл разнообразный океанский мусор и натыкался на мель. Так бугры постепенно росли, образуя островки, поросшие густыми янтарными и зелеными деревьями, а на островках селились всякие звери. Сверху эту картину озаряло красноватое сияние звезды, оттеняемое медленными оранжевыми сполохами филигранных спиралей плазмы в Струе. Рыба немного снизилась, прибавила скорость, стали заметны стаи крупных рыбоподобных созданий. Вылетая из мелкого моря в грациозных прыжках, они зависали в воздухе и снова падали в воду, производя огромные белопенные фонтаны.

Ирма заметила:

— А они на дельфинов сильно похожи.

— Одна из базовых форм, как ты бы сказала, — Клифф жестом обвел движущийся косяк. — Их тут тысячи. Как великолепна все-таки жизнь Чаши.

Ирма протянула:

— Я всегда думала… мы считаем дельфинов не

ровней себе, потому что они не создают машин и холодильников, не строят Нью-Йорков и не ведут войн. Они только тем и заняты, что день-деньской плавают в теплых океанах, гоняются за рыбой, едят, совокупляются и развлекаются. Дельфины же наверняка считают, что мы им не ровня. По тем же причинам.

Клифф снова фыркнул.

— А я всегда думал, что чисто статистически намного более вероятно обнаружить на Глории разумную жизнь, превосходящую нас интеллектом, чем уступающую. Если уж она там, конечно, найдется.

Ирма кивнула.

— А раз так, то вряд ли им будет до нас дело. Если они нас вообще хоть заметят.

— Я тоже так полагаю. Но взгляни, как мы ухитряемся уже довольно долго скрываться от Птиц — на их родной территории!

— Возможно, чужаки, создавшие Чашу, и были невероятно развиты, но их потомки ведь вполне могли деградировать.

— Значит, правы окажутся как оптимисты-ксенологи, так и скептики? — Клиффа идея привлекла. — Интересно, что это может означать для нас.

Они с Ирмой так увлеклись созерцанием, что заметили крупный объект наверху лишь в момент, когда тот закрыл собою солнце.

Небесная рыба стремительно снижалась к ним через плотные слои атмосферы. За нею полыхали выхлопные струи живых водородных двигателей, а из чрева вырывались стайки странных, по виду хищных птиц. Тела узкие, поджарые, челюсти длинные, а еще…

— Это что такое? — показала Ирма. — Зубы?

— Ага, похоже. Да уж, вряд ли это друзья.

34

Уже много часов члены экипажа работали не покладая рук, и это начинало сказываться.

Редвинг после многочасовых путешествий вокруг мостика наконец сел, поскольку почувствовал, что нер– вирует остальных. Ну ладно, не только поэтому; убедившись, что никто не смотрит, он стал дергать ногами, не снимая кроссовок, — судороги замучили. Он использовал свою недельную норму воды для душа за два дня.

В Струю корабль вошел несколько дней назад, но пока явных признаков перехода не наблюдалось. Напряженность магнитного поля стала возрастать только вчера, следом — уровни плотности плазмы. На видеостенах вуали ионных потоков Струи отображались желтыми и зелеными оттенками — и только после усиления. Собственно, это была не плазма: свет исходил от возбужденных ионов по мере того, как те, соединяясь наконец с электронами, падали по лестнице энергетических уровней и излучали фотон. Свет указывал на места маленьких смертей плазменных частиц.

За старшего пилота осталась Айян Али, в кресле второго пилота — Клэр Конвей. Бет Марбл отлучилась немного поспать. Все присутствующие следили за игрой зеленых и синих линий на больших экранах: эта кодировка обозначала изменения уровней магнитного давления и плотности потока по периметру воронки.

— Как импеданс ловушки? — спросил Редвинг.

— Упал до трех мегаом, сэр. — Айян Али искоса глянула на него. Редвинг понял, что она оценила его тактику: капитан и так все видел по графикам, но счел нужным нарушить молчание на мостике, помочь расслабиться.

Корабль сотрясся от ударной волны, что-то застонало и затрещало.

— Поездочка становится крутой, — мягко проговорил Редвинг.

Айян Али с улыбкой кивнула, не сводя взгляда с экранов, а рук не отнимая от сенсоров штурвала.

— Да, у нас ударный фронт на сорок два градуса по штирборту, в семнадцати к югу. Плазма крепчает.

— В согласии с моделью Карла?

— Ну да, более или менее. — Айян Али скептически вскинула брови. Редвинг прочел по ее выражению недосказанное: Карл с Айян Али на

собраниях экипажа всегда держались поодаль друг от друга и общались с подчеркнутой официальностью. Интересно, какая кошка между ними пробежала? Они в опасности, и нельзя сейчас допускать трений среди команды. Редвинг решил оставить этот вопрос на потом, если вообще получится его поднять. Миссия прежде всего.

— Трудно ожидать здесь точного соответствия моделям. Я бы не стал, во всяком случае. Покажите, пожалуйста, кормовую воронку и плюмаж.

Редвинга не покидало ощущение, что за кормой кто-то крадется, хотя с артилектами на вечной страже такая тревога, конечно, была абсурдна.

Изображение кормы на дисплее замерцало. По всей длине опорных конструкций прокатился зловещий треск, сопровождаемый неясным уханьем. Потянуло неприятным запахом — наверняка просто перегрелся передний плазмобак, но тем не менее. В дисплейном пространстве перед воронкой вились шквалы плазмы, подсвеченные фиолетовым.

— Опять эти узлы, — посетовала Айян Али.

— Давайте с дальнего радара посмотрим, — предложил Редвинг. Они изучили пространство, зиявшее вокруг Струи, с множества ракурсов.

— Рядом ничего, — сказала Айян Али, — в

ближнем космосе и дальше — тоже. Я не могу понять, почему у них тут так мало летательных аппаратов. Кажется логичным патрулировать всю систему.

Редвинг кивнул.

— Но в этой системе нет ни планет, ни астероидов, ни комет. Ничего крупней школьного автобуса не осталось. А маленькие суда мы видели, разве не помните? Они вылетали с обратной стороны Чаши, проносились над ободом, снижались к верхней границе многослойной атмосферы и ныряли в шлюзы.

— Их было очень мало, и они очень маленькие, — передернула плечами Клэр. — А мы уже знаем, что с гравитационной точки зрения Чаша перманентно нестабильна. Если она чересчур приблизится к звезде, придется пришпорить Струю, чтобы выхлоп вернул систему в прежнее состояние. Если Чаша начнет «отставать», ситуация обратная. К тому же Чаша вращается, она не более устойчива, чем крутящаяся юла. Но да, похоже, что они ухитряются управлять всей этой сумасбродной конструкцией, задействуя космические аппараты по самому минимуму.

На мостике появился Карл, закончивший инспекцию катушек индуктивности. Он услышал

разговор.

— Конструкция управляется магнитными полями и давлением Струи, — сказал он. — Плюс отраженным в горячее пятно на звезде светом. Четкий фокус.

— Что там катушки, без приключений? — спросил Редвинг.

— Пыхтят, но держатся. — Карл опустился в свое кресло и пристегнул ремень. Покосился на Редвинга, будто спрашивая:

Ну а вам-то чего не сидится?

Редвинг никогда не объяснял членам экипажа, почему предпочитает ходить по кораблю пешком в затруднительных ситуациях. Он ощущал ногами и слышал ушами то, чего не могли сообщить экраны.

На пересечение Струи ушло три дня; камеры термоядерного сгорания разгоняли корабль почти до двух сотен километров в секунду. Куда выше прежней орбитальной скорости, но все еще гораздо ниже предельно допустимого по спецификациям темпа. «Искательница солнц» начала поворот, переходя к рассчитанной Карлом спиральной траектории; описав дугу почти у края джета, подставила ловушку потоку раскаленной плазмы под острым углом к солнцу

Чаши. Когда влетали сюда, тоже сталкивались со встречным ветром — и уцелели. Но теперь навигацию осложняло то обстоятельство, что приходилось держаться ниже кромки Чаши. В противном случае корабль подбили бы гамма-лазеры, расставленные наверху.

— Почем нам знать, что эта траектория оптимальна? — спросил у Карла Редвинг.

— Расчеты…

— Нет, я имею в виду — по данным, собранным за последние дни.

— Все работает. — Скуластое лицо Карла напряглось, начавшая отрастать козлиная бородка подчеркивала его худобу. — Мы перераспределим магнитное давление наружу. Боковой напор вынудит Струю переключиться в режим кинка за счет собственного момента импульса. Симуляция потока показывает, какую именно длину волны нужно выбрать, чтобы джет успешно отклонился.

— Мы увидим боковое смещение, прежде чем оно дойдет до Свища?

— Должны. — Взгляд Карла был спокойным и внимательным. Он проделал большую работу.

— Ну что ж, покажите корму. Векторы в этот раз лучше? — спросил Редвинг у Айян Али.

— Слегка, — сказала она. — Я повернула антенны на корме, чтобы боковые контроллеры осмотреть.

Айян Али изменила цветовую кодировку так, чтобы показать Редвингу сверкающие желтые узлы. Как неоновые тропические ураганы, закручивались они вокруг магнитной воронки прямоточника.

— Эти завитки нас немного сносят.

По оси корабля прокатился внезапный рокот, и Редвинга швырнуло на кресло Айян Али. Клэр переключила боковой дисплей на акустический спектр. Красные линии показывали, что по всей оси ионоточника развиваются напряжения.

— У нас боковое смещение, — негромко проговорил Редвинг. Он достаточно понимал ситуацию, чтобы воздерживаться от прямых указаний пилотам и не рулить с заднего сиденья.

— Я активирую малый боковой джет, пропущу немного плазмы по этой стороне ловушки, повернусь по другой оси и таким образом чуть разверну корму.

Пока она говорила, руки плясали в командном пространстве. Последовал слабый рокот, за ним рывок. Корабль наклонился, вынуждая Редвинга уцепиться за кресло. Капитану всегда тяжело

давались маневры с одновременным ускорением по нескольким осям. Его замутило.

Айян Али работала, продолжая выравнивать корму. Ядро реактора «Искательницы солнц» не было простой сферой на верхушке огромного топливного бака с ионными катализаторами термоядерного горения. Ионные сгустки совокуплялись с поступающей из воронки плазмой, а результирующие потоки питали реактор. Конечно, требовалось выравнивать все части по центральной оси, как ни витиевато выглядели обросшие модулями подсекции, поскольку только в такой конфигурации бак с водой надежно экранировал биологическую зону и экипаж наверху, вдали от самого реактора и плазменного плюмажа в магнитном сопле.

Редвинг знал каждую заклепку, каждый уголок своего корабля. Он любил прогуливаться по секциям. За исключением широкого крутящегося «бублика» на вершине стопки, где команда проводила большую часть времени, на корабле царила невесомость. Жилая секция имела в диаметре сто шестнадцать метров, напоминала подгоревший и грязный праздничный пирог, неторопливое вращение которого вокруг центральной оси обеспечивало земную силу тяжести близ внешних

стенок. В этом месте толщина стен доходила до двух метров, а промежуток заполнялся водой, поглощавшей радиацию. Аналогичной защитой были снабжены носовые стены в форме конической шляпы с обращенным вперед острием и сенсорами обзора. Вида наружу не было, если не считать электронных картинок, однако огромные стеноэкраны высокого разрешения и умная оптика поставляли куда больше информации, чем обычные окна.

Айян Али, ориентируясь по множеству ракурсов с камер корабля, вернула корму в более-менее устойчивое положение. «Искательница солнц» снова взглянула в Чашу. Кораблю требовалось выманить Струю с мировой оси, подтолкнуть в сторону сверкающих океанов и бескрайних земель, медленно кружившихся подобно фоновой заставке. Задачка не из легких.

— Дайте четкий вид вниз по Струе, пожалуйста, — сказал Редвинг.

Для наблюдения за плюмажем выхлопа и его диагностики служило зеркало заднего вида из полированного алюминия, парившее метрах в сорока сбоку. Дозорный бот высылать в бурные потоки плазмы вокруг воронки они не рискнули, тем паче плотные плазменные пальцы и так

периодически стучали по бортам.

Изображение было составлено по результатам наблюдения в нескольких диапазонах. Плазменные участки высокой плотности сияли узлами. Вот голубовато-белый язык вытягивается на тысячу километров, прежде чем разорваться на плазменные волокна. Вот ярится и сверкает плазма по всей длине выхлопа: это электроны нетерпеливо соединяются с ионами, превращаясь обратно в атомы и рождая актинические вспышки. Синий карандаш выхлопной струи указывал назад по курсу. Редвинг привык лицезреть его на фоне черноты космоса, но теперь Струю и путь корабля полностью окружила Чаша. Бело-серые Зеркальные Зоны поблескивали случайными искорками: это среди бесчисленных зеркал находились те, что отражали свет звезды на «Искательницу».

Свищ просматривался темным пятном на размытом узорчатом желто-оранжевом фоне чуть в стороне от Струи. Редвинг рассудил, что они движутся под нужным углом: Струя напоминала исполинский восклицательный знак, а Викрамасингх — пылающую точку в его основании.

Карл нарушил молчание:

— Видите, как слева бугор выдувается? Это

кинк, и он идет к Свищу.

Айян Али кивнула.

— Вижу. Вот это да! Подумать только, а мы ее раскачали!

— Трюк в том, — бледные узкие губы Карла растянулись в усмешке, — что энергия Струи сама делает за нас эту работу. Удерживаемая магнитными полями, плазма извивается, как пожарный шланг.

Айян Али нахмурилась.

— А когда ударит по Свищу, как близко от края пройдет?

— Не слишком, я так думаю.

— Ты так думаешь?

— Расчеты и симуляции, которые я провел, согласуются.

— Надеюсь, что ты не ошибся, — мягко проговорила Айян Али.

Они продолжали двигаться по рассчитанной траектории; корабль постанывал от скручивающих деформаций. Спираль давала боковое ускорение 0,1*g* или около того, и Редвинг приспособился гулять по мостику в чуть перекошенной позе, продолжая наблюдать за палубами на экранах.

Еще он следил, как держатся остальные. Членов

экипажа отбирали очень тщательно, так, чтобы они дополняли друг друга, подобно фрагментам сложного пазла, и усиливали взаимные таланты. Это означало выбраковку даже по некоторым привычкам, вроде камнеедства, приверженцы которого полагали, что питаться животными и даже растениями греховно, ибо все они живые, и предпочитали диковинную смесь сахаров, аминокислот и жиров с минералами и витаминами, синтезированную из неорганики, воды и воздуха. На необжитой планете потакать их воззрениям не получилось бы, поэтому камнеедов отсеивали сразу же. С новомодными генетическими трансформациями поступали аналогично. *Homo evolutis* автоматически отсеяли как недостаточно надежных, хотя, разумеется, на публике этой причины никто не озвучил. Поступить так означало бы впасть в тяжкий грех *видоизма*: преступление против политкорректности в эпоху постройки «Искательницы солнц», а также, по мнению Редвинга, одно из самых жутких слов человеческого языка.

Но даже после кропотливых многолетних проверок из рукавов продолжали появляться припрятанные карты. Умные индивиды всегда таят в себе пару-тройку специфических особенно-

стей, которые проявляются только под напором стресса. Управлять таким коллективом — это вам не блюда из меню заказывать.

Наблюдая, как Фред проверяет состояние внутренних систем, Редвинг почувствовал, как по центральной оси корабля прокатился резкий толчок. Айян Али тут же внесла поправку на перекос левого борта. Низкий рокот камер термоядерного сгорания изменил тон. Редвингу почудилось, что в нем прозвучали нотки исполинского церковного органа.

— Пульсация выхлопа, — сообщила навигатор. — Внешнее давление подскочило.

— Странно, — Редвинг внимательно смотрел на экраны. — Этого не должно было происходить.

— На нас что-то давит. — Руки Айян Али порхали над консолью. Корабль застонал. Редвинг успел опуститься в кресло как раз вовремя: в стенах возник низкий гул, по корпусу пошли сдвиги.

На корме ситуация была еще хуже. Наблюдая плюмаж выхлопа с двух ракурсов, они убедились, что струя выдувается, точно наткнувшись на незримое препятствие. И эта запорная преграда в потоке, казалось, росла на глазах. Палубу звездолета сотрясали приступы вибрации, возни-

кающей за сотни метров от мостика.

— Какая странная тряска, — проговорила Бет. Она явилась в чистой и выглаженной униформе.

Редвинг оглядел ее.

— Вы же ушли спать.

— Кто бы не проснулся от такого? Капитан, оно усиливается.

— Через три часа вы все равно заступите на вахту как старший…

— Профиль давления поля на корме инвертируется, — резко перебила его Айян Али. — Я в жизни такого не видела. И в симуляциях тоже.

— Я это прямо *чувствую*, — произнесла Бет. — Такая вибрация, что всю воронку того и гляди…

— Слишком мощный поток плазмы через ловушку, — Айян Али жестом указала на экран, где отобразились голубые песочные часы магнитной воронки. Потоковую геометрию ей придавали поля, так что ловушка могла менять форму со скоростью света, приспосабливаясь к бешеному ионному давлению. Но и у нее имелся предел деформаций, выше которого перестройки окажется недостаточно и полевая клетка разомкнется. Тогда раскаленная плазма ударит газовым резаком по корпусу.

Экипаж наблюдал, как извивается и закручи-

вается оранжевый поток внутри синего полевого контура.

— На нее что-то давит снаружи корабля, — напряженным высоким голосом сказала Айян Али.

— Если давление станет критическим, отключите двигатель, — сказал Редвинг и сам удивился, как спокойно это прозвучало.

Бет вскинулась:

— Но мы…

— Если нужно, — сказала Клэр, — перейдем на резервное питание.

— Долго не продержимся, — возразил Карл. — А под таким давлением воронка может просто разрушиться.

По кораблю прокатилась низкая басовая нота — общее предупреждение бортовых систем. Его не слышали с момента предполетных тренировок. С тех пор, как покинули Землю, двигатель ни разу не выключался.

— Я попробую нас раскрутить, — проговорила Айян Али. — Выскочить за пинч.

Она налегла на штурвал, и магнитная воронка повиновалась, изогнув пасть. Затем Айян Али активировала магнитное сопло на самом конце кормы, прочистив его от заузленной плазмы; это отняло две секунды. Вернула поля в исходную

конфигурацию и разогнала на максимум камеры термояда. Редвинг следил за ее действиями, но скоростью и ловкостью мог лишь восхищаться. Экипаж прижало к спинкам кресел; корабль начал поворот. Редвинг закрыл глаза и позволил тошноте нахлынуть и ослабнуть. Несмотря на головокружение, он прислушивался. Корабль стонал и дергался, как иногда бывало при резких маневрах, в пору многолетних испытательных полетов «Искательницы» через облако Оорта. Редвинг своим ушам верил больше, чем экранным профилям магнитных напряжений.

Стонущий рокот стал убывать. Когда вращение замедлилось, Редвинг рискнул снова открыть глаза. На экранах обстановка улучшалась.

— Я вывела нас из пинча, — сказала Айян Али. — Мы в сосисочную неустойчивость вляпались. Пришлось как следует воронку поднапрячь.

Редвинг вспомнил, что такое радиальное сужение у Струи порою проявлялось и прежде. Карл говорил, что, сужаясь, Струя переходит в подобие сосисочной неустойчивости: это помогает ей протиснуться в Свищ и, расширяясь, вылететь наружу. Но они ведь не так близко к Свищу. В том и соль — кинковая неустойчивость развивается не сразу, а Струя тем временем продолжает, сужа-

ясь, целиться в Чашу Небес.

Редвинг удивился силе пинч-эффекта и спросил у Карла, рассчитано ли магнитное сопло на такие давления, но прежде чем тот успел ответить, у Редвинга по коже пошли мурашки и стало неприятно покалывать. Все оглядывались, явно испытывая то же самое.

Вдруг над палубой воздух рассекла желтая дуга. Продвигаясь вперед, она шипела и извивалась по-змеиному, но, сталкиваясь с металлическими барьерами, уходила в сторону. Все метнулись из кресел на пол. Редвинг приник к палубе, наблюдая, как мечется разряд над его головой. Потом дуга стала нанизываться на себя. Полетели шипящие искры. Закрутились катушками и налились светом желтые витки. Разряд выгибался, скручивался, потом внезапно принял форму вытянутого бокала и начал вращение.

— Оно рисует… Чашу, — выдохнула Бет.

Желтый рисунок походил на скверный шарж. Он извивался, все время меняя очертания, затем издал хлопок и исчез.

У Редвинга сердце бухало в груди.

— Там что-то есть. Оно чинит нам препятствия.

Бет добавила:

— Что-то невидимое.

Редвинг вспомнил вопрос, мучивший его при обсуждении маневра. *Чего я мог не предусмотреть?* Ну вот и ответ.

Бет сказала однажды, что полет по Струе даст им преимущество; так и есть, но в задаче слишком много серьезных неизвестных. Неизвестные неизвестные, говорила Бет, все равно что обоюдоострый меч без рукояти. Не угадаешь, кого он ранит.

35

Асенат устроила целое шоу из своего выхода на публику. Продемонстрировала команде и слугам традиционное золотисто-бронзовое грудное оперение и развернула стреловидные крылья с пурпурными блистающими кончиками. Резко щелкнула многослойными хвостовыми кружевами, привлекая внимание сперва к яркому хвосту, затем, с новым шелестом перьев, к груди. Даже особям субНарода была ведома эта стратегия, хотя ее нюансов и вдохновения они постичь не могли. Представление Асенат сопровождали шепотки по всей запруженной народом главной палубе небесной рыбы. Мемор тоже зачарованно смотрела. Рядом стоял Бемор, а приматка сидела на корточках.

Громкий шелест и величественные дискурсы привлекли всеобщее внимание, и Асенат продолжила, резко встопорщившись. Кончики перьев на ярко-желтых участках словно воспламенились, источая феромоны в и без того напоенный благовониями воздух. Кругом не смолкали шепотки, щебеты и шорохи, шутки и пересуды. Вечный цикл демонстрации статуса, поддерживающий

порядок на великих просторах Чаши, шел своим чередом.

— А зачем все это? — спросила приматка.

Дерзкий вопрос прозвучал в самой кульминации представления Асенат, немало разозлив Мемор и, как она заметила, Бемора. Приматка должна была сослужить немалую службу, так что следовало не откладывая преподать ей урок. Но стоило Мемор развернуться, как Бемор схватил ее за плечо и оттеснил.

— Не делай этого. Ты ее напугаешь больше, чем тебе кажется.

– *Я* провела с ней столько времени, что… мне и не снилось.

— Понимаю, понимаю. Но прости меня на этот раз.

Мемор постаралась сдержанно объяснить приматке, что подобные общественные ритуалы необходимы для поддержания иерархической структуры всея Чаши. Когда бы представители Народа ни появлялись на публике среди местных, например в этой небесной рыбе, им требовалось напоминать присутствующим, как устроен мир, посредством подобных древних ритуалов.

— Прошлое проникает в их настоящее и остается на будущее.

— Это же просто танец перьев, запахов, музыки и чего там вы в воздух подпустили, — ответила Тананарив Бэйли. — Мне буквально в кожные поры лезет.

— Меня бы крайне удивила твоя биохимическая реакция. Благовоние настроено на кахалланцев и их миньонов, а также родственные им эволюционно подвиды.

Тананарив закашлялась.

— Воняет-то как…

Мемор обиделась, но продолжила:

— Судьбу вида определяют императивы выживания, действующие на шести различных временных шкалах. Выжить — значит полностью преуспеть, но понятие преуспевания зависит от временного масштаба. На интервалах, какие у вас зовутся годами или орбитальными периодами, выживает индивид. На интервалах десятков орбитальных периодов выживает семейство. В масштабе столетий выживает племя или нация — например, кахалланцы, как в этом округе. В масштабе тысячелетий — культура. Кахалланская культура распространена широко. Они привносят благодетельную стабильность в неспокойные места. Некоторые культуры выживают так же долго, мы им благоволим. В масштабах

эонов выживает вся совокупность жизненных цепочек Чаши.

Мемор пошелестела перьями, дав понять, что лекция окончена, и поставила точку, испустив шейными железами сладкий аромат.

Бемор добавил:

— На этих масштабах мы ныне сражаемся с вами, Позднейшими Захватчиками.

— А? Да мы же просто мимо пролетали.

Бемор довольно засопел.

— Не совсем. Вы важны на этом этапе, ведь впереди полет к Глории.

— Кто сказал?

— Ледоразумы, — вставила Мемор, понимая, однако, что приматка не поймет термина и тем паче не оценит его значения.

Асенат завершила ритуал и вернулась к управлению небесной рыбой, начав отдавать быстрые отрывистые приказы. Боевые отряды кинулись готовиться к захвату, низкая протяжная нота призвала экипаж к работе, воздух рассекло электрическим разрядом ионной стимуляции. Стена, до того серая и унылая, стала прозрачна, открывая великолепный вид на область Чаши, над которой плыла небесная рыба.

К небесам возносились спирально закрученные

острые скалы, покрытые мхом: пристанище многих летающих существ. Небесная рыба недавно подкормилась там: служебные виды приготовили к ее подлету лотки с едой. Скальные иглы перемежались заливами и лагунами, отражения Струи и солнца мелькали в воде, словно подмигивая воздухоплавателям. Там и сям, словно прочерченные на ярко-зеленой бумаге линии рисунка, змеились белые скоростные шоссе.

А поодаль трепетала стремительная серебристая мошка. Их цель, как и донесли кахалланцы.

— Готовитесь к битве? — справилась Тананарив, глядя на суету вокруг.

— Мы не ожидаем достойного отпора, — сказала Мемор. — Просто захватим остальных ваших.

— Вы это… поосторожнее, — сказала Тананарив. — Они давно уже в бегах. И кусаются.

Мемор развеселилась и подала едва заметный сигнал перьями Бемору.

— Можно подумать, нам есть чего опасаться! — сказала она на птицеречи.

— Ну да, — отстраненно произнес Бемор, глядя широкими глазами в пространство, — у этой приматки определенно имеется чувство юмора.

Внезапно Мемор ощутила прилив тревоги в Подсознании. Холодные ручейки… не сказать

чтобы настоящего страха, а так, словно кто-то ледяными пальцами перебирал ее мысли. Она помедлила, обратившись в себя, и медленно раскрылась Подсознанию. Там оказалась топь. Свежие, резкие понятия и тревоги метались среди темных болот древнего страха под мрачным небом. Поводы для беспокойства нанизывались на локус, будто серые туманные щупальца. Место это казалось холмом, окруженным стремительными потоками тревоги. Что там? Что под ним? Она не припоминала, чтобы прежде ей доводилось наблюдать эдакий вздымающийся выступ. Но понимала, что он возник не сейчас, а давно. Ей было известно, что подавляемое беспокойство до поры до времени удается загонять в глубины Подсознания, но теперь крупное нагноение негативных эмоций искало выхода, выдавливая в сознательные слои свежие порции страха.

Времени для этого, однако, не было. Пора действовать.

— Асенат, чем можем помочь?

— Держи при себе Позднейшую Захватчицу. Может понадобиться ее содействие в интерпретации нюансов и невербальной коммуникации других Захватчиков.

Бемор заерзал на своем месте. Мемор участли-

во встопорщила перья, но он резким шелестом отогнал ее. По отстраненному взору Бемора ясно было, что он изучает информацию, поступающую через комм-сети.

Он задышал быстрее, в груди зародилось низкое задумчивое ворчание. Мемор с уважением относилась к способности Бемора выходить за пределы непрестанного потока данных Чаши, медиаторами которого выступали местные Аналитики. Искусственные разумы отслеживали происходящее в Чаше на локальных уровнях, затем пересылали информацию по сужающейся пирамиде интеллектов, как полностью искусственных, так и естественных — хотя, разумеется, все они уже давно были тщательно отобраны и усилены для оптимальной производительности. Потом обработанный продукт множества донесений поступал к таким, как Бемор, чтобы те могли извлечь смысл из тонких нюансов ошеломляюще сложных ситуаций. Переработанные данные помогали частично компенсировать чрезмерную уверенность Народа в своей интуиции, уменьшали искажение реальности стремлением видеть желаемое. Естественные разумы не в состоянии совладать с лавинами данных и расчетов, зато превосходно справляются в обществе. Бемор

черпал знания из глубоких кладезей истории и советовался с высшими интеллектами. Он обладал талантом прослеживать чужие эмоциональные состояния, например, замечать разлады поведенческой координации, и давать оценку происходящему в эмоциональных категориях. Любопытно, работает ли он сейчас с новыми концепциями, поступающими от Ледоразумов? Что-то в его позе подсказывало Мемор: тревога Бемора усиливается и связана отнюдь не с погоней за бандой Позднейших Захватчиков.

Вдруг Бемор прервал контакт и торопливо бросил Асенат:

— Позднейших Захватчиков необходимо схватить сейчас же. Немедленно! Но будьте аккуратны. Потеря жизни даже одного такого существа может подвергнуть нас всех опасности.

Асенат явно поняла, что лучше с ним не спорить, развернулась и приказала ближайшему кахалланцу:

— Не рискуйте, стреляя в них.

— Но мы планировали… — начал кахалланец.

— Игнорируйте все прежние планы. Предупредительный выстрел может повредить летучей рыбешке. Особенно если вы промажете хоть ненамного.

— Госпожа, но мы уже выпустили крылорезов, — отвечал кахалланец с извинительным поклоном.

— Я не приказывала!

— В вашем плане атаки это было явно предусмотрено. Приказ выпустить их в момент, когда впервые заметим рыбешку.

Асенат не нашла ответа и лишь гневно отвернулась; зарябили красные перья с алыми кончиками.

Все приблизились к наблюдательной стене. До летучей рыбешки теперь оставалось совсем немного, и к серебристому созданию слетались, беря его в вилку, стремительные птицы хищных очертаний, с крупными головами и крыльями. Мемор знала, что крылорезы — стайные птицы, способные загонять и убивать даже куда более крупную добычу.

Тревога Бемора нарастала, он снова отвлекся.

— Остановите их. Сейчас же.

Асенат повиновалась. Мемор знала, что зоны вблизи Свища — естественная среда обитания созданий вроде летучей рыбешки. Исполинские циркулирующие ячейки теплого воздуха позволяли разным формам жизни с легкостью перемещаться между секторами. Небесных рыб

применяли для полетов на длинные дистанции, а летучих рыбешек еще в древности селекционировали для путешествий на более короткие. Неутомимая эволюция породила крылорезов для охоты на летучих рыбешек. Обычно те загоняли добычу стаей, как и сейчас, на глазах у Мемор.

Асенат проревела:

— Я же сказала, верните их!

Кахалланец попятился, низко склонив голову.

— Они не реагируют, — прошептал он. — Они вольные наемники, и их трудно отвлечь от древних боевых ритуалов.

— Значит, они нацелились и пассажиров схарчить, — сухо сказала Мемор.

— Они заведены, — ответил кахалланец. — Тяжело до них достучаться.

Крылорезы кружили около летучей рыбешки. Та выпалила в них из своих водородных дюз. Плюмажи пылающего газа вылетели наружу и мгновенно обратили нескольких крылорезов в обугленные ошметки. Тела закувыркались прочь, но крылорезы все прибывали и прибывали. Длинные челюсти с острыми как бритвы клыками смыкались на плавниках и перекусывали их, мешая летучей рыбешке маневрировать. Новые оранжевые языки пламени лизнули стаю,

испепелив еще нескольких крылорезов.

Небесная рыба шла на сближение, Асенат приказала включить захват звука битвы через наружные уши. Мемор услышала резкие вопли обожженных. Но их заглушали боевые кличи крылорезов, пронзительные и звучные, а фоном им служила глубокая басовая нота агонии летучей рыбешки, эхом перекатываясь на умалявшемся расстоянии до преследователей.

Крылорезы стали вгрызаться летучей рыбешке в бока, проедая себе дорогу внутрь. Утыканные острыми иглами крылья врубались в чешуйчатую плоть. Мемор казалось, что атакующие наносят на блестящие листы чешуи какие-то послания и канавки символов вскоре заполняются красной жидкостью. Эти хищники были порождением эволюции, регулирующим численность добычи; ныне они служили высшей цели — но лишь в том случае, если удавалось притупить их боевую страсть.

— Готовьтесь стрелять по ним, — велела Асенат.

— Обращаю ваше внимание, что на таком расстоянии добиться особой точности не получится, — сказал кахалланец. — Боюсь, что…

— Делайте, что я говорю, — огрызнулась Асе-

нат, — или эти твари прогрызут бока рыбе, а потом займутся ее пассажирами.

Кахалланец не стал спорить. Обернувшись, он отдал приказы. В усиленном буханье, среди криков и воплей, Мемор едва различила резкое *псссст!* бортовых дротикометов. Дротики настигли крылорезов, следом включились лазерные батареи, сжигая больших птиц быстрыми плевками ослепительного зеленого света. Чтобы не ранить летучую рыбешку, метили они в основном по тем крылорезам, которые разлетались прочь, так что хищники, уже вгрызшиеся в плоть рыбы, некоторое время избегали атаки. Оранжевые выхлопы из чрева летучей рыбешки снова лизнули улетающих врагов. Тревожным крещендо подскочили крики и визги крупных птиц. Дротикометный огонь ослабел, когда целей поубавилось; над зелеными лесами и сверкающими на солнце озерами пошел черный медленный дождь кувыркавшихся при снижении, обугленных, разъятых выстрелами тел. Немногочисленные уцелевшие крылорезы прервали атаку и метнулись прочь, оглашая округу протяжными печальными воплями.

— Очень хорошо, — похвалила Асенат.

— Давайте снизимся следом за летучей рыбеш-

кой, — предложила Мемор. — Можно опуститься и захватить их.

Асенат о чем-то переговорила с кахалланцем, затем развернулась к Бемору, не обращая внимания на Мемор.

— Такую маленькую рыбешку мы можем просто проглотить. Нет нужды садиться. Можно продолжить полет на большей высоте, поймав попутный ветер к верхней Зеркальной Зоне.

Бемор выразил перьями согласие, но взгляда от комма не отвел.

— Хорошо. Так и поступим. Нужно поймать всех остальных Позднейших Захватчиков.

Мемор почувствовала, что ее оттесняют. Она ведь так долго преследовала непокорных приматов, а теперь Бемор и, что еще неприятнее, Асенат намерены приписать все заслуги себе. Ну, по крайней мере, дело сделано.

.

— В чем их важность? Я, конечно, рада поимке…

Бемор издал низкий басовый рык.

— Ледоразумы повелевают. Везде развиваются события. Кризис усугубляется. Нужны приматы.

— У нас ведь есть одна… — Она указала на Тананарив.

— Может потребоваться больше. Ледоразумы желают воспользоваться ими для конверсионного погружения.

Мемор обуревали неприятные ощущения. Распаленное Подсознание стучалось, требовало внимания к себе, но времени не было.

— Погружение? Это может им навредить.

Тананарив, кажется, слушала разговор, но благоразумно отмалчивалась.

— Вот почему нам требуется несколько каналов. Подключение может губительно воздействовать на них, и в этом случае понадобятся резервные экземпляры.

Мемор спросила негромко, чувствуя, как Подсознание колотит тремор:

— А что за кризис?

— У нас серьезные проблемы со Струей.

Часть двенадцатая
Слово Камбронна

Считается, что при Ватерлоо генерал Камбронн в ответ на предложение сдаться воскликнул: «Гвардия умирает, но никогда не сдается!» На самом деле Камбронн ответил: «Merde!»[24]*; по сей день французы иносказательно обозначают это слово как «le mot de Cambronne»*[25]*. Оно эквивалентно нашему четырехбуквенному слову для испражнений*[26]*. Вся полнота разницы между возвышенным и приземленным описаниями войны заключена в различии между этими двумя цитатами.*

Эрнест Хемингуэй, Люди на войне

---

[24] Примечания: 24
Дерьмо! (*франц.*)

[25] Примечания: 25
слово Камбронна (*франц.*)

[26] Примечания: 26
shit (*англ.*).

36

Первый взгляд на Птиц, управлявших большой небесной рыбой, ошеломлял. Клифф видел раньше таких особей Народа, при проникновении внутрь через воздушный шлюз: очень давно, как сейчас казалось. Потом до него доходили отрывочные сведения о Народе из передач с борта «Искательницы солнц».

Но эти Птицы выглядели иначе: крупнее, с длинными кожистыми шеями и большими головами. Перья скрывали форму тела. У тех Птиц, возле воздушного шлюза, тоже были перья, но не такие длинные, роскошные и цветастые. Когда отряд Клиффа и группу силов конвоировали на борт, три крупных Птицы встопорщили перья и громко зашелестели ими, а шейные бахромы стремительно замелькали разными цветами — фиолетовые, розовые и слоновой кости. Нижние части оперений казались нежнее, и там цветные полосы отливали коричневыми и контрастно-фиолетовыми оттенками.

.

— Они… совсем как огромные павлины, — шеп-

нула Ирма.

Клифф кивнул. На Земле у павлинов несоразмерно огромное оперение служило целям брачного ритуала. А эти вечно изменчивые, громко шуршащие перьевые рисунки явно играли куда более существенную роль в коммуникации. Под слоями перьев просматривались узловатые мышцы тазового пояса. Свободно сочлененные плечи позволяли хитроумно контролировать перьевые дискурсы.

— Я бы предположил, что это скорее невербальная коммуникация.

Кверт жестом выразил согласие.

— Вон те полые перья указывают настроение. Те, похожие на кисточки, возле ушных раковин, канализируют звуки. Много перьевых сигналов. Шелест и шорох тоже сигналы передают. И выбор цвета много информации дает.

Айбе проговорил:

— Структурная цветовая кодировка, думаю. Микроканальцы такие тонкие, что там происходит интерференция падающего света, который переотражается в том цвете, какой желателен Птице.

Клифф смотрел, как блестят и переливаются на свету, меняясь под разными углами зрения, вели-

колепные радужные, синие и зеленые плюмажи.

— Отражения от волоконец, да, похоже.

Люди и силы стояли, сбившись в кучку. В большую каюту медленно, скользящей походкой вступили Птицы. Остановились. Огромные чужаки нависли над пленниками и издали серию длинных упорядоченных гогочущих звуков.

— Что они говорят? — спросил шепотом Терри.

— Приветствие посетителям. Но посетителям низшего ранга, которые о том в ответ заявить должны.

— Заявить? — переспросила Ирма тоже шепотом. — Как?

Кверт обратился к другим силам с быстрым журчащим вопросом. Те ответили коротко, негромко, отрывисто.

Кверт посмотрел на людей. Его морда сморщилась, обретя сухое спокойное выражение.

— Силы не заявят, и вам не надо.

— Хорошо, — ответил Айбе, остальные кивнули. Не надо им почестей, но и унижаться не заставят.

Клифф изучал пронзительные птичьи глазки особей Народа, которые сложно было с чем-то перепутать: крупные, но сейчас полускрытые за тяжелыми веками, сжатыми в щелочки. Зрачки

большие и черные, радужки ярко-желтые. По ту сторону глаз что-то происходило. Клиффу показалось, что Птицы неторопливо, задумчиво оценивают группу людей и силов. Высокие пернатые чужаки покачивались на здоровенных задних лапах и хвостах, жестикулировали, перешептывались, не сводя взоров с пленников. Клиффа пронзило неприятное ощущение опасности, но совершенно особое, взывавшее к примитивным рефлексам. Ноздри его непроизвольно раздулись, он автоматически принял стойку готовности к драке — сжал руки в кулаки и упер в бедра — и смело встретил взгляды чужаков.

Три Птицы стояли посередине каюты с розовыми стенами, похожими на стенки кишечника. Представителей Народа окружали многочисленные адъютанты, а еще некоторое количество слуг разбежалось по неведомым делам. Были эти создания низкорослы и шестилапы, с плюмажами на головах; они таскали какие-то тяжести и сновали среди розовых мясных стен с неутомимой энергией. Вокруг Птиц все время что-то происходило, а сами они двигались медленно, словно скользили на коньках. Клиффу это напомнило странный парад вокруг трех крупных, устрашающих флагманских кораблей.

— Ирма! Клифф!

Внезапно появилась Тананарив Бэйли. Выбежав из-за Птиц, она устремилась к людям. В этом странном месте любого друга встретить было словно дар небесный. Тананарив кинулась им в объятия, они все стали наперебой ее приветствовать. Клиффу она показалась жилистой, подтянутой, как гимнастический снаряд в людском обличье; под кожей на лице отчетливо проступали кости черепа. Ирма громко рассмеялась:

— Наконец-то женская компания!

Они все засмеялись, долго, счастливо. Стали перебрасываться шутками-прибаутками.

Самая большая Птица издала долгую громкую трель, прервав их веселый треп. Люди поглядели в желтые глазищи чужака.

— Они говорят, что вы им нужны, — перевела Тананарив, — но я никогда не могу сказать наверняка, искренни ли они.

— Их небесная рыба попросту *заглотила* нашу, — сказала Ирма. — Я подумала, нам каюк.

— Это лучше, чем безнадежная драка, — сказал Терри. — Но да, мы в плену.

Клиффа наконец охватило осознание событий последнего беспокойного и безнадежного часа

бегства. Он долго скрывался, возглавляя отряд, чудом ускользал от новых и новых ловушек… и надо ж было так быстро угодить в плен. Их *проглотили* одним махом: ушат холодной воды по разгоряченному самолюбию.

Он открыл было рот для ответа, но ничего не придумал. Остальные все еще радовались встрече с Тананарив, не вполне понимая последствия.

— Возможно, они хотят переговоров? — сказал Клифф, сам себе не слишком веря.

Тананарив ответила:

— Они получили приказы от кого-то вышестоящего — захватить вас, и точка. Они следили за вами с тех самых пор, как вы вошли в контакт с этими Ледоразумами, или как бишь их. Им долго пришлось за вами гоняться. Птицы большие, по туннелям подповерхностной структуры Чаши они лазить не станут. Они постоянно ноют, что приходится пользоваться транспортными аппаратами, не рассчитанными на их расу.

— А что происходит? — спросил Айбе.

— Они в затруднительном положении. Не знаю почему.

Тананарив подошла к Птицам и представила Асенат, Мемор и Бемора. Некоторое время ушло на разъяснения, что у Мемор и Бемора,

в сущности, одинаковый геном, что они вроде разнополых дизиготных близнецов, но что Бемор каким-то образом усовершенствован и занимает более высокий общественный пост.

— Он говорит с Ледоразумами. А это Асенат… — Тананарив мотнула головой в сторону высокой Птицы с резким колючим взглядом и нетерпеливо шелестевшими густыми перьями. — Старшая Мудрица. — Она передернула плечами. — Насколько могу судить, она руководит операцией.

Воспоследовало еще несколько сеансов перевода, поскольку Мемор настояла, чтобы ее представили полным титулом Уполномоченной Астронома-Дальновзорки, а Бемор, заслышав это, ввернул свой титул Изыскателя и Тайного Посланника к Ледоразумам. Тананарив шепнула:

— Вы постарайтесь время от времени вставлять их титулы в свою речь; им это по нраву.

Клифф наблюдал за огромными чужаками в смешанном свете звезды и Струи: в этих высоких широтах сияние двух источников изливалось на пол мясной каюты сверкающим беловато-желтым маслом. Асенат прогромыхала:

— Наконец-то вы попались. Первым делом вы поможете нам приготовить ответное послание тем, кого вы называете глорианцами, и начать

обманный маневр.

Земляне покосились на Клиффа. Он увидел, как здоровенная башка Асенат склоняется к ним, словно прислушиваясь. Клифф заподозрил, что это просто угрожающий жест, и решил не обращать внимания — единственная разумная стратегия.

— Обманный маневр?..

— Глорианцы полагают, будто это вы, приматы, управляете нашей Чашей и пилотируете ее, — прогромыхала Асенат. — Они введены в заблуждение нашими траекториями и решили, что Чаша направляется к ним от вашей родной планеты.

— Странно. И что? — Клифф решил пока притворяться тупицей. Столько всего происходило кругом, что было и вправду тяжело понять. Нужно поговорить с Тананарив и собраться с мыслями. Эти Птицы через посредство Тананарив уже общались с Редвингом — интересно, добились чего-нибудь?

Перья Асенат налились красным и розовым; голова опустилась еще ниже. По-английски инопланетянка говорила отрывисто, грубо. Возможно, лишь недавно научилась языку, а может, коверкала речь специально.

– *Разумеется*, мы летим к одной Цели, имя ей Глория. Много тысяч оборотов, сходные цели у разных видов. Единственная загадка: почему вы, на своем простеньком, хотя и умело стачанном кораблике, дерзнули взыскать статуса, обещанного глорианскими технологиями.

Клифф пожал плечами и посмотрел на Тананарив; та тоже пожала плечами.

— Обещанного?

— Гравитационные сигналы. Это ведь они вас приманили?

— Не совсем. Мы летим на Глорию, потому что там биосфера вроде нашей. Нам подходят тамошние уровни кислорода, водяного пара, биогеохимический цикл водорода. И никаких признаков технологии. Никаких примесей странных элементов в атмосфере. Никаких ЭМ-сигналов. Вообще никакого трафика. Такой была наша планета тысячи лет — оборотов, по-вашему? — назад. — Клифф развел руками, надеясь, что Птицы правильно истолкуют этот жест как признание очевидного.

Асенат недовольно зашуршала перьями, фиолетовыми и алыми:

— Ваш корабль принял сообщения глорианцев, и вы продолжаете делать вид, что не поняли?

— Чего не поняли?

— Глорианцы, как вы их называете, относятся к Августейшим.

— В смысле?

— Они не удосужились ответить на наши электромагнитные сигналы за много мегаоборотов. Ни разу. Ни на каких частотах. Они Августейшие Отшельники.

— Ну, это о любой скале можно сказать.

— Высокоразвитые общества этой галактики общаются между собой по каналам связи, предназначенным для Августейших, и вы, юные расы, не в состоянии обнаружить их. — Асенат пошелестела крыльями, придав им синевато-белый оттенок яичной скорлупы. — И, что более важно, сигналы эти обладают высочайшей плотностью упаковки информации, так что вы, юные виды, даже ответить на них не сможете.

— Мы приняли гравитационные волны оттуда, незадолго до отлета с Земли, — согласился Клифф. — Но они не были похожи на сигналы, просто шум какой-то.

— Так думают юные цивилизации, — сказал Бемор, стоявший рядом с Асенат. — Мы же…

Внезапно три Птицы замолчали, Бемор застыл, не закрыв клюва. Повисла тишина. Желтые гла-

зищи уставились в пространство.

Кверт скользнул к Клиффу и прошептал:

— Другие голоса слышат.

— С ними уже такое происходило, — сказала Тананарив, — они откуда-то сигналы принимают. Давайте не будем времени терять. Какая у нас стратегия?

— Птицы что-то задумали, — сказал Айбе, — они явно хотят нас как-нибудь использовать. Хотел бы я знать, что они сейчас слушают.

— Слышат они то, что мы, силы, явили миру, — сказал Кверт. — Поведали. Древнюю правду раскрыли мы.

— Как? — спросила Тананарив.

— Народ управляет электромагнитными каналами Чаши. Потому силы зданиями знаки подают. — Негромкая текучая речь Кверта звучала загадочно.

— Эти вот деформированные дома, которые вы возводили на наших глазах? — спросил Клифф. Он вспомнил, как стремительно отстраивался после бомбежек город силов. Вот растущая из руин арка взметнулась параболой к небу, вот бежевые опорные стены поднялись из того, что казалось грудой липкого грязного пластика. Деформировались и принимали новую форму балки,

продолговатые окна проявлялись из грубого субстрата; все хозяйство питалось от солнечных батарей. Силы придавали новые черты всему своему городу, словно формовали стеклянные изделия из расплава: элегантные мостики и арки, изящные шпили.

— Вы подаете сигналы своими городами? — спросила Ирма. — Как?

— Город всем по Чаше виден. Другие знают, как смотреть. Получают сообщение. — Полное спокойствие облекло гуманоидного кота, словно незримая вторая шкура.

— А что это за сообщение было?

Кверт медленно оглядел собравшихся с таким видом, словно у него с плеч наконец свалился тяжкий груз. Поведя мордой из стороны в сторону, он проговорил:

— Чаша миновала ваше солнце. Слишком близко. Подтолкнула массы. Повредила биосферу мира.

— Что? — воскликнула Ирма. — Когда?

— Давно. Народ зовет это Великим Позором.

Терри спросил:

— А вы как про это узнали?

Кверт озадаченно посмотрел на него: человеческая привычка оформлять вопрос растущим

тоном в конце фразы всегда смущала сила.

— Это вы. Ваш корабль нам сказал.

— Что-о? — Терри развернулся к Клиффу. — Ты от Редвинга это получил?

— Угу. Я передал Кверту. Я не поверил, честно говоря.

— И нам не сказал! — воскликнул Айбе.

— Я не видел в этом нужды. — Лицо Клиффа застыло. — Я до сих пор не уверен, что это правда.

— Мы получили больше от… других, — сказал Кверт. — Идемте.

Кверт провел землян в небольшое помещение, своего рода складку розовых ребристых стен большого зала. Клифф оглянулся. Птицы застыли, где стояли, взгляды устремляя в бесконечность и продолжая слушать какую-то передачу… Откуда? Тела чужаков напряглись, лапы когтили пол. Клифф развернулся и прошел в узкую комнатку, залитую бледно-синим флуоресцентным сиянием экрана.

— Карту нам послали. История.

Карта представляла трехмерную проекцию космоса. В ней сияла рубиновая царапина.

— Чаша сюда прилетела. Время назад.

Стартовая точка представляла Чашу — маленький кубок с красной звездой внутри. Рубиновая

линия побежала назад во времени, среди звездных пространств. Клифф и другие земляне перешептывались, глядя, как мелькают созвездия; обратное течение времени ускорялось. Линия петляла среди звездных точек — желтых, красных, порою ярко-голубых — все быстрей и быстрей, пока перспектива не спуталась окончательно. Но вот линия оставила позади сияющий Рукав Ориона. Стали различимы другие звездные спирали. Чаша углубилась в изъязвленный яркими световыми очажками Рукав Персея, побродила там, описала петли вокруг некоторых мерцающих звезд, очевидно, представлявших тогда интерес. Клифф понял, что тактика Чаши заключалась в том, чтобы осторожно перейти, каким-то образом замедлившись, в неглубокий гравитационный колодец далекой звезды, а потом снова ускориться и унестись прочь. В увеличении рядом с желтым светилом стали видны яркие искры, разлетавшиеся от Чаши; они погружались в гравитационный колодец целевого светила значительно глубже. И скоро возвращались, вероятно, неся добычу с миров, кружащихся по своим орбитам внутри гравитационного колодца. Такое произошло под взглядами людей несколько раз.

Затем Чаша пересекла область, в которой Клифф определил Местное межзвездное облако внутри Местного пузыря, вспомнив почти забытые со времен какой-то лекции термины для обозначения окрестностей Солнца. Чаша прибавила скорость, слегка изменив курс и взяв направление на следующую яркую цель.

Клиффу и силам приходилось интерпретировать сюжет ролика шиворот-навыворот, ведь запись прокручивалась в обратную сторону. Затем Чаша и ее звезда сблизились с другим светилом, желтым. Пленники проследили это сближение и стали его обсуждать, восстанавливая картину случившегося в правильной последовательности. Продолжая полет, Чаша опрометью вынырнула из разрушенной, обезображенной системы. В сиянии желтого солнца блестели кометы, и легко было понять отчего: Чаша взбудоражила роившуюся вдали от центральной звезды кометную мошкару. Пропахала крошечные сияющие точки, разметала их, направив некоторые к светилу. Достаточно было и одной.

Одна из комет начала спуск в глубины пологого гравитационного колодца, постепенно набирая скорость и устремляясь к бледной голубой точке.

Чтобы врезаться в нее.

— Они разметали наше облако Оорта, — сказал Айбе. — Вот оно что. Они… они направили эту комету к…

— Это был несчастный случай, — сказал Терри, — но Птицы уничтожили динозавров. Потомков собственного вида. Не знаю, как тут временную шкалу вызвать — а что за единицы измерения, кстати? — но понятно, почему нам это показывают. Кто-то демонстрирует, что ему все известно. Птиценарод повел себя безответственно. Слоны в посудной лавке.

— Ага… — Ирма вперилась в экран. — Но кто?

Клифф молчал, пытаясь осмыслить увиденное. Рядом ощущалось напряженное, энергичное присутствие: Кверт. Было похоже, что чужак ждет исхода некоего критически важного этапа своих планов. Тем не менее ничего визуально заметного не происходило. Клифф произнес:

— Терри, думаю, глорианцы хотят сказать этим: «*Видите, мы знаем всю вашу подноготную*».

Кверт стоял невозмутимо, храня спокойное выражение морды. Другие силы в комнатку не входили, столпились на пороге, молча глядя в проекцию.

— Народ на другие звезды летал после вашей. Но ваша особая по другой причине.

— По какой? — спросила Ирма.

— Они с вашей звезды.

— Кто? — скептически дернула Ирма уголком рта. — Птицы?

— Смотрите.

Кверт повел лапой вдоль экрана; рубиновая линия ускорилась, плавно прочерчивая путь от звезды к звезде через Рукав Ориона. Теперь замедление Чаши едва ощущалось, как и высылка экспедиционных кораблей; казалось, что артефакт тут же устремляется дальше. Клифф сбился со счета посещенных Чашей солнц. Траектория описала длинную плавную арку; отбор проб со светил и миров продолжался. Линия заложила обратную петлю среди медленно движущихся звездных россыпей.

— Это еще более ранние эры Чаши? — спросила Ирма. — Наверное, совсем уж глубокая древность.

— Заметь, как Чаша теперь перемещается от звезды к звезде, делая остановку у каждой, — сказал Айбе. — Это логично. На ранних этапах полета им все было внове. Они примеривались к планетным системам вокруг иных звезд, классифицировали…

— Смотрите, она устремляется… снова Мест-

ный пузырь, — перебил Терри. Появился оверлей цвета слоновой кости: тонкий пузырь, примерно сходный с областью разреженного пространства, где расположено Солнце. — Но… Солнца там нет.

— Звезды ведь не стоят на месте, — сказала Ирма. — Чаша там не задержалась, просто проскочила.

Айбе заметил:

— А теперь замедляется, подлетает к желтой звезде… стоп, а это ж мы!

Они ошеломленно наблюдали, как Чаша и ее красноватое светило продолжают замедляться, подползая к желтой звезде.

— Не может быть, — пробормотал Терри, указывая на проекцию. — Видите? Чаша паркуется на орбите, она…

Изображение застыло.

Ирма прошептала:

— Чаша явилась… из двойной системы.

— Они построили ее вокруг одного из солнц, — сказал Клифф, — а вторым было наше Солнце.

— Разве мы от Редвинга что-то такое не слышали? — сказал Терри. — Давненько это было, но помню, что группа Бет проникла в музей и там увидела ролик о строительстве Чаши.

— В конце концов, — проговорил Айбе, — им

нужно было начинать с меньшей звезды. Прихватили большие массы из окрестностей этого светила и, как знать, из облака Оорта Солнечной системы тоже?..

Ирма хмыкнула.

— Хочешь сказать, что они *с Земли*?

Айбе пожал плечами.

— Похоже на то. В смысле, Марс когда-то был теплым, так что…

— В первый миллиард лет после возникновения Солнца или около того, — возразил Терри. — Конечная точка путешествия Чаши в этой записи не может быть так далека. Ерунда. Тогда бы получилось, что для возникновения разумных существ и технологической культуры достаточно всего миллиарда лет.

— Ладно, тогда выходит, что строители Чаши, кем бы ни были они, явились с Земли, — сказала Ирма, уперев руки в бедра. — Разумных существ с лун Юпитера, Венеры или еще откуда позвольте не учитывать.

— Ну да, — согласился Айбе. — Итак, Земля. Этот Народ должен был появиться здесь примерно…

— Мы все об одном и том же думаем? — проговорил Клифф. — Это были динозавры. Правда, из-за перьев тяжело судить. Асенат скорей на

исполинского пасхального цыпленка смахивает, чем на тираннозавра рекса.

— Блин! — воскликнул Айбе. — Помните, когда мы в бегах были и прятались под мостом? Мы…

— Да, — сказал Терри. — Мы видели большую травоядную рептилию. И убежали, перепугавшись.

— Значит… — Клифф снова почувствовал себя биологом. — Эта тварь словно из юрского периода, сто сорок пять миллионов лет назад. А что, если строители Чаши прихватили современную им флору и фауну с собой?

— Потому что прибыли оттуда? — насмешливо фырк– нула Ирма. — Мы не нашли никаких развалин. Хочешь сказать, что мы не заметили никаких следов индустриальной цивилизации? Да одно это уже приговорит вашу идею!

— Возможно, она существовала очень недолго, примерно десять тысяч лет, — сказал Терри. — Мгновение ока в геологических масштабах.

— Подумайте, что обнаружили бы инопланетные исследователи на Земле спустя сто миллионов лет от нынешнего времени, — вмешался Айбе. — Их ученые нашли бы свидетельства активных тектонических сдвигов, ледниковых периодов, движений океанов и присутствия

жизни в определенные моменты геологической истории. И, возможно, периодических катастроф, в которых она гибла.

— Вот именно! — воскликнул Терри. — Если повезет, в каком-нибудь слое скальной породы обнаружатся следы городов и созданий, которые их построили. Но этот слой будет сплющен, окислен, изуродован субдукцией. Блин, да субдукция размажет в сантиметровую кашицу всю историю этих десяти тысяч лет. А спустя десятки миллионов лет не останется ничего.

Клиффа идея увлекла.

— Легко пропустить, особенно если не знаешь, куда смотреть.

— Это объясняет интерес Птиц к нам, — проговорила Ирма. — Мы их земляки!

Клифф заметил, что Кверт показывает глазами несогласие.

— Нет?

— Народ больше хочет знать про ваш корабль. Растения, которые у вас там. Тела ваши изучить, песни, фольклор.

— Они не знают, откуда мы? — удивился Айбе.

— Они знают. Им все равно. — Кверт считаные минуты назад выглядел совершенно спокойным, а теперь явно встревожился. Клифф задумался,

понятно ли чужаку и другим силам все значение прокрученного в обратную сторону исторического ролика. Поняли ли они, где Солнце — родная звезда Птиц?

Снаружи, из просторного зала, донесся жуткий бухающий рев. Клифф сначала принял его за взрыв, потом уловил другие ноты и понял, что это скорей рулада неимоверно тоскливого воя. *Словно кто-то плачет навзрыд*, подумал он. *Что-то.*

— Это Птицы, — сказал Айбе.

Кверт согласно щелкнул веками.

— Они… у них что-то пошло не так.

37

Редвинг вошел в сад и втянул носом воздух. Великолепные ароматы влажной зелени. Расслабиться на мгновение и просто подышать. Животные…

Животных привязали и накрыли сетками, а вид у них был весьма недовольный. Он этого не приказывал. Но, разумеется, должен был, учитывая, как потряхивало «Искательницу». Наверное, пальцезмейки постарались?

Пальцезмейки. Тоже часть экипажа, что он пытается спасти, хотя Редвинг частенько забывал об этом. Они в своем туннеле или?.. Нет, вон все трое, обернулись вокруг трех толстых яблоневых стволов.

Вдоль рядов растений двигался робот, анализируя почву и, где необходимо, впрыскивая растворы. Недостаточно одной гидропоники. Людям нужны микроэлементы, витамины, минералы. Растениям и животным, которые служат людям пищей, — тоже. Поэтому все организмы в переплетающихся пищевых цепочках должны поставлять другим нужные питательные вещества; утечка или выведение из цикла в

нерастворимых формах недопустимы. Около века назад, как выяснил Редвинг по архивным записям, начал пропадать селен. Лишь при помощи специально размороженных биохимиков высшего класса удалось снова наладить работу пищевой цепочки.

Редвинг с наслаждением вдохнул напоенный ощущением лесного комфорта воздух, и тут же «Искательницу солнц» тряхнуло; Редвинг схватился за опору. Змейки словно и не заметили. Фоштха и Штирк вперились в экран, показывавший размытые контуры земель по ту сторону Струи, и одновременно работали с чем-то стремительными точными движениями сложно устроенных конечностей. Фистер посмотрел на капитана.

— Фистер, это вы привязали свиней, овец и так далее? — спросил Редвинг.

— Да. Все ли в порядке? — ответил тонкий пронзительный голосок на отличном английском.

— Да, спасибо. А вы?

— Еще лучше. Ну и поездочка!

Редвинг покинул сад, чувствуя себя значительно лучше. Так, дальше что? В тесноте каюты было проще совладать с мыслями. Он пошел к себе, слушая, как стонет и трещит палуба под напором

бурь Струи. На видеостене менялись картины Чаши; в положении стоя Редвинг выполнил несколько упражнений, привыкая к новой, скособоченной силе тяжести — «Искательница солнц» летела теперь по спирали. Он научился полностью погружаться в себя, отстраняться от монотонного гудения двигателей, спертого воздуха, постылых запахов, создавать спокойное безмолвное пространство для жизни, отдыха и раздумий. В непрестанном гудении у него обострялся слух, что помогало вычленять чужие шепотки из постоянных вибраций «Искательницы». В гарнитуре зажужжал сигнал входящего вызова.

— Капитан, приходите на мостик, тут есть на что посмотреть. Струя по-настоящему змеится. По ней идут протуберанцы, здоровенные такие, похожие на сосиски.

Он поспешил обратно, продолжая прислушиваться к шорохам и потрескиваниям корабля. Сотрудничество с экипажем помогло ему научиться внимательно слушать или, напротив, осознанно не слышать. Ценный навык, для овладения которым достаточно ежедневной практики длиною в жизнь.

Голос Бет выдавал напряжение, а ведь она

лишь недавно заменила Айян Али в кресле старшего пилота; второе кресло на этой вахте выпало Клэр Конвей. Все были бледны и не сводили глаз со стеноэкранов и консолей. Длинная спиральная траектория «Искательницы солнц» в Струе измотала людей, а теперь корабль набирал скорость. Редвинг толком не отдыхал, остальные — тоже. Кофе помогал, но лишь до определенного момента.

Войдя на мостик, Редвинг отметил, что на редкой консоли не было оставлено стаканчика. Может, приказать перейти на декаф? Ладно, не стоит возни.

Карл, завидев Редвинга, обратился к нему:

— Струя извивается вблизи Свища, как и по симуляции должна была.

На самом большом дисплее Струя сияла сплошным желтым огнем. Камера смотрела прямо вниз, демонстрируя, как выгибается Струя совсем рядом с краем Свища.

— Видите? У Свища ее блокируют мощные магнитные поля.

— А Струя возбуждается только достаточно, чтоб они напугались, или сильнее?.. — Редвинг склонился над панелью и переключился на вид с боковой камеры. — А что это за вторичный горб?

Карл изучал картинку. Редвинг заметил, что Бет работает с другой камерой, телескопической, фокусируя ее вдали от Струи — на Зеркальной Зоне.

— Это какой-то нелинейный эффект, — доложил Карл. — Противоток.

— Ты хочешь сказать, что ударная волна теперь идет *нам навстречу*? — Редвинг смотрел, как нарастают боковые колебания по краям Струи. — Это от большого кинка?

Теоретически «Искательница солнц» могла бы кружиться в Струе неделями, не входя в зону обстрела гамма-лазеров с обода Чаши. Они уже достаточно углубились в Чашу, теперь зоны, примыкавшие к Свищу, просматривались лучше. Там центробежная сила тяжести была меньше. Позади лежало широкое кольцо Зеркальной Зоны, недоступное смотревшим вперед по курсу камерам, а впереди маячили зеленые области Теплиц близ самого Свища. Где-то там держали в плену Бет.

— Похоже, пошел нелинейный кинк, и к нам отразилась ударная волна, — сказал Карл. — Не понимаю…

— Вот более удачный ракурс, — перебила Бет. — Я попросила артилектов мостика отыскать ту

часть Зеркальной Зоны, которая бы дала нам отражение под углом, и нашла вот что.

Она улыбнулась; Редвинг чувствовал, как девушка наслаждается процессом. Одно из лучших качеств Бет: стоит дать ей свежее задание, и она тут же с энтузиазмом на него накинется. Неустойчивое и слегка размытое изображение открывало вид издалека и сбоку. Он смотрел, как выдувается бугор кинка, сталкиваясь с мощными магнитными полями на кромке Свища, а ударная волна отражается и начинает *подниматься* по Струе. Натиск на граничные магнитные поля Струи усиливался, кинк выдавливал ее все дальше в сторону…

— Похоже, что в ближайшей к Свищу зоне произойдет разрыв атмосферной мембраны, — проговорила Бет. — Струя хлестнет по ней на большой скорости — свыше ста кликов в секунду.

— В симуляции, как мне помнится, этого не было, — Редвинг позволил реплике упасть в молчание, но сарказма не проявил. Факты говорили сами за себя.

Карл кивнул и промолчал. Бет наблюдала, как стремительная боковая ударная волна сталкивается с молекулярной пленкой; поперечный

слой, словно прочерченный в графическом симуляторе, был так узок, что его с трудом удавалось различить.

— Достаточно ли там массы, чтобы нанести им ущерб?

— Вполне, — сказал Карл, — и плотность энергии магнитного поля также достаточна. — Он замолчал. Вид у него был тревожный.

— А как насчет самой структуры? — спросил Редвинг. Он знал, что прочность артефакта должна быть колоссальна. Опорный костяк «Искательницы солнц» состоял из материалов атомной прочности, способных выдержать огромные нагрузки воронки таранника на оси корабля. Наверное, и Чаша из чего-нибудь такого построена.

Карл ответил отсутствующим тоном, словно автомат:

— Я просканировал каркас Чаши и само основание через наши телескопы дальнего вида. Артилектам скормил спектр. Там толщина не больше нескольких десятков метров; в основном углеродные композиты, по крайней мере снаружи. Все это перемежается частыми вкраплениями дополнительной машинерии и каких-то обтекателей. Я рассчитал нагрузку.

— И это значит?.. — настаивал Редвинг.

— И это значит, что опорные структуры Чаши прочней «Искательницы солнц». Возможно, намного прочнее.

— Стоит ли изменить принятую траекторию? — спросила Бет, оглядывая экраны.

— Еще нет. — Он лихорадочно размышлял, но не мог прийти ни к каким выводам. Столько факторов на учете… — Тот сигнал, молния на мостике, — это, наверное, какое-то сообщение было?

— Я кое-что заметил, — отозвался Карл. — Смотрите. — Он коснулся контрольной панели и вывел на боковой дисплей запись. — Видите? Вон там.

Вектор указывал на зону, ближайшую к Свищу. Стали видны массивные магнитные катушки на кромке, потом показалась граница атмосферной пленки, отливавшая оранжевым в отраженном свете Струи. От громоздких конструкций Свища вдаль тянулись зеленые леса.

— Нас держали в такой же местности, — сказала Бет. — Низкая гравитация, высоченные деревья, большие паукообразные твари. Я видела такое же оранжевое мерцание высоко в небе; наверное, это как раз и был переотраженный верхним слоем пленки свет Струи.

На полпути через широкие леса зелень сменялась коричнево-черными спеченными пятнами, уже значительно выцветшими. Здесь, в окрестностях Свища, где проходила Струя, недавно часть обитаемой зоны прогорела до металлокерамической основы.

Карл медленно проговорил:

— Значит, нестабильность — важная проблема для них. Струя уже причиняла Чаше урон.

— Но разве лес не должен был довольно быстро закрыть проплешину? — спросила Бет.

— Возможно, там пострадала подповерхностная структура, — ответил Карл. — Системы доставки воды и питательных веществ. Еще не починили.

— Они пренебрегают ремонтом, — заметил Редвинг. — Типичный ранний признак деградации.

— Почему же они не предусмотрели систем защиты против случайного отклонения Струи? — спросила Бет.

Повисло молчание. Им вспоминалась танцующая в воздухе над мостиком под треск разрядов пламенная Чаша — послание неведомого отправителя. Карл приписывал этот эффект игре индуктивных электромагнитных полей на керамических переборках поблизости, но Редвинг

воспринял его гипотезу скептически. Капитан был уверен, что таким неуклюжим образом кто-то пытался привлечь их внимание. Но больше ничего не произошло.

— Наверное, тестовый сигнал, — предположил Карл. Редвинг решил тогда не уходить с намеченной спиральной траектории.

Клэр Конвей встала из кресла второго пилота.

— Капитан? За нами летят три маленьких корабля. Они несколько минут назад появились в зоне сканирования дальнего микроволнового радара.

Редвинг вывел картинку с радара на самый большой экран.

— Откуда они взялись?

— С кромки Свища вылетели, такое впечатление, — сказала Клэр.

— Возможно, это ответ на вопрос Бет, — предположил Карл. — Их послали на перехват.

— Расчетное время подлета на текущем курсе? — спросил Редвинг, следя за своим голосом.

— Около двух часов, — сказала Клэр.

— Дайте картинку.

Редвинг размышлял, что можно предпринять.

Особых средств обороны от кинетических снарядов или высокоэнергетических лазеров у

«Искательницы солнц» не было. На короткой и чрезвычайно разрушительной Астероидной Войне он выучил простой урок: любой объект, летящий на скорости три километра в секунду, эквивалентен такой же массе ТНТ. А скорость «Искательницы солнц» значительно превышала сто километров в секунду. Плюс кинетическая энергия атакующего. И в квадрат возвести. М-да, любой практически полезный космический двигатель — оружие массового поражения, в том числе и для себя самого.

Поэтому корабль оборудовали автоматическими лазерными батареями под управлением артилектов, предназначенными для расчистки пути меж звезд. Они способны были за микросекунду разнести на ионы камень размером с кулак или меньше. Однако с более тяжелыми снарядами управиться было непросто. Конечно, их можно немного отклонить, и не исключено, что это сыграет решающую роль… ну и всё. На скоростях, с какими двигалась «Искательница солнц», хватило бы обломка величиной с кресло пилота, чтобы пробить корпус.

— Они невелики и маневрируют быстрее нас, — сказала Клэр. — Ускорение 3*g*.

— Наверное, роботы, — сказал Редвинг. Ему

это не понравилось. — Как они ориентируются в Струе? Вы можете выяснить?

— Похоже, у них такие же воронки для прямоточника, что и у нас. Но, разумеется, меньше.

Клэр вызвала картинку с телескопа, каким ранее воспользовалась Бет, и показала маленькие порхающие точки.

— Менее сотни метров в поперечнике, — сказала она. — Цилиндрической формы, сигнатура ионного двигателя.

— Возможно, они нас прежде не принимали всерьез, — предположил Редвинг. — Рефлексы заторможены.

— Нет, — ровным голосом проговорил Карл. — Мы что-то упускаем из виду.

Корабль стонал и скрипел, дергался и дрожал, длинные раскатистые басовые ноты перекатывались по палубам. Все молчали, а Редвинг прислушивался к своему звездолету. Команда работала в поте лица, пытаясь уточнить характеристики ревущей Струи, которая в этот момент насыщала топливом воронку таранника и камеры термоядерного сгорания. Корабельные артилекты тоже работали, но редко давали о себе знать или просили внимания. Их таланты спроектировали и натренировали не для игры

воображения и быстрой реакции на нечто новое, а для монотонной работы. Неприятную тишину нарушил негромкий голос Бет, глядевшей на экраны.

— Ударная волна вытесняет Струю за пределы Свища… Удар по мембране. На большой скорости.

Все развернулись и увидели это — в максимальном приближении. Бет использовала оранжево-желтую цветовую кодировку для плазмы и запаздывающих полей, и комки нитей этих цветов указывали место удара Струи по атмосферной пленке Чаши. В космос улетучивались газовые метелки и заметные в обычном диапазоне жемчужные фонтаны. Редвинг понимал, что это означает. Высокоэнергетическая плазма, ранее скованная чехлами магнитных полей, полосовала длинноцепные органические молекулы граничной пленки, разделявшей множество секций Чаши и удерживавшей над обитаемыми зонами значительные количества воздуха. Все эти зоны теперь охватит буйство освобожденных плазменных фурий.

Он попытался представить, каково сейчас обитателям Чаши там, внизу, и тут же принудил себя отогнать эти мысли. Палубу сотряс гулкий

удар, донесшийся за сотни метров по всей длине корабля.

— Плотность массопотока плазмы возрастает, — сказала Бет. — У нас снова блокировка выхлопа.

— Раньше тоже так начиналось, — сказал Карл. — Для разряда в воздухе нужны…

— Мегавольты, — бросила Клэр. — Ясно. Если это случится, лежите ровно. Поднимете голову — сразу током стукнет и поджарит.

— Думаешь, оно… они… пытаются убить нас? — спросила Бет. — Это может быть попытка общения.

— Странный способ поговорить, — сказал Редвинг.

— Наверное, в отместку за то, что мы в Струю полезли, — сказал Фред. Он вошел так тихо, что на мостике никто не заметил его появления.

— У нас на корпусе индуктивные эффекты усиливаются, — доложила Бет. — Похоже на альфвеновскую рябь в полях воронки. Сильные электрические…

У Редвинга волосы встали дыбом, и он кинулся на палубу.

Полетели искры. Все бросились на пол и замерли. Воздух рассекла яркая желтовато-белая

молния. За нею новые, еще и еще. Электрические дуги выгибались из стороны в сторону, расщеплялись, прочерчивая желто-зелеными нитями резкий контур…

— Человеческая фигура! — воскликнул Фред с пола. — Они рисуют наше изображение. Они знают, кто мы такие.

Фигура колыхалась и дрожала в наэлектризованном воздухе мостика. Она была похожа на скверный шарж: ноги вытянуты, руки свисают по бокам, голова качается, ладони, поначалу распростертые, сжимаются в кулаки, все тело трясется, как под бичом. Потом разряд зашипел, сверкнул, и фигура пропала.

— Как думаете, они нас видят? — спросила Бет.

— А кто *они*, собственно? — ответила вопросом Клэр. Ее щеки разрумянились, губы были крепко сжаты. — Они пытаются влезть в наш движок, остановить нас. Посылают нам эхо, зеркальное изображение нас самих — что ж это за общение такое?

Фигура проявилась опять. Очерченный желтыми и оранжевыми линиями контур потрескивал, колыхался и искрил.

— Дайте-ка я… — Клэр осторожно подняла руку в пахнущий гарью воздух. Долгое мгновение…

затем фигура тоже шевельнулась — медленно, подергиваясь и сотрясаясь, теряя четкость в ногах. Подняла левую руку зеркальным отражением Клэр, поднявшей правую. Воздух вокруг танцующего желтого контура зарябил. Рука согнулась, покачалась, ладонь… расщепилась. Вырос большой палец, вытянулся, налился красным и сжался. За ним налилось цветом все трескучее изображение: кожа стала ярко-желтой, опаленной, сморщенной. Формировались черты лица, с натугой начали проявляться рот и глаза цвета бледной слоновой кости. Электрический туман замерцал, словно вот-вот должен был последовать пробой.

Клэр медленно согнула пальцы.

Пальцы электрической фигуры тоже задергались, окутанные восково-шафрановым сиянием. Тело неуверенно закачалось в воздухе, сохраняя приблизительную форму; теперь все контурные ярко-желтые линии сфокусировались на мерцающей, желтой, словно обожженной руке.

— Давайте попробуем просигнал… — начал Редвинг.

Хлопнул воздух. Все пропало, сохранился лишь резкий неприятный запах, от которого покалывало в носу.

Клэр негромко всхлипнула. Фред вскочил и стал озираться во всех направлениях, но никого не увидел. Единственным звуком на мостике остался мерный рокот термоядерных двигателей.

— Возвращаемся за консоли, — приказал Редвинг.

Клэр засмеялась высоким, истерическим смехом. Встала и вернулась в кресло второго пилота. Все расселись по своим местам, тревожные и неуверенные.

— Низкочастотный спектр изменился, — доложил Фред.

— И что это значит? — спросил Редвинг.

— Интенсивность увеличилась. Дайте-ка я Фурье… — Его руки и пальцы плясали над консолью, посылая сложные команды через оптический интерфейс. — Да, некоторая частотная модуляция, когерентность высокая.

— Кто-то передает? Прямо сейчас? — удивилась Бет. — Может, они хотят с нами поговорить?

— Это *охренительно* низкочастотная штука, — сказал Фред. — Антенны, которыми мы отслеживаем межзвездные альфвеновские волны и следим за возмущниями полей воронки… в жизни не думал получить когерентное сообщение через них! — Он просиял. Фред всегда

радовался, сталкиваясь с новым и непознанным.

Карл поднялся и встал за спинкой кресла Фреда.

— Вы только гляньте на пик, — проговорил он, — верхняя частота пятнадцать килогерц. С ума сойти! Антенны излучают эффективнее всего, если их характерный размер порядка длины волны, значит… излучатель длиной по крайней мере тридцать километров!

Редвинг попытался вообразить, что за громадная структура способна посылать подобные сигналы.

— А на радарах видны объекты такого размера в Струе?

Ответ был получен быстро: нет.

— И как же нам его расшифровать? — спросила Клэр. Поднявшись, она подошла посмотреть на экран Фреда с Фурье-спектром.

— Могу, конечно, поискать корреляции, — сказал Фред, — но, блин, мы ж понятия не имеем, кто, черт подери…

В этот раз Редвинг едва успел почувствовать покалывание на коже рук и головы, как через весь мостик с шипением зазмеилась ярко-желтая молния. Воздух затрещал, и все снова нырнули на палубу. Редвинг тоже упал, растянулся ничком

и краем глаза заметил, что Клэр вместо этого решила прижаться к ближайшей стене. Разряд протянул к ней сверкающее щупальце и поймал. Клэр тут же дернулась, у нее резко хрустнули все суставы, а жуткой силы ток продолжал рассекать тело; рот Клэр неестественно распахнулся, из гортани вылетел хрип, челюсти так и замерли открытыми. От ее волос пошел дым, она стала сучить ногами и руками, а потом наконец повалилась на палубу.

От пряжки пояса, перехватившего ее красный комбинезон, посыпались искры. Из пальцев вылетели крошечные язычки пламени. Волосы задымились. Клэр еще вздрогнула пару раз и застыла в неподвижности. Редвинг не шевелился, но отметил, что напряжение ушло.

Повисла пахнущая гарью тишина; едкая вонь щипала ноздри.

В тишине прозвучал последний, негромкий и долгий выдох Клэр, вылетевший между сломанных зубов.

Люди начали осторожно подтягиваться к опаленному трупу. Бет всхлипывала. Редвинг размышлял, что можно успеть за краткое время до подлета цилиндрических кораблей чужаков, которые гнались за ними вверх по Струе.

38

Мемор, утратив самообладание, ревела и металась так, что две другие Птицы насилу ее сдерживали, а она огрызалась и царапала их когтями. Стоны и вопли сливались в какофонию, оглушая Тананарив Бэйли, бежавшую к месту драки огромных чужаков.

Адъютанты Мемор порскнули в стороны, не зная, как реагировать, жались к стенам и боязливо внимали глубокому горловому рычанию хозяйки. Тананарив видела, что они полностью парализованы страхом. Заметила она среди них и фигуру в капюшоне, с серой металлической головой гуманоида и тремя рубиново-красными глазками, пылавшими в тени клобука. Киборг, догадалась она: разум в металлическом теле. Такие устройства начинали появляться на Земле в пору их отлета; вполне естественно, что и в Чаше, которой миллионы лет, имеются подобные аппаратные воплощения чужацких артилектов. У киборга был металлокарборундовый корпус с четырьмя руками и мощными ногами. Прежде Тананарив искусственных существ тут не встречала, но вот одно из них, адъютант Птиценарода,

подобно остальным, опасливо попятилось к розовой живой переборке.

Тананарив оглядела тех, кто жался к стенам, и заключила, что все они слишком боятся и не видят никакого будущего, альтернативного пребыванию в системе Чаши. Они всецело посвятили себя Народу. Стазис, полностью неизменное состояние.

Затем панику нарушил поступок — со стороны Птиц. Бемор перешел к действиям. Он схватил генетическую сестру в крепкие объятия, а Асенат что-то сделала с затылком Мемор. Здоровенная пернатая фигура тут же перестала дергаться и дрожать, медленно расслабилась, лапы ее обвисли. Глаза Мемор уставились в пространство, морда лишилась всякого выражения, дыхание стало неспешным и тяжелым — *вуфф, вуфф*, Тананарив никогда еще от нее такого не слышала. Крупные ловкие четырехпалые лапы продолжали подергиваться, но вяло и бесцельно.

Бемор отвернулся от Мемор, пыхтя и сопя; на морде его были написаны беспокойство и усталость. Он проморгался, увидел людей и силов.

— Теперь мы знаем, какую информацию распространяете вы, силы.

Он говорил низким, угрожающим голосом,

зарождавшимся в бочкообразной груди.

Кверт, спокойный и собранный, выступил вперед; казалось, что он совсем не испуган. Тананарив до этого видела силов лишь урывками и пыталась составить о них представление. Гуманоиды, движутся с плавной текучей грацией, бежевые одеяния облекают тела в ритме ходьбы.

Кверт произнес:

— Глорианское сообщение поступило на человеческий корабль, «Искательницу солнц».

Бемор засопел, потоптался на месте, явно связываясь с артилектами и обдумывая их ответы, потом наконец проговорил:

— Да, и я отдаю себе отчет, что наши дозорные станции впереди по курсу не зарегистрировали полную форму глорианского сигнала и не придали ей должного значения. Увы, это бюрократическая ошибка. Станциям этим много килооборотов особо нечего было сообщать. Они впали в склероз, утратили способность адаптироваться к переменам и свежесть восприятия.

Кверт негромко ответил:

— Мы это знаем, сир.

Бемор проигнорировал почтительное обращение.

— Люди сумели передать глорианскую клевету

вам, непокорным и своевольным силам.

— Но, сир, вы сами наверняка понимаете, как это было важно. Мы ретранслировали сообщение посредством градоречи. — Кверт говорил негромко, а глаза его были неподвижны. — Затем поступило еще кое-что. Диаграмма пути Чаши. Полно исторических сведений, странных; глорианцам многое про нас известно.

Бемор воскликнул:

— Какая досада! Вам не положено было этого знать.

Кверт немигающими глазами смотрел на него.

— Силы, сир, были иного мнения.

Они углубились в жаркую дискуссию, и Тананарив быстро потеряла нить разговора, так что решила отойти на несколько шагов, там, где уютным кружком столпились люди. Проведя столько времени среди странных чужаков, чьи общественные сигналы с трудом поддавались разумению, она почти позабыла простое тепло пребывания среди соплеменников. После такого долгого перерыва общение с ними казалось ей благословением. Пока вокруг чирикали на птицеречи — Бемор громко бухал, Кверт отвечал тихо, растягивая звуки, — она изучала сородичей. Странно было задумываться над смыслом этого

единственного слова, обозначавшего их всех: *сородичи*. Она выдержала испытание и завербовалась на «Искательницу» ради одной цели: отправиться к далекой звезде и поучаствовать в зарождении новой цивилизации. Цель достаточно простая и самоценная — видовой императив, говорили некоторые, и она соглашалась. Тогда она четко знала, что делать. Ее яйцеклетки и сейчас на хранении, а в новом краю среди звезд, надеялась она, отыщется мужчина, достойный их, человек, с которым она сможет начать новую жизнь.

Но… ныне нервно болтавшие друг с другом сородичи казались ей… какими-то странными. Сбивчивые шепотки, плохо скрываемые, но явно испуганные взгляды искоса… ей все это казалось знакомым и в то же время крайне непривычным.

Например, Клифф выглядел сильно уставшим. Он исхудал. Стандартный экспедиционный комбинезон пестрел заплатами, участки на коленях и локтях полностью заменены и уже истрепались до неузнаваемости. Грубо подстриженная бородка, волосы в колтунах: так, наверное, в старину выглядели дикари после изматывающего многодневного перехода. Но глаза — быстрые,

внимательные, он прислушивался к разговорам отряда и в то же время пытался ухватить суть чужацкой беседы, кипевшей всего в нескольких шагах от людей. Тананарив мерещилось, что она наблюдает за ним издалека, через телескоп с большим увеличением, в незнакомом прежде ракурсе. Для представителя своего вида Клифф был необычно немногословен, он все время изучал окружение; его действия внушали уверенность, успокаивали и подбадривали. Но изучать психологию отряда было некогда. Им предстояли переговоры с чужаками на своих условиях, однако пока было неясно, что получится выторговать. Нужно использовать любую перспективу. Рассудив так, Тананарив обернулась к Ирме, улыбнулась, поболтала с ней немного, как принято у самок человека, и через несколько минут уже выведала всю историю.

Глорианцы передали собственную версию диаграммы долгого пути Чаши, сопроводив ее мультяшными угрозами — держитесь, дескать, подальше от Глории. Вероятно, они изучали все свои галактические окрестности уже довольно долго, храня молчание в электромагнитном спектре. Теперь, завидев постепенное приближение Чаши, они прибегли к простой сигнальной це-

почке в микроволновом диапазоне. И поведали поистине древнюю историю.

Событие, которое Птицы называли Великим Позором, было отмечено в истории Чаши. Силы записали его на языке своей архитектуры. Их город быстро перестроился после атаки Птице-народа; новая конфигурация парков, площадей, улиц и зданий кодировала сообщение, видимое и доступное для расшифровки другим обитателям великих просторов по всей Чаше.

Так Великий Позор получил широкую огласку.

— А почему, — спросила Тананарив, — это настолько важно?

— Потому что Птицы уничтожили свой родной мир, — сказал Клифф, — и это была Земля. Похоже, они вломились в облако Оорта, и этот гравитационный импульс столкнул с прежней траектории комету — убийцу динозавров — шестьдесят пять миллионов лет назад.

— И жизнь сменила направление, — произнесла Тананарив, глядя вдаль. — Вынесла смертный приговор динозаврам, но вызвала на сцену человека.

— Наверное, это не все, — сказала Ирма, — тут должно быть что-то еще.

Мемор вскинулась и издала несколько про-

тяжных надрывных воплей. Крупный толстый клюв ее приподнялся, испустив скорбную трель. Бемор заслонил своей тушей сестру-близняшку и, собравшись с мыслями, обратился ко всем:

— Силы, по правде говоря, не ведали, что творят. Да, это Великий Позор. Теперь о нем известно всем. Наша задача, следовательно, — донести до всеобщего сведения, что виновниками Позора являются более ранние расы, а Народ за это не в ответе.

Тананарив подняла брови, гневно глядя на него.

— А? Что я слышу?! *Народ за это не в ответе* — ага, щас! *Вы* во всем виноваты! А почему Мемор в таком раздрае?

Бемор поежился и ответил, понизив голос до глубокого баса:

— Она общается со своим… Подсознанием. Великий Позор доселе был для нее абстракцией. Теперь она осознала, что все это время Подсознание, блюдя ее душевную стойкость, утаивало от нее подлинное значение случившегося.

— А я думала, что вы, Птицы, видите все, что в подсознании творится, — сказала Тананарив.

— Не всегда. — Бемор помедлил, затем, пошелестев перьями в жесте, который, как понимала

она теперь, у Птиц означал «а, была не была!», продолжил: — ПротоНарод древности, виновник Великого Позора, не обладал должной мудростью. Они возвратились в родную систему, пылая энтузиазмом после триумфальных контактов со многими двадцатками окрестных миров. Динамику своей родной системы они хорошо знали, но не учли, что данные эти собраны в эпоху, когда звезда-соседка — наше нынешнее солнце — еще присутствовала на своем месте. И, возможно, чересчур смело углубились в крупное скопление ледяных астероидов.

Тананарив еще переваривала услышанное, когда Клифф, нахмурясь, произнес:

— У Чаши одна великая миссия: стабильность для всех. Так? Но Великий Позор находится с нею в настолько очевидном противоречии, что вы избегаете, — он мотнул головой в сторону Мемор, — даже признаваться себе в этом.

Повисло неловкое молчание. Затем ответила Асенат:

— Мы, Птиценарод, отличаемся от тех, кто соорудил Чашу. Им не было ведомо устройство собственного Подсознания. Непокорные импульсы, порождаемые Подсознанием, удается обуздать, пролив на них свет Надсознания.

Тананарив спросила:

— Вы считаете свое подсознание аналогом, э-э, бактериальной инфекции? Дезинфицируете его и так решаете проблему?

Бемор с Асенат переглянулись и обменялись быстрыми сложными перьевыми сигналами, сопровождая их шелестом, гоготом и воркованием. Бемор продолжал удерживать Мемор в хватке объятий, и великанша постепенно расслаблялась.

— Незнание собственных желаний только усиливает их, — сказал Бемор. — Потом они проявляются странными способами и в непредвиденные мгновения. Величайшие порывы оказываются утаены от Надсознания. Действующие агенты и подсистемы непосредственно мыслящей персоны подвергаются неожиданной атаке из Подсознания. Крайне примитивный режим.

— Бесконтрольный, да? — спросил Клифф.

— И противный стабильности, — добавила Тананарив.

Асенат вмешалась:

— Позднейшие Захватчики, вы хотите сказать, что понятия просто *возникают* у вас в Надсознании?

— Вы спрашиваете об идеях? — Тананарив поразмыслила. — Да, это так.

— Но вы понятия не имеете, откуда берутся эти идеи, — сказала Асенат. Бемор добавил:

— И, что еще хуже, им недоступны места, где эти идеи зародились. Сколь многое в собственных сознаниях им незнакомо.

— Невероятно! — воскликнула Асенат. — Но… по-своему эффективно. В конце концов, они ж сюда на собственном корабле прилетели.

— Есть много тонких моментов… — начал Бемор и осекся. — Но вернемся к работе. — Он развернулся и сделал жест. Адъютанты выкатили какой-то крупный механизм.

— Не нравится мне вид этой штуки, — сказала Тананарив. — Это та же машинка, куда вы меня раньше засовывали? Мемор с ее помощью изучала мои мозги.

— Нет, — сказал Бемор, — это устройство позволит тебе связаться с другими разумами. Говоря конкретнее, с теми, чьей посредницей ты обязана выступить.

— Чего?! — Тананарив развернулась к Ирме и Клиффу. — Блин, я ненавижу эту душную коробку. Там воняет, и такое ощущение, что в черепе какие-то змейки копошатся. А потом мне будто

пальцы в голову запускали. Мне приходили какие-то мысли и тут же исчезали, словно кто-то наложил на них грязные лапы.

— Требуется, чтобы ты вошла в эту установку, — сказала Асенат. Развернувшись к Бемору, она спросила на птицеречи, но не столь быстро, чтобы Тананарив не успела перевести: — Нужны ли нам другие? От них одни проблемы.

Бемор шуршанием перьев на огузке наложил запрет. *Не сейчас.*

Клифф с Ирмой ничего этого не поняли. Ирма проговорила:

— Послушайте, я тут никак не врублюсь в этот Великий Позор. Вы возвратились из путешествия среди звезд повидать старый дом. Землю. Но почему мы не нашли на планетах своей системы никаких артефактов Народа?

— События развивались постадийно. После Великого Позора настала эра, которую ранние Птицы прозвали Пылевой Бурей. По всей Солнечной системе прошел дождь из небольших фрагментов астероидного вещества. Это остаточный эффект Позора, процессы, порожденные множественными столкновениями ледяных астероидов вдали от Солнца; специалисты по небесной механике объяснят лучше. Печаль-

ная эпоха. Одной уже высокоскоростной пыли было достаточно, чтобы уничтожить большую часть космических технологий. Целые города попросту соскоблило с миров, не прикрытых атмосферами.

— Но довольно об этом! — произнес Бемор. — Войди в это устройство, Позднейшая Захватчица. Нам повелели прислать его тебе по причинам, от меня сокрытым. Таково желание Ледоразумов. Добро пожаловать в этот… — он сделал широкий жест, увенчанный цветастой перьевой вспышкой, — единственный в своем роде аппарат, который мы называем Читателем.

У нее не осталось выбора. Зловещего вида ассистенты Бемора двигались быстро и ловко, беря ее в кольцо.

Тананарив развернулась и обняла на прощание товарищей.

— Вот черт. Мы только-только встретились после…

— Когда ты выйдешь оттуда, мы еще будем здесь.

Люди наперебой ее подбадривали. Тананарив повернулась к ассистенту, нервному маленькому роботу, и вдруг комнату сотряс громкий удар, словно раскат грома.

Живые стены небесной рыбы зарябили, пол ушел из-под ног. Тананарив споткнулась, ухватилась за плечо Ирмы и с трудом сохранила равновесие.

— Блин!

— Ударная волна, — констатировал Клифф.

Он обернулся к Птицам.

— Что это было, черт побери?

Бемор глянул наружу через прозрачную стену.

— Катастрофа.

Часть тринадцатая
Диафаны

Кажется вероятным, что магнитное поле и есть ключевой элемент, ответственный за непрестанное космическое волнение. Что же тогда собой представляет магнитное поле… способное, подобно биологической форме жизни, к самовоспроизводству и активной деятельности, в общем потоке звездного света изменяющей поведение звезд и галактик?

Юджин Паркер, Космические магнитные поля

39

Карл произнес:

— Это стоячий кинк.

Бет взглянула на экран, где была показана Струя с ее ложноцветными градиентами плотности плазмы и напряженности магнитного поля.

— Ты вырезал из ролика и закольцевал?

— Нет. Это в реальном времени. Колебания Струи вблизи Свища сохраняются, она перехлестывает за магнитные пробки, которые должны ее удерживать. — Возвратно-поступательное рыскание продолжалось, Струя била по одной из обитаемых зон, постепенно вырезая из атмосферной пленки клиновидный сегмент.

— Как, черт подери, такое могло случиться? — спросил Редвинг через плечо Бет.

Карл поморщился.

— Мы порядком пришпорили свой термоядерный двигатель, чтобы нас те флайеры, летящие по Струе, не достали, ну и вот…

— И пока не достали, — добавил Редвинг.

— …так что наш плюмаж смешался с плазмой Струи, которая и без того уже породила кинк-

неустойчивость. Нелинейная механика, сами понимаете. Кинк вошел в состояние, когда он снова и снова натыкается на системы защиты, но не спадает. — Карл пожал плечами, словно говоря: *Я не виноват, это ж нелинейные эффекты.*

— Значит, обстановка внизу ухудшается, — сказала Бет.

Она не сводила глаз с обновляющихся дисплеев, продолжая уходить от погони. В истошно ревущем мальстреме Струи некуда было деться от резких скачков давления, внезапных тугих узлов турбулентности, сдвигов конфигурации магнитных полей воронки «Искательницы солнц». Клэр Конвей умерла в то же мгновение, когда внезапный разряд рассек наэлектризованную атмосферу мостика, поэтому теперь, случись что с Бет, навигатором и пилотом придется стать Майре Викрамасингх и Айян Али соответственно.

Миновало не более часа, но всплеск ужаса уже сглаживался в памяти. Дел было *невпроворот*, некогда думать о прошлом. Бет помогла вынести с мостика обуглившийся труп, держа Клэр за руки и глядя в распухшее, уже начинающее темнеть лицо. Считаные часы назад оно улыбалось и смеялось.

Бет услышала собственный резкий голос.

— Капитан? Эти комары, как вы их называете, быстро нагоняют нас.

Она изучала их изящные стремительные контуры, с трудом вычленяемые на плазменном фоне микроволновыми радарами. Аппараты чужаков летели в треугольном построении, нацелившись «Искательнице» в кильватер.

Редвинг стоял в центре мостика.

— Придется вступить в бой, — обратился он ко всем. — Эти комарики чертовски быстры. Мы от них не уйдем. Придется принять бой на корабле, который для сражений совсем не предназначен.

Тишина. Джамбудвипа обычно был немногословен, но сейчас нарушил молчание.

— Мы что-нибудь выиграем, покинув Струю? — спросил он[27] тихо.

Бет знала, что отвечать положено Редвингу, но не сумела сдержать вскипевшей внутри ярости.

— Я не хочу маневрировать на таких скоростях, когда у нас других источников топлива, кроме звездного ветра, не останется. Или того, что останется от самого звездного ветра. Струя забирает около девяноста процентов плазмы, покидающей звезду. Если массопоток через воронку упадет так

---

[27] Примечания: 27

Здесь Джамбудвипа почему-то снова становится женщиной; исправлено по смыслу — она на он и т. д.

резко, я не сумею удержать темп.

Карл Ливан нахмурился.

— А на чем комарики порхают?

— Не на плазме ведь, правда? — обернулся к Бет Редвинг.

— Нет, у них тоже термояд, судя по выхлопу, но протон-борный[28]. У них топливо и реакционная масса на борту.

— Если так, то, пока они летят вверх, — сказал Карл, — Струя их тормозит. Но нам дает преимущество. У нас воронка больше забирает. Итак…

— И что нам с того преимущества, когда дело дойдет до перестрелки? — спросил Редвинг. — Доктор Ливан, смею напомнить вам, что на корабле нет орудий.

Бет возразила:

— Капитан, у нас есть орудие. Очень мощное. Факел выхлопа.

Редвинг кисло покивал.

— Думаете, от него будет реальный прок?

— Кто бы ни управлял флайерами преследователей, артилекты или чужаки, — сказал Карл, — а

---

[28] Примечания: 28

Ранее говорилось, что «Искательницу солнц» также питает термоядерная протон-борная реакция, однако по упомянутым в дилогии параметрам производительности ионоточника и другим беглым отсылкам похоже, что на самом деле двигатель работает на протон-протонной реакции. См. в приложении.

эти создания уязвимы перед Струей. Конечно, у них есть магнитные щиты. Но проектировались-то эти щиты из расчета на проблемы Струи.

Бет отвернулась от Карла, раздраженная тем, что он влез, хотя Редвинг явно адресовал реплику ей.

— Если как следует по ним вмазать, то, возможно, удержим их на безопасном расстоянии, увернемся. В Струе полно места для маневров.

Редвинг помрачнел. Бет еще никогда не видела на его лице столько морщин.

— Поперечник Струи десять световых секунд[29]. Тут места хватит, да… но сумеем ли мы удержать их?

— Смотря какое у них оружие.

Карл говорил безразличным тоном, глядя в пространство.

— Атомное, несомненно, есть, но такие снаряды мы издалека заметим и спалим лазерами мусоросборщика воронки. Но если у них имеются гамма-лазеры, вроде тех здоровенных куполов на ободе Чаши, нам кранты.

Бет откинулась в кресле и проследила, как сокращает отставание клин флайеров внизу.

---

[29] Примечания: 29

Для сравнения: расстояние от Земли до Луны несколько больше одной световой секунды.

Закусив губу, подъюстировала курс, обошла заузленный плазменный вихрь (при этом «Искательницу солнц» чувствительно толкнуло в штирборт), потом проговорила спокойным голосом, тщательно выбирая слова:

— Капитан, у нас нет особого выбора.

Редвинг молчал, продолжая мерить шагами мостик и хмуриться. Пауза затягивалась. Бет, не выдержав, вскочила и добавила резко, гневно:

— Это *вы* приказали залететь в Струю, *вы* захотели надавить на Птиц, и теперь Клэр погибла, а *вы* понятия не имеете, что делать *дальше*?

Редвинг развернулся на пятках.

— У меня на борту около тысячи душ, я подписался их на Глорию доставить. Я дал присягу. Я не согласен был отдавать людей чужакам, пускай эта их заводная игрушка и летит тем же маршрутом.

— Не думаю, что…

— К тому же от вас не требуется *думать* о том, что выходит за пределы ваших должностных обязанностей!

— Мы все недавно видели, как погибла Клэр; ее убило что-то совершенно непонятное, мы все напуганы, а вы тут!..

— Тихо!

Джам выпрямился во весь рост за своей консолью, его темное лицо посуровело.

— Капитан тут главный. Мы не имеем права оспаривать его решения, особенно в бою.

Бет уставилась на Джама. Он ведь обычный квартирмейстер, мать его так. Но…

Джам прав, неохотно признала Бет.

— Я… — У Бет перехватило дух. — Клэр…

— Хватит, — бросил Редвинг, обращаясь ко всему экипажу на мостике. — Мы все на нервах. Забудьте. Мы дали присягу, и мы идем в бой. — Он развернулся к Бет. — Но *вы* — наш старший пилот. *Вы* и поведете корабль в битву, где нам без вас не выжить. *Действуйте*.

И Бет повиновалась.

40

Мы нуждаемся в твоих умениях, чтобы пообщаться с твоими соплеменниками, сказал холодно чей-то голос в ее сознании. У Тананарив появилось ощущение, что, стоило Птицам закрыть аппарат, как ее закутали в тесную теплую накидку; после этого никто не пытался снять покров. Он источал густые телесные запахи, да и стены слегка пружинили, точно живые переборки небесной рыбы.

— Я бы с радостью, — ответила Тананарив и стала ждать. Она ничего не видела, ничего не слышала. Но ответ пришел изнутри ее разума.

Мы желаем, чтобы душа твоя успокоилась.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Мы чуем в тебе бурлящие эмоции. Этого и следовало ожидать. Но усмири же их и сконцентрируйся.

— А… э-э… вы кто?

Народ зовет нас Ледоразумами. Они воспринимают нас такими же, какими и вы. Им кажется, что мыслим мы медленно, и десятки оборотов успевает совершить за это время вокруг своей оси наша спиральная галактика с перемычкой.

Однако недавно мы исследовали представителей вашей расы и пришли к выводу, что в скором времени воспоследует катастрофа, которую необходимо предотвратить.

— Вы знаете про нас? От людей Клиффа, я так понимаю?

От тех, кто ныне пребывает за пределами данного считывающего пространства.

— Считывающего? Вы каким-то образом проникли в мое сознание?

От Птицы, имя которой Мемор, получили мы результаты исследований твоего разума. От других приматов снаружи, опять-таки опираясь на анализ личности твоей, обучились мы вашему англишскому наречию. Ныне Народ по нашему велению погрузил тебя в это пространство, и мы теперь можем тебя использовать.

Ей не понравилось услышанное.

— Зачем?

Чтобы предотвратить урон, который может быть причинен нам всем. Чтобы объединиться во имя цели, которую разделяем мы все, и согласовать устремления разных сторон с потребностями Чаши. Чтобы живые воззвали к живым из глубин, преодолев расстояния великие.

Тананарив терпеть не могла проповедей, а

похоже, что это была именно проповедь. Хотя, возможно, у разных видов трактовки ханжества разнятся.

— Почему вас называют Ледоразумами? В смысле, на кого вы похожи?

Перед ее мысленным оком промелькнули образы, мгновенно сочленяясь со *знаниями*: зрительное восприятие и озарение сливались воедино, и за считаные секунды девушка постигла куда больше, чем могли бы выразить слова. Не столько обучилась чему-то, сколько *уразумела*, получила интуитивное представление без заметных усилий и в мгновение ока.

Пересеченная темная равнина в равномерном свете тусклых звезд. Грязно-серый лед, несколько кратеров, черные клыки скал, грязно-бежевые зернистые полосы песка… и жидкость, движущаяся среди них с текучей грацией.

— Это вы — та штука цвета слоновой кости, среди льда и скал?

А вы несете нам гибель. Мы остаемся тайной для мириадов теплолюбивых рас. Для вас, сумматошных углеродных детей термоядерного жара и слепящего света. Мы, из Глубины, познали красоту пронзительно тонкую, и было то вскоре после возникновения светил; мы безмерно стары в ва-

шем понимании. Наше племя явилось задолго до вашего, в темных геометрических структурах на запятнанных временем ледниках, под алмазным сиянием далеких звезд. Метаболизм возникал в тонкой дымке над ручейками гелия, вдали от яростных солнц, там, где струились сложные кодированные течения.

— И вы живете *там*? — Это все еще напоминало проповедь, но Тананарив чуяла истинность диковинного рассказа.

Резкая и четкая, ринулась навстречу и облекла ее Чаша; исполинский светящийся вок охватил маленькую красную звезду и ее оранжевую Струю, затем ракурс переместился, скользнул по корпусу. Пропахал металлические конструкции, бугры и ромбоиды, ветвящиеся трубы; масштаб продолжал укрупняться, пока Тананарив не увидела бескрайние поля параболических антенн, колышущихся в такт обращению Чаши, растения, сфокусированные на звездной карусели… а среди них жемчужные потоки жидкости меж удивительных полусфер, которые, сразу поняла она, могли быть какими-то обиталищами.

— Я никогда не думала о таком. Вы же там экранированы от звезды, все равно что на окраине нашей звездной системы, в кометной сфере, как

мы ее называем.

Мы используем тепло, которое просачивается с обогреваемой солнцем стороны Чаши, собираем избыточную энергию, а сами нежимся в прекрасной прохладной тьме. Разумы наши функционируют в сложных взаимодействиях потоков сверхпроводящих жидкостей.

Ракурс начал скользить по обширным покатым ледяным пригоркам и холмам, вдоль берегов странных рек цвета слоновой кости, в тусклом сиянии светил. У Тананарив мурашки побежали по спине от мысли, что бескрайняя равнина представляет собою ландшафт *разумов*, которые живут, перетекая друг в друга, и каким-то образом улавливают смыслы, обмениваются ими, мыслят… дальше.

— Какое вам дело до нас? Мы…

Вы теплолюбивая раса. В первоначальной нашей форме мы торговали информацией, накопленной за бессчетные века: знаниями, полезными для химического производства и астрономии в условиях холодных миров. Мы прослыли хитрыми торговцами и дипломатами, мы прожили много эонов, мы повидали много обличий разума. Наше холодное царство существует сравнительно неизменным с тех самых пор, как была выкована

Галактика в горниле сильного взаимодействия.

Тананарив поразилась сложности их речи, богатству фраз, резонировавших в ее сознании точным подобием настоящих звуков, без всякого акцента — хотя стоп, нет: с *ее собственным* акцентом. Это впечатляло еще больше. Мало кто мог воспроизвести ее медово-текучий миссисипский говор.

— И тем не менее, какое вам дело до меня? — Вряд ли это самый умный вопрос, какой она могла задать. Но ей стало интересно, а эти создания, видимо, и были истинными владыками Чаши.

Мы зрим мало нового. Еще меньше интересного. Мы наблюдали, как просветляются великие тучи пыли и простейших молекул, коллапсируя в солнца, как ослабевают и становятся доступней для навигации межзвездные течения, как формируются и самоорганизуются горнила ионизованной плазмы. Но эти превращения неспешны. Мы настолько близки к бессмертию, насколько вы, Народы Тепла, можете себе вообразить. Вы же — полная противоположность нам. Вы быстры и новы.

В сознании Тананарив возникли образы пузырчатых тел и колышущихся щупалец из криогенной жидкости цвета слоновой кости;

перемещались они с текучей грацией. Они были похожи на хлысты, кошки-девятихвостки, стоящие на крючьях.

Необозримая пропасть пролегает между нами и такими, как вы, однако выпадают времена, когда под угрозой оказывается Чаша, наше транспортное средство. И такая угроза ныне исходит от вас.

— Послушайте, я ведь даже не знаю, что пытается сделать Редвинг…

Тем не менее вы также важны для выживания Чаши по прибытии к Цели Полета, имя коей на вашем наречии Глория. Итак, ты одновременно и друг нам, и враг.

— Почему я? Я…

Мемор проанализировала твои нейронные пути достаточно детально, чтобы мы могли ими воспользоваться. Поэтому именно через твое посредство намерены мы обратиться к вашему номинальному предводителю, Редвингу, и к Диафанам.

— Я же не понимаю, что творится!

Дабы продлились дни великой Чаши, мы планируем на дальнюю перспективу. В данный момент коллективное общение с тобою поддерживается силами приблизительно 123 675 из нас.

Пока Ледоразумы говорили, цифры менялись в ее мозгу.

Поодиночке мы медленны, однако сообща мыслим намного быстрее вашего. Мы вечны, а вы подобны колеблющемуся пламени свечи — что, сгорая, убивает себя, как вся теплолюбивая жизнь. Когда мы возникли, самыми продвинутыми формами теплолюбивой жизни на ваших планетах еще были одноклеточные в болотной ряске.

— Но почему тогда вы здесь, в Чаше?

Ее стало утомлять их хвастовство. Но, пойманная в вонючем ящике, опутанная психозондами неведомого технологического уровня, Тананарив сочла за лучшее не огрызаться. Внутри нарастало отвращение к тому, для чего ее намеревались использовать. Если Ледоразумы только хотели ретранслировать через нее свои слова Редвингу, оно бы еще ничего. Но почему-то казалось, что не только.

Мы несем в себе мудрость долговременной памяти. Мы одни говорим с Диафанами и за Диафанов. Мы желаем исследовать Глорию и установить контакт с Высшими формами жизни, наличие которых там вероятно.

Тут Тананарив ощутила толчок, словно аппа-

рат, куда ее заточили, пришел в движение. Потом рывок, да такой, что пришлось облокотиться на мягкую стенку. Снаружи доносились хриплые крики. Ну что там еще?

41

Клифф смотрел вниз, на то, что Птицы называли причальной горой. Ему сообщили, что там небесной рыбе можно будет укрыться, но сейчас гора едва проступала в серых многослойных кучевых облаках далеко внизу.

Команда живого корабля услышала раскатившийся по всему телу небесной рыбы гул и тут же сорвалась с мест. Все метнулись к большой прозрачной стене и застыли там, разинув рты и не обращая внимания на крики Бемора. Тот затопал ножищами в учащавшемся ритме резких гулких ударов. Команда вышла из оцепенения и стала выполнять его отрывистые приказы.

Люди и силы не понимали, что происходит, поэтому тоже подошли к стене посмотреть, как только там освободилось место. Клифф заметил высоко над головой перевернутое торнадо. В профиль оно походило на воронку, внутри которой по сужавшейся спирали поднимались бурлящие тучи, по мере конденсации водяного пара обретая грозный пурпурный оттенок. Нижние уровни атмосферы оставались прозрачны, и Клифф понял, что происходит это очень высоко. Коническое

облако, у основания плотное и белое, сужалось кверху, переходя в узкую темно-пурпурную шейку. Даже на таком расстоянии Клифф видел, как между колоссальных туч проскакивают синие и оранжевые молнии. Со всего небосвода к перевернутому урагану стягивались новые многослойные тучи. Это был вихрь, возникший в месте прокола атмосферной пленки.

— Они пытаются посадить небесную рыбу в такую бурю… — проговорила Ирма.

Небесная рыба нырнула и содрогнулась от напора ревущих ветров. Ирма и остальные смотрели на высокий перевернутый вихрь, словно надеясь, что тот рассеется, но у Клиффа засосало под ложечкой от четкого ощущения, что дальше будет только хуже. Плотной и глубокой атмосфере улетучиваться в вакуум очень долго, но сброс давления лишь ухудшит погодные условия. Неизвестно, по силам ли Птицам залатать большой разрыв в сияющей небесной пленке, но по тому, как растерянно метался и рычал на команду Бемор, Клифф в этом сомневался.

Он посмотрел вниз.

Они летели к ближайшей свободной от облаков взлетно-посадочной платформе, или швартовочной горе.

Айбе показал:

— Эти чудики… они куда-то тащат ту машину с Тананарив внутри. Блин! Нужно ее отобрать, иначе Тананарив крышка.

— Да нам всем крышка, — рассудительно заметил Терри. — Не вижу, как мы можем выбраться живыми из этого живого цеппелина.

Ирма, говорившая с Квертом, обернулась и доложила:

— Мы приближаемся к какому-то редуту Птиц. Там убежище.

Кверт вмешался:

— Ветер сильный. Причалить тяжело будет.

Словно демонстрируя его правоту, небесная рыба вильнула, и все попадали на пол. Клифф перекатился к прозрачной стене и взглянул наружу как раз вовремя: яростная желтая молния ударила из высокой тучи. Но не такая, как на Земле: этот разряд зазмеился вниз, отстреливая от себя в стороны другие молнии. До него было так далеко, что Клифф увидел раскаленный поток плазмы целиком, охватил взором всю искрящуюся рваную дорогу электронов к земле. Подобно ленивой

змее, скользнула молния в сторону и плавно изогнулась. Ударила в гору снизу, отскочила от нее и тут же исчезла. Небесную рыбу сотрясло ударом грома; Терри, который в этот момент поднимался, снова свалился на пол.

В розовых переборках поблизости что-то загромыхало. Небесная рыба ринулась вниз.

— Ей страшно, — заметил Кверт.

— Мне тоже, — вставила Ирма.

Все оставались на полу, прильнув к залитой какими-то склизкими выделениями палубе. Небесная рыба отчаянно заметалась и дала крен. Свинцовое небо исторгло новые молнии.

Небесная рыба сдулась, как проколотый воздушный шар. Дернулась и обмякла, стенки каюты, где находились люди, стали коллапсировать, потом частично восстановили упругость, раздался хрип. По переборкам прокатилось медленное, раскатистое сердцебиение небесной рыбы. Клифф слышал треск костей и мягкий шелест, с каким разрывались глубоко внутри стенок живые ткани. На палубу хлынула кровь.

— Пора бежать, друзья мои, — произнес Кверт. Они пустились наутек.

Пока Клифф, спотыкаясь, бежал за силом по коридорам живой плоти, по щиколотку в

жидкостях, о природе которых лучше было не задумываться, у него в голове крутилась фраза, однажды сказанная его дядей, военным. *Все посмертные награды лучше получать авансом.*

42

Мемор и ее спутники рассматривали свою Зону Жизни на картинке с дозорного аппарата.

Какой-то объект рухнул в большое море, расположенное в центре Зоны, недалеко от места, куда теперь направлялась небесная рыба. На пеструю серую поверхность накатывало исполинское цунами. Море было мелководным, поэтому волна уже набрала высоту и у них на глазах достигла берега, выпятив вперед белопенную шапку. Колоссальная шагающая башня цунами обрушилась на сушу. Леса и города исчезли в пучине.

Небесная рыба дернулась в сторону и возвратилась на прежний курс, но громадный хребет зверя искривился, и это уже было опасно. Живой корабль попытался распрямиться, стенки каюты заходили ходуном. Здесь, в области очень низкой гравитации, плотность атмосферы убывала медленно, так что водородные пузыри рыбы работали менее эффективно. Пол накренился, рыба круто забрала вниз. Мемор едва удержалась на ногах, потом резко села. Капсула, в которой находится погруженная в слияние с кем-то Тананарив… а что, если Бемор прав и она

сейчас напрямую подключена к Ледоразумам? Но ведь такое невозможно. Слишком разнятся мысленные состояния. Мемор и сама испытывала трудности при общении с приматкой. А к Ледоразумам и думать нечего стучаться без предварительной кропотливой тренировки, какую прошел Бемор.

Палуба продолжала неприятно кребиться, но Мемор заставила себя встать. Бемор ушел с каким-то заданием — по его словам, от Ледоразумов; Асенат, хныча, пряталась в подвесном насесте. Насест был водяного типа, и Асенат окунулась в его отросток целиком, если не считать головы. Глаза Асенат лихорадочно блуждали, и Мемор рассудила, что де́ла до нее Старшей Мудрице не будет.

Ну и славненько.

Каждый шаг давался Мемор с опаской. Палубу сотрясали судороги живой плоти. Небесная рыба стонала и чем-то хлюпала. Ревел водородный выхлоп, и Мемор чувствовала его низкий гул своими ногами. Она насилу отстранилась от ужасающей — и, как теперь поняла, совершенно постыдной — бури, что бушевала внутри. Подавляемая до того правда ошеломила ее. Она сообразила, что Подсознание скрывало от хозяйки большую часть

долгой истории Чаши, о которой Мемор ничего и не подозревала. Подсознание каким-то образом догадалось, что Мемор не совладает с фактами, подрывавшими ее глубинные представления о себе самой, своем социальном статусе и славе Народа.

Но затем, в минуты шока, которые переживать заново совсем не хотелось, все давно сдерживаемые тайны вырвались наружу. Взорвались, точно вулкан при извержении, и пронзили ее личность.

Придется как-то с этим уживаться.

Мемор запечатала Подсознание. Перед ней стояли задачи, требующие полноты внимания. Например, такие: переместить ногу вперед, удержать равновесие на перекошенном, сотрясаемом рывками полу, сделать следующий шаг. Каждое движение требовало усилий и фокусировки, и ей показалось, что миновало очень много времени, когда она добралась до капсулы и откинула внешнюю панель. Сетка легла ей на голову, каналы связи подключились сами. Мемор утонула во внутреннем дискурсе, но лишь как наблюдательница. Она ничего не могла изменить внутри капсулы.

Она чувствовала разум Тананарив: яркий, быст-

рый, трепетный. Картинок мало, больше мыслей о Ледоразумах, эти последние пронизывают все страты разума приматки. Они словно фрагментируются и распадаются на отдельные течения, а от тех по мере продвижения растекаются отростки поменьше.

Мемор терялась в смыслах лихорадочной активности этих потоков. По осям Подсознания приматки воссияло откровение. Новые данные захлестнули мозг Мемор, вынуждая ее переключаться между собственной ментальной подоплекой и подвалами сознания приматки. Эти последние были окутаны странными, но типичными для линейных умов теневыми кружевами. Наследственное нейронное обеспечение управляло разделенными сознаниями: вот оно, прямо вниз от среднего мозга, явственная расщелина. В исследуемом Чашей регионе Галактики такое устройство мозга было обычным явлением.

Она видела, как Тананарив общается с Ледоразумами, как в сдвоенном горниле интуиции и рассудка стремительно куется воспринятое. Значит, Ледоразумы сумели к ней подключиться! Изумительно. Однако кажется вероятным, что лишь для беседы с этим капитаном Редвингом. В любом случае им было бы уместнее восполь-

зоваться для дипломатических переговоров каналами разума Бемора…

Палуба спазматически дернулась. Мемор едва сохраняла равновесие. В стенах эхом отдавались пронзительные крики.

Образы и переговоры конденсировались в сознании Мемор — так обретает форму водяной пар. Значения слов менялись и расплывались в неутомимом переводе. Мемор интересовали нюансы, а не предельная точность. Что-то про капитана Редвинга и Струю, да… и о том, как люди могут помочь в контакте с глорианцами. Потребность вмешаться в действия Редвинга и…

Ее сбило с ног мощным рывком. С трудом поднявшись, Мемор полезла за сеткой, которая не была закреплена и потому слетела с головы. Когда датчики вновь были готовы к работе, по живому кораблю пробежала очередная судорога. Асенат, кубарем вылетев из водяного насеста, врезалась в напарницу.

— Мы на месте! — завопила Асенат. — Отключайся!

— Но приматка…

— Бемор за ней присмотрит, он говорит, нужно вылезать и бежать в центральный бункер. Давай!

Асенат развернулась и убежала.

Мемор помедлила. Ей хотелось узнать, о чем говорят Ледоразумы. Она перезапустила конфигуратор и устроилась было на прежней позиции, но тут на нее рявкнули:

— Уходи! Я об этом позабочусь.

Она обернулась и с облегчением увидела Бемора. Корабль вздрогнул, из коридора донеслись громкие хриплые стоны. Мемор поспешила прочь.

Спустя несколько мгновений она оказалась снаружи, в потемках. Тут же споткнулась и упала. Крики, вопли, удары. Скальная порода тряслась и раскалывалась, гнулась и выпячивалась. На пути к бункеру возникла большая яма. Отовсюду несся резкий шум, почва словно перемалывала себя, возносились фонтаны серой пыли.

В небесах разворачивался черный кипящий занавес. На его темном фоне сверкали сполохи молний, точно в глазах хищного зверя. Ветром принесло острый запах озона. Потом налетел дождь.

Нет, не дождь. Грязепад. Хлопья грязи, снаружи сухие и твердые, внутри мягкие. Они метелью сыпались с небес, ударяя Мемор по голове.

— Из какого-нибудь водоема, — подумала вслух

Мемор, — выбросило при столкновении с чем-то…

Она выдвинула длинный язык и попробовала теплый дождь на вкус, точно воду из ванной. Соль. Цунами великого моря забросало грязью даже эту высокогорную твердыню. Мемор сложила перья тесным жестким дождевиком.

Теперь по небу растекалась угольно-черная лужа; тучи надвигались друг на друга, точно смешивающиеся жидкости. Погожий радостный день обернулся темной ночью, но фейерверки в небе стали ярче даже звезды и Струи. Бело-голубая вспышка высветила все кругом и канула во мрак.

— Бемор!

Ответа не последовало. Она поднялась и заковыляла вперед в свете молний. Ноги были будто надувные.

Молнии выхватили из тьмы новое препятствие — расщелину. Раскололась сама скала, края разлома были совсем свежие и острые. Мемор едва различала противоположную сторону ущелья. Далеко. Даже в низкой гравитации не перепрыгнуть, во всяком случае, никому из тяжеловесных Птиц это не под силу. Ущелье преграждало путь к станции.

Мемор гневно, безнадежно озиралась. На одном с нею краю ущелья, также в отчаянии, сбились в кучу помощники и члены экипажа небесной рыбы. Она обоняла резкие запахи их страха. Асенат с ними не было. Очередная голубовато-белая вспышка позволила Мемор обозреть всех собравшихся на краю разлома. Они пронзительно перекрикивались и неловко топтались, напирая друг на друга.

Перед Мемор встала новая проблема. Куда подевались силы? И приматы?

43

Редвинг мерил шагами мостик и наблюдал за приближением врагов: темные комары порхали совсем близко, уворачиваясь от узлов турбулентной плазмы. Летели мгновения, на мостике царила тишина. Бет готовилась сфокусировать выхлоп, как только позволят настройки магнитных полей воронки. И было еще что-то, новое, незнакомое.

Корпус гудел, как диковинный симфонический оркестр. Высокие ноты на пределе слышимости, но четкие, разборчивые. Низкие же напоминали биение исполинского сердца или шум прилива — так неторопливо накатывают на кристально чистый пляж величественные волны, — а может, звуки огромного резонатора. Они пробирали Редвинга до мозга костей, и капитану вспомнилось, как мальчиком он стоял в соборе, слушая музыку Баха на массивном многотрубном органе. Трубы издавали звуковые волны длиной больше человеческого тела. Редвинг не столько слышал музыку, сколько отзывался на нее всем существом. И, как сейчас, проникался ощущением незримого, невыразимого величия.

Бет проговорила:

— Что бы это ни было там, снаружи, — а я ничего не вижу, кроме плазмы и магнитных полей, — *оно* пытается с нами поговорить.

— Последняя попытка, — сказал Карл, — убила Клэр.

— Да, и смертью ужасной. Я… Я только не пойму, как оно производит звуки? — протянула Бет. — О… Капитан, впереди плотный комок плазмы.

— Сфокусируй носовые поля, — приказал Редвинг. — Можем мы откусить от него дольку, сузить выхлоп и выстрелить в первый из этих флайеров?

— Думаю… да. — Бет и все члены экипажа на мостике погрузились в работу: сгорбленные над консолями, взгляды на экранах, пальцы отстукивают команды. — Да, вот этот цифровой алгоритмический блок, есть, порядок… Артилекты работают, но им не нравится задача.

— Она не обязана им нравиться, — ответил Редвинг.

Странные глубокие ноты, резонировавшие по всему кораблю, стихли.

— Может, нас оставили в покое? — пробормотала Бет.

Бурлящий ионный ком летел прямо в невод из

магнитных полей на скорости больше семисот километров в секунду.

— Приплюсуем нашу скорость — больше тысячи километров в секунду получается, — доложил Карл. — Воронка затянута?

— По максимуму, — ответила Бет напряженно, одними губами.

Они наблюдали, как несется на них крупный комок плазмы. Он был куда обширнее воронки «Искательницы», и в момент столкновения корабль так тряхнуло, что головы людей откинулись на подголовники. По корпусу пронесся стон.

Внутренние системы диагностики зафиксировали, как заполняет воронку магнитной ловушки плотная плазма — и через коническую шейку перетекает в камеры сгорания. Там обитали самоподдерживающиеся равновесные геометрии полей, которые сжимали плазму еще сильнее, добавляли нужные примеси и — на экранах показались пульсирующие лихорадочным сиянием желтые шипастые пончики катушек — посылали в термоядерное пламя. Выхлопная струя вылетала через противоположные горловины камер и уносилась через обычное магнитное кормовое сопло.

Но не прямо назад по курсу. Пальцы Бет плясали над сложной командной сетью. Поля слегка искривлялись, вонзались в поток, отклоняли его в стороны. Мостик снова тряхнуло от смены момента импульса. Артилект корабельных систем стабилизации уравновесил рывок компенсирующими полями. Яростная плазма хлестнула по штирборту. Бет отрегулировала профиль выходного сопла камеры сгорания так, чтобы дополнительно подъюстировать форму выхлопа магнитными полями. Струя раскаленной плазмы напоминала палец, скребущий по хвостовой волне.

— Так, а теперь… — пробормотала Бет, не сводя глаз с дисплеев. — Поправка на ветер…

Первый флайер угодил точно в центр выхлопной струи. В момент столкновения картинка зарябила, преломленная сложной игрой полей, потом резкость вернулась. От флайера остались одни ошметки.

— Есть! — тихо констатировала Бет.

— Отлично, — проговорил Редвинг. — Остальные?..

— Второй меняет траекторию, уходит от удара, — сказал Карл. — Его буквально вбок сносит.

Бет подрегулировала выхлоп и поймала второй

флайер в струю. Радости не выразил никто.

— Третий сбрасывает скорость, — сообщил Карл.

— Мы не можем дальше взбираться по Струе, — произнес Редвинг. — Они это знают. Придется развернуться.

— А третий будет выжидать, — закончила Бет. — И на сей раз впереди.

44

Тананарив порадовалась, что стенки ее узилища мягкие, но прочные. Транспортное средство, на котором она оказалась, явно угодило в передрягу. Рывки и толчки мешали сконцентрироваться на холодном, текучем голосе Ледоразумов в ее сознании, на образах ледяных обиталищ чужаков.

Звездный свет бледными пальцами прощупывал равнину из камня и льда. Вакуумные цветы прилежно сканировали медленно крутящееся небо параболическими чашечками. У основания каждого стебля — коллектора лучистой энергии — текли потоки жемчужной жидкости, заключавшие переплетенные сознания Ледоразумов. Тананарив даже представить не пыталась, как возникает в этих течениях согласованная мысль.

Надлежит поспешить. Мы решили полностью оживиться, чтобы преодолеть значительную трудность.

— И что это за трудность?

Ваша раса. Народ полагал, что справится с вами так, как совладал бы с юным и во многом невежественным видом, однако мы приходим к выводу, что это мнение ошибочно.

Тананарив подумала, не ответить ли что-то вроде «*Ну, спасибо, блин!*», но сарказм мог потеряться при переводе на язык чужаков.

— Послушайте, мы не успели сюда заявиться, а нас уже попытались пленить.

Птицы — наша… Пауза.

Полиция. Они ответственны также за равновесие. Нынешнее состояние неравновесно. Они не сумели постичь вашу природу. Распространяется возмущение.

— Что? Почему? Что происходит?

Ваш корабль посеял возмущение в нашей Струе. Птицы приказали атаковать ваше судно. Это противоречит нашим желаниям. Нам не удается пообщаться с твоими соплеменниками на корабле, поскольку некоторые Птицы этому мешают. Мы желаем обратиться к твоим сородичам напрямую, по каналам, которые вскоре откроем.

— Постойте, я не успеваю. «Искательница» влетела к вам в Струю? Вот это да!

В сознании Тананарив проявился образ темной мошки, летящей вверх по Струе, против бурлящего плазменного потока. Ракурс отъехал, она увидела Струю сбоку, там, где та приближалась к Свищу. Струя дергалась из стороны в сторону, поливая огнем удерживающие поля Свища

и несколько обитаемых зон. Атмосфера раскалилась. Кое-где сравнительно тонкие опорные балки обитаемых секций раскололись и начали падать. Тананарив пришла в ужас.

В разум твой войти мы, однако, можем. Уполномоченная Астроном-Дальновзорка из Птиц, именуемая Мемор, составила детальную карту твоих нейронных лабиринтов. Ныне воспользуемся мы этими данными. Мы желаем через твое посредство поговорить с некоторыми твоими сородичами и попытаться затем утихомирить Диафанов.

Очередные чужаки?

— А они кто?..

В ее мозгу причудливыми желтыми узорами на бледно-синем фоне возникли образы течений, которые, извиваясь, сливались и формировали толстые «бублики». Тананарив откуда-то знала, что они больше материков, а размыты по краям оттого, что в среде Струи потоки были важней барьеров. Причудливо завитые мотки плазмы размером с миры, сокрушительные извержения в узде высокоэнергетических полей.

— Они… обитают в Струе?

Воображение ей отказывало, но ссылаться на это резона не было.

Они эволюционировали в магнитных структурах, усеивающих поверхности звезд. Эти структуры заузливаются, скручиваются, и так возникают новые витки поля. Информация, переносимая ими, воспроизводит себя. Отсюда рождается разум, или, по крайней мере, самосознание.

— Но они же бестелесные. Как они?.. — Тананарив не находила слов.

Мы с вами не видим хаотических столкновений великих плазменных туч на просторах между звездами. Мы все ничего не замечаем в промежутках между резкими точками, раскаленными добела, и полагаем ошибочно, что там, в космосе, ничего нет. Но там работает эволюция, непрестанно преодолевая силы распада.

Тананарив кое-что понимала в общей теории эволюции. Казалось неизбежным, что взаимодействие грубых сил порождает системы, далее влекомые эволюцией к той или иной степени осознания окружающего мира. Миллиарды лет нужны для формирования таких умоконструктов. Эти модели внешнего мира обладают способностью к самоусложнению. Некоторые модели развиваются быстрее, поскольку создают… модели-копии. Себя самих. Так зарождается са-

мосознание у продвинутых животных. Но среди плазмы и магнитных полей?..

Диафаны мигрировали в солнечных бурях через великие бездны, где эволюционировало наше племя. Когда началось строительство Чаши, сочли необходимым привлечь их к этому, чтобы они управляли Струей и самой звездой. Лишь придавая надлежащие формы магнитным полям Струи и звезды, мы можем перемещать Чашу, и это требует неусыпного внимания к ее устойчивости и моменту импульса. Кто справится с контролем магнитной машинерии лучше, нежели магнитные создания?

Слова Ледоразумов прозвучали так рассудительно, что выводы теперь показались очевидными. Перед внутренним оком взлетали со звезд магнитные арки, изгибались и входили в кинки, отрываясь от поверхности и порождая таким образом новых существ, способных к самостабилизации. Тананарив не просто видела, а чувствовала, как проносятся по сложным магнитным сетям некие волны, быть может, приливы и отливы мысли. Затем мысленный ракурс переключился к Струе и «Искательнице солнц»; корабли поменьше неслись за прямоточником с явным намерением его уничтожить.

— Вы хотите… чего? Заключить сделку? После того, как гонялись за нами…

Птиценарод нас подвел. Их оборонительные системы Струи стары, многие пришли в негодность. Ваш корабль, мы полагаем, даже не заметил их. Струя дестабилизирована, она бичует Зоны Жизни и сеет многочисленные разрушения. Но те, кто ополчился против вашего судна, могут в качестве крайней меры прибегнуть к оружию, которое мы дали обет не применять никогда. Оружие это способно навлечь куда горшую беду.

Эта концепция, по крайней мере, людям была знакома. Час от часу не легче.

— Ладно, что мне делать?

Позволь нам обойти каналы связи Народа. Мы напрямую соединим тебя с вашим капитаном Редвингом.

В ее сознании поднялась рябь, скользящее изменчивое ощущение, каким-то образом интегрированное с разноцветными сполохами там, где она ощущала свои глаза. В то же время она понимала, что глаза ее в полной тьме тесного аппарата широко раскрыты. Глаза ее видели только черноту, а разум — изменчивые оранжево-пурпурные ленты, увенчанные шапками яростной желтой пены, на равнине синеватого,

как яичная скорлупа, оттенка. В ритме стаккато спеклами двигались по этой равнине зеленые точки. Там и сям, отмечая импульсы бешеной энергии, сплетались треугольниками извилистые линии. Явились алые вспышки, а с ними пришел истошный скрежет.

Потом она увидела Редвинга. Изображение шло волнами. Как, интересно, им удалось вложить это в ее разум?

— Что ты такое? — Голос капитана звучал так, словно они были вдвоем в каком-то помещении.

— Капитан, я Тананарив. Я в каком-то аппарате, который, э-э… короче, тут хотят с вами поговорить. Они… некогда объяснять. В Чаше обитают чужаки куда более странные, чем мы думали.

— Почем я знаю, что ты и вправду Тананарив?

Ей это не приходило в голову.

— Помните вечеринку перед экспедицией? Будто целую вечность назад.

— Да, думаю, что помню.

Он стоял на мостике, позади маячили Бет и другие члены экипажа, и все глядели на… Тананарив попыталась припомнить, как выглядит мостик, но не сумела. Может, в камеру смотрят? Как чужаки умудрились вломиться в бортовые системы связи?

Текучий голос Ледоразумов холодно прокомментировал: *Мы договорились с теми, кого вы называете артилектами. Они оказали нам всемерную любезность.*

— Помните, вы нам принесли бутылку шампанского? И сказали, что она была припасена для первой высадки на Глорию, но, блин, раз уж высадка наметилась раньше срока, то придется откупорить.

— Провалиться мне на этом месте! — Лицо Редвинга расплылось в улыбке. — Это и правда ты. Видео нет, но… в общем, добро пожаловать на борт.

— Капитан, меня просят передать сообщение… гм, чужаки, про которых мы не знали. Они хотят, чтобы вы оставили Струю в покое.

Это может подождать. Пока оповести вашего командира, что они в смертельной опасности.

Она повиновалась; Редвинг полуобернулся, глянув на экран, который и ей был частично виден. Какие-то пятнышки мельтешили на фоне желтой пряжи контуров магнитного поля.

— Ты про этих, которые за нами гонятся?

Ваш корабль имеет право уничтожить их. Однако оружие на борту одного из них также может уничтожить ваш корабль.

— Капитан, постарайтесь уничтожить их немедленно. У них там… — Тананарив замолчала, не зная, что говорить.

Это Лямбда-Пушка, и она возмутит пространство-время вокруг них.

— Там какое-то абсолютное оружие, — выговорила она.

У Редвинга был усталый вид.

— Хорошо, — кивнул он, — оставайся на связи. Мы попробуем…

Связь прервалась. Его изображение поблекло, и Тананарив оказалась одна во мраке. Ее по-прежнему что-то удерживало. Резкий удар. *Бумм*. Далекие крики на неведомом языке. Внезапно накатила жуткая усталость.

45

Клифф и остальные, сбившись в кучку, наблюдали, как на вершине горы трепещет огромный живой цеппелин небесной рыбы. Причальная команда торопливо заякорила исполинское животное за хвост и голову и стала притягивать страховочные тросы по бокам. Большая часть сияния, исходившего от самой рыбы, терялась за струями ливня. Яростные молнии затмевали слабые проблески цвета слоновой кости; потом дождь припустил с такой силой, что даже эти гневные сполохи размылись в беловатую пелену.

— Куда Птицы делись? — заорала Ирма, перекрикивая ветер.

— В тот большой проход! — показал Айбе. — И хреновину, в которой Тананарив сидит, забрали с собой.

Терри сказал:

— Помните, как нас тряхнуло тогда, в небесной рыбе? Ударная волна такой силы, да еще целые скальные пласты, отколовшиеся от горы… Энергия должна была быть немногим меньшей, чем при землетрясениях. Но тут же нет землетрясе-

ний, потому что тектоника плит отсутствует…

Айбе утер с глаз капли и выпятил подбородок.

— У Чаши легкая, эластичная подструктура, там не такая уж и большая масса самих опор. И когда сюда, вниз, что-то влетело на значительной скорости, энергия перераспределилась по опорным структурам. Нашла себе выход здесь, через эту здоровенную гору, и выбила из нее дух.

— Как раз в момент посадки. Ну надо ж было такой удаче случиться.

Ирма обхватила себя руками. Клифф знал ее язык тела; дождь, по крайней мере, был теплым, но капли били со всего размаху.

Терри высморкался.

— Блин, как бы убраться из-под этого проклятого ливня?

Словно услышав его, по скалистой равнине кругом застучали белые крупицы.

— Град! — воскликнул Айбе.

Клиффу в бок врезалась грязная градина размером не меньше его кулака. Он на секунду подумал, что сейчас получит перелом ребер. Непогода в Чаше была неприятней и опасней, чем любое знакомое ему ненастье. Да еще пришедшая с ураганом тьма придавала всему вокруг кошмарный оттенок.

— Пошли внутрь, — приказал Клифф, — спрячемся от бури. Нет, не в небесную рыбу… кто знает, что с ней?..

К его удивлению, остальные лишь кивнули. Усталость отняла у них желание спорить. Клифф развернулся к силу.

— Как добраться до их станции?

Кверт и его силы занимались тем, что было им привычно в минуты ожидания — отдыхали. Пригнувшись к земле, чужаки жевали какую-то прихваченную с небесной рыбы еду. Люди нетерпеливо слонялись кругом.

— Позволь, мы вас проведем, — сказал Кверт.

Силы двинулись под углом к возникшей в толще скалы расщелине. В смятении, сопровождавшем спешную высадку, им удалось ускользнуть от Птиц и запаниковавших адъютантов. По небу без устали неслись плотные черные тучи, тьма не отступала, члены экипажа небесной рыбы то и дело нервно поглядывали вверх, сучили ногами и дергались из стороны в сторону. Ночь была им незнакома, а такие сильные бури тут явно редки.

В нескольких сотнях метров от причала небесных рыб расщелина наконец смыкалась. Силы как ни в чем не бывало обогнули ее и двинулись обратно, к возносящемуся над станцией Птицена-

рода куполу. По мере осторожного возвращения гроза стала стихать. Клифф оглянулся во мраке и различил тускло подсвеченную изнутри небесную рыбу, подобную исполинскому, лежащему на боку фонарю из хеллоуинской тыквы. У входа в укрытие никого не оказалось.

— Почему? — спросил Клифф у Кверта.

— Все боятся, — ответил чужак. — Народ и другие — все внутри прячутся.

Так и было. Силы и люди осторожно пустились вниз по коридорам, пересекая длинные залы, битком набитые машинами, о функциях которых Клифф не имел понятия. Аппаратура вроде бы работала, судя по редким индикаторным огонькам на панелях, но чем занималась, оставалось лишь догадываться.

— Народ не знает, как себя вести в пору больших перемен, — лаконично прокомментировал Кверт. Потом повторил эту фразу силам, и все его соплеменники отреагировали резкими зевающими звуками, означавшими у силов смех.

Они проникли в большой зал с видом на еще более просторное помещение. Тихо прокрались к парапету и увидели, как внизу суетится толпа. Тут были слуги и адъютанты, включая чужаков, которых Клифф прежде еще не встречал, и даже

роботы: последние в основном жались по углам. В центре оказались три крупных Птицы, а с ними машина, куда засунули Тананарив. Дальние стены — широкие овальные экраны — демонстрировали вид окрестностей Свища. На одном экране поменьше виднелась картинка, взятая в ракурсе высоко сверху: к длинному разрезу в атмосферной пленке продолжали стекаться облака, влага конденсировалась и выпадала ливнями, бахрому исполинских пурпурных ураганов трепали ослепительные молнии.

— Это вершина тайфуна, под который мы угодили, — сказал Терри. — Судя по масштабу, облака там что континенты на Земле. А гляньте только на ту молнию! Она аж закручивается. Наверное, размером эдак с Миссисипи.

— Посмотри, — указала Ирма, когда ракурс сместился, накренясь к Свищу. — Там Струя… и… о боже! «Искательница»!

Экраны показали стремительных мошек, которые неслись, выделывая отчаянные петли и виражи, в центральной части светоносной извивающейся плазменной струи. Промелькнул крупный план звездолета людей; перепахивая носом турбулентные узлы, «Искательница солнц» поднималась по туго закрученной спирали, а от

кормы ее указывал назад по курсу тугой раскаленный сияющий палец суженного выхлопа…

— Блин! — У Айбе глаза полезли на лоб. — Они попали! Они разнесли тот гребаный флайер к чертям!

— Да! — Терри победно вскинул кулаки.

Они не понимали, что творится, но людей и силов равно охватил восторг при взгляде на эту странную драку. Клифф наблюдал за танцем кораблей на скоростях нескольких сотен километров за секунду, на расстояниях, которые приходилось охватывать шести– или даже семикратными скачками масштаба. Кроме машин, никто не вынес бы такого, и даже автоматика, по впечатлению, работала на пределе, вымотанная резкими поворотами и обманными маневрами.

Толпа внизу тоже глазела на экраны, а Птицы в центре возились с аппаратурой. Ящик с Тананарив все время был при них. Клифф терялся в догадках, чем обернется эта странная суматоха. Ничего не придумав, он схватил Ирму в объятия. Равнодушные к чужим взглядам, они поцеловались, и тут прибежала охрана.

46

И Птицы, и Сервы промокли и тряслись от холода, но ситуация требовала внимания. Мемор полуприсела и попыталась отдохнуть.

Высадка с несчастной небесной рыбы, агонизирующей от ран, получилась шумной, торопливой, омраченной проливным дождем из чернильных туч, пылавших электрическим гневом. Разношерстная ватага пассажиров спотыкалась и поскальзывалась среди здоровенных валунов, пока Мемор пыталась собраться с мыслями и както организовать подчиненных. Тут явился отряд сотрудников станции; действуя уверенно и сноровисто, они перекинули временный мост через расщелину с изрезанными краями. Дежурный по станции доложил, что на гору обрушился фланец из упрочненного углеволокна, сорвавшийся с одной из опорных структур пленки, и застрял в скале, оставив глубокий разлом на месте падения. Ударная волна развернула небесную рыбу и продырявила переборки некоторых отсеков, а членов экипажа выбросила оттуда на скалу. Кинжально-острый осколок фланца упал на гору в самый неудачный момент, а скальные обломки,

выброшенные при образовании ущелья, нанесли еще несколько ран небесной рыбе и привели к жертвам среди персонала станции. Небесная рыба билась и ревела от боли, при попытках ее заякорить погибли несколько членов экипажа. Плавники-волнорезы живого цеппелина были смертельно острыми.

Чудо, когда в такой обстановке работает хоть что-нибудь. Мемор шаталась от усталости, Асенат же, подчеркивая оперением свой авторитет, гордо стояла посередине командного центра бункера. Мемор слышала панические сигналы с флайеров, которые напрягали слух даже в просторном подземном зале и сопровождались картинками на экранах. Управляли ими роботы, наделенные значительным интеллектом и способные отчасти к проявлению эмоций. Голоса автоматов были резкими, тревожными, отрывистыми. Стремительные кораблики мотало из стороны в сторону и сдувало напором выхлопа двигателей прямоточника. Навигация и целеселекция представляли значительную трудность.

— Как вы и приказали, Старшая Мудрица, мы готовы применить Лямбда-Пушку, — негромко проговорил низкорослый лейтенант. — Один из флайеров несет на борту только это оружие. Пуш-

ка массивна, что затрудняет маневрирование в Струе. Флайер следует позади остальных, избегая контакта с выхлопной струей, которой корабль приматов пользуется, чтобы отгонять нас.

— Кто велел развернуть Пушку? — спросила Мемор.

— Я, — отрубила Асенат.

— А с Ледоразумами вы совещались? Они…

— Бемора здесь нет, поэтому консультация с Ледоразумами была бы затруднительна. Он занят калибровкой их дискурса, если такое слово здесь уместно, в переговорах с твоей приматкой. Пришлось мне принять на себя полноту командования.

Мемор сочла своим долгом возразить:

— Разделенная командная верхушка? Это против иерархических…

— Ну да, но у нас ведь явное ЧП. Связь прерывается, время уходит. Я прикажу активировать Лямбда-Пушку.

Мемор пронзила внезапная вспышка ужаса.

— Но это займет…

— Действуйте, — приказала Асенат лейтенанту. Офицеры, полумесяцем окружавшие Птиц, нервно заерзали. Никто не двинулся с места. Молчание затягивалось.

Мемор проговорила:

— Ты велела подготовить Лямбда-Пушку заранее, не так ли?

Асенат раздраженно встопорщила перья.

— Сейчас же!

Подчиненные, выйдя из ступора, кинулись исполнять различные обязанности.

С небрежным видом, выдававшим Мемор давние планы, Асенат развернулась и зашелестела перьями в серо-зеленом дискурсе высокомерного презрения.

— Я сочла это разумным. Дальнейшие события только подтвердили мою правоту.

Мемор одолевала леденящая усталость, но она призвала на помощь последние силы, зашуршала перьями и заглянула внутрь себя. Она уже когда-то слышала о Лямбда-Пушке, но считала ее исторической диковиной, так что, если уж пытаться переубедить Асенат, нужно теперь восполнить пробелы. Эта история таилась в Подсознании, а Подсознанию было очень горько. Мемор не переставала это ощущать, пока отслаивала один уровень за другим, слущивала слои свежих воспоминаний, вглядывалась в себя, минуя недавнюю травму, полученную при столкновении с информацией о Великом Позоре.

Перед Мемор во всю ширь предстали ужасающие панорамы. Сперва — картина длинного кометного хвоста, обвиняющим жестом нацеленного в последние мгновения прямо на Землю; затем — ширящееся опустошение, сметающее с лица планеты древнюю цивилизацию разумных теплокровных рептилий. Величие придавали этой расе не грандиозные сооружения, кульминацией которых стала Чаша; нет, эта культура продолжила дело фракции великого вида, отказавшейся от участия в строительстве Чаши, от технологических чудес и контакта с удивительными разумами кометного гало, но решившей взамен посвятить себя родной планете. Они сберегали Землю зеленой и плодородной, удерживая собственную численность в таких пределах, чтобы роскошный естественный мир не испытывал чрезмерной нагрузки со стороны разумных существ. В определенном смысле, как понимала теперь Мемор, Чаша тоже следует глубинным инстинктам этой фракции. На бескрайних просторах Чаши сосуществовали в Зонах Жизни самые разные виды, а благодатная зелень укрывала от взоров фундамент крутящейся диковины — металлические конструкции и сложное переплетение углеволокон. Естественный мир,

возведенный поверх машины…

Мемор начинала теряться в интроспекции — обычное явление для вояжей в темные лабиринты Подсознания. Она вызвала древний образ устрашающего проектора, известного как Лямбда-Пушка, увидела массивную серую сферу с хищной мордой узкого выступа. Это устройство было способно проецировать возмущения вакуумной энергии пространства-времени, сужая узлы хаоса в лучеобразный пучок. При должной настройке луч, сталкиваясь с твердым веществом, вызывал катастрофическое расширение небольшого объема пространства. Инфлатонное поле увеличивало значение космологической постоянной[30] — в очень узкой области, на весьма непродолжительное время, но, что бы ни заключала эта чудовищная бурлящая область, то будет возвращено к состоянию, характерному для Вселенной в первые мгновения ее истории, и разъято на мельчайшие субъядерные частицы.

Жуткое зрелище заставило Мемор торопливо попрощаться с Подсознанием и в панике выско-

---

[30] Примечания: 30

В современных космологических моделях ускоренного расширения Вселенной обозначается символом Λ, отсюда и название оружия. Разумеется, у Птиц устройство должно было бы носить другое название, сообразно терминологии чужаков, а приведенное здесь следует понимать как перевод по смыслу.

чить оттуда, сомкнув Покровы.

— Это ужасно! Это же пушка планетного класса, она высвобождает чудовищную энергию…

— Да, я знаю, — ответила Асенат. — Я изучила принципы работы и историю применения этой древней машины. Истинные Древние предназначали ее для крайних случаев столкновения с беспокойными видами. Какие-то упрямцы, желая отогнать Чашу, запускали в нее крупные массы на релятивистских скоростях. Лямбда-Пушка быстро покончила с этими злодейскими планами.

— Но ведь наших щитов должно быть достаточно…

— Не против кораблей с мощными магнитными воронками. В древности мы также были искусны в магнитных полетах, но современная Чаша не совладает с такими маневрами. Да и Диафаны пока не готовы дать отпор, а Струя переключилась в нелинейный режим кинк-неустойчивости и сеет ужасное опустошение.

Асенат говорила рассудительно, перья ее были печальны и суровы. Мемор понимала, что Асенат не переубедить в вопросах, где ранг и личный опыт Старшей Мудрицы доминируют. Тем не менее она попыталась в последний раз:

— За динамику Струи отвечают Ледоразумы и

Диафаны!

— И они потерпели неудачу. Готовьтесь к залпу, — сказала Асенат своему лейтенанту, отвернувшись от Мемор.

47

Бет почувствовала, как встают дыбом волоски на шее: снова накапливалось статическое электричество. Но в этот раз она не стала бросаться на палубу плашмя, а, стиснув зубы в гневе, прибавила скорость. Плазма ринулась в поля магнитной ловушки, корабль сотрясся. Остальные члены экипажа вповалку рухнули на палубу, но Бет разрядила конденсаторы первого слоя магнитной воронки, и с противоположного конца на скорости света вылетел электронный пучок. И тут же волоски на шее улеглись.

— Капитан, похоже, я нашла способ предотвратить накопление заряда, используемое против нас этими существами, — сказала Бет, старательно придерживаясь нейтральной интонации.

Редвинг поднял голову с палубы.

— Превосходно!

— И вдобавок разнесла тот флайер, — добавил Карл с редкой для себя улыбкой. — У нас на хвосте остается только один, он пока не развернулся.

— Хорошо.

Редвинг поднялся и стал оправлять униформу. На мостике он всегда старался выглядеть акку-

ратно.

— Но мы почти на пределе, так ведь?

Бет сверилась с приборами.

— Да, капитан, вскоре придется развернуться и спуститься обратно по Струе.

— Это существенно понизит интенсивность питающего потока плазмы, — заметил Карл. — А значит, и выхлопа тоже.

— И наш выхлоп уже не будет таким эффективным оружием, — заключил Редвинг. — Тогда попробуем еще некоторое время продержаться на вершине траектории. Офицер Марбл, сумеете?

И это тоже было у Редвинга в обычае: подчеркнутая формальность в напряженных ситуациях. Она часто размышляла, не представляет ли в эти минуты капитан себя адмиралом на мостике боевого корабля, рассекающего серые бурные волны. Что ж, это, пожалуй, максимальное приближение к историческим аналогам, на которое он согласится. Как, впрочем, и она сама.

— Пока будем разворачиваться, следите за флайером, — приказал Редвинг и устроился в капитанском кресле. Вид у него был усталый, лицо посерело, но и остальные выглядели скверно. Часы напряженных маневров среди плазменных течений, рассчитанные до доли секунды заборы

вещества Струи и выбросы избыточной плазмы из кормового сопла, позволявшие применять гибкую конфигурацию магнитных полей как оружие… Быстро накапливалась усталость.

Корабль начал медленный разворот. Рывок. Бет так сконцентрировалась на маневре, что не услышала, как пискнул интерком.

Карл принял вызов вместо нее. Внезапно он так напрягся, что даже Бет отвлеклась на миг и посмотрела в его шокированное лицо.

— Это… вроде как Тананарив. Капитан, это вас.

Редвинг сгреб комм.

— Редвинг слушает. Что ты такое?..

Пока Редвинг слушал, на его лице ничего не отражалось. Потом рот медленно приоткрылся, глаза уставились в пространство.

— Почем я знаю…

Снова пауза.

— Они позволят нам?..

Бет вдруг сообразила, что он ведет переговоры, способные положить конец этому безумию. Она вела «Искательницу солнц» по узкой спирали, держа глаз да глаз за вражеским флайером. Тот теперь летел им навстречу. Повинуясь импульсу, Бет решила добавить быстрые случайные рывки, затрудняющие противнику целеселекцию. И,

конечно, не переставала внимать каждому слову Редвинга.

— …Хорошо, оставайся на связи… — Все тело Редвинга напряглось, он стоял прямой, как стальная палка. Пальцы так вцепились в спинку кресла, что костяшки побелели. — Что?.. — Повисло долгое, невыносимое молчание; Бет видела, как в углу обзорного экрана медленно ползут секунды. — Понял. Детали обсудим позже.

Редвинг обернулся к ней и произнес:

— Остерегайтесь того флайера. Они попытаются отключить оружие на его борту, но установка все еще в режиме целеселекции и готова к залпу.

Бет налегла на штурвал, разогнала термоядерный двигатель до максимума, выбросила шар раскаленной плазмы, снова приникла к штурвалу, закрутила корабль, послала в нырок. Из соседних коридоров доносились скрипы и стоны. Планшетник Карла выскочил из креплений рабочего стола и врезался в переборку.

Редвинг произнес:

— Перед залпом будет электромагнитный предвестник, примерно за две секунды до… Следи за ним. Тананарив, повтори?..

Карл объединил данные с электромагнитных антенн в общий оверлей с цветовой кодировкой

частот. Бет видела флайер: темную точку, скачущую по роскошным многоцветным холмам и долинам.

— Да он потеряется во всей этой плазменной эмиссии, — сказал Карл.

— Интегрируй по всему спектру, — ответила Бет. — Не знаю, на какой частоте придет, но…

— Есть.

Возникла золотисто-рыжая сглаженная топологическая поверхность, коричневая во впадинах, почти желтая на возвышенностях. По небу катились импульсы деформации, словно сталкивались на океанской поверхности волны.

Бет снова повозилась со штурвалом и немного сбросила скорость. Это позволило наполнить запасные емкости летящей навстречу плазмой и добиться максимальной плотности в камерах. Ветер Струи пронизывал ловушку на скорости больше тысячи километров в секунду, поэтому варьировать входящий поток можно было довольно просто, отклоняя воронку из стороны в сторону. «Искательница солнц» работала в далеко не оптимальных условиях, ведь корабль проектировался с расчетом на равномерный неспешный приток межзвездной плазмы, интенсивностью на порядки ниже этой высокоионизованной ме-

тели. Бет, почти не осознавая этого, использовала приемы, которые помогли им подняться по Струе тогда, в первый раз. Тогда она часы напролет воевала с жестокими течениями, в каких «Искательнице» прежде никогда не приходилось летать. Теперь Бет дала волю инстинктам. Глаза и руки не ведали покоя, собирая плазменные комки и формуя их. Когда топливные камеры наполнились, Бет начала подпускать плазму в камеры сгорания. Скорость возросла, корабль ринулся вверх, потом сдал по штирборту: Бет выжидала какой-нибудь странности впереди.

Пропустить ее было сложно. Мареновые контуры флайера вдруг расцвели резким желтым острым сполохом. Бет выпустила собранную плазму в камеры сгорания и пришпорила двигатель. Штурвальная консоль дрогнула, Бет успела вскрикнуть:

— Идет!

Мостик сотрясся, а потом *поморщился*. Так это выглядело: окинув взглядом линию палубы, Бет увидела, как рябит и выгибается фальшборт. Стоны и скрипы стали громче. Карла снесло на пол. Медленной волной, точно удар сердца, прошел через тело Бет резкий скачок давления. Свело желудок. Вдоль оси вращения корабля прокати-

лась глубокая басовая нота и… пропала. Мостик выпрямился, вернулись ровные переборки и прямые линии. Вдали затихали стонущие скрипы.

— Они промахнулись, — сказал Карл.

Редвинг кивнул.

— Но *что именно* по нам промахнулось? Палуба стала *морщинистой.*

— Ну, может, морщина пространства-времени, — пожал плечами Карл. — Хотя будь я проклят, если представляю себе, как это можно…

— Не отвлекайте меня, пожалуйста, — сказала Бет. — Они могут дать новый залп.

Рывки, виражи, петли, нырки; время растягивалось, как перед тем — пространство. Она ничего не слышала, ничего не видела, кроме полей, по которым судила о действиях флайера. На середине очередного виража двигатели флайера полыхнули, он пошел на сближение. Бет ответила. В продолжение пикировки руки ее без устали плясали над консолью, а глаза высматривали, не проявится ли новый ярко-желтый пик в спектре. Этого не происходило.

Пискнул комм. Редвинг ответил:

— Да? Отлично. Что? Повтори! Хорошо. Великолепно. Ты уверена? Хорошо. Ладно. Условия позже, да, конечно. Скоро, да.

Он отбил вызов и развернулся к Бет. Она позволила себе посмотреть капитану в лицо и поразилась, каким старым он кажется.

— Они сдаются. Таких импульсов больше не будет. Это была Лямбда-Пушка.

Бет открыла было рот для ответа, но тут снова пискнул комм.

— Что? — спросил Редвинг. — Смотреть на звезду?

— Сейчас, — сказал Карл. Они с Фредом, который тоже пришел на мостик, повозились с главным экраном.

Гейзеры. На краю красной звезды ярились свирепые энергии. В космос вылетали колоссальные протуберанцы и вздымались величественные арки. По взбудораженному участку диска, имевшему форму полумесяца, струились бурные потоки плазмы. Бет увидела, что в солнечном круге появилась зазубрина. Что-то отгрызло краешек диска.

— На векторы глянь, — сказал Карл. Он попросил артилекта-кинематика прикинуть конус обстрела штуки, которая только что по ним промазала. Карл задал диаметр основания, в несколько раз превышающий ширину траектории, по какой Бет пыталась ускользнуть от

флайера и того, что в них метило. В пределах погрешности расчетов конус задевал край светила.

Редвинг нахмурился.

— Тананарив говорит, у Птиц эта штука называется Лямбда-Пушкой. Она что-то такое творит с пространством-временем, и стоит лишь спроецировать на… — Он замолчал. Изображение стоило тысячи слов.

Они глядели, как гравитационный потенциал медленно восстанавливается внутренними давлениями. Словно хищные пасти, разверзались и захлопывались исполинские трещины. Неутомимые фонтаны выбрасывали в космос тонкие дрожащие желтые щупальца, те искривлялись и гасли. В расщелину ниспадали колоссальные сияющие потоки, от них во все стороны разбегались вторичные волны. В мощнейших магнитных полях зарождались сложные вихри. То здесь, то там накатывали плазменные ураганы, свирепствовали торнадо величиной с планеты.

Бет медленно, с усилием выдохнула, пытаясь привести себя в некое подобие нормального состояния. Она устала и совсем растерялась. Кофе больше не помогал. Да и ванну бы неплохо принять…

Она поднялась из кресла, пошатнувшись при

этом.

— Тананарив еще что-то говорила, капитан, я же знаю. Что же?

— Мы достигли перемирия. Сможем пополнить запасы.

Изумленные выдохи. Редвинг с улыбкой пожал плечами и под дружные аплодисменты слегка покачал головой.

— Но, гм, да, это не всё. Мы им нужны; некоторые из нас, столько, чтобы не опасаться инбридинга, останутся в Чаше. Оказывается, на самом деле тут совсем не Птицы рулят. Птицы — кто-то вроде местной полиции, вышибал или, может, менеджеров среднего звена в бюрократии. Эта штука очень древняя, тут нужно жить долго, чтобы управлять ею.

— Какие-то чужаки, с которыми мы там, внизу, не пересекались? — У Бет все перед глазами плыло, кости нещадно ныли. — Какие-нибудь…

Редвинг пожал плечами с таким видом, словно должен был все знать заранее.

— Ледоразумы медленные, потому что холодные. Тананарив говорит, они хранят воспоминания и исторический опыт. Они заодно с другими ребятами, Диафанами, а те управляют Струей и звездой.

— Плазменная жизнь? — спросил Карл. — Это они издавали те звуки, генерировали разрядные дуги, это они…

— Убили Клэр, — проговорила Бет. — Пытаясь помешать нам ввести Струю в кинк.

— Получается, — сказал Карл, — у них тут союз холода и жара. А Птицы — обычные управленцы на зарплате.

— Но они-то сами иного мнения, — возразила Бет. — Птицы воображают, будто это они тут главные. Забавно.

— Так почему эти Ледоразумы, или как бишь их, нас вообще пощадили? — спросил Фред. До этого он не проронил ни звука, но сейчас глаза его танцевали и светились счастьем, на лице играла улыбка.

— Им нужна наша помощь, — ответил Редвинг. — На Глории. Мы первыми туда доберемся, если разгонимся на полную. Мы там можем все разведать. И пообщаться с глорианцами, которые думают, что это люди управляют Чашей. Они приняли наши радио– и телепередачи, а поскольку мы на одной линии обзора, решили, что и Чаша наша.

— А мы обязаны?.. — нахмурилась Бет.

— Это входит в условия сделки. — Редвинг

улыбнулся. — Тананарив говорит, принять одно условие — значит принять все.

— Ну, — рассмеялся Карл, — какие вопросы. Конечно, мы согласны.

— Они просят, чтобы мы помогли распрямить стоячий кинк. Он скребет по окрестностям Свища и, если ничего не сделать, в этом состоянии останется. Но если пролететь через него в нужном режиме, может, неустойчивость распадется.

Карл сухо отозвался:

— Я бы это описал в более сочных выражениях, более прецизионно. Но думаю, что при такой плотности потока, да с Бет у штурвала, мы справимся.

Бет рассмеялась чуть надрывно.

— Бет, идеальный пилот у штурвала, думает, что ей нужно выспаться. Как следует выспаться. А потом — много кофе.

Редвинг улыбнулся и наконец сел в кресло. Его целую вечность не видели в такой расслабленной позе. Окинув взглядом видеостены с анализом ситуации, он проговорил:

— Если сейчас пролететь вниз по Струе, вернуть кобылку в плазменное стойло Свища, потом наружу… ну, можно же описать петлю и вернуться на простую орбиту.

Бет нахмурилась.

— Назад в безопасную морозилку?

— Некоторые останутся здесь, — повторил Редвинг. — Ледоразумам нужна новая раса, чтобы навести в Чаше порядок, насколько возможно. Птицы о нас когти обломали, и за это у них полицейские жетоны отберут. А нам — вручат.

Бет кивнула, понимая, что ее пилотская карьера близится к завершению.

48

Когда поток мыслей и картинок наконец ослабел, Тананарив почувствовала крайнее истощение. Ледоразумы объясняли ей происходящее в неизменной для себя текуче-спокойной, холодной манере, но творилось столько всего странного и грандиозного, что она толком не находила ответов. Большую часть информации просто молча перерабатывала. Даже это истощало. Но потом ее кое-что озадачило, и она задала вопрос.

— Почему ваша Струя так легкодоступна? Я хочу сказать, звезда и Чаша ведь нестабильны, все время нужно следить за устойчивостью системы и компенсировать возмущения, грозящие развалить конструкцию. Кто бы ни пожелал вам навредить, сразу увидит в Струе, сердце системы, удобную цель.

Небольшая задержка, явственное замешательство. В ее сознании проплывали размытые образы. Подергивались ажурные пряди протуберанцев, покидая звезду. Время от времени Струю выгибало в сторону, но плазменные сгустки, называвшие себя Диафанами, помогали ее

выровнять. Диафаны разглаживали Струю и возвращали ее на прежнюю траекторию, равномерную и уверенную, проходящую через Свищ. Все налаживалось. Хотя бы номинально.

— Зачем вы оставили ее в таком уязвимом положении? В смысле, мы ведь просто пролетали мимо и проскользнули внутрь, пролетев по Струе. Мы и тогда рисковали нарушить ее течение, чисто случайно. А другие существа, другие чужаки, они ведь могут захотеть повергнуть вас таким образом.

Некоторые пытались.

— И какую стратегию вы тогда применяли?

Тананарив устала, но понимала, что чем больше узнает, тем лучше. Редвинга заинтересуют любые подробности.

Вообрази себе одинокое подразделение войск перед неизбежной атакой врага. Нужно отыскать участок местности, наиболее подходящий для сражения, и закрепиться там. Правильный ответ — принять бой на краю пропасти. Это оставит солдатам выбор из двух вариантов: сразиться или отступить, но отступление в данном случае равнозначно падению в пропасть и гибели. У врага тоже есть выбор: атаковать или отступить. Возможность отступить ослабляет

решимость атакующих. Твои же бойцы кажутся врагу бесстрашными, ведь они сознательно поместили себя в безвыходное положение. В подобной ситуации враг скорее не решится атаковать, чем наоборот.

Тананарив удивилась.

— Значит, вы позволяете загнать себя в угол? Это у вас оборона такая?

Мы предпочитаем дипломатический путь. Мы сожалеем, что наше последнее средство обороны было использовано Птицами, или, вернее, одною Птицей. Наша Лямбда-Пушка обладает колоссальной мощью. К счастью, те, кто решил применить ее, действовали неумело. Мы остановили сражение и покараем тех, кто допустил такую чудовищную оплошность.

Тананарив ничего не ответила. В ее сознании поднималась звучная, требовательная нота, и она поняла, что это призыв Ледоразумов. Потом Ледоразумы сказали:

Сейчас Диафаны обратятся к виновникам этой серьезной ошибки. Тебе тоже стоит послушать.

Вступил новый голос, суровый и раскатистый; слова не произносились, а скорее разворачива-

лись в мозгу[31].

Кто здесь опустошение сеет во владениях наших, ничего не разумея?

Ведомы ли вам переменчивые законы жизненных течений?

Где были вы, когда обрела форму великая Чаша?

Можете ли возвысить голоса к звездным облакам?

Незримым полям утвердили ль вы определения?

Способны ли тела ваши положить меру пламенникам светил могучих?

Разве давали вы когда в жизни приказания мимопролетным звездам или указывали заре место ее?

Во власти ль вашей охватить Чашу за края и вытряхнуть из нее нечестивых?

Странствовали ль вы по глубинам жара, по тайным проходам хрупкой ночи?

Входили ль вы в хранилища Ледоразумов, взыскуя преданий своего

---

[31] Примечания: 31
Далее аллюзия на книгу Иова, гл. 38–42.

далекого прошлого?

Зрели ль вы за край времен необозримых?

Ответы ваши не оправдают попытки наложить окаянные руки на машины темных чудес.

Однажды так поступили, но не сможете никогда впредь, ибо места для вас не останется.

Пространство и время, связь коих тщились разъять вы, пребудут отныне без вас.

Тананарив осознавала, что это говорят незримые обитатели Струи. Она ничего не поняла из услышанного, а только вздохнула, разом отринула все тревоги и с облегчением провалилась в забытье.

49

Мемор смотрела, как накатывают громадные волны на леса и города, обреченные стать болотами. Великие сооружения глубокой древности подмывало и рушило. В значительном увеличении со спутника становились видны крыши домов и центры городов. Но групп выживших в ожидании спасателей она не увидела. Там и сям на поверхность выныривали головы, но их было немного.

— Истинная трагедия, — прокомментировал Бемор. Вид у него был усталый: он постоянно находился на связи с Ледоразумами через посредство этой приматки, Тананарив. — Но идем же, мы должны присутствовать на церемонии прощания.

— Это еще почему? Не хочу я такого видеть.

— Ледоразумы приказали. Их отношение к нам значительно переменилось. Мы у них теперь в немилости.

Мемор ощетинилась, быстрыми перьевыми сигналами выдав неприятие и сдержанную ярость.

— Но ведь кризис миновал, не так ли? И не без

нашего участия.

— Трудно спорить. — Оперение Бемора приняло тускло-пурпурную окраску унылой покорности, он издал хриплый свист. — Идем. И приматов своих прихвати. Ледоразумы желают их присутствия.

— Они отдохнули и поели, — сказала Мемор. — Возможно, им будет полезно на такое поглазеть.

Они направлялись в Цитадель Обесчещенных, чтобы увидеть кончину Асенат. Преступницу смешают с грандиозной матрицей мертвых растений и животных, чтобы в бесчестии своем она пополнила гумусовый слой. Мемор и Бемор уныло плелись к высокому арочному атриуму, откуда доносился едва уловимый шелест скрытых механизмов. Машины анализировали содержание бактерий и микроэлементов, регулировали кислотность и температуру медленных потоков грязной жижи под Ямой. Сперва в Яму, потом на удобрение в Сад. Судьба у всех одна.

— Асенат мне не нравилась, — прошептала Мемор, — но талантом не была обделена.

— Лучше б ей было не таить обиды, — сказал Бемор. — Излишняя самоуверенность мешает предвидеть последствия.

Но Мемор все же пришлось прибегнуть к

помощи Подсознания, чтобы справиться с эмоциями. Малоприятное занятие — наблюдать, как соплеменницу, с которой ей довелось немало поработать вместе, отправляют на переработку.

Приматы и силы шли следом.

— Что-то не вижу я у этих созданий ранних признаков Адаптации, — заметил Бемор. — Как бы нам без них было хорошо.

— Не думаю, что Ледоразумы нам позволят казнить кого-то из приматов или причинить им вред, — сказала Мемор. — Да и силов тронуть не дадут, хотя этих, возможно, и удалось бы осудить.

Бемор выразил перьями энергичное отрицание.

— Ледоразумы и стоят за действиями силов. Ледоразумы хотели заполучить себе людей, не ставя нас об этом в известность.

— А значит, силы тоже неуязвимы, как и приматы. Честно говоря, крайне неприятно терять власть над этими созданиями из-за такой мелочи…

— Это не мелочь. Импульс Лямбда-Пушки, которую активировала Асенат, преодолел значительное расстояние по Струе. Он рассек на части нескольких Диафанов. Один из них погиб, прочие

пострадали. Эти последние, впрочем, смогут восстановиться при помощи сородичей, анатомия позволяет им поддерживать жизненно важные характеристики друг друга. Но причинить вред Диафанам — значит нанести урон Струе и угрожать всей Чаше.

Голос Бемора перешел в суровое громыхание.

— Ее пример послужит назиданием.

Мемор увидела, как Асенат ведут к Яме, и вспомнила, как сама тут едва избежала гибели. Асенат тогда осталась недовольна, что Мемор пощадили, и впоследствии давала ей это понять едкими замечаниями. Теперь Асенат стояла у пасти черной Ямы в центре Убежища. Ей зачитали приговор. Асенат никак не отреагировала, не стала жаловаться и стонать. Перья ее приняли мутно-серую окраску и безжизненно обвисли. Зазвучали раскатистые долгие аккорды.

Представители различных религиозных культов, облаченные в традиционные церемониальные одежды Птиценарода, по очереди подходили к Асенат и пытались убедить ее в последние мгновения жизни обратиться к их верованиям. Мемор знала из исторических записей, что некогда Чаша посещала миры, на поверхности которых обитали существа, подобные блинчикам или

замысловато извивающимся ленточкам. Древние прозвали их Философами, ибо устройство тел не позволяло им в должной мере использовать орудия труда. Философская фауна отличалась, однако, большой общительностью и разработала грандиозные теории мироустройства, граничащие с теологическими. Мемор философию считала попыткой слепца нашарить в темной комнате невиданного дотоле черного зверя. Там, где философия сливалась с теологией, черные звери вообще не водились, но, несмотря на это, поиск их не прекращался.

Асенат встопорщила перья жестом отрицания и отогнала церковников.

От последнего слова Асенат отказалась было, но вдруг ее перьевой плюмаж принял серо-коричневый оттенок. Асенат вскинула голову и произнесла:

— Мы умираем, заключая в себе богатство наших привязанностей к возлюбленным, на вершины которых взбирались в свое время, словно на деревья. Я отметила их на своем теле. В миг смерти они уйдут со мною в Великий Перегной.

Это заявление Мемор удивило. Никто ведь не увидит отметин. Возможно, Асенат надеется таким выступлением зафиксировать память о себе

в Народном фольклоре?

С высоко поднятой головой, демонстративно пожимая перьями, Асенат шагнула за край и соскользнула в сливное отверстие. К толпе присутствующих она так и не обернулась.

Мемор учуяла страх приматов, про которых совсем позабыла. Она обратилась к ним, заявив, что зрелище это служит наставлению их в обычаях Чаши и Великого Перегноя, куда обязаны возвратиться все.

От зрелища и вони кто-то из приматов блеванул, извергнув брызги мерзкой кисловатой жижи. Мемор увидела, что это Тананарив, которая, как ей помнилось, частично овладела языком Народа. Да, недавние события продемонстрировали, что существа эти умнее, чем ей сперва казалось.

После церемонии воцарилось долгое молчание. Бемор обратился к приматам:

— Здесь правосудие строго ко всем.

Тананарив сказала:

— Похоже, вами правят Ледоразумы. И выносят смертные приговоры?

— Чаша потерпит катастрофу, если в ней некому будет авторитетом своим подавить мимолетные мнения индивидов, — сказал Бе-

мор. — Или видов. На вашем корабле ведь тоже есть капитан.

— Я и не думала, что обрадуюсь перспективе снова увидеться с Редвингом, — проговорила Тананарив. — Но жизнь полна неожиданностей.

Все люди — Клифф, Ирма, Терри и Айбе — долго и искренне хохотали над этой репликой. Мемор поняла, что так проявилось долго сдерживаемое, а теперь высвободившееся внутреннее напряжение.

— Поосторожнее надо с этими приматами, — прошептал Бемор на птицеречи. — Их тут аж несколько, а нас всего лишь триллионы.

Они с Мемор рассмеялись, издав низкие раскатистые ноты облегчения. Но в скором времени шутка Бемора показалась им не такой уж и смешной.

Часть четырнадцатая
Мерцающий свет памяти

Природа не занимается оптимизацией,
а просто существует.

Кен Калдейра

50

Бет зевнула, потянулась и стала смотреть, как разбиваются о берег пляжа высокие белопенные волны, с ревом захлестывая край стены ее комнаты. Приятно было просыпаться под расслабляющий шум океанского прибоя. Она однажды попробовала серфинг, около века назад, и едва не утонула. Долгонько же тогда спина болела…

Теперь мышцы тоже ныли, напоминая ей о долгих часах в пилотском кресле на мостике. Спине это занятие не понравилось, как и самой Бет. *Лучше было бы посерфить*, сонно размышляла она. *Интересно, а где-нибудь в Чаше найдутся подходящие для этого волны? Может, если ураган поблизости пройдет, на безопасном расстоянии, конечно…*

Она поднялась с постели, отправилась в носовую часть корабля и пустила горячий душ, отведя под это трехдневную норму воды. Так спине было легче, да и с мыслями удалось наконец собраться. Обдумать предстоящие разговоры с Редвингом и Клиффом, взглянуть на распахнутые перед нею двери, которые Бет собиралась с размаху

захлопнуть.

Она покопалась в своем душевом шкафчике, не обращая внимания на Фреда, который все равно не поднимал глаз от планшета, и приготовила себе большую чашку кофе. Потом вернулась к себе и переключила стену на изображение мирной английской деревни, чтобы фоновые звуки — шум ветерка и птичий щебет — разогнали жутковатую тишину «Искательницы солнц».

Бет, старшему пилоту «Искательницы», нелегко было примириться с этой тишиной. Прямоточник отдыхал: двигатели отключены, щиты разведены. Лишь особая конфигурация магнитных полей Чаши ныне заслоняла корабль от потоков межзвездной радиации. Эту конфигурацию обеспечивал чужак, разумный магнитный пучок: Диафан.

Молчание, совершенно непривычное после несмолкаемого фонового ропота, наводило на девушку ужас. Ага… раздался тяжелый удар. Это, наверное, танкер. Суда-заправщики и грузовозы облаком окутали «Искательницу», по корпусу постоянно что-то скрежетало и стучало: один за другим кораблики техподдержки швартовались к ней, груз проходил через воздушные шлюзы. Роботы, присланные Птиценародом, клацали

и звякали снаружи, ползая на магнитных присосках.

Бет пригубила кофе и постаралась отключиться от этой суеты.

Сначала почту разобрать надо, после десятичасового-то забытья в гамаке. Она пролистывала сообщения. Первым шло подробное домашнее задание Тананарив. Та старательно отчиталась обо всем, что узнала в ходе переговоров и взаимодействия с Ледоразумами, по крайней мере о том, что сочли те нужным выразить словами, ко– гда Тананарив сидела в ящике. Она попросила их общаться в устной форме, а не генерировать слова бесплотным голосом в ее сознании. Коммуникатор записывал речи чужаков и передавал их бортовому артилекту, а тот расшифровывал и анализировал. В середине текста таился крепкий орешек.

…Вам надлежит понять, что Глория – не обычная планета, а скорее многоярусный мир. Различными видами разумных глорианцев населены ее концентрические сферы, а разделены широкими атмосферными прослойками. Много опор у этой системы, а

свет и тепло обеспечиваются мощными источниками энергии. Близ самого центра жизнь бескислородная. Эти создания происходят из глубин обычных миров, тьма и жар породили их. Некоторые виды придают своим сферам сходство с излюбленными средами обитания. Наружный слой воссоздает примитивную планету с кислородной атмосферой, изобилующую лесами и морями. Именно его и зафиксировали ваши астрономы. Вы сочли Глорию соблазнительным вариантом для колонизации. Но верхний слой – лишь обманка, возможно капкан. Мы не знаем наверняка. Ясно, однако, что Глория не так проста, как вам казалось.

Глорианцы, сотворившие этот многоярусный рай, способны общаться в масштабах всея Галактики. Они, в отличие от вас, не прибегают к обычным электромагнитным волнам. Многие миры тоже их используют для коммуникации в межзвездных масштабах, некоторые управляются машинными интеллектами. Излучение в электро-

магнитном диапазоне – индикатор развивающегося общества начального технологического уровня. Большинство предпочитает отмалчиваться, излучая весьма мало энергии и храня свои тайны. Мы зачастую обнаруживаем такие молчаливые планеты. Нас привлекают миры, которые, по данным дистанционного обследования, населены, но вместе с тем молчаливы в электромагнитном спектре.

Глорианцы высокомерны. Они предпочитают неторопливый, в течение многих эпох, разговор с великими разумами – теми, кто способен излучать гравитационные волны. Такие волны куда сложнее обнаружить и чрезвычайно тяжело излучать в когерентном состоянии, приспособив для передачи информации. Способность их генерировать сама по себе служит индикатором высокого уровня.

Эти сигналы вы, приматы, зафиксировали, но смысла их не понимаете. Неудивительно. Многие расы обнаруживали их за миллионы ваших лет.

С некоторыми цивилизациями, способными принимать, но не расшифровывать гравитационные волны, Чаша встречалась в прошлом. Мозаика гравитационных сообщений ландшафта Галактики сложна, разгадать ее под силу немногим.

Мы, Ледоразумы, сумели раскодировать волны, поступившие с Глории, при помощи Диафанов. Это стоило усилий. Странные, интригующие сообщения, и между строк – намеки на более глубокие смыслы. Теперь мы желаем изучить глорианских миродержцев лично, чтобы они признали нас за равных себе. Именно поэтому Чаша ныне направляется туда: мы рассудили, что готовы. Доселе мы не осмеливались.

Вам, приматам, *осмелиться* **– сущий пустяк**.

Бет перевела дух. По улочкам английской деревни бродили люди другого века — ее родного. Шелестел ветерок с моря, щебетали птицы. Вот оно что. Ледоразумы решили выложить все начистоту, предполагая таким образом склонить

больше пассажиров «Искательницы» к переселению в Чашу. Это честно. Теперь мяч на стороне Редвинга.

Дальше следовали данные и текстовые резюме от Тананарив и бортовых артилектов по поводу Диафанов.

Карл и ведущий артилект-теоретик строили гипотезы насчет природы созданий, погубивших Клэр: кто они, черт подери, вообще такие? Самоорганизующиеся магнитные поля, разумные плазменные «бублики», собирающие урожай энергии в Струе? Крупнее планет? Что же, Струя — явление загадочное, и Птицы ею, похоже, управлять не умеют. Бет и прочие члены экипажа упустили эту проблему из виду, но стоило ее осознать, как вопрос стал очевиден. Кому по силам привязать солнечные бури к подножию Струи? Кто обуздал Струю магнитными полями, обеспечив равномерное истечение плазмы?

Кто-то огромный. Бет пыталась представить существа, способные излучать волны километровой длины. Волны, которые индуцировали на «Искательнице солнц» колоссальные электрические поля и звуковые колебания. Против таких созданий люди все равно что прилипалы на шкуре голубого кита.

Без Диафанов вся система Чаши не смогла бы работать. Кому по силам управлять звездой? Тем, кто вырос там, эволюционировал среди величественных арок звездного вещества. *Местным.*

Ладно, хватит. Она прервала чтение, вспомнив, что пора на встречу с Редвингом. *Пора влезать в боевой прикид, девочка.*

51

Самое неприятное в упражнениях при невесомости — пот. Пот никуда не стекал. Редвинг прильнул к подпорке и стер часть пота, заливавшего глаза, но удалить его полностью было тяжело. Взгляду будто бы мешали линзы. Редвинг поморгал, но от этого все вокруг лишь закачалось. Звякнул комм на поясе, напоминая, что пора встретиться с Карлом, а потом с Бет.

Карл уже ждал. Редвинг ненавидел опаздывать на встречи с экипажем, но от тренировки отказаться не смог, ему нужно было прочистить мозги. Войдя в каюту, он увидел на видеостене прямую трансляцию с камер наружного обзора. С удовлетворением отметил, что корабль обогнул кромку Чаши и снова вошел в окрестности Свища. Радиация оставалась пренебрежимо малой, ибо их окружали магнитные щиты Диафанов, обитателей звезды. Редвинг не представлял, какое напряжение им приходится выносить, экранируя собой килотонный звездолет и помогая корректировать его курс, но к невозможному привыкаешь быстро.

Карл улыбался.

— Поездочка что надо. Как Бет нас по Струе вниз прокатила до подпруги Свища, как затормозила, выстрелила плазмой назад и оттеснила стоячий кинк обратно к центру, выпрямила… Вау. Просто вау.

Редвинг кивнул.

— Пальцезмейкам тоже понравилось. Они умные ребята и много чего знают про Струю. Я разных пилотов видел, но таких, как Бет, никогда. Я должен ее в звании повысить.

— Может, не только это, — заметил Карл, но Редвинг не отреагировал.

Карл изучал ураганы на телескопах дальнего обзора. Стоило подстроить масштаб, как выяснился печальный размах катаклизма. В пострадавших зонах близ Свища влага морей испарялась, компенсируя падение атмосферного давления. Колоссальные бури свирепствовали у разрывов пленки, ускоряясь и вылетая в вакуум.

— Наверное, нужен новый термин для всего этого, — сказал Карл, поднявшись и указав на стену. — Видите? Течения образуются в той огромной бурлящей спирали, потом расщепляются на ураганы. Фрактальная гидродинамическая турбулентность. — Он увеличил разрешение экрана. — А эти в свой черед порождают ураганы

поменьше, и так далее, масштабная инвариантность, но диапазон масштабов куда богаче земного.

— Все больше и больше их вымещает ярость на жителях зон внизу, — пробормотал Редвинг, размышляя.

— Залатать прорехи быстро не получится, — Карл отвернулся, покачав головой. — Мы слишком далеко зашли, да уж.

У него еще было что доложить, но Редвинг проговорил:

— У нас тут праздник намечается — старые добрые блюда, выпивка, все такое. Мы все устали. Давай пока на артилектов спихнем работу, часа через два например, и проведем общее собрание экипажа.

Карл рассеянно кивнул. Редвинг вспомнил, что на этой вечеринке антрекот будет не из мяса, вино — смесь воды с виноградным экстрактом и спиртом, а вода восстановлена из их общей мочи. После стольких смертей веселье давалось тяжелей всего.

— Капитан, мы еще не закончили. Тананарив и Народ забрасывают нас информацией, ее столько, что сразу не переваришь. Птицы описывают ситуацию со своей точки зрения, а я кое-как пы-

таюсь переопределить под наши категории.

— Они древняя раса, мы молоды. Этого и следовало ожидать.

Карл сухо улыбнулся.

— В некоторых сообщениях, как мне показалось, оставлено место для регистрационных отметок, ну, *имя, место жительства, звездная система* — трудно разобрать.

— И трудно понять, как с ними вести переговоры?

— Чертовски трудно. Смотрите, Чаша обследовала приличный кусок Галактики. Наверное, они бы весь местный спиральный рукав уже могли заселить. Но Птиценарод очень консервативен. Колоний у них вроде бы нет.

Редвинг поджал губы, откинулся в кресле, глядя на бушующий внизу идеальный шторм. Он отгонял мысли о том, что там творится. Дело его рук…

— Гм. Они утверждают, это потому, что Чаша идеальна, оптимизирована под нужды разумных динозавров-Строителей. Тут тепло, погода устойчивая, предсказуемая. Им неохота ее покидать. Разве ж это странно?

— В таком случае кто занимается разведкой? Птицы не хотят заострять внимание, но это же

ясно. Они пытались основывать колонии, потерпели неудачу. Проведя миллионы лет в тепле и стабильности — тут же сущий рай, правда? — они разучились исследовать планеты.

— Но они заявляют, что следят за каждой ранее посещенной звездой. Так они узнали о том, что произошло. Великий Позор и все такое.

Карл подался вперед с хитрой улыбкой.

— А это Ледоразумы. Они медленно мыслят, медленно живут, но скуки не чужды. Они оставляли сородичей в облаках Оорта по всему спиральному рукаву. И в окрестностях Земли тоже. Те и рады: тут же изменений мало. Постоянная методика: много новых данных получают, а заодно своему виду помогают распространяться.

— А Птицы?

— Они присматривают за общественным порядком. Каждый миллион лет или около того Ледоразумы ротируют расы на этой должности, но в основном просто позволяют своим посредникам управлять остальными жителями Чаши — Адаптами, как их тут называют.

— И мы — новая шпана в квартале?

— Подождите, вы еще вот чего не видели.

Карл нажал кнопку на планшете, на противоположной стене возникла картинка. Две сферы,

черная и белая, обращались друг около друга. Симуляция. Слишком четкая для реальности.

— Ледоразумы, говорит Тананарив, пришли к выводу, что у глорианцев там бинарная система черных дыр. Похоже на это, во всяком случае. Черные дыры, по сути, просто очень крупные заряженные частицы, и орбиты их можно контролировать сверхмощными электромагнитными полями. Это предотвращает столкновение черных дыр. Но компоненты системы чуть отклоняются, и в таких близких пролетах генерируют мощное гравитационное излучение. Так глорианцы общаются с другими долгоживущими цивилизациями Галактики.

— И Ледоразумы хотят поучаствовать в разговоре? — Ему эта странная идея не понравилась.

— Подняться по общественной лестнице, да. Хотят поговорить со взрослыми, вроде себя.

Редвинг нахмурился.

— Но Чаше нельзя приближаться к черным дырам. Слишком опасно.

— Наверное. Но эти черные дыры небольшие, диаметром несколько метров.

— Такие крохотули? И все равно массивные.

— Да, раз в сто тяжелей Земли. А, кстати. Тут вот какая штука. Глорианцы их сами изготовили.

– Чего-о?!

— Ледоразумы желают выяснить, каким образом.

— А мы туда полетели… — У Редвинга в голове все путалось, собраться бы с мыслями, но тут вежливый стук возвестил о приходе Бет.

Карл продолжал:

— Я с Фредом говорил, и он высказал интересную мысль. Помните, как мы подлетали к Чаше? Ну да, мы были в шоке. Но Фред теперь думает, что это своего рода столкновение с будущим человечества.

— Ерунда какая-то.

— Идеи Фреда своеобразны, вы же знаете. В известном смысле, когда «Искательница» покидала Землю, там уже все было основательно переделано людьми. Не так ли? Солнечное излучение отражалось распыленными в стратосфере частицами двуокиси серы, и если знать, куда смотреть, можно было из космоса увидеть. Небольшие корабли на солнечных парусах заслоняли океаны от света, и от них, наверное, целые облака водяной пыли вздымались. Огромные башни поглотителей углерода на континентах. Выбросы производств собирали и захоранивали в глубинах океана на тысячу лет. Мы в эти океаны

ежегодно сбрасывали тонкоизмельченного мела в количествах не меньших, чем белые скалы Дувра. Помните? Помните?

Редвинг кивнул, вспоминая, как лихорадочно трудились системы коррекции.

— Да, связывали угольную кислоту из поглощенного CO_2. Я в космосе десятилетиями пропадал, верхом на термоядерных боеголовках. Нам было до этого мало дела.

— Мне, в общем, тоже. Не наши проблемы. У нас своих хватало в собственных замкнутых биосферах.

Карл извинительно пожал плечами.

— И такая деятельность мало чем отличается от бесконечных преобразований вечно меняющегося хабитата. Я понимаю, к чему Фред клонит. А почему он с тобой не пришел и не высказал этого?

Карл скептически поднял бровь, глядя на Редвинга.

— Вы разве не знаете, что он вас побаивается?

— Он довольно немногословен.

— Не в ваше отсутствие. Суть в том, что кому-нибудь или *чему-нибудь* уже приходилось раньше сталкиваться с аналогичными трудностями. Чужаки построили Чашу, чтобы жизнь себе

упростить. Наверное, устали от планет. Им захотелось странствий в ночном небе, но без спешки. Они забрали с собой большую часть привычных видов. А некоторые, домоседы, остались.

Редвингу мысль понравилась.

— Вы с Фредом намекаете, что им нужны были управляемые ландшафты, которые бы казались естественными. С мягким климатом, теплые, как любили динозавры, под незаходящим красноватым солнцем. И его вечной подругой, веселой Струей.

Карл хмыкнул.

— Кто знает, как сейчас выглядит Земля, после многовековых экспериментов над биосферой?

— Вы с Фредом хотите остаться в Чаше?

— Да нет, вы что!

— Гм. Тогда к чему эта лекция? — Он не любил обращаться к экипажу за советами, но, по крайней мере, они пока наедине. — Какое отношение она имеет к пути на Глорию?

— Я просто подумал, вам полезно будет узнать, о чем на борту судачат. — Карл поднялся и отдал честь. — Знаю, время доклада истекло. Я тоже хочу увидеть Глорию, сэр. Я улетаю с вами.

Он вышел.

Когда появилась Бет, Редвинг сразу увидел, как

решительно сжаты ее челюсти. Она выглядела так в те долгие тяжкие часы, когда выпрямляла стоячий кинк. А когда дело было сделано, едва добралась до своей каюты.

— Капитан, официально прошу перевести меня в колонию Чаши.

— Колонию? — Как все быстро происходит, блин.

— Птицы — ну, строго говоря, Ледоразумы — говорят, что весь отряд Клиффа хочет остаться. Я — с ними.

— Послушай, ну я же не могу всю команду тут бросить. Нам нужен классный пилот…

— Разморозьте. Я биолог по профессии, а только потом резервный пилот, вы же знаете.

— Ты лучшая! Ты нас провела по…

— Капитан, пора платить по счетам. Вы же условились с Народом?

— Не с Народом, нет. С Ледоразумами и Диафанами, если быть точным.

— Вам придется оставить кое-кого из нас в Чаше. Ну и оставьте столько, чтобы мы скрещивались без угрозы инбридинга.

— Запасы генетического материала…

— Нам требуется такая популяция, чтобы исключить всякий риск инбридинга, даже с гене-

тическим профилированием по базе данных. По крайней мере сто человек, нет, несколько сотен. Размораживайте их, пока дозаправляемся.

— Ты хочешь…

— В колонию. Нас ведь ради этого и отправляли.

Редвинг приказал себе успокоиться, но сердце отчаянно заколотилось.

— Я в любом случае вынужден был бы так поступить, Бет. Пальцезмейки хотят с нами. Их всего трое, самец и две самки; кажется, инбридинг им не грозит. Но еще пятьдесят силов нужно куда-то запихнуть. И другие виды тоже просятся на борт. Артилекты говорят, конструкцию гибернаторов можно переделать, но некоторым членам экипажа придется бодрствовать дольше оптимального.

— У вас будет место для дополнительных вахтенных. Вы же стартуете с полными кладовыми, не так ли? А мы почти на релятивистской скорости.

— Быстрее. Мы пролетим вверх по Струе и ускоримся за счет гравитационного маневра вокруг звезды. Ты точно хочешь это пропустить?

— Точно. Я останусь, капитан. Клифф согласен.

Редвинг испустил вздох.

— Птицам места, конечно, не хватит, разве что оплодотворенным яйцам и искусственной матке, но они выразили такое пожелание, а конструкция объемистая.

Бет дернула углом рта.

— После всего, что они с нами творили?

— Это входит в сделку. Птицы не правители Чаши, они скорей копы на дежурстве…

— Коррумпированные копы. Они убивают представителей других видов, поддерживая это свое равновесие. У них тиранический режим. Они за нами гнались, бросили в тюрьму…

— Мы возьмем их, потому что с Ледоразумами явно не срастется. Впрочем, у нас будет свой Диафан, но об этом позже, когда все обсудим.

— Но на Земле вам не поручали принимать на борт чужаков и везти их…

— Приходится подстраивать первоначальный профиль миссии под сложившиеся обстоятельства. Бет, мне придется сгрузить почти половину пассажиров, и как прикажешь их отбирать? Нельзя же их разморозить и поставить перед выбором. У них права голоса не больше будет, чем у ребенка в утробе.

— Выбирайте супружеские пары, — проговорила Бет. — И тех, кто более склонялся к колониза-

ции, а не к исследованиям. Нас тестировали на такие качества.

— Нас выбирали по умению адаптироваться. И даже так…

Бет с улыбкой подалась вперед. Он откинулся в кресле, дернув ртом и тем показав, что находит ее порыв немного странным.

— Думайте о более великой цели: колонизации Галактики человеком. Сыграйте по-крупному. Мы можем основать сразу две колонии.

— Глория — вот игра по-крупному, — сказал он.

Бет не слышала рассказа Карла об излучении системы черных дыр, но, без сомнения, узнает, когда на борту начнут шушукаться.

— Глория не для нас, я так думаю. Еще рано. — Она с сожалением передернула плечами. — Наверное, нам пока не стоит соваться в высшую лигу. Чаша нам и так тяжело далась.

Редвинг понимал, что это еще не все, и выжидал. Голос Бет смягчился, стал почти сочувствующим.

— Но мы туда доберемся. Чаша привезет на Глорию обитателей первой человеческой колонии. К тому времени я уже умру, спору нет, хотя надеюсь прожить до двухсот. Какое там, дольше!

Но мы, люди, туда доберемся. Мы будем ждать встречи с вами.

Редвинг нахмурился.

— У меня приказ.

— У вас экипаж. В гибернаторы почти тысяча заляжет. К тому же, знаете ли, не все наши хотят остаться. Тананарив уж точно не хочет! Она сыта Птицами по горло.

— Ладно, я тебя услышал. И с Клиффом наверняка хочешь воссоединиться, да? Оставайся в этой своей колонии, ладно уж.

— Да. Но не только из-за Клиффа. Он для меня важен, это точно, но… а, ну да, вы наверняка знаете из отчетов экспедиции, кто-то же наверняка проболтался, но это и так было очевидно… Клифф Ирму трахал.

— Э-э… Я не готов делиться с…

— А и не надо. Если много месяцев провести между жизнью и смертью, взыграют инстинкты продолжения рода. Да и просто легче становится. Я биолог, в конце-то концов. Я знаю.

— И я знаю. Но Ирма с нами улетает. Как и ее муж. Ты не…

— Мне все равно. Ирма, Клифф… это всего лишь ска́чки на рюкзаках, как у нас говорят. Экстренная мера для чрезвычайной ситуации, если меня

спросите. Да, кстати, а как там вечеринка, которую вы обещали? Мы не опаздываем?

Широкая лучезарная улыбка. А потом — сомнений быть не могло — она ему подмигнула.

52

Возвратясь к себе в каюту, он понял, что малость надрался. *Надрался*. Странное словечко. Редвинг перенял его у дедушки, а тот не соблаговолил дать определение. Впрочем, и так ясно. Слегка опьянел, но все под контролем. У капитана все должно быть под контролем.

Еще Редвингу припомнилась прощальная реплика старшего по званию офицера Флота: перед тем, как Редвинг собирался отчалить на шаттле к «Искательнице», чтобы больше не вернуться на Землю.

Помни, что люди тоже ломаются, не только машины. Иногда людям нужно давать волю.

Искусство управления кораблем к бульдожьему упрямству не сводится, и Бет заставила его на многое посмотреть под иным углом. Забавно, как они сегодня с пальцезмейками надрались. Кто ж знал, что эти чужаки тоже восприимчивы к алкоголю? Много смеха, долгие выразительные вздохи, означавшие, что где-то внутри ослабевает сдерживаемое дотоле напряжение.

Бет хорошо поработала, да. Но ей неизвестно, что это Ледоразумы посылают Тананарив с

«Искательницей» вперед, на Глорию, в разведывательной экспедиции. Тананарив сможет интуитивно докладывать Птицам — или даже самим Ледоразумам, напрямую, кто знает? Они предпочли ее остальным приматам, варварам-Захватчикам, поскольку уже знали, как устроен ее разум.

Кое о чем он в разговоре с Бет умолчал. Корабль поднимется по Струе, прокачивая плазму по полной и разгоняясь, а когда будет пролетать мимо солнца, у «Искательницы» одним пассажиром станет больше. В двигателе поселится Диафан. Диафанам понравилась новая затея: помочь с конфигурацией полей ловушки и параметров выхлопа, не нарушая геометрии двигателя и корабля. Таких забав у них еще не бывало. А может, им интересно пообщаться с Диафанами, обитающими на другой звезде? Редвинг сомневался, что когда-нибудь узнает истинные мотивы.

Артилекты «Искательницы солнц» уже корпели над этой задачкой. Интересно, как будет подчиняться приказам капитана магнитный вихрь?

Ну ладно, *эта* проблема подождет. Он снял униформу и решил, что примет душ поутру. Почистил зубы. Сливая воду для полоскания в

небольшую цветочную вазу, отличительную деталь капитанской каюты, уронил пластиковый стаканчик. Это что, организм уже с алкоголем не справляется? Плохо дело. Но, впрочем, ему ведь хорошо так за восемьдесят[32].

Он уставился в Чашу. Обнаружив исполинский артефакт, они прозвали его Мир-Вок, но любые имена здесь суть обычные ярлыки для удобства. На первый взгляд, издалека, огромная машина казалась паразитом, вцепившимся в звезду, сосущим из нее жизненную энергию. И летящим вперед на этой энергии, в неустанном вечном странствии через великую тьму.

Бет сегодня его как обухом по голове приложила. Она указала ему более грандиозную перспективу. Он ее должник теперь.

О, как же без нее будет сложно… только сейчас начал он понимать.

А что, если остаться здесь, пришвартовать на какой-нибудь орбите «Искательницу солнц», присоединиться к счастливой ватаге в Чаше? Нет. Он дал присягу, он выполнит свой долг, пускай даже те, кто взял с него обет, давно мертвы.

Нет ошибки горшей, чем страх ошибиться,

---

[32] Примечания: 32
Ранее упоминалось, что Редвингу не менее ста лет.

сказали ему когда-то в ранние годы на Флоте. Нынче вечером, пускай Бет ему и помогала, он совершил много таких ошибок.

Он вызвал на видеостену обновляемую в реальном времени картинку ландшафта одной из Зон Жизни. «Искательница» направлялась к месту стыковки с челноком, который перед тем спустили в Чашу. На этом челноке прибудут Тананарив — и Айбе, который в последний момент передумал; с людьми инженерного склада такое часто бывает. Птицы пополнили корабельные припасы, а свои устройства связи вскоре обновят для совместимости с «Искательницей», чтобы не терять контакта, когда корабль улетит. Вперед. На Глорию.

Да, понял Редвинг, он основательно надрался. Так точно, сэр. *Вперед*.

Чаша, если разобраться, не такое уж и странное творение. Может, действительно высокоразвитым цивилизациям свойственно выходить за рамки привычного распорядка, не ограничиваться отточенным совершенством достигнутого образа жизни, движимого глубоко укоренившимися привычками и наследием эволюции. Они вносят изменения, исправляют ошибки, снова что-то меняют, снова чинят. Мыслят масштабно,

строят, снова мыслят, снова строят. Чаша — первый из объектов этого уровня, с каким довелось столкнуться человечеству; идея, внушающая трепет и будоражащая интерес. Но их впереди еще много. В этом Редвинг мог быть уверен. Как и в том, что порой пугаешься собственного отражения в зеркале.

Детали. Бесконечным свитком перед его глазами развертывались истерзанные пейзажи внизу. Он задумался о решениях, которые тогда, в тот миг, казались ему важнейшими за всю жизнь, а ныне ушли в историю Чаши мимолетными вспышками. Ледоразумы не мыслят моментами, для них это слишком мелко. Как минимум жизнями.

Чаша позволила оглянуться через пропасть не столетий и тысячелетий даже, а эволюционных эр. Может, в том и был истинный смысл визита сюда. Увидеть, как оживает и наливается красками прошлое в мерцающем свете памяти.

Ему явилась мысль.

Возможно, Чаша по Галактике не одна такая курсирует? Может, это пример технологической ниши, привлекательной для существ с исключительно долгосрочным планированием, но для людей труднопостижимой. Возможно, если у

чужаков складываются подходящие стартовые условия, как было с разумными динозаврами, которым нравились солнце, тепло и неспешность, то приверженность идее вечного лета склоняет к созданию подобных артефактов. Если так, то Чаша — выкованная грубым молотом эволюции стратегия звездных путешествий, отличная от той, какую избрали разумные болтливые приматы.

Кто бы ни обитал в многоярусном мире Глории, там существует биосфера — как минимум на верхнем уровне, а значит, есть место под солнцем, которое каждый вечер закатывается. Интересно, что они за создания, раз предпочли многоярусный мир? Придется людям с ними както ужиться. Редвинг улыбнулся. Если Чаша его в чем и убедила, так это в разнообразии человеческих талантов. Он предупрежден, и шансы на успех после пробуждения на Глории неплохие.

.

О нет, отправляться в странствия на утлых суденышках к далеким мирам, где снова и снова переопределяются понятия красоты и счастья, — не глупо. Пускай Земля стала далеким и отчасти ностальгическим воспоминанием — как случится это, без сомнений, со всем экипажем и самим

Редвингом, — расширять горизонты человечества — дело правильное и нужное. Создатели Чаши, кто б ни были они, тоже в это верили. Одна эта мысль уже согревала его душу.

Пора спать.

Послесловие авторов Большие умные объекты

I. Как построены эти книги

Говорит Грегори Бенфорд:

В научной фантастике существует много Больших Дебильных Объектов, сиречь колоссальных, таинственных артефактов, самим своим существованием внушающих трепет и изумление. Удачным примером вне пределов НФ может служить *Алмаз величиной с отель «Риц»* Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Эти конструкты не обязательно инертны, а *дебильный* аспект БДО отражает тот факт, что исследователи, пораженные масштабом объекта, чувствуют себя полными дебилами от неспособности его понять. Ларри однажды на вечеринке сказал мне:

— С БДО куда проще работать. Деградировавшие цивилизации описывают часто, потому что и с ними куда проще работать. Ну что, подбавим газку!

И мы написали *Чашу Небес*, а по ходу дела поняли, что наш Большой Умный Объект оправдает

свое имя только в двух томах. Чаша нуждается в постоянном контроле, сама по себе она неустойчива. Мир-Кольцо Ларри — БДО, потому что в пассивном состоянии он устойчив, как и мы, когда стоим неподвижно. (Вернее сказать, Мир-Кольцо неустойчив относительно толчков: даже легким пинком его можно столкнуть на солнце, но такие толчки легко заметить и своевременно компенсировать. Ларри во втором романе о Мире-Кольце добавил активные стабилизаторы.)

Умный Объект статически неустойчив, но динамически стабилен, как и мы при ходьбе. Мы падаем вперед на одну ногу, спохватываемся и компенсируем это второй. Такой режим требует значительных скоростей обработки сигналов и координации. (Мы единственные крупные животные, каким это удается без помощи хвоста. Двуногий режим опасен, если у вас нет больших мозгов или хвостовых стабилизаторов.) В НФ были БДО, но, насколько мне известно, не имелось умных объектов. Наш Большой Умный Объект крупнее Мира-Кольца и летит куда-то, а двигателем ему служит целая звезда.

Наша Чаша представляет собой полую оболочку размахом более сотни миллионов миль, привязанную к звезде силами гравитации и элек-

тродинамики. Звезда извергает длинный джет раскаленного газа, который тоже скован магнитными полями и устремляется в дыру на донышке оболочки в форме кубка. Струя разгоняет всю систему — звезда в буквальном смысле становится двигателем корабля-Чаши. На внутренней поверхности Чаши обитает развитая цивилизация. Сюжет книги мало напоминает *Мир-Кольцо* Ларри, потому что основные проблемы проистекают от взаимодействия с местными жителями.

Достоинства любого Большого Объекта, к дебильного или умного, заключены в энергии и пространстве. Количество собираемой им солнечной энергии колоссально, а доступный для жизни простор выразим разве что численно. Когда мы планировали книгу, мой друг Фримен Дайсон заметил:

— Я предпочитаю использовать для характеристики хабитатов параметр дефекта *R*, а именно отношение общей массы к доступному энергопотоку. Чем выше *R*, тем хуже хабитат. Для Земли, принимая полный солнечный поток за доступную для сбора энергию, параметр *R* равен примерно 12 тыс. тонн/Вт. Если рассчитать его для кометы с оптическими концентраторами солнечной энергии, странствующей где-то по

Галактике в виду звезды нулевой величины, получим около 100 тонн/Вт. Комета, каких в Галактике полно, в сто двадцать раз удобнее для жизни, чем Земля. Основная проблема планет такова, что тут слишком маленькая площадь и слишком большая масса. Жизнь нуждается в площади, не только для сбора поступающей энергии, но и для выбросов тепла. В долгосрочной перспективе жизнь распространяется туда, где массу можно эксплуатировать наиболее эффективно, в кометные или газопылевые облака вдали от планет, близ приемлемой по характеристикам звезды. Если звездой этой окажется наше Солнце, возможно, мы сумеем зафиксировать приблудившихся к нам бродяг.

Эта мысль помогла мне в работе с Чашей, где R примерно равен 10^{-10}! Местная центробежная сила тяжести обеспечена не нагромождением массы, а вращательной механикой. Конечно, это помогает перенести фокус инженерных работ на структурные требования Чаши.

Крупные объекты, сотворенные человеком, будь то пирамиды, соборы или небоскребы, неизменно критиковались под тем предлогом, что они-де суть преступные траты ресурсов цивилизации, особенно если кажутся аляповатыми или

безвкусными. Но не в том случае, если они являют собою продолжение доступной для жизни природы и полуискусственных сред обитания. Идея эта восходит к *Создателю звезд* Олафа Стэплдона:

Не только каждую звездную систему окружила ныне вуаль световых ловушек, фокусировавшая излучаемую светилом энергию к потребностям разума, так что целая галактика потускнела, но и многие звезды, оказавшиеся непригодными к эксплуатации, были дезинтегрированы, а их богатые запасы субатомной энергии — конфискованы.

Наша умная Чаша куда-то летит, а не только крутится на месте в ожидании гостей, как Мир-Кольцо; ее сокровища на борту.

Мы начали с очевидного вопроса: *куда она летит и зачем?*

Поиски ответа на него помогли скомпоновать весь сюжетный костяк двух романов. В том и прелесть умных объектов: они не просто изумляют, но вдобавок интригуют.

Когда мы с дедушкой выходили в Мексиканский залив за креветками, я от него частенько слышал: «*Лодка так и ищет, где бы ей затонуть*».

И, приступая к дизайнерской отделке новенького блестящего Большого Умного Объекта, я

сказал:

— Искусственный мир так и ищет, где бы разойтись по швам.

Жизнь там отделена считаными метрами от высокого вакуума, который относительно нее движется очень быст– ро, ведь Чаша крутится, создавая центробежную силу тяжести. Это упрощает запуск космических кораблей, поскольку им уже сообщается скорость относительно Чаши или Мира-Кольца, но также означает постоянную потребность следить за швами. Живым существам солнечной стороны будет интересно закрутить винтик там, вытащить гвоздик сям…

— Фред, а знаешь, мы ж можем эту протечку пофиксить, просто просверлив дырку во-от тут… Упс!

Вакуум засасывает всех желающих. Внезапно оказываешься в космосе, удаляясь от хабитата по касательной на скорости около тысячи километров в секунду — а чтобы вырваться из хватки притяжения звезды, требуется гораздо меньше, около пятидесяти километров в секунду. Этот простой выход облегчает исследовательские миссии к соседним звездам, но и представляет опасность. Жизнь на Большом Умном Объекте требует незаурядного интеллекта.

Говорит Ларри Нивен:

Мой друг Дэвид Джерролд дал общее определение сюжета многих книг, последовавших за публикацией *Мира-Кольца*: Огромная Большая Хрень. Можно вспомнить *Орбитсвилль, Кольцо, Поминки по Ньютону,* трилогию Джона Варли о Титане и *Свидание с Рамой*; все они порождают у читателя трепет восторга при мысли о грандиозных приключениях и амбициозных предприятиях. Мир-Кольцо — не первый в своем роде; и до него авторы строили или разрушали целые вселенные. Эти объекты зачастую становились иконами, символами непостижимых пределов и перспектив. Основной вопрос применительно к ним: *Кто построил эту штуку и зачем?* Но они вышли из моды.

Я не первый отметил, что деградирующую цивилизацию описывать проще, нежели работоспособную. Персонажи вольны блуждать среди артефактов, натыкаясь на ключи к цельной картине происходящего. Конан-варвар и бесчисленные варвары после него везде находили следы древних цивилизаций. Я сознательно последовал этим же путем в *Мире-Кольце.* Я был молод и неопытен, и я отдавал себе в этом отчет.

Полноценная, работающая цивилизация, ко-

торой, однако, стоит лишь ослабить контроль над своими инструменами, и она падет, — дело другое. Один я бы не решился ее исследовать. Мы с Джерри Пурнеллом несколько раз описывали работоспособные цивилизации вместе, скажем, в «Ударе ступней», «Молоте Люцифера»[33] и «Пылающем городе».

В сотрудничестве с Грегом Бенфордом я хотел замахнуться на цивилизацию уровня сферы Дайсона. Первоначальный набросок Чаши, показанный мне Грегом, тут же привлек меня своей экстравагантной простотой. С нею очень легко работать: это по сути Мир-Кольцо с крышкой и звездой вместо двигателя. Мы попросили Дона Дэвиса помочь с иллюстрациями, и картинки получились реально отпадные. Но Грег предупреждал, что неизбежны осложнения. История Чаши все разрасталась и разрасталась, пока я не понял, что нам потребуется не менее двух томов, чтобы охватить все, намеченное к показу читателям.

---

[33] Примечания: 33

Непонятно, почему Нивен решил упомянуть здесь этот роман (1977), моделирующий столкновение кометы с Землей и коллапс современной человеческой цивилизации, однако лишенный ксенологических мотивов и посвященный как раз описанию деградирующего общества. По смыслу скорее подходит Мошка в зенице Господней, написанная примерно в то же время (1974) и посвященная контакту галактической Империи Человека с агрессивной инопланетной цивилизацией мошкитов.

Так мы выгадали время и место.

II. Хайтек-фишки

Осторожно: дальше встречаются спойлеры.

Наша первая совместная книга, *Чаша Небес*, настроила читателей на определенный лад, представила им Птиценарод, который управляет Чашей, ну или сам так считает. В сиквеле, *Корабле-звезде*, мы развернули другие сюжетные линии, отчасти развеяв ожидания, внушенные *Чашей Небес*. Мы приняли решение разбить повествование на два тома, поскольку не сразу все просчитали. Выиграв время, мы оставили себе возможность учесть мнения многих читателей о *Чаше Небес*, ее недостатках и сюжетных процессах.

Во многом все это обусловлено сложностью структуры и происхождения Чаши.

Мы предположили, что Строителями для опорных структур применялся материал, подобный *скриту* — это термин из цикла о Мире-Кольце, там он обозначает сероватый полупрозрачный материал с прочностью на разрыв порядка энергий внутриатомного связывания, творение физики того же уровня, каким предотвращается

неустойчивость Мира-Кольца. Это единственный элемент механической структуры Мира-Кольца или Чаши, который откровенно граничит с волшебством. Стабилизация Мира-Кольца проста — достаточно компенсировать небольшие боковые толчки. Динамическая стабилизация Чаши значительно сложнее; Струя и ее магнитные поля доставляют много проблем. Этим занимался Бенфорд, автор многих научных статей для *The Astrophysical Journal*; его специализация — плазменные джеты аккреционных дисков вокруг черных дыр, иногда существенно превосходящие длиной галактики. Но кто управляет джетом? И как это возможно, раз он крупней миров? Поиск ответов движет сюжет: отталкиваешься от фундаментальной физики явления.

Один способ представить себе прочность Чаши состоит в том, чтобы оценить, какая прочность нужна для стабилизации башни высотой в сотню тысяч километров здесь, на Земле. Самое высокое здание мира на данный момент имеет высоту 829,8 м (2722 фута), это Бурдж-Халифа в Дубае, ОАЭ. А для Мира-Кольца или Чаши мы создали скритоподобный материал, прочностью в 100 тыс. раз выше, чем лучшие современные композитные углеродные сплавы. Но и в непо-

движности здания слегка деформируются из-за перепада структурных напряжений. В особенно сильное ненастье страдают даже крайне прочные постройки, так что Инженеры были невероятно искусны.

Известны объекты, способные справляться с такими напряжениями: это нейтронные звезды. Мы полагаем, что высокоразвитые чужаки или даже мы, обычные люди, в состоянии достигнуть сравнимых результатов. Поставьте задачу перед инженерами условного Калтеха (Ларри там учился, но оставил учебу, не получив диплома) или Технологического института Джорджии (туда чуть не поступил Бенфорд), или Массачусетского технологического (там Бенфорд стажировался), подождите век-другой, — кто знает, чего они добьются? Это фантастическое предположение, но современную НФ как раз и движут удачные фантастические допущения.

Внутри нашей собственной Солнечной системы достаточно строительного вещества для классической сферы Дайсона. Планеты, огромные холодные вихри льда и камня, пояса Койпера и облака Оорта — они существуют и у других светил, и вполне возможно, что обитателям таких систем хватило бы стройматериалов для

создания Чаши. Не исключено, что какие-нибудь чужаки действительно соблазнились этой идеей. Собрать вещество со свободных орбит, слепить в более крупные блоки молекулярными клеями, стабилизировать в листы, подтолкнуть их друг к другу, сомкнуть в непрерывную оболочку — к примеру, из сфероидальных треугольников, как поступили Строители Чаши. Дело многих поколений, даже у видов с очень высокой по нашим меркам длительностью жизни. Но и мы, люди, брались за подобные проекты: вспомните про Шартрский собор или Великую Китайскую стену и про многие другие.

И все же: *кто* ее создал? Быть может, существа, которым просто захотелось жизни среди вечного дня. Поначалу, возможно, Строители нежились под своим родным, меньшим солнцем, развивая и колонизируя Чашу, которая предоставляла им необозримые просторы для развития. Но затем обитатели Чаши возмечтали колонизировать Галактику. Додумались до Струи, а Свищ у них уже имелся. Некоторое время ушло на оснастку Зеркальной Зоны, но, когда управились с нею, можно было отправляться в путь верхом на Струе. Однако джет оказался не так стабилен, как они надеялись, и потребовал неусыпного контроля;

эта цель была достигнута с помощью сверхсильных магнитных полей.

Такая система полезна и для космических полетов. Выйдя в космос, оказываешься в невесомости, и, хотя масса Чаши довольно велика, корабли покидают ее на большой скорости, поэтому притяжением Чаши можно пренебречь. Кто угодно может носиться вокруг системы на высоких скоростях, ведь пространство расчищено от всех крупных объектов. (Атмосфера Чаши дополнительно страхует от метеоритов, протыкающих монослой: они просто сгорают.)

Ключевая идея: зазеркалить значительную часть внут– ренней поверхности Чаши, направляя отраженный солнечный свет в небольшое пятно на диске светила, у подножия будущего плазменного столпа. Оттуда вырывается своего рода стоячий протуберанец, растягиваясь в джет. Струя движет звезду, а та гравитацией тянет за собой Чашу.

Струя проходит через Свищ на условном донышке Чаши, вылетая в космос подобно выхлопу. Магнитные поля звезды частично закручиваются вокруг вылетающего джета и сужают его так, чтобы Струя не опаляла внутреннюю поверхность Чаши — а там, напомним, процветает колоссаль-

ная экосистема, необозримо обширнее земной. Таков этот громадный движущийся объект, крупнейший из тех, какие удалось вообразить нам, когда мы захотели написать роман о чем-то большем, нежели Мир-Кольцо Нивена. Исходя из разумных значений звездных параметров, можно рассчитать, что скорость системы, которую разгоняет Струя, составит примерно световой год за несколько земных столетий.

Медленное, однако неуклонное движение, и когда Чаша выходит в межзвездное пространство, возникают сложности с маневрированием. Чтобы преодолеть их, звезду используют вместо щита от случайных ледяных астероидов. Тем не менее сила трения межзвездной плазмы и пыли об огромную звездную магнитосферу радиусом около 100 а.е. значительна.

А значит, Струю требуется регулировать, чтобы в случае нужды увеличивать скорость. Если Струя станет неустойчива, наиболее вероятно возникновение кинка — заузленной зоны в устремленном наружу потоке плазмы. Кинк может отклоняться в стороны, хаотично бичуя зоны близ Свища яростным потоком плазменного ветра. Первая мера защиты в таких случаях — отклонить зеркала так, чтобы они не под-

свечивали основание Струи. Но и этого может оказаться недостаточно, чтобы разрушительный кинк унялся. В прошлом, как мы решили, такие катастрофы случались и вошли в легенды Чаши.

Параметрами отражающей зоны зеркал выступают внутренний угол Θ и внешний, Ω. Отражая солнечный свет обратно на звезду, зеркала фокусируют его в точку и генерируют Струю, которая вырывается с поверхности звезды и разгоняет Чашу. Большая часть того, что в естественных условиях выступало бы солнечным ветром, уносится в джете, скованном магнитными полями, и летит прямо по оси системы. Отражаемое зеркалами сияние дополнительно нагревает звезду, и та пытается достичь равновесия. Угол раствора Зеркальной Зоны, Φ = Ω — Θ определяет интенсивность накала. Мы положили Ω = 30°, а Θ = 5°, так что зеркала занимают 25-градусную полосу Чаши. Обод Чаши находится на 45 градусах или выше.

Звезда класса K2 разогревается зеркалами, и ее спектр сближается с солнечным. Это объясняет отличие спектрального класса от предсказанного по массе. И цвет у нее тоже странный, желтее, чем положено.

Вообще говоря, наше маленькое солнце в про-

шлом было слегка крупнее. Струя вырывается из него уже миллионы лет — и так продлится еще долго. Чаша успеет всю Галактику облететь несколько раз.

III. Архитектура Чаши

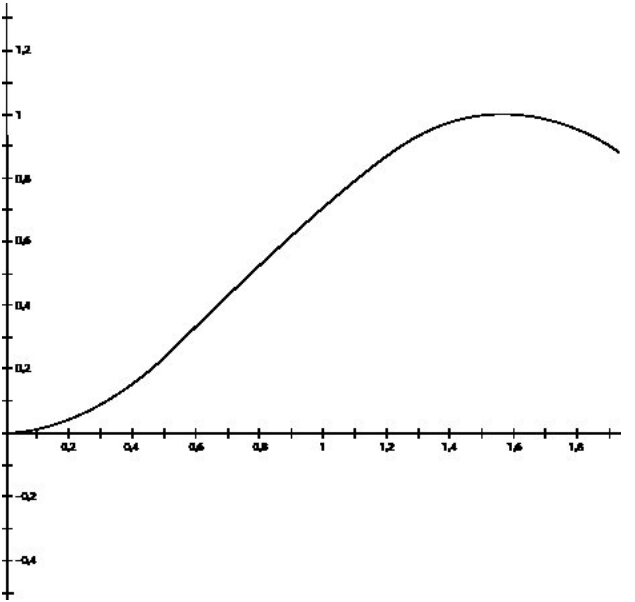
В книге говорится:

> **ЗВЕЗДА СПЕКТРАЛЬНОГО КЛАССА K2. ПРИМЕРНЫЙ АНАЛОГ ε ЭРИДАНА (K2 V). ПО РАЗМЕРАМ ПРОМЕЖУТОЧНА МЕЖДУ КРАСНЫМИ ЗВЕЗДАМИ ГЛАВНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ КЛАССА M И ЖЕЛТЫМИ ЗВЕЗДАМИ ГЛАВНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ КЛАССА G.**

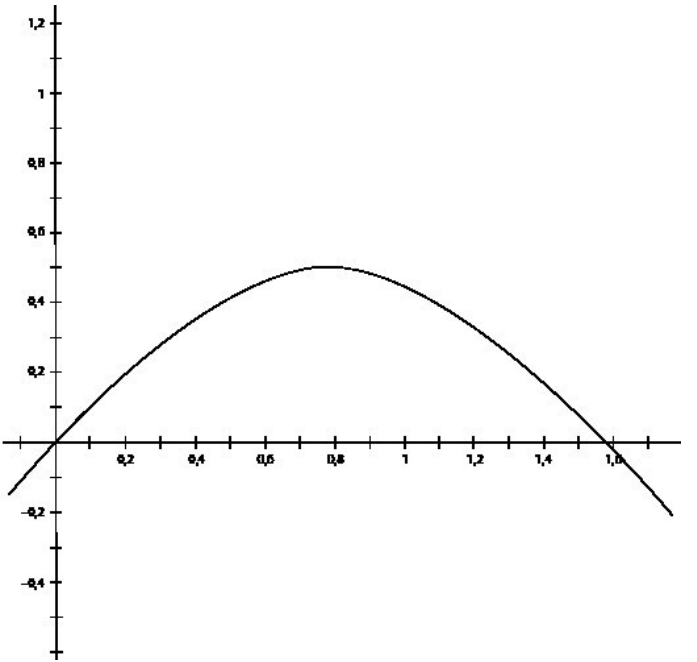
Итак, ее свет красноватого оттенка, она немного тусклей Солнца. Близ ободка Чаши имеется широкий слой цилиндрической формы, Великая Равнина. Он огромен, размером почти с Мир-Кольцо, и там центробежная сила тяжести создает гравитацию 0,8*g*, так что людям не составляет труда ходить почти как обычно. Дальше Чаша искривляется, дуги полусферы устремляются внутрь, к Свищу. На этой полусфере, Мире-Воке,

центробежная сила тяжести изменяется с широтой и не перпендикулярна местному уровню почвы. Для удобства ходьбы многие территории Чаши оборудованы платформами, параллельными оси Струи, и там гравитация направлена точно вниз. Местная эффективная центробежная гравитация может быть представлена суперпозицией двух вектор-компонент.

А: Центробежная гравитация, направленная *перпендикулярно местной ровной поверхности* и зависящая от угла Ψ (в радианах), где Ψ измеряется в направлении от полярной оси Чаши — то есть Струи. Максимум функции приходится на 90 градусов, и там, на Великой Равнине, местная сила тяжести принимается за 1. (Она соответствует 0,8 земной.)



B: На другом графике отложена зависимость центробежной гравитации, параллельной местной ровной поверхности, от угла Ψ: это сила, действующая в направлении *от* полюса и Свища, вдоль местного условного уровня земли. Отталкивающая сила максимальна в средних широтах, а потом начинает убывать, поскольку на полюсах общая сила тяжести невелика. На Великой Равнине эта компонента тоже равна нулю.



Строители умышленно ориентировали ее таким образом, что движение в направлении

Свища стало затруднительным. Это усложняет попытки добраться туда по поверхности: нужно прилагать значительные усилия, ведь движешься против местной скошенной силы тяжести, особенно вблизи Зеркальных Зон, в средних широтах. Другая цель — перекачивание жидкости; местная сила тяжести должна направлять реки и обеспечивать возвращение вод через испарение и выпадение дождей, а иногда требуется корректировать круговорот, когда погода неудачная. В областях пониженной гравитации жидкости легче выветриваются.

Мы провели и другие расчеты такого рода, но многие из них не вошли в окончательный вариант книги. Однако мы про них помним. Как советовал Эрнест Хемингуэй, чем больше знаешь о сюжете, тем больше можешь опустить, оставив за кулисами, но эти детали, даже пропущенные, только придают истории убедительности.

Странная центробежная сила тяжести воздействует на всю структуру и доставляет Строителям немало проблем. Нужны материалы с прочностью уровня сильного взаимодействия, чтобы удержать от распада эту летящую вперед вертушку.

Атмосфера в Чаше довольно плотная, высотой

более двухсот километров. Она поглощает солнечный ветер и космические лучи. Давление, в зависимости от конкретного места Чаши, примерно на 50 процентов выше нормального для Земли. Кроме того, атмосфера страхует от случайного крупного экологического ущерба. Если бы атмосфера Земли имела плотность воды, ее глубина составила бы всего тридцать футов. Образно говоря, все, что мы выбрасываем в воздух, растворяется в тридцати футах воды. В Чаше атмосфера гораздо плотнее, она эквивалентна сотне ярдов воды с лишним. Переизбыток углекислого газа? Разбавится, ничего страшного.

Большая глубина атмосферы также объясняет, почему в областях пониженной гравитации водятся такие удивительно крупные летающие твари: летать там могут большие чужаки и даже люди. Мы на Земле довольствуемся парциальным давлением кислорода 0,21 бар, но будем неплохо себя чувствовать в атмосфере из почти чистого кислорода с давлением около 2 бар (если не забудем о мерах пожарной безопасности). В Чаше парциальное давление несколько ниже привычного нам, 0,18 бар, но это компенсируется более высоким давлением и, как выяснится позже, уменьшает риск пожаров.

Начали мы с предварительного сказания о происхождении Строителей, которое в книгу не вошло. Стоит подчеркнуть, что эта версия далекого прошлого кое в чем отличается от той, на которую мы намекаем и какую частично описываем в окончательном варианте…

Шестьдесят пять миллионов лет назад и даже гораздо раньше, на более теплой планете, существовали динозавры, способные регулировать внутреннюю температуру перьями. Солнечная система, куда они запускали свои ракеты, показалась им морозной и негостеприимной. Однако они нуждались в металлах, а разрушать биосферу загрязнениями от промышленных процессов, неэффективного использования энергии, выбросами углекислого газа и прочим в том же духе не хотели. Тогда Птиценарод раскололся на две фракции.

Первая, Традиционалисты, требовали возврата к порядку жизни, совместимому с более ранним состоянием планеты, и минимальному уровню технологии.

Вторая, Авангардисты, желали воссоздать вокруг меньшей звезды-спутницы (впоследствии — светила Чаши) теплый и уютный рай, в пасторальных условиях которого некогда обитал

Народ. И на нем отправиться в странствие по Галактике, где, как считали Авангардисты, полным-полно пригодных для жизни миров, которые только и ждут пришествия Народа, эволюционирующего во имя великих ценностей птичьей расы.

Некоторым Авангардистам не терпелось повидать миры, лежавшие в тысячелетиях полета, и они погружали себя в анабиоз, ожидая свидания с этими планетами. Порой возникали надежды на контакт с богоподобными разумами, чьи сигналы говорили о великих технологических достижениях… но по прибытии обычно выяснялось, что были то отсветы погребальных костров или давно развеянной славы. Постепенно Земля канула в далекое прошлое Чаши, становясь ностальгической легендой о начале пути.

Так наступило Разделение: теплолюбивые Авангардисты покинули Землю, а Традиционалисты остались. Эти последние вернулись к свободной пасторальной жизни на землях предков. Численность свою они поддерживали низкой, а технологии, унаследованные от Авангардистов и более ранних культур, постепенно вышли из употребления. Цивилизация Традиционалистов носила спокойный, мирный характер,

была ориентирована на сельское хозяйство и функционировала весьма успешно… пока в небесах не возник пылающий кометный хвост.

А космической программы, сами понимаете, у динозавров тогда уже не было.

Апрель 2013 года

Благодарности

Мы консультировались по научным и литературным вопросам со многими специалистами. Э. Макс Фрэнсис, Джо Миллер и Дэвид Хартвелл предоставили подробные комментарии к рукописи. И, разумеется, Олаф Стэплдон с Фрименом Дайсоном указали нам путь.

Термины птиценарода

Аналитики — искусственные интеллекты, занятые обработкой данных из Чаши в локальном масштабе.

ТрансЯзык

Давние Анналы

Позднейшие Захватчики

Подсознание

Сервы

Строители — совокупность видов, соорудившая Чашу.

Третий Род (разновидность Астрономов)

Астронавты (разновидность Астрономов)

Быстроземли

Кахалланцы

Приложение[34]
Расчет эффективности прямого ионоточного двигателя для случая протон-борной термоядерной реакции

«Искательницу солнц» разгоняет ионный прямоточный двигатель, который иногда называют еще таранным струйным двигателем (ramjet drive). Первым такой способ перемещения в космосе предложил великий американский физик Роберт Буссард в 1960 г.[35] Двигатель быстро приобрел популярность у фантастов: его широко использует Ларри Нивен в сольных и совместных работах из мегацикла *Известный Космос* (*Known Space*), куда относится и знаменитая пенталогия о Мире-Кольце, а также роман *Мир вне времени* (*A World Out of Time*), главный герой которого обучается пилотированию корабля с таким двигателем; Вернор Виндж, у которого

[34] Примечания: 34
Написано переводчиком.

[35] Примечания: 35
R. Bussard, *Galactic Matter and Interstellar Flight*, Astronautica Acta, **6**, pp. 179–194.

скорость распространения информации во вселенной *Зон Мысли* (*Zones of Thought*) зависит от региона космоса, считает метод Буссарда вершиной космической технологии Медленной Зоны и озвучивает это мнение устами Равны Бергсндот в романе *Дети небес* (*The Children of the Sky*).

Расчет предельной эффективности ионной ловушки (ramscoop) основан на законе сохранения импульса: на каждый захваченный атом межзвездного газа звездолет теряет некоторый момент импульса, который надлежит компенсировать, минимизируя потери кинетической энергии уловленных атомов.

Хотя в *Чаше Небес* движущей силой корабля названа реакция анейтронного термоядерного горения (протон-борная), кажется, что на самом деле скоростные показатели «Искательницы солнц» соответствуют более эффективной, протон-протонной реакции. Причина такого расхождения остается неясной. Будем надеяться, что в последующих изданиях романа этот досадный ляп (как и некоторые другие, отмеченные мной в переводе) будет исправлен. Берегите свои экземпляры *Чаши Небес* и *Корабля-звезды*: как знать, не обретут ли они столь же коллекционный статус, что и первое издание *Мира-Кольца*, где

волею Ларри Нивена Земля вращается в сторону, обратную действительной, а сам Мир-Кольцо пребывает в конфигурации, неустойчивой без введенных в *Инженерах Мира-Кольца* буссардовских стабилизаторов?..

Пренебрежем для простоты в дальнейших расчетах потерей энергии в виде нейтрино и будем считать, что позитроны аннигилируют с электронами, превращаясь в гамма-излучение.

Запишем уравнение протон-борного анейтронного горения в виде

$$p + {}^{11}B \longrightarrow 3\alpha + 8{,}7\ \text{MeV},$$

где символом α обозначено ядро гелия-4. Энерговыделение происходит за счет дефекта массы

$$m_p + m_{11B} - 3m_\alpha.$$

Пусть «Искательница солнц» движется со скоростью v. В системе отсчета, связанной с кораблем, при захвате ловушкой и переносе в камеру горения атома водорода и атома бора-11 (этот компонент, очевидно, приходится везти с собой) теряется момент импульса

$$P_1 = \frac{(m_p + m_{11B})v}{\sqrt{1 - v^2/c^2}}.$$

Теоретически достижимый для продуктов реакции момент импульса рассчитывается из релятивистского соотношения энергии, импульса и массы:

$$E_{\alpha,max} = (m_p + m_{11B})c^2$$

$$E_{\alpha,max}{}^2/c^2 - P_2^2 = 9m_\alpha^2 c^2$$

$$P_2^2 = (m_p + m_{11B})c^2 - 9m_\alpha^2 c^2$$

Теоретическая предельная скорость в единицах скорости света c получается приравниванием двух моментов импульса для ситуации, когда потеря момента импульса при захвате сырья компенсируется моментом импульса, передаваемым трем α-частицам в каждом акте термоядерного горения.

$$P_1^2 = P_2^2$$

Отсюда после несложных вычислений получаем

$$\frac{v^2/c^2}{1-v^2/c^2} = 1 - \left(\frac{3m_\alpha}{m_p + m_{11B}}\right)^2$$

$$\frac{v}{c} = \sqrt{\frac{1 - \left(\frac{3m_\alpha}{m_p + m_{11B}}\right)^2}{2 - \left(\frac{3m_\alpha}{m_p + m_{11B}}\right)^2}} = 0{,}040.$$

Аналогично показывается, что для протон-протонной реакции с катализом по CNO-циклу и суммарным энерговыходом 26.7 МэВ теоретическая эффективность двигателя

$$\frac{v}{c} = \sqrt{\frac{1 - \left(\frac{m_\alpha}{4m_p}\right)^2}{2 - \left(\frac{m_\alpha}{4m_p}\right)^2}} = 0{,}119.$$

В общем виде для реакции

$$R_1 + R_2 + \cdots \longrightarrow Pr_1 + Pr_2 + \cdots,$$

где символом R_i обозначен *i*-й реагент, а симво– лом Pr_j — *j*-й продукт реакции, предельная эффективность составит

$$\frac{v}{c} = \sqrt{\frac{1 - \left(\frac{\sum_j m_j}{\sum_i m_i}\right)^2}{2 - \left(\frac{\sum_j m_j}{\sum_i m_i}\right)^2}},$$

где массы при суммировании берутся с коэффициентами, соответствующими уравнению реакции.

Не следует думать, что продуктом-выхлопом термоядерного горения в двигателе Буссарда могут быть только ядра гелия-4. Например, в реакции протона с ядром азота-15 получается ядро углерода-12 и ядро гелия-4, а энерговыделение составляет 5 МэВ. При более сложных предположениях допускается, что имитация звездного CNO-цикла непрямого синтеза гелия-4 из протонов все же позволит *значительно* повысить эффективность двигателя Буссарда, доведя показатель *v/c* до 0,85, а может быть, и до 0,99, но пока что осуществление этой реакции наталкивается на значительные трудности технологического характера, общие для всех проектов управляемого термоядерного синтеза.

Об авторах

Ларри Нивен — многократный обладатель премий «Хьюго» и «Небьюла». Его наиболее известная работа — цикл *Мир-Кольцо* (*Ringworld*). Он также участвовал в создании многих других признанных шедевров научной фантастики; например, *Дети Беовульфа* (*Beowulf's Children*, совм. с Джерри Пурнеллом и Стивеном Барнсом) стали бестселлером по версии «Нью-Йорк Таймс». Нивен в настоящее время проживает в Чатсворте, шт. Калифорния.

Грегори Бенфорд — профессор физики Калифорнийского университета в Ирвайне. Он живет там же. Бенфорд — обладатель премии «Небьюла» и Мемориальной премии им. Джона Кэмпбелла за классический роман *Панорама времен* (*Timescape*).

Иллюстрации Дона Дэвиса.

Космический фотоснимок галактики NGC 4499 на обложке оригинального издания сделан орбитальным телескопом им. Хаббла и предоставлен НАСА совместно с Европейским космическим

агентством (за что авторы хотели бы выразить благодарность А. Алоизи и участникам проекта Хаббловского Наследия — The Hubble Heritage Project).